

COMPTON
MOGM

COMPTON
MOGM

3

COMEPCET
MOЭM

СОМЕРСЕТ МОЭМ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
В ДЕВЯТИ
ТОМАХ

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
2001

СОМЕРСЕТ МОЭМ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

Том 3

МАГ

ЛУНА И ГРОШ

ТЕРРА

МОСКВА
ТЕРРА—КНИЖНЫЙ КЛУБ
2001

УДК 82/89
ББК 84 (4 Вл)
М87

Перевод с английского
Н. КРОЛИК, Г. ГЕРАСИМОВА, Н. МАН

Разработка оформления художника
И. МАРЕВА

Художник
Б. ЛАВРОВ

Мюэм С.

М87 Собрание сочинений: В 9 т. Т. 3: Маг / Пер. с англ. Н. Кролик, Г. Герасимова; Луна и грош / Пер. с англ. Н. Ман. — М.: ТЕРРА—Книжный клуб, 2001. — 384 с.

ISBN 5-300-02765-0 (т. 3)

ISBN 5-300-02728-6

Уильям Сомерсет Мюэм (1874–1965) — один из самых prolific писателей в английской литературе XX века. Его называют «английским Мопассаном». Ведущая тема произведений Мюэма — столкновение незаурядной творческой личности с обществом.

В третий том Собрания сочинений включены романы «Маг» и «Луна и грош».

УДК 82/89
ББК 84 (4 Вл)

ISBN 5-300-02765-0 (т. 3)
ISBN 5-300-02728-6

© Н. Кролик, перевод, 2001
© Г. Герасимов, перевод, 2001
© Н. Ман, перевод, 2001
© ТЕРРА—Книжный клуб, 2001

MAΓ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Артур Бардон и доктор Поро шагали молча. Пообедав в ресторане на бульваре Сан-Мишель, они прогуливались теперь по Люксембургскому саду. Доктор Поро слегка горбился, заложив руки за спину. Он приглядывался к саду как бы глазами бесчисленных художников, стремившихся изображением этого красивейшего уголка Парижа выразить свое чувство прекрасного. Газоны и аллеи кое-где были уже усыпаны опавшей листвой, но и ее вороха не могли прогнать ощущения рукотворности пейзажа. Деревья в кольцах подстриженных кустов, кусты окружены аккуратными цветочными клумбами. И стояли деревья ровными рядами, будто не смея нарушить заведенный кем-то порядок. Осень. Некоторые деревья совсем голые. И цветы на клумбах завяли. Этот регулярный английский парк смахивал сейчас на женщину легкого поведения, далеко не первой молодости, делающую жалкие, отчаянные попытки с помощью поношенных туалетов, макияжа и нангранного оживления вернуть себе былое очарование.

Поро плотнее запахнул свой тяжелый плащ, с которым не расставался даже летом. Большая часть его жизни прошла в Египте, где он долгие годы занимался медициной, и прохладное европейское солнце не грело. Память на мгновение вернула его на многоцветные улицы Александрии, а затем, как перелетная птица, перенесла в зеленые леса и на битые штормами берега родной Бретани. Карие глаза доктора заволокло меланхолической дымкой.

— Посидим немного, — предложил он.

Они взяли два плетеных кресла и расположились возле фонтана Купидона, подчеркивавшего очаровательную искусственность Люксембурга. Солнце освещало купы деревьев, окаймлявших площадку возле фонтана, их пожелтевшие листья отливали золотом. С одной стороны высились мощные

причудливые башни Сан Сюльпис, с другой — неровные крыши бульвара Сан Мишель.

Поглядывая на нарядных детей, гоняющих обручи или скачущих верхом на палочках, доктор Поро улыбался, и эта нежная улыбка преображала его худошавое, прокаленное тропическим солнцем лицо. В запавших глазах светился мягкий юмор. По-английски доктор говорил свободно, с легким французским акцентом, но с той тщательностью, которая позволяла предполагать, что английский пришел к нему из произведений классиков туманного Альбиона, а не из живой разговорной речи.

— Как поживает мисс Донси? — спросил он, поворачиваясь к своему другу.

Артур Бардон улыбнулся.

— Надеюсь, здорова. Сегодня мы еще не виделись, но я собираюсь к ней в студию на чашку чая. Мы хотели бы пригласить вас поужинать с нами в «Шьен Нуар».

— С удовольствием. Но разве вам скучно наедине?

— Вчера она встретила меня на вокзале, и мы вместе обедали. Проболтали без остановки с половины седьмого до полуночи.

— Скорее, говорила она, а вы внимали с восхищением счастливого влюбленного?

Бардон только что появился в Париже. Он служил хирургом в александрийской клинике Святого Луки и приехал сюда для изучения методов своих французских коллег; но истинной причиной его приезда была, несомненно, Маргарет Донси. Доктор Поро знал Артура с раннего детства и не присутствовал при его рождении лишь потому, что в это время неожиданно отлучился в Каир. Будучи близким другом его отца, занимавшегося торговлей в странах Леванта, Поро с удовольствием следил за тем, как, избрав по его совету профессию врача, Артур уже превзошел в мастерстве своего старшего друга, с удовлетворением видел, с какой гордостью следовал молодой хирург своему призванию, как он, благодаря целеустремленности и таланту, превратился в первоклассного лекаря. Поро всегда считал, что разнообразие интересов, хотя и придает мужчине дополнительную привлекательность, мешает его карьере. Чтобы превзойти коллег в каком-то деле, нужно целиком посвятить ему себя. Поэтому доктор не сожалел о том, что Артур не слишком отличается широтой интересов. Ли-

тература и искусство мало что для него значили. Не был он также мастером рассказывать банальные анекдоты — качество, которое высоко ценится в гостинях. Обычно молча слушал и лишь изредка вступал в общий разговор. А вот работал очень много: оперировал, делал вскрытия, читал лекции, старался знакомиться со всей литературой по своей специальности не только на английском, но и на французском, и на немецком языках. В то же время был страстным и отличным игроком в гольф и, когда выдавался свободный часок, проводил его в гольф-клубе. За операционным столом Артур преображался. Это был уже не замкнутый, мало-контактный бука, а человек, взявший за правило не говорить о том, в чем не разбирается, и не выражать восхищение тем, что ему не нравится. Здесь он испытывал непередаваемое чувство счастья и сознания своей силы. Никакая неожиданность не могла загнать его в тупик. Срабатывал как бы инстинкт хирурга, руки и мозг действовали почти автоматически. Никогда не колебался, никогда не боялся неудачи. Мужество снискало ему успех, и было ясно, что его репутация среди пациентов скоро станет столь же высокой, как и авторитет у коллег.

— Я всегда дивился странностям человеческой натуры, — сказал доктор. — На мой взгляд, просто необъяснимо, что человек вашего склада ума смог столь сильно полюбить девушку, подобную Маргарет Донси.

Артур не ответил, и Поро, испугавшись, что его слова могли обидеть собеседника, поспешил объяснить:

— Не сердитесь. Вы не хуже меня знаете, что я считаю мисс Донси очаровательной молодой леди. Хороша собой, обаятельна, добра. Но, право же, ваши характеры диаметрально противоположны. Хотя оба вы родились на Востоке, и детство ваше протекало среди ландшафтов из 1001 ночи. Но боюсь, вы самый рациональный субъект среди тех, кого я когда-либо встречал.

— Не вижу в ваших словах ничего обидного, — улыбнулся Артур. — Согласен: у меня нет ни воображения, ни чувства юмора. Я обыкновенный практичный человек и ясно вижу все лишь в пределах длины собственного носа. К счастью, он у меня довольно большой.

— Но у мисс Донси нет той узости интересов, которая, если вы позволите мне так выразиться, составляет, возможно, секрет вашей силы. Она с таким восхитительным

энтузиазмом относится ко всем видам искусства. Красота необходима ей, как хлеб для более приземленных существ. Она так страстно интересуется всем на свете.

— Вполне естественно, что Маргарет любит прекрасное. Ведь она сама — воплощение прекрасного.

Артур не был склонен анализировать свои чувства; знал, что полюбил Маргарет прежде всего за физическое совершенство, столь поразительно контрастировавшее с бесчисленными проявлениями уродств, борьбе с которыми он посвятил свою жизнь. Но все-таки с его губ невольно сорвалось:

— Когда я увидел ее впервые, мне показалось, что новый мир открылся моей душе.

Божественная музыка стихов Китса прозвучала в словах Артура и придала в глазах француза чувству Бардона тот романтический оттенок, который предвосхищал возможную трагедию. Однако Поро захотелось рассеять облачко, омрачившее для него эту пока вполне благополучную любовную историю.

— Вам очень повезло, мой друг. Маргарет восхищается вами так же, как и вы ею. И не устает слушать мои прозаические повествования о вашем детстве в Александрии. Убежден, что она будет вам прекрасной женой.

— Я тоже уверен в этом, — рассмеялся Артур.

Он считал себя счастливым. Любил Маргарет всем сердцем и не сомневался в любви к себе. Ничто, казалось, не могло нарушить планы, которые они строили вместе. Любовь придавала особый смысл его работе, а работа, в свою очередь, делала чувство к Маргарет еще более чарующим.

— Мы собираемся назначить день свадьбы, — сказал он. — Я уже заказываю мебель.

— По-моему, в нашей быстротекущей жизни только англичане могут так странно вести себя и без особых причин откладывать свадьбу на целых два года.

— Видите ли, Маргарет было всего десять лет, когда я впервые ее встретил, и только семнадцать, когда попросил ее руки. Она считала себя во многом обязанной мне и сразу согласилась. Но я ведь знал, что она мечтала года на два поехать в Париж, и считал себя не вправе связывать ее, пока она хотя бы немного не повидала света. Кроме того, мисс Донси тогда еще не созрела для замужества, она еще росла.

— Разве не прав я был, утверждая, что вы очень рациональный молодой человек? — улыбнулся доктор Поро.

— Мы не сомневались в своих чувствах, любили друг друга, впереди у нас было много времени. Мы могли подождать.

В этот момент мимо них прошествовал высокий полный мужчина в ярком клетчатом пиджаке. Он с важностью приподнял шляпу и поклонился доктору Поро. В ответ доктор улыбнулся и помахал рукой.

— Кто этот увалень? — спросил Артур.

— Ваш соотечественник. Его имя Оливер Хаддо.

— Богема? — спросил Артур с ноткой презрения, с которой всегда говорил о людях, занимавшихся не таким практическим делом, как он сам.

— Не совсем. Мы познакомились недавно и совершенно случайно, когда я собирал материал для книги о средневековых алхимиках и много работал в библиотеке Арсенала, которая, как вы, может быть, слышали, хранит обширную литературу по оккультизму.

На лице Артура отразилось пренебрежительное удивление. Он не понимал, зачем доктор Поро посвящал свой досуг столь бессмысленным занятиям. Книгу его о знаменитых алхимиках, которая была недавно опубликована, он прочел и, хотя отдавал должное глубоким познаниям доктора, не прощал ему пустой траты времени, которое можно было бы использовать на более важные дела.

— Не так уж много читателей работает в этой библиотеке, — продолжал доктор, — и я скоро узнал всех ее постоянных посетителей. Этого же джентльмена я встречал там ежедневно. Когда я приходил туда рано утром, он уже сидел, погруженный в непонятные старинные фолианты, и все еще листал их, когда я уходил в полном изнеможении. Случалось, что те книги, которые интересовали меня, были на руках у него, и я понял, что он интересуется тем же, что и я. Внешне выглядел он необычно, даже неприятно, поэтому я не заговаривал с ним, хотя и мог бы это сделать. Как-то понадобилась мне одна информация, но разыскать ее не удавалось. Отсутствовали какие-либо источники. Библиотекарь не мог мне помочь, и я прекратил поиски. И вдруг этот человек принес нужную книгу. Наверное, услышал от библиотекаря о моих затруднениях. Я был очень благодарен незнакомцу. Мы в тот день вместе вышли из

библиотеки, и темой нашей беседы послужили общие интересы. Я был поражен его знаниями, он рассказывал о вещах, о которых я прежде и не слыхивал. Передо мной у него было то преимущество, что он владел не только арабским, но и древнееврейским, посему мог изучать кабалистику в оригиналах.

— Не сомневаюсь, что она очень пригодилась ему, — иронически скривил губы Артур. — Кто он по профессии? Доктор Поро обезоруживающе улыбнулся.

— Милый друг, я просто боюсь сказать это вам. Меня бросает в дрожь при мысли о вашем полном презрении к такому роду деятельности.

— Так кто же он?

— Видите ли, Париж полон странных личностей. Это город, где можно встретить самых эксцентричных особ. Пусть в наш разумный век это звучит невероятно, но мой знакомец Оливер Хаддо утверждает, что он маг. И, думаю, утверждает вполне серьезно.

— Глупый осел! — не сдержался Артур.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Квартиру неподалеку от бульвара Монпарнас, куда Артур был приглашен на чашку чая, Маргарет делила с Сюзи Бойд. Молодые женщины ждали его в своей студии. На плитке закипал чайник, на столе для моделей стояли чашки и тарелка с печеньем. Сюзи с нетерпением ждала этой встречи. Она многое слышала об Артуре и знала, что его отношения с Маргарет были не лишены романтичности. Немало лет мисс Бойд вела монотонное существование школьной учительницы и уже примирилась с тем, что не расстанется со скукой до конца своих дней.

Но тут наследство, полученное после смерти дальней родственницы, позволило ей начать новую жизнь, отвечающую ее мечтам. Когда Маргарет, ее ученица, вскоре после этого события объявила ей о своем решении поехать на несколько лет в Париж изучать живопись, Сюзи охотно согласилась сопровождать ее.

С тех пор она прилежно занималась в Академии Коларосси, не потому что мисс Бойд питала иллюзии, будто у нее тоже есть талант, а просто для развлечения. После многолетнего тяжелого труда она отдыхала, не относясь ни к

чему серьезно, и находила безграничное удовлетворение, наблюдая окружающий мир.

Она очень любила Маргарет и, хотя не была восторженной натурой, могла понять и разделить восхищение, которое проявляла юная компаньонка ко всему прекрасному и утонченному. Сюзи была простым человеком, у нее отсутствовало чувство зависти, и она искренне радовалась успехам своей бывшей ученицы. Почти с материнской любовью наблюдала она, как с каждым годом росло очарование мисс Донси. Одновременно, с присущим ей здравым смыслом, Сюзи добродушно подшучивала над комплиментами, которые экстравагантные поклонники расточали Маргарет в классе живописи. Она гордилась тем, что передаст Артуру Бардону девушку, чей характер помогла сформировать и чью красоту заботливо пестовала.

Отчасти из фрагментов писем, которые Маргарет читала ей, отчасти от самой Маргарет Сюзи знала, как нежно Артур любит свою невесту, ей было приятно видеть, что и Маргарет, в свою очередь, любила его благородно и преданно. История их отношений затронула воображение старой девы. Маргарет была дочерью работавшего в Египте провинциального адвоката, у которого Артур частенько останавливался, и когда через много лет после смерти своей жены тот умер, то в завещании назначил Артура опекуном Маргарет и просил его позаботиться о дочери. Бардон отдал девочку в привилегированную школу, старался исполнять все ее желания; и когда семнадцатилетняя Маргарет поделилась с ним своей мечтой — поехать в Париж учиться живописи, он тотчас же согласился. И хотя никогда не навязывал ей своей воли, настоял, чтобы поехала она не одна, и поэтому Маргарет предложила Сюзи составить ей компанию. Во время подготовки к отъезду Маргарет случайно узнала, что к концу жизни отец разорился и после его смерти она жила за счет Артура. Со слезами на глазах пришла она к своему опекуну и поведала о том, что стало ей известно. Артур так смутился, что на него было просто смешно смотреть.

— Почему вы это сделали? — спросила девушка. — Почему ничего не сказали мне?

— Считал, что с моей стороны было бы нечестно требовать от тебя каких-либо обязательств, хотел, чтобы ты чувствовала себя свободной.

Маргарет заплакала сильнее.

— Перестань плакать, глупенькая, — улыбнулся он. — Ты абсолютно ничего мне не должна. Я сделал для тебя очень мало, и то, что делал, доставляло мне большое удовольствие.

— Не знаю, смогу ли я хоть когда-нибудь отплатить вам.

— Не говори этого! — вскричал молодой опекун. — Так мне будет куда труднее сказать тебе о том, о чем я хотел бы сказать.

Она кинула на него быстрый взгляд и покраснела. Ее синие глаза вновь заволокло слезами.

— Разве вы не знаете, что я готова для вас на все на свете? — прошептала она, сдерживая рыдания.

— Я не хочу, чтобы ты чувствовала себя чем-то мне обязанной, потому что надеюсь... надеюсь, что когда-нибудь смогу просить твоей руки.

Слезы просохли. Маргарет протянула ему руки.

— Я ждала этих слов с тех пор, как мне исполнилось десять лет.

Она готова была отказаться от поездки в Париж и немедленно обвенчаться, но Артур настоял на том, чтобы планы не менялись.

— Поженимся через два года. Мы знаем друг друга слишком долго, чтобы могли ошибиться. Я уверен, что наши жизни связаны нерасторжимо.

Маргарет очень хотелось побывать в Париже, и Артур подтвердил, что будет ждать, пока ей не исполнится 19 лет. Она посоветовалась с Сюзи. И та со свойственным ей здравым смыслом убедила девушку не придавать слишком большого значения романтическим представлениям о ложной деликатности и не отказываться от помощи Артура.

— Дорогая моя, ведь ты бы, не моргнув глазом, взяла у него деньги, если бы вы обвенчались? А так как нет сомнения, что это обязательно случится, я не вижу причин, почему бы не взять их теперь. Кроме того, пока тебе не на что жить, а для роли гувернантки или машинистки ты совершенно не приспособлена. Так что, у тебя нет выбора, и лучше спрятать свою гордыню поглубже.

Мисс Бойд ни разу еще не встречалась с Артуром, но слышала о нем так много, что относилась к нему, как к старому другу. Восхищалась его талантом и сильным характером не в меньшей степени, чем нежной привязанно-

стью к Маргарет. Не раз видела его фотографии, но Маргарет утверждала, что он не фотогеничен. Сюзи спросила как-то: считает ли девушка его красивым?

— Нет, не думаю, что он красив, — ответила Маргарет, — но мог бы служить отличной моделью.

— Ответ, который хорошо звучит, но ничего не означает, — улыбнулась Сюзи.

Ей было слегка за 30. Нелегкая жизнь наложила на нее свой отпечаток, и выглядела она даже старше своих лет. Невзрачная, даже некрасивая. Большой рот, маленькие круглые поблескивающие глаза и длинноватый тонкий нос. Лицо бледное, густо усыпанное веснушками. Но оно излучало такую доброту, а живость характера была столь привлекательна, что через десять минут после знакомства никто и не думал о недостатках ее наружности. Скоро вы замечали, что ее волосы, хотя и тронуты сединой, очень красивы, а фигура на редкость стройна и изящна. Нежные руки, белые, с тонкими пальцами. Она любила жестикулировать, увлекшись беседой. Теперь, когда она могла позволить себе приобретать все, что ей вздумается, мисс Бойд уделяла много внимания своим туалетам и всегда была отлично одета. С присущим ей вкусом и чувством меры она умела подать себя с лучшей стороны. Под ее влиянием и Маргарет одевалась по последней моде. Сюзи поклялась, что не станет жить с ней, если та не будет следовать ее советам по части туалетов.

— И когда выйдешь замуж, ради Бога, вызывай меня к себе четыре раза в году, чтобы я могла следить за тем, как ты одета. Боюсь, не сумеешь сохранить любви мужа, если будешь доверять только собственному вкусу!

Накануне вечером, когда Маргарет, вернувшись домой после ужина с Артуром, рассказала ей о его комплименте, мисс Бойд была вознаграждена:

«Как ты прекрасно одета! — удивился он. — А я-то боялся, что ты встретишь меня в робе художницы».

— Надеюсь, ты не призналась, что это по моему настоянию ты купила то, что было на тебе? — вскричала Сюзи.

— Призналась, — простодушно ответила Маргарет. — Ему я сказала, что у меня совсем нет вкуса и это ты все для меня выбираешь.

— Ну и зря, — нахмурилась Сюзи.

Но сердце ее наполнилось нежностью, поскольку этот простой эпизод еще раз доказал, насколько Маргарет не-

кренна. Сюзи не сомневалась, что мало кто из приятельниц, нередко пользовавшихся ее безукоризненным вкусом, сделал бы подобное признание своему поклоннику, выразившему восхищение их нарядами.

Раздался стук в дверь, и вошел Артур.

— А вот и прекрасный принц, — воскликнула Маргарет, подводя его к своей подруге.

— Рад, что могу, наконец, поблагодарить вас за все, что вы сделали для Маргарет, — улыбнулся он, пожимая протянутую руку.

Сюзи заметила, что смотрел он дружески, но слегка отсутствующим взглядом, словно был слишком поглощен своей возлюбленной, чтобы замечать кого-то еще, и не могла найти темы для беседы с человеком, настолько занятым своими мыслями. Пока Маргарет заваривала чай, Артур не спускал с нее глаз, выражавших трогательную, ну просто собачью преданность. Казалось, он никогда не видел ничего более удивительного, чем то, с каким изяществом склонялась она над чайником. Маргарет почувствовала его взгляд, оглянулась. Их глаза встретились, и некоторое время они молча смотрели друг на друга.

— Не будьте идиотами, — с наигранной веселостью воскликнула Сюзи. — Я ужасно хочу чаю.

Влюбленные покраснели и рассмеялись. Артур почувствовал, что обязан оказать какое-нибудь внимание подруге невесты.

— Надеюсь, вы покажете мне свои рисунки, мисс Бойд? Маргарет утверждает, что они очень хороши.

— Не пытайтесь делать вид, что это вас интересует, — отмахнулась Сюзи.

— Она рисует замечательные карикатуры, — сказала Маргарет. — Я принесу тебе портрет, который она, наверняка, сделает, как только ты уйдешь.

— А ты не иронизируй! — прикрикнула Сюзи.

Конечно, мисс Бойд обратила внимание на то, что Артур мог послужить отличной моделью для шаржа. Маргарет была права, когда утверждала, что, хоть он и некрасив, но его чисто выбритое лицо должно было заинтересовать такую наблюдательную художницу, как Сюзи. Влюбленные молчали, и беседу пришлось поддерживать ей. Она болтала без умолку, и наконец ей удалось расшевелить Бардона. Артур, кажется, заметил ее и заливался

смехом, слушая ее полные юмора оценки соучеников по классу живописи.

А Сюзи продолжала внимательно всматриваться. Очень высокий, худой. Торчащие скулы на длинном лице, впалые щеки. Но две вещи в его облике особенно поразили ее: неколебимая самоуверенность и необычайная предрасположенность к страданию. Это был человек, твердо знавший, чего он хочет, и не собиравшийся ни перед чем отступать ради исполнения своих замыслов. Эта целеустремленность контрастировала с крайним безволием молодых художников, с которыми она в последнее время общалась. Его живые черные глаза могли выражать непереносимую муку, а подвижные, нервно подергивающиеся губы наводили на мысль о способности к самобичеванию.

Чай был готов, и Артур встал было, чтобы взять свою чашку.

— Сиди! — шутливо прикрикнула Маргарет. — Я подам тебе все, что нужно. Я помню, сколько положить сахара. Мне приятно ухаживать за тобой.

С присущей ей грацией она пересекла студию с полной чашкой в одной руке и тарелкой с бисквитами в другой. Сюзи показалось, что он восторженно благодарен Маргарет за внимание. Глаза засияли нежностью, когда принял он из ее рук чашку и сладости. Маргарет ответила гордой и счастливой улыбкой. При всей своей доброте Сюзи не могла не почувствовать некоторого укола в сердце. Ведь она тоже могла полюбить. В ее душе скопилась бездна неистраченной нежности, которая была никому не нужна. Никто и никогда не шептал ей тех милых глупостей, о которых она читала в книгах. Мисс Бойд сознавала, что некрасива, но раньше обладала по крайней мере очарованием юности. Теперь и оно ушло, а возможность вести светскую жизнь она обрела слишком поздно. Женский инстинкт до сих пор подсказывал ей, что она создана для того, чтобы стать женой порядочного человека и матерью его детей. Она оборвала свою веселую болтовню, опасаясь, что голос выдаст ее мысли. Однако Маргарет и Артур были слишком заняты, чтобы понять это. Сидя рядышком, они наслаждались друг другом.

«Какая же я дура!» — подумала Сюзи.

Она давно поняла, что здравомыслие, доброта характера и сила воли ничего не стоят по сравнению с хорошеньким личиком. И пожала плечами.

— Не знаю, догадываетесь ли вы, молодые люди, что уже поздно? Если мы собираемся ужинать в «Шьен Нуар», Артуру пора покинуть нас и дать нам возможность привести себя в порядок.

— Хорошо, — Артур встал. — Я вернусь в отель и приму душ. Встречаемся в половине восьмого.

Маргарет прикрыла за ним дверь и обернулась к подруге.

— Ну как? — спросила она, улыбаясь.

— Не следует ожидать от меня определенного мнения о человеке, которого я видела полчаса.

— Ерунда! — отмахнулась Маргарет.

Сюзии промолчала.

— Я думаю, что у него хорошее лицо, — наконец сказала она убежденно. — Никогда не видела человека, на лице которого так определенно были бы написаны его намерения.

Сюзии отличалась ленцой, никогда не могла заставить себя заниматься работой по дому и поэтому, пока Маргарет убирала посуду, принялась рисовать шарж, на который ее всегда вдохновляло каждое вновь встреченное лицо. Изобразила Артура носатым, ужасно долговязым, с крылышками, луком и стрелами Амура, но, еще не закончив рисунка, решила, что замысел неумен, и порвала набросок на мелкие клочки. Когда вошла Маргарет, она обернулась и пристально уставилась на девушку.

— Ну, — улыбаясь ее испытующему взгляду, спросила та. — Что ты собираешься сказать?

Мисс Донси стояла в центре студии; к стенам были прислонены незаконченные полотна, тут и там висели репродукции с известных картин. Она инстинктивно приняла изящную позу, и красота, несмотря на молодость, придавала ей вид, преисполненный достоинства.

— Ты похожа на греческую богиню в моднейшем парижском туалете, — насмешливо улыбнулась Сюзии.

— Так что ты собираешься мне сказать? — повторила Маргарет, почувствовав по виду подруги, что она чего-то не договаривает.

— Знаешь, до того, как мы познакомились с твоим Артуром, я всем сердцем надеялась, что он сделает тебя счастливой. Однако, несмотря на все, что ты мне о нем рассказывала, чего-то опасалась, зная, что он намного старше тебя и первый мужчина, которого ты встретила. Я боялась, что ты будешь несчастлива.

— Не думаю, что тебе надо бояться этого.

— Но теперь я всей душой надеюсь, что именно ты сделаешь его счастливым. Теперь я боюсь не за тебя, а за него.

Маргарет не ответила, она не понимала, о чем говорит Сюзи.

— Я никогда не видела человека с такой способностью страдать, как у Артура. Не думаю, что ты полностью осознаешь, как он способен терзать себя. Будь осторожна и очень добра к нему, потому что ты можешь сделать его самым несчастным человеком на свете.

— Ах, но я хочу, чтобы он был счастлив! — страстно возразила Маргарет. — Ты же знаешь, что я обязана ему всем. И сделаю все, что в моих силах, чтобы он был счастлив, даже если мне придется пожертвовать собой. Но мне незачем приносить себя в жертву, потому что я люблю его, и все, что делаю, делаю с наслаждением.

Ее глаза наполнились слезами и голос задрожал. Сюзи со смешком, которым пыталась скрыть волнение, поцеловала ее.

— Дорогая, ради Бога, не плачь. Ты знаешь, я не выношу слез. А если Артур увидит, что у тебя красные глаза, он никогда не простит этого мне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Шьен Нуар», где обычно обедали Сюзи Бойд и Маргарет, был самым очаровательным ресторанчиком их квартала. В цокольном этаже находился зал, где посетители все вместе и каждый в отдельности поглощал свою пищу, поскольку кормили там хорошо и дешево; у его владельца, отставного торговца лошадьми, взявшего на себя заботу о чужих желудках, чтобы прикопить денег для сына, была добрая душа, его гостеприимство и громкий голос неизменно привлекали клиентов. Наверху находилась узкая комната с тремя столами, расположенными в виде подковы, зарезервированная для небольшой группы художников: англичан, американцев, французов и их подруг. Вероятно, не все из женщин были законными женами, но их манеры отличались такой семейной респектабельностью, что Сюзи, когда она и Маргарет познакомились с ними, сочла, что с ее стороны было бы вульгарным задирать нос. Ни к чему слишком уж заботиться об условностях на бульваре Мон-

парнас. Спутницы художников, бросившиеся в пучину жизни вместе с ними, вели себя скромно, одевались неброско.

Они были похожи на обыкновенных домохозяек, сохранявших достоинство, несмотря на некоторую двусмысленность своего положения, и не воспринимали свои отношения с художниками менее серьезно оттого, что им не довелось произнести нескольких слов перед господином мэром.

Эта комната была полна, когда пришел Артур Бардон, но Маргарет заняла для него местечко между собой и мисс Бойд. Говорили все разом. Шел яростный спор о достоинствах постимпрессионистов. Артур сел и был представлен долговязому белобрысому юноше, сидевшему напротив Маргарет. Он тоже был очень высок и очень худ. Длинные волосы, локонами спадавшие на стоячий воротник, походили на лепестки увядшей лилии.

— Он всегда напоминает мне Обри Бердсли, правда, ужасно неопрятного, — шепнула Сюзи. — Это доброе милое создание. Зовут его Джэгсан¹. Хотя человек добродетельный и трудолюбивый. Я не видела его работ, но кажется — бесталанный.

— Откуда вам это известно, если не видели? — так же, шепотом, спросил Артур.

— О, здесь принято думать, что ни у кого нет таланта, — засмеялась Сюзи. — Мы сочувствуем друг другу, но не имеем иллюзий относительно ценности работ соседа.

— Расскажите немножко обо всех остальных.

— Ладно. Гляньте-ка на того маленького лысого человечка в углу. Это Уоррен.

Артур посмотрел туда, куда указала Сюзи. Небольшого роста, с гладкой, как бильярдный шар, лысиной и бородкой клинышком, Уоррен взирал на мир небольшими навывкате, маслянно поблескивающими глазами.

— Не слишком ли много он выпил? — холодно осведомился Артур.

— Много, — быстро согласилась Сюзи, — но это его перманентное состояние. С каждой рюмкой он становится все обаятельнее. Уоррен единственный в этой комнате, от кого вы никогда не услышите злого слова. Не поверите, но

¹ Джэгсан — в переводе: дитя попойки.

он почти гениальный художник. У него совершенно необыкновенное чутье цвета, и чем больше он выпьет, тем тоньше и прекрасней его живопись. Иногда, после слишком большого приема аперитива, он прямо в кафе пытается написать этюд, но рука так дрожит, что он едва держит кисть. Тогда он рисует прямо на панели. И самое аморальное заключается в том, что каждый из его мазков восхитителен. Уоррен лучше всех передает дух Парижа, и когда вы увидите его этюды, а у него их сотни — неповторимо изящных и невообразимо мрачных — вы никогда уже не сможете смотреть на Париж прежними глазами.

Миниатюрная официантка, уставшая от исполнения разнообразных требований клиентов, встала перед Артуром в ожидании заказа. Уже не первой молодости, она в своем черном платье и белой наколке выглядела мило и с материнской заботливостью прислуживала этим людям. Придавала ей шарм и улыбка, не сходившая с больших пухлых губ.

— Я неразборчив в еде, — сказал Артур. — Пусть Маргарет закажет мне, что захочет.

— Тогда лучше закажу я, — рассмеялась Сюзи и начала оживленно обсуждать с официанткой достоинства различных блюд, но их беседу прервали громкие крики Уоррена.

— Мари, я бросаюсь к твоим ногам и умоляю принести мне пулярку с рисом.

— Минутку, месье, — откликнулась официантка. — Не обращайтесь внимания на этого джентльмена. Он совершенно безнравственен, только и ждет, чтобы столкнуть вас с узкой тропы добродетели.

Артур возразил: он считает, что в настоящий момент сердцем Уоррена владеет лишь чувство голода, которое вытеснило оттуда все другие страсти.

— Мари, ты больше не любишь меня! — продолжал вопить Уоррен. — А ведь было времечко, когда ты не мерила меня таким холодным взглядом, если я заказывал бутылку белого.

Компания поддержала его, и все шутливо принялись умолять Мари не относиться столь жестокосердно к румянному лысому художнику.

— О, нет-нет! Я люблю вас, месье Уоррен, — смеясь отвечала официантка, — но и всех остальных — тоже!

И убежала вниз передать заказ Уоррена, сопровождаемая взрывами смеха.

— На днях «Шьен Нуар» оказался свидетелем драмы, — сказала Сюзи. — Мари порвала отношения со своим любовником, официантом из «Лавеню», и не желала мириться. Тот дождался свободного вечера, явился в нижний зал и заказал себе обед. Конечно, ей пришлось обслуживать, и, когда она приносила очередное блюдо, он молил ее о прощении, и их слезы смешались...

— Она просто залила нас слезами, — прервал Сюзи толстоносый юноша с тщательно приглаженными волосами. — Рыдала в течение всего ужина, и наша еда была пересоленной от ее слез. Мы убеждали Мари не сдаваться; если бы не наше влияние, она бы к нему вернулась, а он ее бьет.

Мари появилась вновь. На ее лице не было заметно и следочка недавней драмы. Приняла заказ мисс Бойд. Сюзи опять завладела вниманием Артура.

— А теперь взгляните на человека, сидящего рядом с мистером Уорреном.

Артур увидел высокого мужчину с резкими чертами лица, взлохмаченными черными волосами и косматыми черными усами.

— Это некий мистер О'Брайн, являющий собой пример того, что сила воли и целеустремленность еще не могут создать художника. Он неудачник и сознает это, поэтому душа его истерзана завистью. Если вы согласитесь послушать его, он разделает под орех всех великих художников. Никому не прощает успеха и никогда ни в ком не признает таланта, пока человек не умрет и не будет надежно похоронен.

— Приятная, должно быть, личность, ничего не скажешь, — ответил Артур. — А кто вон та полная пожилая леди в экстравагантной шляпке, что сидит возле О'Брайна?

— Это матушка мадам Руж, той маленькой блондинки, что сидит рядом с ней. Она любовница Ружа, делающего все иллюстраций для «Ля Семэн»¹. Сначала меня шокировало, что старая дама называет его зятем, одновременно афишируя свои отношения с мужем собственной дочери, но теперь это кажется мне вполне естественным.

Мать мадам Руж сохранила остатки былой красоты; она сидела очень прямо, держа ножку цыпленка жестом, пре-

¹ Название иллюстрированного журнала.

исполненным достоинства. Артур отвел глаза, так как, встретив его взгляд, она одарила его кокетливой улыбкой. Месье Руж походил больше на преуспевающего бизнесмена, нежели на художника; он вел с О'Брайном, в совершенстве владевшим французским, спор о достоинствах Сезанна. Для одного Сезанн был великим мастером, для другого — дерзким шарлатаном. Каждый горячо отстаивал свое мнение, словно бесконечное повторение одних и тех же доводов делало их аргументы более убедительными.

— Рядом со мной сидит мадам Мейер, — продолжала шептать Сюзи. — Она служила гувернанткой в Польше, но была слишком красива для такой деятельности и теперь живет с художником-пейзажистом, что сидит по левую руку от нее.

Артур взглянул на пейзажиста и увидел чисто выбритого, элегантно одетого, красивого мужчину с копной седых курчавых волос. Речь и манеры Мейера напоминали романтический стиль тридцатых годов прошлого века. Говорил он легко и свободно, но вещал не более чем общеизвестные истины. Жизнерадостная миниатюрная леди, разделявшая с ним судьбу, внимала его речам с восхищением, которое явно льстило художнику.

Мисс Бойд уже описала Артуру всех, кроме молодого Рэгглза, известного своими натюрмортами, и Клэйсона, скульптора из Штатов. Рэгглз, по ее мнению, представлял в «Шьен Нуар» высшее общество. Его одежда напоминала костюм для верховой езды, а ноги были слегка искривлены, будто большую часть времени он проводил в седле. Лишь Рэгглз пользовался душистой помадой для ухода за своими гладко зачесанными волосами. Главной же отличительной чертой его облика было то, что он носил свободное пальто с розовой подкладкой, и Уоррен, плохо запоминавший фамилии, мог вспомнить его только по этому признаку. Но все считали, что он знаком с герцогинями, живущими в фешенебельных районах, и иногда обедает с ними в роскошных ресторанах.

У мистера Клэйсона был красный нос и нудная привычка произносить торжественные речи. Своими поблескивающими глазами, красными щеками и светлой остроко-
нечной бородкой он напоминал известный автопортрет Франса Хальса, однако туалет Клэйсона был точной копией тех одежд, в которых карикатуристы изображали в

юмористических журналах современных французских модников. Он даже по-английски говорил с французским акцентом.

Едва мисс Бойд начала оживленно перемывать ему косточки, как дверь широко распахнулась, и в комнате появился высокорослый и толстый господин. Театральным жестом он сбросил с себя плащ.

— Мари, освободи меня от этого пончо. И повесь мое сомбреро на подходящий крючок.

Говорил он на отвратительном французском, но слова были столь высокопарны, что все рассмеялись.

— Этого я не знаю, — сказала Сюзи.

— Зато я знаю, по крайней мере, визуально, — ответил Артур.

Он потянулся к доктору Поро, сидевшему напротив. Доктор преспокойно наслаждался своим ужином и с удовольствием прислушивался к глупостям, доносившимся до него.

— Это, кажется, ваш маг?

— Оливер Хаддо! — воскликнул доктор Поро, слегка удивленный его приходом.

Великан еще торчал у дверей, и все взоры были устремлены на него. Он напустил на себя важность и несколько минут стоял, не шевелясь.

— У вас такой вид, Хаддо, будто вы позируете для картины, — просипел Уоррен.

— Он не мог бы выглядеть иначе, если бы даже захотел, — рассмеялся Клэйсон.

Оливер Хаддо медленно перевел взгляд на художника.

— Прискорбно видеть, о превосходный Уоррен, что выдержанная влага аперитива помутила ваши ясные очи.

— Вы собираетесь сказать, что я пьян, сэр?

— Говоря кратко, но выразительно — пьяны.

Художник с нарочитым возмущением опустил в свое кресло, словно сраженный ударом, а Хаддо пристально взглянул на Клэйсона.

— Сколько раз я объяснял вам, о Клэйсон, что явный недостаток образования мешает вам проявить тот блеск остроумия, к которому вы стремитесь.

На мгновение Оливер Хаддо снова принял свою эффектную позу, Сюзи с улыбкой смотрела на него. Он был очень крупно сложен, футов шести ростом, но самой заметной чертой в нем была тучность. Внушительных размеров жи-

вот, большое и мясистое лицо. Своей надменностью он напоминал портрет Дель Борро кисти Веласкеса, на его лице играла та же презрительная улыбка. Он подошел и поздоровался с доктором Поро.

— Привет, брат чародеев! Приветствую в вас, если не маэстро магии, то, по крайней мере, ее адепта, заслужившего мое уважение.

Сюзи сотрясал смех от его велемечия, и он повернулся к ней, сохраняя полную серьезность.

— Ваш смех, мадам, для моих ушей приятнее, чем пение райских птиц в персидском саду.

Доктор Поро поспешил познакомиться с присутствующими. Маг с важностью кивнул головой, когда ему по очереди представили Сюзи Бойд, Маргарет Донси и Артура Бардона. И протянул руку мрачному ирландскому живописцу.

— Ну, мой О'Брайн, вы, как всегда, смешиваете свой горький пот с терпкой кровью Бордо?

— Почему бы вам не заткнуться, не присесть и самому не поужинать? — буркнул тот.

— Ах, мой друг, как мне внушить вам, что грубость не идентична остроумию? Я бы не счел свою жизнь прожитой зря, если бы смог убедить вас, что рапира иронии — куда более эффективное оружие, нежели дубина дерзости.

О'Брайн покраснел от гнева, но не мог сразу найтись с ответом, и Хаддо обратился к бледному безобидному юноше, сидевшему рядом с Маргарет.

— Обманывают ли меня глаза, или это действительно Джэгсан, чье имя своей бессмысленностью так подходит его обладателю? Хотелось бы узнать, по-прежнему ли посвящаете вы ваши таланты неблагодарному искусству вместо того, чтобы с большей пользой применить их в торговле галантереей?

Несчастный молодой человек, подвергшийся такому унижению, покраснел и ничего не ответил. Тогда Хаддо повернулся к французу Мейеру, куда более достойному его сарказма.

— Извините, что я прервал вашу речь. Были ли это ваши знаменитые разглагольствования о Микеланджело или философский анализ творчества Вагнера?

— Мы как раз собирались уходить, — хмуро проворчал Мейер, поднимаясь из-за стола.

— Глубоко сожалею, что буду лишен россыпией мудрости, постоянно слетающей с ваших изысканных уст, — отвечивал Хаддо, занимая кресло мадам Мейер.

Уселся, продолжая улыбаться.

— Я увидел, что зал переполнен, и наполеоновское чутье подсказало мне, что найти местечко я смогу, лишь высмеяв кого-нибудь. Меня следует поздравить с тем, что мои насмешки, которые глупый юнец Рэгтлз ошибочно принимает за остроумие, избавили нас от общества откровенно развратной личности. Это освободило у стола сразу три кресла и позволяет мне вкусить свою скромную трапезу, не расталкивая соседей локтями.

Мари положила перед ним меню. Он внимательно изучил его.

— Возьму-ка я ванильное мороженое, о прекрасная Мари, нежное крылышко цыпленка, жареную рыбу и немного превосходного горохового супа.

— Суп, жареная рыба. Один цыпленок и одно мороженое.

— Но почему вы собираетесь подавать их мне в таком порядке, а не в том, который я назвал?

Мари и две француженки, все еще остававшиеся в комнате, принялись возражать, упрекая Хаддо в экстравагантности, но тот отрицательно помахал огромной ладонью.

— И все-таки, о Мари, я начну с мороженого. Оно охладит страсть, воспаляющую меня, когда я вижу ваши прекрасные глазки. Затем спокойно поглощу цыплячье крылышко, чтобы нейтрализовать вашу язвительную улыбку, и перейду к свежей рыбе. А дабы достойно завершить продолжительную трапезу, закушу гороховым супом.

Сумев овладеть вниманием присутствующих, он приступил к поглощению блюд именно в том порядке, который назвал. Маргарет и Артур Бардон поглядывали на него неприязненно, но Сюзи, которую не возмущали тщеславие и желание этого человека привлекать к себе всеобщий интерес, смотрела с любопытством. Хаддо был явно нестар, хотя из-за тучности казался старше своих лет. Правильные черты лица, маленькие уши, тонкий нос. И большие белые, ровные зубы. Рот тоже большой, губы влажные, толстая, как у бульдога, шея. Темные вьющиеся волосы, зачесанные со лба и с висков, придавали его чисто выбри-

тому лицу неприятную наготу. Лысина на макушке напоминала тонзуру. Хаддо производил впечатление порочного, чувственного монаха. Маргарет, тайком поглядывая на него, пока он ел, вдруг содрогнулась от внезапного отвращения. Он медленно поднял на нее глаза, и она тут же отвернулась, вспыхнув, словно ее застали за непристойным занятием. Глаза были самой поразительной компонентой облика Оливера Хаддо. Небольшие, бледно-голубоватые, они смотрели на вас так, что вам становилось не по себе. Вначале Сюзи не могла определить, в чем именно заключалась их необычность, но вскоре поняла: глаза большинства людей, когда они обращены на вас, сходятся в одну точку, но при взгляде Хаддо, естественно или нарочито, по привычке, усвоенной, чтобы производить определенный эффект, направление взгляда обоих глаз всегда оставалось параллельным. Создавалось ощущение, что он смотрит сквозь вас и видит нечто у вас за спиной. От этого становилось жутковато. Другая его особенность заключалась в том, что нельзя было понять, шутит он или говорит серьезно. В странном взгляде чувствовалась насмешка, на губах играла саркастическая улыбка, и собеседник не мог сообразить, как ему относиться к язвительным замечаниям Хаддо. Невозможно было сохранить уверенность в том, что, пока вы смеетесь над его выпадами против кого-то, он не обдумывает изощренную остроту на ваш счет. Это чрезвычайно раздражало.

Присутствие Хаддо вызвало у собравшихся необычную реакцию. Французы встали и покинули зал. Уоррен удалился вслед за О'Брайном, чей грубый сарказм не мог сравниться с изысканным остроумием мага. Рэгглз накинул свое пальто на розовой подкладке и вышел вместе с высоким Джэгсаном, который все еще страдал от обиды, нанесенной Хаддо. Американский скульптор молча оплатил счет. Когда он был уже у двери, Хаддо остановил его.

— Это вы лепили львов у Ботанического сада, мой дорогой Клэйсон? А доводилось ли вам когда-нибудь охотиться на них?

— Нет, не доводилось.

Клэйсон не ведал, зачем Хаддо задал этот вопрос, но уже яростно ошетинился.

— Значит, вам не доводилось наблюдать, как шакал, грызущий убитую львом антилопу, стремглав удирает в

страхе, когда царь зверей величественно приближается к своей жертве.

Клэйсон выскочил, хлопнув дверью. Хаддо остался с Маргарет, Артуром Бардоном, доктором Поро и Сюзи. Он победоносно улыбнулся.

— Кстати, а сами вы охотились на львов? — с вызовом осведомилась Сюзи.

Оливер устремил на нее свой странный и жуткий взгляд.

— В львином сафари мне нет равных. Я победил львов больше, чем любой живущий на земле человек. Думаю, что один Жюль Жеральд, которого французы в прошлом веке прозвали «убийцей львов», мог бы сравниться со мной, но никого другого я бы рядом не поставил.

После этого заявления, сделанного с величайшим спокойствием, на мгновенье воцарилась тишина. Маргарет изумленно уставилась на хвастуна.

— Вам не грозит смерть от скромности, — хмыкнул Артур.

— Скромность — признак дурного воспитания, от чего меня надежно защищает моя родословная.

Тут уже и Поро посмотрел на него с иронией.

— Хотелось бы, чтобы мистер Хаддо воспользовался случаем и раскрыл нам тайну своего происхождения. Подозреваю, что, подобно бессмертному Калиостро, он родился от неизвестных, но благородных родителей и тайно получил образование во дворцах Востока.

— По своему происхождению я больше похож на Раймонда Люлли¹. Мой предок, Джордж Хаддо, прибыл в Шотландию в свите Анны Датской, и когда принц-консорт Джеймс взошел на английский престол, Джорджу было пожаловано графство в Стаффордшире, которым я до сих пор владею. Я состою в родстве с самыми благородными семействами Англии, их члены считали для себя честью выдавать своих дочерей за мужчин моего рода.

— Следует еще проверить, правда ли это, — сухо возразил Артур.

— Проверьте, — бросил Оливер.

— А как насчет восточных дворцов, где вы провели свою юность, где черные рабы прислуживали вам, а бородатые шейхи делились тайнами магии? — спросил доктор.

¹ Раймонд Люлли — философ и мистик XIII-XIV вв.

— Я учился в Итоне и окончил Оксфорд в 1896 году.

— И в каком колледже вы там жили?

— В Пансионе.

— Тогда вы должны были бы встречаться с Фрэнком Хиррелом.

— Теперь он практикует в госпитале Святого Луки. Фрэнк был одним из моих близких друзей.

— Я напишу ему и расспрошу о вас.

— А я жажду узнать, что вы делали с теми львами, которых убивали, — сказала Сюзи Бойд.

Высокомерие этого человека не раздражало ее так, как бесило оно Маргарет и Артура. Он лишь забавлял ее, и ей очень хотелось заставить его разговориться.

— Их шкуры украшают полы Скина, моего поместья в Стаффордшире. — Хаддо сделал паузу, чтобы зажечь сигарету. — Я единственный человек, убивший сразу трех львов тремя выстрелами.

— А я было подумал, что вы уничтожили их своим красноречием, — заметил Артур.

Оливер наклонился вперед и положил свои большие ладони на стол.

— Буркхардт, немец, с которым мы в то время вместе охотились, свалился в лихорадке и не мог подняться с постели. Однажды ночью я проснулся от мрачных мыслей и услышал львиный рык неподалеку от нашего лагеря. Взял карабин и вышел наружу. Окрестности освещал лишь слабый лунный свет. Я отправился в одиночку, ибо знал, что туземцы тут не подмога. Вскоре наткнулся на полуобглоданную тушу антилопы и решил подождать возвращения зверей. Спрятался шагах в двадцати от их добычи. Меня окружала тишина и необъятные просторы Африки. Я замер и ждал, ждал час за часом, пока почти рассвело. И вот трое львов появились на вершине скалы. Еще накануне я узнал, что это прайд — самец и две самки.

— Можно поинтересоваться, каким образом вы определили их пол? — с недоверием спросил Артур.

— Следы передних лап у льва намного больше, чем задних. У львиц же они примерно одинаковы.

— Пожалуйста, продолжайте, — попросила Сюзи.

— Львы вышли, ничего не опасаясь, в полный рост, и в рассветном сумраке казались огромными, как чудовища

из арабских сказок. Я прицелился в львицу, находившуюся ко мне ближе других, и нажал курок. Без звука, как вол, сваленный одним ударом, упала она замертво. Лев взревел. Я быстро перезарядил первое дуло двустволки. И тут же понял, что и лев заметил меня: пригнул морду, грива встала дыбом. Задранный вверх хвост подергивался, красные десны обнажены в оскале, видны огромные белые клыки. Глаза горели яростью, лев издавал непрерывный рев. Затем, не поднимая головы, сделал несколько шагов вперед, глаза с яростью уставились на меня. Вдруг захлестал хвостом, а когда лев так делает, это значит — готовится напасть. Я быстро прицелился и выстрелил. Огромный самец взвился на задние лапы, громко взревел и, раздирая когтями воздух, рухнул замертво. Осталась последняя львица, и сквозь пороховой дым я увидел, как она вскочила и бросилась ко мне. Убежать я не мог — за спиной была высокая гряда валунов, через которую быстро не перелезешь. Львица приближалась, издавая хриплое рычание, и я с решимостью отчаяния выстрелил из второго ствола. Промахнулся. Отпрянул назад, надеясь, что успею перезарядить ружье, но упал. Разъяренный зверь был почти рядом. Львица прыгнула, но не достала меня. Это спасло мне жизнь. И тут она вдруг замерла на месте. Все-таки я попал! Пуля пронзила ее сердце, но она успела по инерции прыгнуть вперед. Когда я поднялся на ноги, она уже умирала. Я вернулся в лагерь и плотно позавтракал.

Рассказ Оливера Хаддо был встречен молчанием, все были потрясены. Никто не смел утверждать, что это выдумка, но напыщенный тон не придавал рассказу убедительности.

Артур готов был биться об заклад, что здесь не было ни слова правды. Никогда прежде не встречал он людей, подобных Хаддо, и не мог понять, какую радость можно находить в искусном сочинении неправдоподобных приключений.

— Вы, очевидно, очень отважны, — протянул он.

— Преследовать раненого льва в чаще леса — вероятно, самое опасное дело в мире, — спокойно ответил Хаддо. — Для этого нужны чрезвычайное хладнокровие и железные нервы.

Ответ произвел на Артура странное впечатление. Он бросил на Хаддо быстрый взгляд, и тут на него напал неудержимый смех. Бардон откинулся назад в своем кресле и принялся хохотать. Его веселость передалась другим, и они тоже рассмеялись. Оливер бесстрастно наблюдал за ними. Кажется, он не обижен и не удивлен. Когда Артур наконец пришел в себя, то увидел, что странный взгляд Хаддо устремлен на него.

— Ваш смех напоминает мне треск горящего под котлом хвороста, — сказал он.

И хотя по-прежнему не сводил с Артура глаз, губы его искривились в недоброй, саркастической улыбке.

— Даже глупцу ясно, что человек в силах командовать элементарными существами, если он лишен чувства страха. Иначе он никогда не сумеет повелевать ни сильфидами, ни переменчивыми ундинами.

Артур с удивлением уставился на него. Он ничего не понял из того, что сказал Хаддо. А тот продолжал, не обращая на Бардона внимания.

— Если адепт активен, гибок и силен, он будет владеть миром. Он пробьется сквозь все штормы, и ни одна капля дождя не посмеет упасть на его голову. Ветер не нарушит ни единой складочки его одежд. Он пройдет сквозь огонь и не сгорит в нем.

Доктор Поро отважно решился немного разъяснить присутствующим эти загадочные фразы:

— Дамы не знакомы с таинственными явлениями, о которых вы говорили, — обратился он к Хаддо. — Откуда им знать, дорогой друг, что в Средние века были открыты четыре наделенных невидимыми силами субъекта. Некоторые из них дружелюбны человеку, другие враждебны. Считалось, что эти субъекты могущественны и сознают свою мощь, хотя не обладают душой. Их жизнь зависит от существования какого-либо естественного объекта и, следовательно, они не бессмертны. В конце концов они должны возвратиться в пропасть вечной ночи, где их всегда настигает мрак смерти. Но полагали, что так же, как человек, созданный Богом, получил от него божественную искру, так и все эти сильфиды, ундины, саламандры в облике прекрасных женщин, благодаря связи с человеком, приобретают частицу его бессмертной души. Многие из существ, обладавших сверхчеловеческой красотой, получали

и человеческую душу, полюбив кого-нибудь из людей. Но случалось и наоборот, и часто влюбленный юноша утрачивал свою бессмертную душу, покидая себе подобных и связывая свою жизнь с прекрасными, бездушными обительницами звенящих ручьев или лесных чашоб.

— А я и не подозревал, что вы способны столь образно толковать обо всяких таинственных предметах, — повернулся Артур к Оливеру Хаддо.

Тот пожал плечами.

— Что есть мир, как не образ? Жизнь ведь не более чем символ. Сочту вас мудрецом, если вы сможете объяснить нам, что есть реальность?

— Признаться, я теряюсь, когда начинают рассуждать о магии и мистицизме.

— Однако, магия — не более чем искусство сознательно использовать невидимые средства, дабы произвести реальные эффекты. Воля, любовь и воображение — суть магические силы, которыми обладает каждый; но лишь тот, кто знает, как развить их, может считаться магом. У магии имеется только одна догма: осязаемое есть мера невидимого.

— Не могли бы вы сказать нам, чем же обладает адепт этого искусства?

— Они перечислены в одном манускрипте XVI века на древнесврейском. Двадцатью одной сверхчеловеческой сущностью владеет тот, кто держит в правой руке ключи Соломона, а в левой — Ветвь Цветущего Миндаля. Он лицом к лицу созерцает Бога и беседует с Семью Джиннами, которые командуют небесным войском. Он неподвержен несчастьям и страху. Он правит Небом, и Ад служит ему. Он владеет секретом воскрешения из мертвых и ключом к бессмертию.

— Если вы владеете хотя бы частью перечисленных возможностей, у вас наверняка должны быть разнообразные достижения, — заметил Артур с иронией.

— Люди любят высмеивать то, чего не понимают, — пожал Хаддо массивными плечами.

Артур смолчал. Теперь он с любопытством смотрел на Хаддо. И спрашивал себя, всерьез ли тот верит всей этой галиматье или забавляется ею как грубым юмором. Говорил он серьезно, но губы кривились в усмешке, а в глазах мелькала улыбка, как бы опровергающая его слова. Сюзи

все это очень забавляло. Она с большим любопытством слушала, как в этой прозаической таверне с важностью обсуждались оккультные явления.

Доктор Поро прервал молчание.

— Араго, именем которого назван соседний бульвар, как-то заметил, что сомнение есть доказательство скромности и не является препятствием к прогрессу науки. Но этого нельзя сказать о недоверчивости, и тому, кто употребляет слово «невозможно» вне области чистой математики, не хватает благоразумия.

— Похоже, что вы сами верите в магию, дорогой доктор, — заметила мисс Бойд.

— В юности я ничему не верил, так как наука научила меня не доверять даже пяти моим органам чувств, — ответил Поро, пожав плечами. — Но встречал на Востоке много такого, что никак нельзя объяснить с позиций современной науки. Мистер Хаддо сообщил вам одно из определений магии, я дам другое. Она может быть объяснена просто как высокоразумное использование сил, неизвестных, презираемых или неправильно толкуемых чернью. Юноша, попадающий на Восток, сначала насмехается над идеями магии, но когда он проведет среди аборигенов несколько лет, то невольно начинает разделять мнение многих разумных людей, считающих, что в этом, в конце концов, что-то есть.

Артур Бардон сделал нетерпеливый жест.

— Сколько бы ни прожил я на Востоке, не могу представить себе, что вдруг поверю чему-то, противоречащему законам науки. Если бы в том, что утверждает мистер Хаддо, было бы хоть слово истины, люди не сумели бы создать научную теорию мироздания.

— Для человека ученого вы рассуждаете слишком узко и самонадеянно, — отпарировал Хаддо. — Вам следовало бы знать, что наука, занимаясь только общими понятиями, оставляет вне поля зрения отдельные случаи, противоречащие огромному количеству частных. Иногда сердце находится у пациента справа, но из-за этого вы не станете всем прикладывать свой стетоскоп не туда, куда обычно. Возможно, что при некоторых условиях закон всемирного тяготения не действует, однако вы будете жить по-прежнему, будучи убежденным, что действует он неизменно. Но поверьте, некоторые предпочитают иметь дело только

с исключениями из общего правила. Неумный человек, играя в Монте-Карло, делает ставки на цвета. Обычно выпадает черный или красный; однако время от времени появляется zero, и незадачливый игрок проигрывает. Но те, кто всегда ставит на zero, выигрывают многократно. Да, да. Встречаются люди, чье воображение поднимает их над банальностью. Они согласны рискнуть всем, если только у них есть шанс получить огромный выигрыш. Разве не имеет значения не только знание будущего, как знали его пророки древности, но и возможность самим создавать его, врываться во врата неведомого?

Внезапно невозмутимость, с которой он говорил до сих пор, испарилась. Глаза озарились каким-то потусторонним светом, голос стал хриплым. Теперь слушатели, по крайней мере, убедились, что Хаддо не шутит.

— Что вы знаете о жажде познания, которая переполняет до основания всю мою душу?

— Как бы то ни было, но я в восторге от того, что встретила мага! — весело воскликнула Сюзи.

— Не называйте меня так, — сказал Хаддо, взмахнув своими полными руками и возвращаясь к прежней напыщенности. — Я скорее известен как Брат Тени.

— Трудно вообразить, что вы родственник чего-то столь нематериального, — со смехом ввернул Артур.

Лицо Оливера побагровело от гнева. Его странные голубые глаза сделались ледяными от ненависти, и он выпятил чувственные алые губы. Острота, намекавшая на телесную тучность, задела его за живое. Сюзи испугалась, что он оскорбительно ответит Артуру, и начнется неизбежная ссора.

— Мне кажется, что если мы собираемся успеть на ярмарку, нам следует поторопиться, — вмешалась она. — И Мари мечтает избавиться от нас.

Все встали и двинулись к выходу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Они вышли на узкую шумную улочку, ведущую к Бульвару Монпарнас. По рельсам грохотали трамваи, а по тротуарам валом валил народ. До ярмарки в Лион де Белфор куда они направлялись было не больше мили, но Артур остановил фиакр. Сюзи сказала кучеру, куда везти. Она обратила внимание, что Хаддо, дожидавшийся их отъезда,

положил ладонь на шею лошади. И вдруг, непонятно почему, лошадь задрожала. Затрепетали и круп, и ноги. Животное затряслось, как в лихорадке. Кучер соскочил с козел и, чтобы успокоить беднягу, обхватил руками ее морду. Маргарет и Сюзи выбрались из экипажа. Зрелище было жутким и внушающим жалость. Казалось, кобыла страдала не от боли, а от непонятного страха. У Сюзи невольно вырвалось: «Уберите руку, мистер Хаддо!»

Хаддо улыбнулся и убрал руку. В тот же момент дрожь стала спадать, и через минуту старая извозчицья кляча пришла в свое обычное состояние. Она казалась еще немного испуганной, но в остальном вела себя нормально.

— Интересно, что это с ней приключилось? — спросил Артур.

«Брат Тени» покосился на него своими холодными глазами, взгляд которых как бы пронизывал насквозь, и, приподняв шляпу, удалился. Сюзи повернулась к доктору Поро.

— Не кажется ли вам, что это он заставил лошадь дрожать? Ведь затряслась она, как только он положил руку ей на шею, и успокоилась, как только убрал ее.

— Глупости! — воскликнул Артур.

— И мне пришло в голову, что он проделал какой-то трюк, — задумчиво произнес доктор Поро, когда они двинулись к ярмарке пешком. — Подобная странность уже случилась однажды, когда он пришел в гости ко мне. У меня живут две персидские кошки, отличающиеся безупречным поведением. Они проводят свои дни у камина, размышляя над проблемами метафизики. Но как только он вошел, шерсть у них встала дыбом, обе вскочили и начали бешено метаться из угла в угол, словно охваченные паническим страхом. Я открыл дверь, и они вылетели из комнаты. Так я никогда и не смог понять, что с ними произошло.

Маргарет передернуло.

— Никогда не встречала человека, который внушал бы мне большее отвращение, — сказала она. — Не знаю, что в нем так пугает, но даже теперь чувствую на себе его взгляд. Надеюсь, что мне больше никогда не доведется столкнуться с ним.

Артур усмехнулся и пожал ей руку. Она задержала его пальцы в своих, и он почувствовал, что девушка дрожит.

Лично у него не было никаких сомнений: либо Хаддо верит тому, во что может верить только ненормальный, либо он шарлатан, старающийся привлечь к себе внимание экстравагантностью. В любом случае он заслуживает презрения. Абсолютно ясно, что ни он, ни кто другой не может творить чудеса.

— Вот что я сделаю, — сказал Артур. — Если Фрэнк Харрел действительно с ним учился, я у него кое-что выведаю. Напишу и попрошу сообщить мне все, что он о нем знает.

— Обязательно напишите, — кивнула Сюзи, — поскольку мистер Хаддо меня заинтриговал. Рано или поздно сталкиваешься с людьми, которые во все верят. Нет такого вида религии, эксцентричности или гнусности, которые не имели бы своих поклонников. Только представьте себе, как интересно в XX веке встретиться с индивидуумом, который искренне верит в магию.

— С тех пор, как я заинтересовался этими вопросами, мне не раз доводилось сталкиваться с весьма странными субъектами, — раздумчиво начал Поро. — И я согласен с мисс Бойд: Оливер самый удивительный среди них. Невозможно понять, насколько он сам верит в то, что утверждает. Кто он — мошенник или безумец? Обманывает себя или смеется исподтишка над теми, кто принимает его всерьез? Не знаю. Мне известно лишь то, что он много путешествовал, владеет большим количеством языков и обширными сведениями в области литературы по оккультизму. По-моему, нет такой книги по черной магии, с которой он не был бы знаком. Понимаю, что рассержу этим моего друга Артура, но вынужден констатировать, что не слишком удивился бы, услышав, что Хаддо обладает способностью творить чудеса.

Они уже пришли в Лион де Белфор, и Артур не успел ответить. Ярмарка была в полном разгаре. Стоял оглушительный шум. Уличные музыканты изо всех сил наяривали популярные мелодии, под аккомпанемент которых вертелись веселые карусели. У входа в балаганы люди в яркой одежде громко зазывали посетителей. Из тиров доносился непрерывный ружейный грохот. Эти звуки тонули в выкриках и смехе огромной толпы, валившей по центральной аллее, в топоте и шарканье ее несметных ног.

Темноту ночи прорезал мертвенно-бледный свет газовых фонарей, издававших непрерывное монотонное потрескивание. В целом зрелище было любопытным: полужалким, полувеселым. Казалось, люди с остервенением набрасывались на всевозможные аттракционы, словно утомленные скучным кругом ежедневных забот, они делали отчаянные усилия, чтобы развлечься.

Едва группка несколько иронично настроенных англичан во главе с доктором Поро вступила на ярмарку, как к ним подошел Оливер Хаддо. Ему было безразлично, что они явно не рады его обществу. Хаддо привлекал всеобщее внимание своим экстравагантным видом и манерами. Сюзи отметила про себя: мистер Хаддо получает удовольствие от того, что люди указывают на него друг другу. Он перебросил через плечо бархатной подкладкой наружу свою плащ-накидку, латиноамериканское пончо. Голову его украшало широкополое сомбреро. Несмотря на свой рост, он не казался слишком высоким из-за своей полноты и именно ею выделялся из толпы тщедушных людей.

Компания приглядывалась к различным увеселениям, избегая мелодраматических представлений, цирков-шапито и эксцентричных шоу, на которые громогласно зазывали публику. Вскоре они подошли к человеку, вырезавшему силуэты из черной бумаги, и Хаддо захотел ему позировать. Столпились зеваки, не скупившиеся на шутки по поводу его необычной внешности. Мистер Хаддо принял свойственный ему надменный вид повелителя. Маргарет предложила воспользоваться тем, что он занят, и скрыться, но мисс Бойд не согласилась уйти.

— Он самый удивительный человек из тех, кого я встречала, — прошептала она. — Я ни за что не хочу потерять его из виду.

Когда силуэт был готов, Хаддо решил отдать его Маргарет.

— Прошу вас принять единственный имеющийся портрет Оливера Хаддо, — с галантным видом произнес он.

— Благодарю вас, — холодно ответила она.

Портрет был ей ни к чему, но она не знала, как отделаться от подарка шуткой, а быть грубой не хотелось. Оливер бережно вложил свой черный профиль в конверт и вручил его мисс Донси, не сомневаясь, что оказывает ей большую честь. Они пошли дальше и вскоре очутились воз-

ле балагана, на вывеске перед которым красовалось восточное имя. На парусине грубыми мазками были нарисованы зачарованные змеи, а над ними — какие-то слова арабской вязью. У входа, скрестив ноги, сидел араб и апатично постукивал по барабану. Увидев их группу, он обратился к ним на плохом французском языке, приглашая войти.

— Не напоминает ли это вам мутный Нил, доктор Поро? — спросил Хаддо. — Зайдем глянем, что этот малый хочет нам показать.

Доктор Поро выступил вперед и обратился к заклинателю по-арабски. Тот просиял, услышав родной язык.

— Он египтянин из Ассиута, — сказал доктор.

— Плачу я, — заявил Хаддо.

Он откинул брезент, закрывавший вход. Доктор Поро и Сюзи вошли, следом за ними без особой охоты двинулись Маргарет и Артур Бардон. Араб опустил брезент. Они очутились в грязной маленькой палатке, освещенной двумя тусклыми лампами; десяток стульев расставлены прямо на земле. В одном из углов неподвижно сидела женщина в какой-то бесформенной хламиде. Над глазами удерживаемая на голове причудливым украшением по середине лба грязная накидка — видны только глаза, огромные, темные ресницы насурмлены, пальцы рук ярко окрашены хной. Когда вошли посетители, араб протянул ей барабан, женщина провела по нему дрожащими пальцами, извлекая протяжную, монотонную дробь. Загадочную, нездешнюю. В палатке стоял специфический запах, на минуту перенесший доктора Поро в зловонные улочки Каира — едкая смесь ароматов ладана, розового масла и какой-то отвратительной плесени. Пришедшим стало трудно дышать, и Сюзи попросила у мужчин сигарету. Услышав английскую речь, хозяин обнажил в улыбке блестящие ровные зубы.

— Мое имя Мохаммед, — сказал он. — Моя показывала змеей лорду Китчеру. Подойдите и посмотрите. Змеи очень ядовитые.

На его плечах висело длинное синее гуляби, более подходящее для солнечных берегов Нила, чем для ярмарок в Париже. Былой цвет его одеяния с трудом угадывался под слоем грязи. На голове — турецкая феска.

В другом углу палатки что-то было прикрыто ковриком. Из-под него араб извлек мешок из овчины, положил его

на землю посередине круга, образованного стульями, и опустился на четвереньки. Маргарет вздрогнула, увидев, что поверхность мешка странно зашевелилась. Хозяин развязал его. Женщина продолжала бить по барабану, иногда издавая нечленораздельные выкрики. Блеснув зубами в улыбке, араб сунул в мешок руку и стал рыться там, будто собираясь набрать в горсть пшеницы. Вытащил длинную, извивающуюся змею. Положив перед собой и помедлив несколько мгновений, провел над ней рукою.

Змея сразу неподвижно застыла. Если бы не злобно горящие в полумраке глазки, ее можно было бы принять за каменное изваяние.

— Заметьте, — сказал Хаддо. — Это именно то чудо, которое Моисей сотворил перед фараоном.

Араб достал тростниковую дудочку, похожую на свирель козлоногого бога Пана, мелодия которой некогда сопровождала на холмах Греции танцы дриад, и стал насвистывать странный тягучий мотив. Внезапно змея очнулась от оцепенения, вздернула головку, и ее свернувшееся в кольца длинное тело начало приподниматься, пока не вытянулось вверх, опираясь лишь на хвост. Тогда пресмыкающееся принялось ритмично раскачиваться из стороны в сторону.

Оливер Хаддо, как зачарованный, следил за происходящим. Он подвинулся ближе и впился глазами в заклинателя. Маргарет в ужасе отшатнулась.

— Не бойся, — шепнул Артур. — Эти люди работают только с теми змеями, у которых удалены ядовитые зубы.

Оливер Хаддо обернулся и пристально взгляделся в него. Казалось, он изучал Артура.

— Этот человек может заклинять змей потому, что не прибегает ни к каким ухищрениям и лекарствам. Он и так защищен от самых опасных змеиных ядов.

— Вы так считаете? — спросил Артур.

— Мне довелось присутствовать при гибели самого знаменитого заклинателя змей из Мадраса. Он умер через два часа после того, как его укусила кобра, — ответил Оливер. — Ходило много рассказов о его храбрости; я как-то попросил одного моего друга познакомить меня с ним. Когда мы пришли, его не было дома. Решили подождать, и вскоре он появился с несколькими приятелями. Мы сказали, что хотелось бы увидеть его манипуляции со змеями.

Он был пьян, вернулся со свадьбы, но согласился, послал за змеями и продемонстрировал нам чудеса, о которых этот наш араб никогда и не слыхивал. Под конец он достал из своего мешка большую кобру и начал играть с ней. Вдруг она метнулась к его подбородку и оставила там две метки, похожие на булабочные уколы. Чародей отпрянул. «Я конченный человек», — прошептал он. Присутствовавшие хотели убить кобру, но несчастный остановил их. «Пусть живет, — махнул он рукой. — Она сможет служить другим людям моей профессии, хотя мне больше не нужна. Ничто не может меня спасти». Его друзья и другие заклинатели собрались вокруг него и помогли сесть в кресло. Через два часа он умер. В сильном опьянении он забыл произнести некоторые заклинания, и это его погубило.

— Вы владеете великолепной коллекцией небылиц, — усмехнулся Артур. — Но мне все же хотелось бы иметь более убедительные доказательства ядовитости именно этих тварей.

Оливер повернулся к заклинателю и о чем-то перемолвился с ним по-арабски. Потом ответил Артуру:

— У этого человека есть очковая змея, которую вы, ученые мужи, знаете под именем *Cerastes*. Это самая ядовитая из всех египетских змей. Обычно ее называют «Аспид Клеопатры», поскольку именно такая была прислана любовнице Цезаря в корзине с винными ягодами, чтобы Клеопатра не смогла увидеть триумф Августа.

— Что вы собираетесь делать? — спросила Сюзи.

Хаддо улыбнулся и не ответил. Войдя в центр круга, мистер Оливер опустился на колени и пробормотал несколько арабских слов, которые доктор Поро тут же перевел:

«О, змея, я заклинаю Тебя великим, всемогущим Богом, появись. Ты лишь змея, а Бог могущественнее всех змей. Подчинись моему приказу и появись».

Дрожь прошла по мешку из овчины, и через мгновение оттуда высунулась голова, а затем, извиваясь, выползло и гибкое тело гада. Змея была светло-серого цвета, над глазами возвышался рог. Она легла, свернувшись в клубок.

— Узнаете? — обратился Оливер к доктору.

— Узнаю.

Заклинатель не шевелился. Женщина, сидевшая в полумраке дальнего угла, перестала барабанить. Хаддо схватил

змею и открыл ей пасть. Мелькнули ядовитые клыки, и челюсти сомкнулись на обнаженной руке. Артур напряженно ожидал вскрика боли, но Хаддо даже не поморщился. Змея болталась на его руке, извиваясь всем телом. Он произнес арабское заклинание. И вдруг, как капля воды с крыши, змея упала на землю. Брызнула кровь. Хаддо трижды поплевал на кровоточащую ранку, пробормотав несколько слов, которые его спутники не могли расслышать, и трижды коснулся следа от укуса пальцами. Кровотечение прекратилось. Он протянул Артуру руку.

— Перед вами то, что хирург наверняка назовет исцелением первичным натяжением, — сказал он.

Бардон был поражен, но Хаддо раздражал его, и он не желал признать, что в остановке кровотечения было что-то чудесное.

— Вы еще не доказали, что змея ядовита.

— Я еще не закончил, — улыбнулся Хаддо.

Он опять повернулся к арабу, и тот что-то приказал женщине. Не произнеся ни слова, она вытащила из ящика, стоявшего неподалеку, белого кролика. Подняла его за уши, и тот задрогал лапами. Хаддо положил его перед змеей. Прежде чем кто-либо успел шевельнуться, змея метнулась вперед и, как молния, поразила кролика. Бедный зверек коротко вскрикнул, по его тельцу прошла волна судороги, и он упал замертво.

Маргарет с воплем вскочила на ноги.

— О, как жестоко! Как отвратительно жестоко!

— Ну, теперь вы убедились? — холодно спросил Хаддо.

Женщины поспешили к выходу. Им было страшно и противно. Оливер Хаддо остался один на один с заклинателем.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Доктор Поро пригласил Артура прийти в воскресенье с Маргарет и мисс Бойд к себе, он жил на острове Сан Луи, и влюбленные решили по дороге к доктору заглянуть на часок-другой в Лувр. Сюзи, которой они предложили сопровождать их, предпочла явиться в гости самостоятельно.

Чтобы избежать толп, осаждавших в воскресные дни картинные галереи, Бардон и его невеста пошли в ту часть Лувра, где стояли античные скульптуры. Здесь было срав-

нительно пусто, в длинных залах царила та умиротворяющая атмосфера, которая бывает там, где собраны произведения искусств. Маргарет испытывала какое-то новое для себя чувство и, хотя не могла проанализировать его, как сделала бы это Сюзи, любившая предаваться рефлексии, оно странным образом возбуждало ее. Она как бы возвысилась над суетностью, была охвачена ощущением свободы, столь же восхитительным, сколь и не поддающимся анализу. Артур раньше не интересовался искусством, пока увлеченность Маргарет не открыла ему, что существует такая сторона жизни, о какой он и не подозревал. Хотя прекрасное мало что говорило его практичной натуре, любя Маргарет, он хотел понять, что же так восхищает ее в произведениях художников, доводя порой до упоительного экстаза. Поэтому покорно брел вслед за ней, внимательно и уважительно выслушивал ее восторженные высказывания. У греков ему нравилось безупречное знание анатомии. Один из мраморных атлетов надолго привлек внимание хирурга, поскольку мускулатура его была изображена скульптором с такой же точностью, как на иллюстрациях в учебнике хирургии. Когда Маргарет говорила о божественном спокойствии греков, об их радостном жизнелюбии, он поражался ее уму, хотя, услышав такие рассуждения от мужчины, почувствовал бы раздражение.

Однако одна статуя, прелестная статуя, известная как изображение Дианы Габийской, особенно понравилась ему. Он предложил постоять возле нее подольше. Маргарет со смехом возражала, но в душе была рада. Она поняла, что его интерес к Диане вызван не красотой скульптуры, а сходством, которое Артур находил между богиней и ею самой.

Диана Габийская стояла в широкой светлой галерее рядом с насмешливым юным фавном и бюстом незрячего старца Гомера. В богине не чувствовалось ни высокомерия охотницы, ни величественности владычицы неба. Она представляла собой девушку в расцвете юной красоты, спокойным жестом придерживающую свою тунику. В ее облике не ощущалось ничего божественного, кроме удивительной одухотворенности и хрупкой девственности. Влюбленный древний грек, посвящавший свою жертву этому прекрасному образу, должно быть, забывал, что поклоняется богине, видел в ней только земную девушку, блистающую мо-

лодостью, невинностью и красотой. В глазах Артура его Маргарет тоже обладала всей утонченной грацией богини и той же подсознательной безмятежностью; в ней тоже все дышало чистотой и невинностью. Черты лица мисс Донси были высечены с тем же божественным совершенством, что и у греческой статуи; ее кожа была столь же нежна и своей мраморной белизной напоминала обо всем прекрасном и ласкающем взор: о пылающих красках заката и темноте ночи, о лепестках роз и глубине морских бездн. Рука богини касалась ее плеча, и рука Маргарет была так же миниатюрна, изящна и бела.

— Какой же ты глупый, — засмеялась она, видя, как Артур молча посматривает то на нее, то на статую.

Бардон медленно поднял на нее глаза, и она увидела, что их заволокло слезами.

— Что с тобой?

— Я бы согласился, чтобы ты не была так прекрасна, — ответил он, запинаясь, словно ему было трудно произносить эти глупые слова. — Я так боюсь: вдруг что-нибудь случится и помешает нам быть счастливыми. Мне слишком хорошо, чтобы это могло продолжаться долго.

Маргарет обладала достаточным воображением, чтобы понять, как нелегко такому практичному человеку, как он, выразить свои чувства. Любовь к ней изменила его характер, и хотя он ничего не мог с собой поделать, все в нем восставало против влияния, которое она на него оказывала. Маргарет не нашлась с ответом и просто взяла его за руку.

— Мне всегда везло, — почти самому себе сказал он, — Когда я чего-то сильно желал, то обычно получал это. И не вижу, почему теперь должно быть иначе.

Он постарался успокоить себя, не придавать значения инстинктивному предчувствию беды, встряхнулся и выпрямился.

— Глупо быть таким мнительным, — пробормотал он.

Маргарет засмеялась. Они покинули галерею, свернули на набережную, перешли мост и двинулись вдоль реки к дому доктора Поро.

Тем временем Сюзи спустилась по бульвару Сан Мишель, заполненному воскресной толпой, к той части Парижа, которая была особенно дорога ее сердцу. Остров Сан Луи воплощал для нее дух Франции, он нравился ей куда больше нарядных бульваров, которые так любимы ан-

гличанами. Наименованный в честь святого Людовика, один из островов Сены обладал особым очарованием. Узкие улочки со множеством уютных кафе напоминали улицы провинциального городка. Их причудливость давала пищу воображению, от них веяло тишиной и покоем. Названия улиц напоминали о монархии, погибнувшей в крови и рисовой пудре. Даже платаны выглядели здесь более важно, будто они сознавали, что растут в той части Парижа, которую еще не захватил научно-технический прогресс. Вокруг текли мутные воды Сены, а за ними виднелись башни-близнецы Нотр Дам. Сюзи была готова целовать камни набережной. Ее доброе некрасивое лицо оживилось, когда она любовалась открывшейся панорамой. Память подсказывала литературных героев и исторические события, связанные с этим местом Парижа, и она не без сожаления повернулась и вошла в дом, где квартировал доктор Поро.

Ей понравилось, что подъезд дома точь-в-точь такой, каким она его себе представляла. Миновала консьержку, поднялась по темной широкой лестнице и позвонила в колокольчик, висящий на одной из дверей. Открыл сам доктор Поро.

— Артур и мадемуазель уже здесь, — сказал он, пропуская ее в прихожую.

Они пересекли чопорную французскую гостиную, уставленную большим количеством мебели, с тяжелыми красными шторами на окнах и вошли в библиотеку. Это была просторная комната, но книжные шкафы, выстроившиеся вдоль стен, и массивный письменный стол, заваленный книгами, изрядно уменьшали ее площадь. Книги занимали все вокруг. Они громоздились на полу, лежали на стульях, так что свободного места почти не оставалось. Сюзи восхищенно охнула.

— Пожалуйста, не отвлекайте меня разговорами. Хочу разглядеть ваши книги.

— Вы не могли бы доставить мне большего удовольствия, — улыбнулся хозяин. — Однако, боюсь, моя библиотека вас разочарует. Хотя эти книги посвящены различным вопросам, но я не уверен, что они смогут заинтересовать молодую английскую леди.

Поро пошарил глазами по письменному столу, отыскал пачку сигарет. Предложил закурить гостям. Сюзи находила очаровательным запах книг, отдающий странной затхло-

стью. И прежде всего принялась рассматривать переплеты. Некоторые книги были в мягких обложках, многие еще вполне в хорошем состоянии, но большая часть — с порывевшими, тронутыми временем корешками. Они заполняли полки без какой-либо связи или системы. Здесь было немало и просто старинных книг в переплетах из овечьей или свиной кожи, очень высоко ценившихся у букинистов Европы; стояли и огромные, вроде прусских гренадеров, фолианты, и крошечные эльзевиры, популярные в свое время у патрицианских дам Венеции. Точно так же, как, наверно, Артур казался совсем другим человеком в операционной, Поро преобразился среди своего книжного собрания. Он сохранял добродушную безмятежность, делавшую его столь привлекательным, но манеры доктора обрели забавную важность, странно контрастирующую с его обычным добродушием.

— Перед вашим приходом я рассказывал этим молодым людям о древнем Коране, подаренном мне в Александрии неким ученым мужем, которого я оперировал по поводу катаракты. — Поро указал на четко выполненную арабской вязью книгу, золотое тиснение на корешке переплета. — Знаете, приобрести там непосвященному священную книгу почти невозможно, а это особенно редкий экземпляр, так как был переписан Кейтом Бейем, величайшим из мамлюкских султанов.

Он бережно перелистывал тонкие листы, с той осторожностью, с какой любитель цветов дотрагивается до лепестков роз.

— И много у вас литературы по оккультным наукам? — спросила Сюзи.

Доктор Поро улыбнулся.

— Смею думать, что ни одна частная библиотека не владеет такой полной коллекцией. Но я не решаюсь показать ее вам в присутствии нашего друга. Артур слишком вежлив, чтобы обвинить меня в глупости, но его выдавала бы саркастическая улыбка.

Сюзи подошла к полкам, на которые он указал ей, и с особым интересом стала разглядывать таинственные книги.

Пыталась прочесть названия. Ей показалось, что она вступает в неведомую ей область романтики. Мисс Бойд чувствовала себя отважной принцессой, заблудившейся в огромном лесу, полном засохших деревьев и мистического

молчания, где можно столкнуться с бледными неземными тенями.

— В свое время я собирался писать книгу о жизни фантастического и необыкновенного создания — Филиппа Ау-реуса Теофрастуса Парацельса Бомбастуса фон Гогенхей-ма, — сказал доктор Поро, — и приобрел многие его работы.

Он снял с полки миниатюрный томик, изданный в XVII веке, с непонятными иллюстрациями и изображениями кабалистических знаков. От страниц исходил тоже своеобразный запах затхлости. На них были ржавые пятна.

— Перед вами один из самых известных трудов по черной магии. Название его можно перевести как: «Восхваление неведомого — учебник для каждого, кто осмелится погрузиться в темные лабиринты этой науки».

Затем Поро показал мисс Бойд «Шестоднев» Торквемады, «Описание изменчивых демонов», провел пальцами по кожаным корешкам «Поисков магического» Делрио, «Псевдомонархии демонов» Виеруса, коснулся Хоберовских «Магических писаний и деяний». Достал и стряхнул пыль с, как он сказал, «знаменитейшей из всех» — «Молота ведьм» Спренгера, потом снял другую книгу.

— А это — одно из самых главных моих сокровищ: «Соломонов ключ». Есть основания предполагать, что мой экземпляр идентичен копии «Ключа», принадлежавшей величайшему авантюристу XVIII века Джакомо Казанова. Обратите внимание: с переплета срезано имя владельца, но осталось достаточно, чтобы разобрать нижнюю часть букв, а они в точности соответствуют подписи Казановы, которую я обнаружил в Национальной библиотеке. В своих мемуарах он пишет, что «Соломонов ключ» был у него конфискован во время ареста в Венеции за занятия черной магией. Именно его я и приобрел в Венеции, возвращаясь в Александрию после одного из моих путешествий.

Он поставил на место драгоценный том и снял с полки толстый волум, обернутый пергаментом.

— Чуть было не забыл представить вам наиболее удивительную, наиболее таинственную из всех книг по оккультизму. Вы, конечно, слышали о Кабале, но думаю, что для вас это не более, чем таинственное название.

— Я, действительно, ничего о ней не знаю, — рассмеялась Сюзи, — кроме того, что все это очень романтично, необыкновенно и удивительно.

— В таком случае, вот ее история. Моисей, обучившийся всей египетской премудрости, впервые прошел посвящение в кабалистику на ее родине в Египте, но совершенствовался в ней во время своих скитаний в пустыне. Здесь, в течение сорока лет, он не только уделял все часы своего досуга этой мистической науке, но и получал уроки Кабалы у любезного ангела. С ее помощью он сумел преодолеть трудности, возникавшие у него во время долгих скитаний израильтян, не говоря уже о войнах и несчастьях этого самого непокорного народа. Втайне ото всех Моисей изложил принципы этого учения в первых четырех частях Пятикнижия. Отсюда получили секреты магии и 70 Толковников. Они передавали их из уст в уста потомкам. Давид и Соломон глубже всех проникли в тайны Кабалы. Однако, никто не осмеливался записать их, пока ребе, Симон бен Иохай, живший во времена разрушения Иерусалимского храма, а после его смерти его сын, ребе Элезар, и его секретарь, ребе Абба, не собрали всех преданий и не составили из них знаменитый трактат «Зогар».

— И вы верите во всю эту чудовищную чепуху? — спросил Артур.

— Нисколько, — ответил доктор Поро с улыбкой. — Установлено, что «Зогар» имеет куда более позднее происхождение. Он был сочинен испанским евреем Моисеем де Леоном в 1291 году и написан его собственной рукой.

Артур рассмеялся и встал, чтобы размять затекшие ноги.

— Не могу понять, насколько вы сами верите тому, что рассказываете нам. Повествуете с такой серьезностью, что начинаешь думать, дескать, это правда, а потом оказывается, что вы просто потешаетесь над нами.

— Дорогой мой, я и сам не ведаю, насколько верю всему этому, — пожал плечами доктор.

— Возможно, именно по этой причине мистер Хаддо представляет для нас загадку, — вмешалась Сюзи.

— Да, здесь мы на самом деле столкнулись с очень интересным феноменом, — подхватил доктор. — Уверяю вас, что хотя мы знакомы достаточно долго, я никогда не мог понять, действительно ли он убежден, что обладает теми удивительными способностями, которые себе приписывает, или просто искусно разыгрывает слушателей.

— Но ведь вчера вечером мы действительно были свидетелями не совсем обычного явления, — перебила Сюзи. — Почему укус кобры не подействовал на него, хотя мгновенно убил кролика? И как вы объясните внезапную дрожь той лошади, мистер Бардон?

— Я не могу объяснить этого, — раздраженно ответил Артур, — но и не склонен приписывать сверхъестественной силе то, чего не могу понять в данный момент.

— Не знаю, но что-то в нем внушает мне ужас, — призналась Маргарет. — Я никогда не испытывала такой внезапной антипатии.

Она была слишком сдержана, чтобы поведать обо всех своих ощущениях, но поведение и слова Хаддо произвели на нее очень сильное впечатление. Ночью ее сон неоднократно прерывался кошмарами, где присутствовал странный и фантастический образ Хаддо. Его насмешливый голос звучал в ушах, она как будто силилась вновь увидеть огромное тело и мрачное чувственное лицо. Словно злой дух встал на ее пути, душа была переполнена непонятной тревогой. Только вера в здравый смысл Артура спасала девушку от вселившегося в нее страха.

— Я написал Фрэнку Харрелу и попросил его сообщить мне все, что он знает о Хаддо, — сказал Артур. — Надеюсь вскоре получить ответ.

— Лучше бы нам с ним никогда не встречаться! — страстно воскликнула Маргарет. — Чувствую, что он принесет нам несчастье.

— Вы все просто нелепо предубеждены против него, — весело заявила Сюзи. — Меня же он очень заинтриговал, и я хочу пригласить его на чашку чая в нашу студию.

— Буду счастлив воспользоваться вашим приглашением.

Маргарет вскрикнула, так как узнала низкий насмешливый голос Оливера Хаддо; она мгновенно обернулась. Он застал их врасплох — никто не слышал, как он вошел. И теперь думали: сколько времени он уже находился в комнате и что мог услышать из их разговора.

— Как вы сюда попали? — спросила Сюзи, первой пришедшая в себя.

— Ни один порядочный маг не позволит себе настолько пренебречь утонченным воспитанием, чтобы явиться через дверь, — ответил он с озадачивающей улыбкой. — Вы все стояли возле окна, и я подумал, что испугаю вас,

если изберу этот путь проникновения в комнату, поэтому я очень осторожно спустился вниз по каминной трубе.

— У вас на левом рукаве немного сажи, — поддержала шутку Сюзи. — Надеюсь, вы не обожглись.

— Нисколько, благодарю вас, — ответил он, сохраняя серьезную мину и отряхивая пальто.

— Каким бы образом вы ни вошли, добро пожаловать, — улыбнулся доктор Поро, протягивая ему руку.

Но Артур резко повернулся к хозяину.

— Хотел бы я знать, что заставило вас обратиться к этим наукам. Мне казалось, что ваша медицинская профессия защищает вас от интереса ко всяческим суевериям.

Поро пожал плечами.

— Я всегда интересовался странностями человеческого разума. Когда-то прочел много философских и других научных трудов, и тогда понял, что ничего очевидного нет. Некоторые под впечатлением достижений науки считают человека всемогущим, но я имел время убедиться в ограниченности его возможностей. С самого начала цивилизации перед человеком стояли проблемы всего сущего, но он и теперь так же далек от их решения, как и прежде. Человек ничего не может постичь, поскольку для него единственным средством познания являются органы чувств, а они весьма ненадежны. Есть только один предмет, о котором индивидуум может судить со всей определенностью, — это его собственный мозг, но даже здесь все окутано мраком неизвестности. Полагаю, что мы всегда будем невежественны во многих вопросах, о которых нам подобает знать, и поэтому не хочу посвящать себя их изучению. Предпочитаю отложить их в сторону и, поскольку истину познать невозможно, заниматься только пустяками.

— Я не согласен с вашей точкой зрения, — заявил Артур.

— Но я не уверен, что это пустяки, — задумчиво продолжал француз. Он взглянул на Артура с иронией. — Вы ведь не захотите, чтобы я вам лгал, если обещаю говорить правду?

— Конечно, нет.

— Тогда позволю себе рассказать об одном случае, который приключился со мной в Александрии. Насколько я могу судить, его нельзя объяснить ни одним из законов, известных науке. Только прошу вас не считать, что я умышленно вас обманываю.

И он заговорил тоном, не оставляющим сомнений в достоверности его слов. Даже Артуру стало ясно, что доктор описывал все так, как это произошло.

— Я часто слышал о некоем шейхе, который мог с помощью магического зеркала показывать мертвых или пропавших людей, и знакомый араб нередко уговаривал меня прийти посмотреть на него. Я же считал это неинтересным. Но, наконец, настал момент, когда у меня появилась необходимость обратиться к нему. Моя бедная матушка была старой женщиной, вдовой, и я много недель не получал от нее вестей. Сам часто ей писал, но ответа не приходило. Я очень волновался и решил, что не будет особого вреда, если встречу с тем шейхом: в конце концов, вдруг да обладает он властью, которую ему приписывают. Мой знакомец, работавший переводчиком во французском консульстве, как-то вечером привел его ко мне. Шейх был красивым, высоким и полным человеком, светлокожим, с темно-каштановой бородкой. Одет он был бедно, но, будучи потомком Пророка, носил зеленый тюрбан. Держался приветливо и спокойно. Я спросил его, кто из людей обладает способностью видеть в магическом зеркале? Он ответил: это может быть мальчик, не достигший половой зрелости, девственница, черная рабыня и беременная женщина. Чтобы убедиться в отсутствии сговора, я послал своего слугу к одному близкому другу и попросил, чтобы тот прислал ко мне сына. Пока мы ждали, я под руководством мага приготовил семена ладана, кориандра и жаровню с древесным углем. Тем временем шейх писал формулы заклинаний на шести листах бумаги. Когда пришел мальчик, колдун бросил ладан и один из листов на жаровню, затем взял правую руку мальчика и начертал на его ладони квадрат и какие-то мистические знаки. В центр квадрата он капнул немного черной жидкости, получившейся на жаровне от сгоревшей бумаги и ладана. И велел мальчику, не поднимая головы, внимательно вглядываться в лужицу. Пары ладана заполнили комнату. Колдун стал неразборчиво бормотать арабские слова, а потом обратился к мальчику.

«Видишь ли ты что-нибудь в своей горсти?» — «Нет», — ответил мальчик.

Но спустя минуту он испуганно задрожал.

«Я вижу человека, подметающего землю», — начал он. — «Когда закончит подметать, скажи мне», — приказал

шейх. — «Он кончил», — через некоторое время сообщил мальчик. Колдун обернулся ко мне и спросил, что бы я хотел узнать, кого должен мальчик увидеть в зеркале? — «Я хочу знать о вдове Жанн-Мари Поро». Колдун положил в жаровню второй и третий лист бумаги, добавил свежего ладана. Глазам стало больно от паров. Мальчик заговорил. «Я вижу старую женщину, лежащую на кровати. На ней черное платье и на голове маленькая белая шапочка. У нее морщинистое лицо, глаза закрыты. Подбородок подвязан лентой. Кровать стоит в нише. Напротив закрытые ставни».

Мальчик описывал комнату матери в Бретани, ее кровать, а белая шапочка — это чепчик, который она всегда носила. Если она лежала в черном платье с подвязанным подбородком, это могло означать лишь одно... «Что он еще видит?» — спросил я колдуна. Он повторил мой вопрос, и вскоре мальчик заговорил снова.

«Я вижу, как в комнату вошло четверо человек, несущих длинный ящик. И плачущих женщин. На них тоже белые шапочки и черные платья. Вижу человека в белом халате с длинным крестом в руках и маленького мальчика в красном до пола одеянии. Мужчины снимают шапки, и все опускаются на колени».

«Не хочу больше слушать, — сказал я. — Достаточно».

Стало ясно — мать умерла. Вскоре пришло письмо от священника моей родной деревни. Люди похоронили мать в тот самый день, когда мальчик видел это в зеркале чёрной лужицы на своей ладони.

Доктор Поро провел рукой, по глазам. Все молчали.

— Что вы на это скажете? — наконец спросил мистер Хаддо.

— Ничего, — ответил Артур.

Хаддо бросил на него молниеносный взгляд, который, казалось, пронзал насквозь.

— Вы что-нибудь слышали об Элифасе Леви? — спросил он. — Это самый известный из оккультистов нового времени. Говорят, в области черной магии он знал больше, чем любой другой ее адепт со времен божественного Парацельса.

— Однажды я встречался с ним, — перебил его доктор Поро. — Невозможно представить себе человека, менее похожего на чародея. Его глаза светились добродушием, большущая седая борода прикрывала почти половину груди. Он был низенький и толстый.

— Очевидно, занятие черной магией располагает к полноте, — ледяным голосом процедил Артур.

Сюзии заметила: и на этот раз Оливер Хаддо не подал вида, что насмешка задела его. Немигающие глаза остановились на Артуре без всякого выражения.

— Настоящее имя Леви было Альфонс-Луи-Констан, но он по причинам, понятным романтическому уму, взял себе псевдоним, под которым и стал известным. Отец его был сапожником, Леви же собирался стать служителем церкви, но влюбился в некую девицу и женился на ней. Брак не принес счастья. Беднягу постигла печальная судьба, бывавшая уделом и более великих людей, — жена вскоре покинула семейный очаг с любовником. Чтобы утешиться, он начал серьезно заниматься оккультными науками и через некоторое время опубликовал множество работ по всем разделам магии.

— Я уверена, что мистер Хаддо собирается поведать нам что-нибудь очень интересное о нем, — сказала Сюзии.

— Я просто хотел бы рассказать, как ему удалось вызвать в Лондоне дух Аполлония Тианского.

Сюзии поудобнее устроилась в кресле и закурила.

— Он отправился в Англию весной 1856 года, чтобы избавиться от внутренней тревоги и без остатка посвятить себя занятиям магией. У него были рекомендательные письма к различным влиятельным особам, занимающимся вопросами сверхъестественного, но он считал, что они малоинтересны и безразлично относятся к чистой науке. Решил самостоятельно погрузиться в изучение великой Кабалы. Однажды, возвратясь в свой отель, Леви нашел в комнате записку, на крошечном листке бумаги карандашом было выведено: «Другая половина карты будет вручена вам завтра в три часа пополудни перед Вестминстерским Аббатством». Рядом лежала половинка карты. Он сразу узнал на ней часть Соломоновой печати. На следующий день, придя в назначенное место со своей половинкой, он увидел там экипаж с баронской короной на дверце. К нему подошел лакей и, сделав знак, открыл дверь кареты. Внутри сидела леди в черном атласном платье, лицо ее было прикрыто плотной вуалью. Она жестом приказала ему сесть рядом и протянула другую часть карты. Дверцу закрыли, и карета покатила. Когда леди подняла вуаль, Элифас Леви увидел, что дама уже немолода и под ее

седыми бровями горят черные, неестественно неподвижные глаза.

Сюзи Бойд в восторге захлопала в ладоши.

— По-моему, все это страшно интересно, и я уверена, что здесь каждое слово правда, — вскричала она. — Меня восхитило таинственное свидание в древнем Вестминстерском Аббатстве в середине викторианского века. Разве вы не видите перед собой эту пожилую леди в огромном кринолине, черной шляпке и волшебника в старомодном цилиндре, зеленом фраке, с бантом из черного шелка на груди?

— Элифас отмечает, что леди говорила по-французски с заметным английским акцентом, — невозмутимо продолжал Хаддо. — Она обратилась к нему со следующими словами: «Сэр, я знаю, что среди адептов существует суровый закон сохранения тайны и что вас просили объяснить некоторые явления, но вы отказались удовлетворить праздное любопытство. Может, у вас нет необходимых материалов? Могу предоставить вам полный набор предметов для занятий черной магией, но прежде должна потребовать от вас клятвы хранить молчание. Если вы не хотите дать ее, я прикажу отвезти вас домой».

Оливер Хаддо рассказывал эту историю не равнодушным тоном, но с комической серьезностью, так что невозможно было понять, как следует ее воспринимать.

— После того как Элифас дал требуемую клятву, его познакомили с коллекцией облачений и магических инструментов. Леди также дала ему некоторые специальные книги и, наконец, в результате многих бесед, уговорила, чтобы он провел в ее доме сеанс оккультизма. Он готовился в течение трех недель, скрупулезно соблюдая правила, предписанные ритуалом. Наконец, назначенный день настал. Было решено вызвать дух божественного Аполлония и задать ему два вопроса, один из которых касался самого Леви, а другой — хозяйки дома. Она рассчитывала, что им поможет некий надежный человек, но в последний момент этот ее друг отказался от участия в сеансе, и Элифас остался один. Кабинет, приготовленный для эксперимента, размещался в небольшой башне. Четыре вогнутых зеркала висели на каждой из стен, а посередине возвышался алтарь из белого мрамора, обвитый золоченой цепью из магнитного железа. На алтаре была выбита пентаграмма, этот же символ украшал новую белую овчину, покрывавшую

пол. Алтарь венчал медный жертвенник с углем и ветками ольхи и лавра. На треножнике перед ним высился второй жертвенник. Элифас Леви был облачен в белые покровы, более длинные и просторные, чем священнический стихарь, чело его венчали листья вербены, перевитые золотой цепью. В одной руке он держал шпагу, в другой — тревник...

Страсть Сюзи к карикатуре тотчас же пробудилась в ней, и она рассмеялась, нарисовав в воображении толстенького маленького француза с круглыми, красными щечками в таком удивительном облачении.

— Он разжег обе жаровни, — продолжал Хаддо, — и начал читать заклинания из тревника, сначала тихо, а потом все громче и громче. Вначале дым окутал каждый находившийся в помещении предмет, всполохи пламени лишь изредка вырывали из мглы их неясные контуры, но вскоре они начали проступать все четче. Леви добавил в жаровню веток и благовоний, и когда пламя поднялось выше, увидел перед алтарем необычайно высокую человеческую фигуру, которая тут же растворилась и исчезла. Он в третий раз произнес заклинания и встал в круг, начертанный меж алтарём и треножником. Вдруг зеркало, висевшее перед ним, потемнело, и в нем появилась бледная фигура, которая стала как будто приближаться. Леви зажмурился и три раза вызвал Аполлония. Когда он открыл глаза, перед ним стоял человек, закутанный в плащ, скорее серый, чем черный. Лицо человека было худым, печальным и безбородым. Элифас почувствовал страшный озноб и, когда собрался задать свои вопросы, не смог произнести ни звука. Тогда он положил ладонь на пентаграмму и направил острие шпаги на фигуру, заклиная ее этим жестом не вселять в него ужас, а подчиниться. Фигура внезапно стала бледнеть и вскоре снова исчезла. Он приказал ей вернуться и ощутил около себя движение воздуха; кто-то коснулся его руки, державшей шпагу; рука сразу онемела до самого плеча. Он подумал, что оружие не понравилось духу и положил шпагу в центр круга. Человеческая фигура тотчас возникла снова, но Элифас почувствовал такую внезапную слабость во всех членах, что вынужден был сесть. Он впал в глубокий транс, у него начались странные видения. Когда же пришел в себя, то помнил их очень смутно. Рука несколько дней не действовала и продолжала болеть. Дух ничего не сказал ему, но Леви был уверен, что ответ на вопросы прозвучал в его

собственном мозгу. И на каждый вопрос внутренний голос отвечал одним и тем же неумолимым словом: «мертв».

— Ваш друг, по-моему, так же мало боялся привидений, как вы львов, — процедил Бардон. — Насколько я понимаю, совершенно ясно, что все эти приготовления, благовония, зеркала и пентаграммы должны были очень сильно подействовать на его воображение. Меня только удивляет, что чародей столь мало увидел.

— Элифас Леви сам рассказывал мне об этом случае, — вмешался доктор Поро. — Он признался, что влияние сеанса на него было очень велико. Он стал другим человеком, так как ему казалось, что в его душу внедрилось нечто из потустороннего мира.

— Странно, что вы сами никогда не пробовали повторить такой захватывающий эксперимент, — обратился Артур к Оливеру Хаддо.

— Повторил, — спокойно ответил тот. — Мой отец незадолго до смерти утратил дар речи, и я видел, что он изо всех сил стремится что-то мне сказать. Через год после его кончины я вызвал дух отца, чтобы узнать его предсмертное желание. Этот спиритический сеанс столь аналогичен тому, о котором я вам только что поведал, что не стану утомлять вас повторением. Единственная разница заключается в том, что он разговаривал со мной.

— И что же он сказал? — спросила Сюзи.

— Он сказал: «Приобрети акции Ашантис, они должны подняться в цене». Я сделал, как он велел, но отец всегда ошибался в расчетах, и акции постепенно упали. Пришлось продать их со значительными потерями, и я сделал заключение, что в потустороннем мире так же ничего не знают о взлетах и падениях биржевых курсов, как мы в этой юдоли печалей.

Сюзи не могла удержаться от смеха. Но Артур пожал плечами. Его практический ум раздражало, что он никогда не мог быть уверен в том, говорит ли Хаддо серьезно или, как сейчас, явно разыгрывает их.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Два дня спустя Артур получил ответ от своего коллеги Фрэнка Харрела. Фрэнк всегда отличался обстоятельностью, и было видно, что он приложил немало усилий, чтобы

подробно ответить на все вопросы. Одновременно чувствовалось, что он не утратил своего бывшего интереса к неординарным личностям. С кропотливостью ученого, изучающего новые биологические виды, которые его страстно занимают, Харрел проанализировал характер Оливера Хаддо. Вот его ответ:

«Мой дорогой Бардон,

Удивительно, что Вы обратились ко мне, чтобы узнать об Оливере Хаддо именно сейчас, поскольку вчера вечером за обедом в «Квин Энз Гейт» я случайно встретил человека, который мог много порассказать мне о нем. Странно, что он заинтересовал Вас, поскольку его эксцентричность отталкивает от него людей со свойственным Вам практическим складом ума. Трудно представить себе двух человек, более неподходящих друг другу. Хотя я уже несколько лет не встречался с Хаддо, могу многое рассказать Вам о нем. Он ошибался, когда рекомендовал меня как своего близкого друга. Действительно, одно время мы частенько виделись, но в душе я всегда недолголюбил его. Он поступил в Оксфорд из Итона с репутацией отличного спортсмена и большого оригинала. Но вы же знаете, что ничего так не вызывает неприязни мальчишек, как последнее качество, и вскоре Хаддо стал страшно непопулярен. Оказалось, что он превосходно играет в футбол и, если бы не лень, мог бы легко попасть в состав сборной. Но он насмеялся над нашим увлечением спортивными играми и обычно говорил, что крикет — занятие для подростков, а не для мужчин (ему тогда было 18 лет). Он высокопарно расхваливал лишь охоту на крупного зверя и альпинизм, считая, что лишь эти виды спорта требуют мужества и уверенности в себе. Он, несомненно, любил футбол, но играл в него с грубой жестокостью, естественно возмущавшей не только противников, но и партнеров по команде. Общепринято было считать, что Хаддо относился к футболу не как к игре. Правда, он не делал ничего, что было бы явным нарушением правил, но применял зачастую такие приемы, которые большинство людей сочло бы подлыми; и поражение от него было особенно тяжким, ибо, победив, он издевался над побежденными, грубо высмеивая их. А это так трудно выносить в юности.

Хотя сейчас трудно в это поверить, но когда он впервые появился в Оксфорде, то внешне был очень привлекателен.

Теперь-то растолстел, но тогда был прекрасен. Напоминал одну из статуй Аполлона, где греческий бог представлен с женственной мягкостью и тонкостью черт. Он был высок, у него была великолепная фигура. Правда, по тому, как она сформировалась уже в его возрасте, нетрудно было угадать будущую тучность. Держался Хаддо вызывающе. Многие считали это дерзостью. Черты лица правильны и красивы. На голове — масса длинных вьющихся волос, небрежная прическа придавала ему какую-то поэтическую грацию (мне сказали, что теперь он совершенно облысел, и я могу представить себе, какой это для него удар при его-то крайнем тщеславии). Помню особенность его глаз, которая едва ли была естественной, но как он ее приобрел, не знаю. Направление взгляда у большинства людей сходится на рассматриваемом предмете, но направление его взгляда оставалось параллельным. Это придавало ему непередаваемое выражение, будто он тщательно исследовал самые тайные мысли человека, с которым беседовал. Отличался он также экстравагантностью костюма, но, в отличие от эстетов того времени, одевавшихся с артистической небрежностью, был привержен к вызывающе ярким цветам. Иногда, повинаясь капризу, он, единственный из студентов, прогуливался по главной улице Оксфорда в цилиндре и смокинге.

Я написал уже, что он был очень непопулярен, но это было не той непопулярностью, когда человека игнорируют и оставляют предоставленным самому себе. Хаддо знали все, его можно было найти в самых невероятных компаниях. Хотя его не любили, но людям, как ни странно, было приятно его общество, и Оливера приглашали больше, чем кого-либо другого в Оксфорде. Когда ни встретишь, он всегда окружен толпой студентов, готовых сплетничать о нем за спиной, но невольно поддающихся его чарам. Я нередко пытался проанализировать эту двойственность, так как сам испытал его влияние, и хотя совершенно искренне не переносил Хаддо, не мог противиться желанию увидеть его, как только представлялась такая возможность.

Полагаю, что основную массу студентов, которые, несмотря на свою прозаичность, не чужды романтики, он привлекал своей непредсказуемостью. Невозможно было предвидеть, что сделает или скажет он в следующий миг, и это все время держало нас в напряжении. Он не был остроумен, но обладал грубым юмором, который возбуж-

дал чувство смешного, к чему всегда склонна молодежь. Был у него и дар пародиста, заставляющий слушателей покатываться со смеху. Так же талантливо умел он эпатировать окружающих, и изобретательность в этой области давала ему власть над молодыми людьми, чье воображение не шло дальше обычной ругани. Однажды я присутствовал на его богохульственной проповеди, когда Хаддо подражал интонациям покойного настоятеля, чем возмутил и в то же время весьма позабавил слушателей. Он владел более обширными знаниями, чем большинство студентов. Обладая к тому же отличной памятью и быстротой восприятия, Оливер изображал из себя всезнающего, что в равной степени впечатляло и раздражало. Ни разу не довелось мне услышать, чтобы он признался, что не читал какой-нибудь книги. Частенько, когда я старался подловить его, он сбивал меня с толку, цитируя целые абзацы из других книг, которых, могу поклясться, он и в глаза не видел. Думаю, что это был трюк вроде фокуса, когда вас просят выбрать будто бы любую карту, а на самом деле заставляют взять заранее намеченную, и он всегда ловко поворачивал разговор таким образом, что я должен был упомянуть определенную книгу. Говорил он великолепно, хотя напыщенно, но это делало забавным, особенно смешным то, о чем он рассказывал. Его страсть к велеречию резко контрастировала с бытовым языком тех, с кем он разговаривал. И это безусловно придавало вес его словам. Он гордился своим родом и никогда не забывал поведать любопытным о своем знатном происхождении. Если и теперь он не сильно изменился, то вы уже, наверное, наслышаны о его родстве с различными аристократическими домами. Он действительно связан родственными узами с выдающимися людьми, и его предки не менее знамениты, чем он это утверждает. Его отец умер, и он стал владельцем поместья в Стаффордшире, которое является почти историческим. Я видел снимки, оно безусловно очень красиво. Его предки сыграли заметную роль в истории Англии, и он имеет все основания ими гордиться.

Итак, он провел несколько лет в Оксфорде, где его все недолюбливали, но, не доверяя, в то же время уважали. У него была репутация лжеца и мошенника, но нельзя отрицать, что он оказывал большое влияние на других. Развлекал, сердил, раздражал и интриговал всех, с кем стал-

кивался. В нем всегда чувствовалось нечто мистическое, он любил окутывать себя романтическим ореолом. Хотя знал многих, никто по-настоящему не знал его. Он оставался чужим среди нас. О нем ходили легенды, которые он усердно поддерживал, говорили даже, что у него есть тайные пороки, о которых можно упоминать лишь шепотом, затаив дыхание. Ходил слушок, будто Хаддо травит себя восточными наркотиками, посещает грязные опиумные курильни в Ист-Энде. Самый большой сюрприз он преподнес нам в конце учебы, когда вышел на первое место по успеваемости, хотя никто никогда не видел, чтобы он занимался. Покинув Оксфорд, он, кажется, никогда больше туда не заглядывал.

Известно, что Оливер Хаддо немало поколесил по свету. Иногда мне встречались люди, которые знали его в университетские годы, они передавали странные слухи. Один рассказывал, что Оливер бродяжничает по Америке, зарабатывая на жизнь тем, что подвернется по дороге, другой утверждал, что видел его в индуистском монастыре; третий уверял, что Хаддо женился на миланской балерине; а еще кто-то авторитетно заявлял, что он вконец спился. Однако общее мнение всех, с кем бы ни доводилось говорить о нем, гласило: дела Оливера всегда выходят за нормальные рамки. Было ясно: он не из тех, кто может вести добропорядочную жизнь сельского джентльмена, что диктовалось ему и положением в обществе, и состоянием. Наконец, однажды я сам встретился с ним на Пиккадилли, и мы вместе пообедали в Савое. Я едва узнал его, так он растолстел. Шевелюра уже поредела. Хотя ему не могло быть больше двадцати пяти, выглядел он значительно старше. Я попытался выяснить, чем он занимается, но он, как обычно, напустив на себя таинственность, не захотел вдаваться в подробности. Дал только понять, что путешествует по таким местам, куда еще не ступала нога белого человека, что познает святая святых — основу современной науки. Мне показалось, что огрубел и его разум, и облик. Не знаю, было ли это следствием моего собственного развития со времен учебы в Оксфорде и лучшего знания мира, но он уже не казался мне таким блестящим, как прежде. Просто утомлял меня. Его поза, забавная для первокурсника, пришедшего из Итона, теперь была невыносима, и я был рад, когда мы расстались. Характерно, что, пригласив ме-

ня пообедать, он покинул ресторан, великодушно предоставив мне оплачивать счет.

Долгое время я ничего о нем не слышал, пока на днях моя приятельница — мисс Лей — не познакомила меня с немецким путешественником Буркхардтом. Думаю, вы помните, что он недавно издал книгу о своих приключениях в Средней Азии. Я знал, что Оливер Хаддо сопровождал его в этом путешествии, и поэтому собирался прочесть книгу, но был очень занят и не успел. Воспользовавшись встречей, я расспросил немца о нашем общем знакомом, и у нас состоялась долгая беседа. Буркхардт случайно встретился с Хаддо в Восточной Африке, где тот организовал сафари — экспедицию для охоты на крупного зверя, и они решили поехать в Среднюю Азию вместе. Он утверждал, что Хаддо был отличным стрелком и исключительно способным охотником. Вначале Буркхардт с некоторым недоверием отнесся к человеку, беспардонно хваставшему своими успехами, но вскоре должен был признать, что все, о чем тот говорил — чистая правда. Хаддо обладал огромным опытом, и Буркхардт смог в этом убедиться. Однажды ночью он в одиночку вышел против трех львов и к утру убил их тремя выстрелами. Я ничего об этом не знаю, но по тому, как Буркхардт об этом рассказывал, думаю, это был выходящий из ряда вон случай. Характерно, что больше всех сознавал уникальность этого достижения сам Хаддо. Он сделал невыносимой жизнь остальных путешественников, изводя их рассказами о своем успехе. Буркхардт уверял меня, что Хаддо неподражаем в сафари. Словно обладает своего рода инстинктом, который направляет его в самые невероятные места, великолепно чувствует, где можно добыть зверя, чей след он заметил. Храбрость его поражает: следовать за раненым зверем в глухом африканском буше — самое опасное дело в мире. Зверь зачастую видит охотника прежде, чем тот заметил его, и в большинстве случаев нападает. Но Хаддо всегда идет без колебаний. Он не тот, кого принято считать хорошим охотником. Он охотится бессмысленно, без какой-либо осознанной причины, просто из удовольствия убивать и, к возмущению Буркхардта, часто добывал зверей, чьи шкура и рога ему не нужны. Когда антилопы далеко, и бесполезно было бы их преследовать, он все равно стреляет и оставляет несчастное раненое животное умирать медленной смертью.

Хаддо крайне эгоистичен, никогда не поделится с товарищами никакой информацией, чтобы они не смогли воспользоваться ею и не помешали ему в его непрерывной большой охоте.

Но несмотря на это, у Буркхардта возникло столь высокое мнение о способностях и изобретательности Хаддо, что когда он сбивал группу для путешествия в Азию, то пригласил и его принять участие. Хаддо согласился, и в книге Буркхардта содержатся доказательства (если они потребуются) необычайных качеств этого человека. Немец признается, что не единожды бывал обязан жизнью редкому дару Хаддо ориентироваться в различных обстоятельствах. Но они все-таки поссорились из-за жестокого обращения Хаддо с туземцами. У него случилась ссора с одним из проводников, в результате чего Хаддо застрелил беднягу. И хотя клялся, что стрелял в целях самозащиты, его поведение вызвало дезертирство местных помощников. Путешественники попали в очень тяжелое положение. Буркхардт считал, что во всем виноват Хаддо, и не захотел иметь с ним дело. Они расстались. Буркхардт возвратился в Англию, а Хаддо, преследуемый родственниками убитого, едва спас свою жизнь. Больше ничего я о нем не знаю.

Вообще-то он — экстраординарный человек. Признаюсь, совершенно не понимаю его. Не удивлюсь ничему, чего бы о нем не услышал. Советую вам избегать его как чумы. Он не может быть ничьим другом. Как знакомец — вероломен и неискренен; как враг — безжалостен и неразборчив в средствах.

Ужасно длинное письмо!

Прощайте, мой друг. Надеюсь, изучение французских методов хирургии прибавило Вам новой мудрости. Ваше трудолюбие восхищает меня, и я уверен, что Вы в конце концов станете баронетом и президентом Королевского общества хирургов, а также избавите представителей королевской семьи от их червеобразных отростков.

Всегда Ваш *Фрэнк Харрел*

Дважды прочитав письмо, Артур сунул его в конверт и без комментариев отправил мисс Бойд. Ее ответ пришел через несколько часов. «Я пригласила его к чаю в среду и не могу теперь взять назад приглашение. Вы должны прийти помочь нам, но, пожалуйста, будьте с ним любезны, как

ежели бы, подобно большинству из нас, он лишь в мыслях позволял себе нарушать десять заповедей».

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Утром того дня, когда Оливер Хаддо был приглашен к ним на чай, он оставил у двери Маргарет огромный букет хризантем. Их было так много, что строгая студия совершенно преобразилась. Она приобрела праздничность, которую Маргарет, несмотря на шелковые тряпочки, тут и там развешенные по стенам, никогда не могла ей придать. Артуру стало неловко, что не догадался принести цветов. «Ты, наверное, считаешь меня очень невнимательным».

Маргарет улыбнулась и протянула ему руку.

— Ты нравишься мне потому, что тебя не заботят банальные знаки внимания, принятые у влюбленных.

— Маргарет — умная девушка, — улыбнулась Сюзи. Она знает, что когда мужчина посылает цветы, это явный признак того, что он уже восхищался и другими.

— Не думаю, что эти цветы адресованы специально мне.

Артур сел и с удовольствием оглядел комнату. Опущенные шторы и многочисленные светильники придавали ей уют; в ней стояла особая романтическая атмосфера, которая всегда присутствует в студиях художников: располагающая к размышлению и дающая возможность быть серьезным без помпезности и легкомысленным без глупости.

Через несколько дней знакомства между Артуром и Сюзи установились приятельские отношения. Мисс Бойд с позиций незамужней и уже немолодой женщины добродушно подтрунивала над ним. Для нее он был молодым влюбленным глупцом, и ее занимало, что в этой роли даже умный человек может вести себя, словно полный идиот. Но Маргарет понимала, что если подруга подшучивала над Артуром, то лишь потому, что полностью одобряла его поведение. По мере того, как росла их взаимная приязнь, Сюзи все больше восхищалась твердым характером Бардона. Ее поражала его способность разбираться в вещах и действиях, где он чувствовал себя компетентным, и легкость, с которой оставлял без внимания то, о чем не ведал. У него отсутствовала поза. Сюзи также трогала искренность, придававшая очарование резкости Артура. И хотя она ценила

красоту, его грубо высеченное, как у статуи из порфира, лицо, очень нравилось ей. Оно отражало его натуру — сильную, но нежную, честную и простую, лишенную особой романтичности или блеска, но на редкость надежную и внушающую абсолютное доверие. Сейчас он сидел, держа на коленях терьера Маргарет и поглаживая его уши. Сюзи, глядя на него, с болью в сердце думала, почему это ни один человек типа Артура никогда не обращал на неё внимания. Не вызывало сомнений, что он станет отличным семьянином, и его любовь, проснувшись, уже не отступит.

Доктор Поро вошел и со скромностью, составляющей одно из основных его достоинств, уселся в уголке. Он не любил много говорить и молча прислушивался к болтовне молодых людей. Собака спрыгнула с колен Артура и дружески потерлась о ноги доктора. Присутствовавшие разговорились и совсем забыли о том, что ожидается еще один гость. Маргарет отчаянно надеялась, что Хаддо не явится. Она была очень хороша в этот вечер и выполняла обязанности хозяйки с грацией, придававшей ей особое очарование. Вспоминались уютные домашние святые, озаряющие своим сиянием страстные повествования Великой Книги.

— Как здесь чудесно! — улыбнулся доктор Поро, не находя английских слов и выражая по-французски то чувство, которое вызывало у него происходящее.

Как будто некий художник нарисовал эту жанровую сценку, так гармонично сочетались в ней все цвета и так хорошо смотрелись сидящие дружным кружком близкие люди. Атмосфера была удивительно мирной.

Раздался стук, и Артур поднялся, чтобы открыть дверь. По пятам за ним устремился терьер. Вошел Хаддо. Сюзи следила за собакой и уже не удивилась той перемене, которая с ней произошла. Поджав хвост, бедняга отползла вдоль стены и забила в самый дальний угол. Она испуганно и подозрительно оглядела Оливера и спрятала голову. Гость же, занятый приветствиями, даже не заметил, что в комнате есть собака. Со скромностью, неожиданной для него, он принял благодарность Маргарет за цветы. Его поведение удивило их. Он отбросил свою обычную позу и как будто искренне восхищался маленькой уютной студией. Попросил Маргарет показать ему свои рисунки и рассматривал их с подлинным интересом. Его замечания оказались

существенными и обнаруживали познания в вопросах, которые он затрагивал. И, хотя назвал он себя дилетантом, объектом насмешек профессиональных художников, всего только человеком, который знает, что ему нравится, его критические высказывания, пусть и великодушные, доказывали, что он вовсе не любитель. На женщин это произвело впечатление. Отложив рисунки, Хаддо пустился повествовать о своих путешествиях. Было ясно, что он стремится произвести на хозяев благоприятное впечатление. Сюзи стало понятно, каким образом, несмотря на неестественность поведения, ему удавалось оказывать такое большое влияние на оксфордских однокашников. Они любили смеяться и, как заметил Фрэнк Харрелл, — пусть Оливер Хаддо и не обладал тонким остроумием, он компенсировал свой недостаток разнообразными шутками, которые вполне могли сойти за остроты. Однако Сюзи, которую Хаддо очень заинтриговал, пригласила его не с целью позабавиться. Доктор Поро дал ей почитать увлекательную книгу о древних алхимиках, и она использовала ее как повод, чтобы перевести разговор на темы, в которых Хаддо был большим специалистом. Она прочла книгу с восторгом и, воспламененная мистикой, где так удивительно переплетались факты и фантазия, жаждала узнать еще больше. Длительный каторжный труд, которым столь многие из адептов магии были заняты лишь для того, чтобы потерять все свое состояние, а нередко и подвергнуться преследованиям и пыткам, интересовал ее не меньше, чем почти достоверные сообщения о тех, кто добился успеха в своих необычайных поисках.

Она обратилась к доктору Поро:

— Вы смелый человек, если верите, что время от времени древние алхимики на самом деле создавали золото, — сказала она.

— Я этого не утверждаю, — улыбнулся он. — Я просто считаю, что если бы у другого исторического события существовало столько доказательств, оно не вызвало бы сомнений. Мы не верим этим доказательствам, заранее решив, что это не может быть правдой.

— Почему бы вам не написать о жизни Парацельса, о котором вы упоминаете в вашем предисловии?

Доктор Поро улыбнулся и отрицательно покачал головой.

— Не думаю, что когда-либо решусь на такой труд, — сказал он. — Но Парацельс действительно самый интересный из всех алхимиков, поскольку предлагает увлекательнейшую проблему необычайно сложного характера. Невозможно понять, в какой степени он был шарлатаном, а в какой — серьезным ученым.

Сюзии взглянула на Оливера Хаддо, который сидел молча, его массивное лицо было скрыто тенью, а глаза неподвижно устремлены на доктора. От его застывшей огромной фигуры становилось как-то не по себе.

— Его имя не так странно, как кажется, — продолжал доктор. — Ведь он принадлежал к знаменитому семейству Бомбастов, они называли себя Гогенхеймами по месту их древнего владения — замку около Штутгарта. О наиболее интересной для нас части жизни Парацельса документов не сохранилось. Известно, что он путешествовал по Германии, Италии, Франции, Голландии, Дании, бывал в Швеции и России. Даже ездил в Индию, был в плену у татар, познакомился с Великим Ханом, сына которого позднее сопровождал в Константинополь. Представьте только себе этого гения, странствующего по свету в самые знаменательные для мировой истории дни. Именно в Константинополе, согласно легенде, он получил от Соломона Тризмозинуса философский камень. Парацельс обладал также Универсальной Панацеей. Утверждали даже, что в конце XVII века его еще видели живым во Франции. Великий алхимик проехал через страны, расположенные вдоль Дуная, достиг Италии, где служил хирургом в императорской армии. Он собирал сведения у врачей, хирургов и алхимиков, палачей, цирюльников, пастухов, у евреев, цыган, повивальных бабок и гадалок, беседовал с разными людьми — от светских львов до самых бедных бедняков, от ученых мужей до невежд. В предисловии к книге, которую вы держите в руках, я привел цитату, где говорится об объеме его знаний. Это произвело на меня огромное впечатление. Доктор Поро взял книгу из рук мисс Бойд, задумчиво открыл ее и прочел вслух великолепный фрагмент из предисловия к «Paragranum»:

«Я шел в поисках моего искусства, часто подвергая опасности свою жизнь. Не стыдился учиться тому, что казалось мне полезным, даже у бродяг, висельников и цирюльников. Мы знаем, что влюбленный пойдет на край

света за женщиной, которую обожает. Так куда же по-
следует поклонник мудрости в поисках своей божественной
возлюбленной?»

Поро перевернул страницу, чтобы прочесть еще не-
сколько строк:

«Мы должны искать знания там, где можно надеяться
найти их. И почему человек может быть презираем за то,
что путешествует в поисках этих знаний? Те, кто остаются
дома, возможно, станут богаче и будут жить спокойнее тех,
кто странствует; но я не желаю ни спокойствия, ни
богатства».

— Клянусь Богом, это прекрасные слова, — сказал Ар-
тур, вставая.

Их простота тронула его, как не могло бы взволновать
ни одно величественное заявление, они вселили в него еще
большее желание посвятить свою жизнь труду приобрете-
ния знаний. Поро иронически улыбнулся хирургу.

— Однако, человек, написавший это, был во многом
просто уличным торговцем, расхваливающим свой товар с
пошлой бойкостью шарлатана, был несдержан и тщесла-
вен, неискренен и хвастлив. Но ему принадлежит смелый
шаг: писал по-немецки, а не на латыни, тем самым раз-
венчивая застарелую веру в авторитеты, положил начало
свободной мысли в науке. Он продолжал путешествовать
из страны в страну, сопровождаемый толпой учеников,
иногда влекомый в богатый город надеждой на обогаще-
ние, иногда останавливаясь в небольших бедных княжес-
твах по приглашению их правителей. Правда, его без-
рассудство и мстительная злоба соперников не давали ему
задерживаться на одном месте. Но он успел создать много
замечательных лекарств. Нюрнбергские врачи объявили его
шарлатаном, знахарем, самозванцем. Чтобы опровергнуть
их, Парацельс попросил городской совет передать ему боль-
ных, считавшихся неизлечимыми. Ему отдали нескольких
несчастных, страдающих слоновой болезнью, и он излечил
их; и ныне это могут подтвердить свидетельства, найденные
в архивах Нюрнберга. Умер он после драки в таверне и был
похоронен в Зальцбурге. Предание гласит, что, поскольку
его астральное тело уже во время своего физического су-
ществования начало осознавать себя, он и теперь жив и пре-
бывает вместе с другими подобными ему адептами в оп-
ределенном районе Азии. Оттуда все еще оказывает влияние

на умы своих последователей, а иногда даже является им в видимой и осязаемой субстанции...

— Но послушайте, — перебил Артур, — разве Парацельс, как большинство этих средневековых ученых, не сделал в ходе своих изысканий каких-либо практических открытий?

— Я предпочитаю те из них, которые непрактичны, — признался доктор с улыбкой. — Возьмите, например, *Tinctura Physicorum*, которую ни папа, ни император не могут купить за все свои сокровища. В Тинктуре заключена одна из величайших тайн алхимии, и хотя во многих работах по оккультизму она упоминается под названием «Красный Лев», фактически была известна до Парацельса немногим. Ее приготовление чрезвычайно сложно и требует двух людей, равных друг другу по мастерству. Говорили, что «Красный Лев» — пурпурная эфироподобная жидкость. Наименее удивительным из ее многочисленных свойств была способность превращать в золото все низшие металлы. На юге Баварии есть старинная церковь, где, по преданию, эта жидкость все еще хранится захороненной в земле. В 1698 году часть ее проникла сквозь почву, и многие люди оказались свидетелями феномена, который сочли за чудо. Церковь, воздвигнутая на этом месте, все еще является знаменитым объектом паломничества. Парацельс заключает свои инструкции по производству этого «Красного Льва» следующими словами: «Но если они будут вам непонятны, помните, что только тот, кто всем сердцем желает этого, — найдет, только для того, кто настойчиво стучится в двери, они откроются».

— Я никогда не стану пытаться изготавливать ее, — улыбнулся Артур.

— Затем написано «Магическое электричество», книга, помогавшая мудрецам изготавливать зеркала, в которых они могли видеть не только события прошлого и настоящего, но и наблюдать за людьми днем и ночью. Они могли видеть все, что писалось и происходило, узнавать причины, побуждавшие человека делать или говорить что-либо. Но больше всего мне нравится *Primum Ens melissae* — средство для омолаживания. И не только Парацельс, но и его предшественники — Гален, Арнольд из Виллановы и Раймонд Люлли — упорно трудились над его изготовлением.

— Оно снова сделает меня восемнадцатилетней? — с улыбкой спросила Сюзи.

— Не сомневаюсь, — со всей серьезностью ответил доктор Поро. — Лесебрен, врач Людовика XIV, описывает некоторые эксперименты, в которых сам участвовал. Он сообщает, что один из его друзей изготовил это снадобье, и любопытство не давало Лесебрену покоя, пока он собственными глазами не увидел его эффекта.

— Подлинно научный подход, — засмеялся Артур.

— Каждое утро на рассвете он выпивал стакан белого вина с настойкой из этого препарата, и через 14 дней у него стали сходить ногти, что, однако, не причиняло ему боли. Но в этой стадии мужество ему изменило, и он дал принять ту же дозу старой служанке. У нее восстановился один из признаков молодости, но узнав, что она принимает лекарство, старуха испугалась и отказалась пить его дальше. Затем экспериментатор взял горсть зерна, замочил его в эликсире и насыпал перед старой курицей. На шестой день птица начала терять перья и теряла их, пока не стала голой, как новорожденный младенец; но не прошло и двух месяцев, как у нее отросли новые перья, гораздо пышнее, чем бывают у молоденьких кур, гребешок поднялся, и она снова стала нестись.

Артур от души расхохотался.

— Признаюсь, эта история понравилась мне намного больше других. По крайней мере, этот *Primum Ens melissoe* предлагает не такую пустяковую выгоду, как большинство магических секретов.

— Вы называете поиски золота пустяковыми? — спросил Хаддо, нарушив свое долгое молчание.

— Осмелюсь назвать их корыстными.

— Вы слишком высокомерны.

— Ибо считаю, что цели мистиков всегда были низкими или тривиальными. Моему грешному разуму кажется бессмысленным занятием поднимать из могил мертвых, чтобы услышать из их призрачных уст ничего, кроме общих фраз. И я никак не могу преклоняться перед алхимиком, потратившим всю жизнь в попытке получить из свинца золото, и признать его более достойным уважения, чем заслуживает его биржевой маклер в современном цивилизованном мире.

— Но если он стремился получить золото, то делал это ради власти, которую оно дало бы ему, ибо лишь власти

жаждал алхимик, когда размышлял день и ночь над глухими тайнами магии. Власть была целью всех его желаний, власть, а не жалкое ограниченное обладание теми или иными благами. Власть над миром, над всеми живыми существами, власть над элементами, из которых создано все живое, власть над самим Богом! Эта страсть была столь всеобъемлюща, что он не мог остановиться, пока не подчинились бы его воле звезды на своих орбитах.

Хаддо утратил свое спокойствие. Было ясно, что слова эти проникали в его кровь, отравляя ее. Лицо приняло новое, странное выражение.

— А что иное ищут люди, кроме власти? Если жаждут денег, то ради власти, которую они дают, к власти стремятся они с помощью знаний, которые обретают. Глупцы и пьяницы мечтают о счастье, но настоящие мужи стремятся лишь к власти. Маг, волхв, алхимик околдованы очарованием неизвестного; они жаждут величия, недостижимого для обыкновенного человека. И верят, что с помощью науки, изучаемой ими с таким терпением, настойчивостью и стойкостью, с помощью воли и воображения, главных орудий мага, они, наконец, смогут достичь власти, дающей им возможность вступить в единоборство с самим Богом Небесным.

Оливер Хаддо поднял свое грузное тело с низкого кресла и принялся ходить взад-вперед по студии. Странно было видеть этого охваченного необычайным волнением огромного человека, чья серьезность всегда вызывала сомнения.

— Вы говорили о Парацельсе, — продолжал он. — У него есть описание эксперимента, которое доктор утаил от вас. Думаю, вы не сочтете его ни пустячным, ни корыстным, оно ужасно. Не знаю, насколько верно это описание, но было бы чрезвычайно интересно самому проверить.

Хаддо оглядел четырех людей, внимательно наблюдавших за ним. В его манере чувствовалась страсть, свидетельствующая о том, как близко его сердцу то, о чем он говорил.

— Древние алхимики верили в возможность искусственного зарождения жизни. Они утверждали, что с помощью комбинаций психической энергии и неизвестных экстрактов им удастся созидать формы, в которых проявляются признаки живого. Самыми удивительными из этих форм были странные существа мужского и женского пола,

названные ими гомункулусами. Древние философы выражали сомнения в осуществимости подобного, но Парацельс определенно доказывает, что они могут быть созданы. Как-то я случайно подобрал у букиниста на Лондонском мосту одну книгу на немецком языке. Грязная, зачитанная до дыр, многие страницы порваны, переплет едва держится. Она называлась «Сфинкс» и содержала самое невероятное описание, которое я когда-либо читал, о неких существах, генерированных Иоанном-Фердинандом графом фон Кюфштейном в 1775 г. Источниками, из которых взято это описание, были масонские рукописи, но главным образом, дневники некоего Джеймса Каммерера, дворецкого, служившего у графа. Достоверность сведений не оставляет сомнений. Если бы это касалось не столь необычных вещей, вы бы без колебаний поверили каждому слову. Десять гомункулусов — Джеймс Каммерер называет их «пророческими спиритами» — содержались в плотно закупоренных, наполненных водой сосудах, подобных тем, какие используются для консервирования фруктов. Их крышки были запечатаны магической печатью. Существа эти были в 9 дюймов длиной, и граф пожелал, чтобы они выросли. Поэтому сосуды содержались под кучами навоза, ежедневно опрыскиваемого специальной жидкостью, с большим трудом изготавливаемой посвященными. Навоз после такой обработки начинал бродить и пускать пар, будто подогреваемый подземным огнем. Когда сосуды откупорили, оказалось, что «спириты» выросли до 14 дюймов. Мужские гомункулусы обросли густой бородой, и на пальцах у них были ногти. В двух сосудах ничего, кроме жидкости, не было видно, но когда граф фон Кюфштейн трижды постучал по печати, произнеся одновременно магические заклинания на иврите, вода приобрела странный цвет, и спириты показали свои лица сначала очень маленькие, но потом все увеличивавшиеся и достигшие человеческих размеров. Лица эти были жестоки и ужасны.

Хаддо говорил тихо, голос заметно дрожал, и было ясно, что он сильно взволнован. Казалось — едва сохраняет самообладание.

— Граф кормил эти существа один раз в три дня субстанцией розового цвета, которую держал в серебряной коробочке. Раз в неделю сосуды опорожнялись и снова заливались чистой дождевой водой. Это следовало проде-

ливать быстро, потому что когда гомункулусы находились на воздухе, они закрывали глаза, как бы слабели и теряли сознание, словно вот-вот могли погибнуть. В сосуды же с невидимыми спиритами в воду вливали кровь, и она сразу необъяснимо исчезала, не окрашивая жидкость и не изменяя ее состава. Как-то один из сосудов случайно упал и разбился. Гомункулус, находившийся внутри, погиб после нескольких глотков воздуха, несмотря на все усилия спасти его, и был похоронен в саду. Попытка произвести другого провалилась: появилось лишь маленькое, вроде пиявки, существо, которое было нежизнеспособно и тоже вскоре погибло.

Хаддо замолчал. Артур смотрел на него с изумлением.

— Но если даже поверить, что такое возможно, зачем нужно производить этих чудовищ?

— Зачем? — возбужденно спросил Хаддо. — А что, по вашему мнению, почувствовал бы человек, если бы он разгадал величайшую загадку бытия, когда перед ним оказалась бы живая субстанция, которая была раньше мертвой? Этих гомункулусов видели исторические личности: граф Макс Лемберг, граф Франц-Йозеф фон Тан и многие другие. Я не сомневаюсь, что «спириты» были тогда действительно генерированы. Но с нашими теперешними инструментами, с нашим огромным мастерством, что можно было бы создать сегодня, если бы у нас хватило мужества?! Химики в своих лабораториях трудятся над созданием примитивной протоплазмы из мертвой субстанции, органического из неорганического. Я изучил их эксперименты, знаю все, что знают они. Почему нельзя работать в более широком масштабе, присоединяя научные открытия современности к знаниям старых адептов? Не знаю, каким был бы результат. Возможно, он оказался бы удивительным и фантастичным. Иногда мой мозг буквально преследует желание увидеть, как созданная мной безжизненная субстанция начинает двигаться по моей воле, по моему желанию стать равным Господу Богу.

Раздался тихий жутковатый смехок, жесткий и чувственный одновременно. От этого смеха Маргарет начала бить дрожь. Хаддо опустился в кресло, лицо его вновь полностью оказалось в тени. Вследствие необъяснимого эффекта его глаза, пугающе напряженные, казались кроваво-красными и были устремлены в пространство. Артур невольно вздрогнул и пристально посмотрел на Хаддо. Его смех и

сверхъестественный взгляд, его необъяснимое возбуждение — все было чрезвычайно загадочно. И могло иметь лишь одно объяснение: этот человек безумен.

Воцарилось неловкое молчание. Слова Хаддо как-то выпадали из обычной салонной беседы. Доктор Поро рассказывал о магии с долей скепсиса, придававшей определенную иронию предмету разговора, и Сюзи легкомысленно подшучивала над его сообщениями. Но фанатическая убежденность Хаддо привела в замешательство этих критически настроенных людей. Доктор Поро поднялся. Прощаясь, пожал руки Сюзи и Маргарет. Артур, провожая, открыл перед ним дверь. Хорошо воспитанный доктор искал глазами терьера Маргарет.

— Я хотел бы попрощаться с вашей собачкой.

Терьер вел себя так тихо, что все забыли о нем.

— Пойди сюда, Коппер, — позвала Маргарет.

Песик медленно подполз к ним и робко свернулся у ног хозяйки.

— Что это с тобой? — спросила она.

— Он боится меня, — произнес Хаддо с тем же резким смешком, производившим такое неприятное впечатление.

— Глупости!

Доктор Поро нагнулся, погладил песика, потряс ему лапу. Маргарет подняла Коппера и посадила на стол.

— Веди себя хорошо, — приказала она, погрозив ему пальцем.

Доктор с улыбкой вышел из студии, и Артур прикрыл за ним дверь. Вдруг терьер, словно одержимый дьяволом, прыгнул на Оливера Хаддо и вонзил зубы в кисть его руки. Хаддо вскрикнул и, стряхнув собаку, дал ей сильного пинка. Терьер покатился по полу, громко визжа от боли, и больше не шевелился. Маргарет охнула от ужаса и возмущения. Дикая ярость внезапно охватила Артура; он едва сознавал, что делает. Страдания побитого пса, ужас Маргарет, его собственная инстинктивная ненависть к этому человеку — все смешалось в одном безумном порыве.

— Негодяй! — крикнул он и ударил Хаддо кулаком в лицо. Тот тяжело повалился на пол, Артур, схватив за шиворот, приподнял его и стал бешено бить по чему попало. Тряс, как собака трясет пойманную крысу, а затем с бешенством снова бросил на пол. Хаддо почему-то не сопротивлялся. Он в полной беспомощности продолжал лежать

там, где упал. Артур повернулся к Маргарет. Она подобрала побитую собачку и, прижимая к себе, плакала над ней, стараясь успокоить псика. Артур осторожно осмотрел терьера, чтобы проверить, не сломаны ли кости. Они присели у камина. Сюзи закурила сигарету, чтобы совладать с нервами. Она неотрывно думала о человеке, продолжавшем лежать за их спинами огромной бесформенной грудой. Что он теперь сделает? Ей было непонятно, почему Хаддо не убирается вон. И стыдно за его унижение. Вдруг ее сердце замерло, она увидела, что тот поднимается. Вставал медленно, с большим трудом, как очень грузный человек. Потом прислонился к стене и окинул взглядом присутствующих. Долгое время стоял не шевелясь. Его неподвижность действовала Сюзи на нервы; она чувствовала, что готова закричать, ощутив на себе взгляд этих нечеловеческих глаз, чье выражение даже не осмеливалась представить себе.

И все же мисс Бойд не могла больше противиться искушению; повернулась, чтобы увидеть Хаддо. Глаза его неотрывно следили за Маргарет, он совсем не обратил внимания на то, что и за ним самим наблюдают. Крупное лицо, искаженное сатанинской ненавистью, было ужасным. Страшно было смотреть. Но постепенно это лицо стало меняться. Багровый цвет уступил место мертвенной бледности. Мстительный оскал исчез, и улыбка медленно разлилась по лицу Оливера, улыбка еще более пугающая, чем гримаса злобы. Что она могла означать? Сюзи чуть не вскрикнула, но язык прилип к нёбу. Потом улыбка сошла, и лицо Хаддо вновь приняло привычное индифферентное выражение. Маргарет и Артур осознали, наконец, силу этих нечеловеческих глаз. Они оцепенели. Собака перестала скулить. Тишина была такой полной, что каждый слышал биение собственного сердца. Это было невыносимо.

Наконец, Хаддо медленно приблизился к Маргарет.

— Прошу вас простить меня за то, что я сделал, — сказал он. — Боль от укуса была так остра, что я потерял самообладание. Глубоко сожалею, что ударил ее. Мистер Бардон совершенно справедливо наказал меня. Я признаю, что заслужил трепку.

Он говорил тихо, но очень отчетливо. Сюзи была потрясена. Униженное извинение было последним, чего она могла ждать.

А Оливер ждал ответа Маргарет. Но она не могла поднять на него глаз. И когда заговорила, ее голос был еле слышен.

Она не могла понять, почему, но унижение гостя сделало его еще более отталкивающим.

— Пожалуйста, уходите, — пробормотала она.

Хаддо слегка поклонился. Он посмотрел на Бардона.

— Хочу сказать вам, что не держу на вас зла за то, что вы сделали. Я признаю справедливость вашего гнева.

Артур не ответил. Хаддо мгновение колебался. Медленно оглядел каждого из них. Сюзи показалось, что в его глазах промелькнуло подобие улыбки. Она наблюдала за ним пораженная, в полном замешательстве.

Оливер взял шляпу и, снова поклонившись, вышел.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Сюзи не могла убедить себя, что раскаяние Хаддо было искренним. То, как принял он свое унижение, вызвало подозрения. Не удавалось изгладить из памяти и его фальшивую улыбку, сменившую страшный оскал, полный смертельной ненависти. Воображение рисовало ей различные тайные пути, с помощью которых Оливер Хаддо мог бы отомстить своему врагу, и она постаралась убедить в этом Артура. Но тот в ответ только рассмеялся.

— Хаддо трус, — заявил он. — Разве иначе позволил бы он мне бить себя, даже не пытаясь обороняться?

Трусость Хаддо усиливала его отвращение к нему. Страх Сюзи забавлял.

— Ну что он может мне сделать? Не сбросит же на голову кирпич? Если застрелит, его приговорят к смертной казни, а он не такой осел, чтобы рисковать.

Маргарет была рада, что этот инцидент избавил их от общества Оливера. Спустя несколько дней, столкнувшись с ним на улице, она совсем успокоилась, поскольку он прошел мимо, лишь приподняв шляпу.

Они с Артуром уже обсуждали, когда назначить день свадьбы. Девушка считала, что взяла от Парижа все, что он мог ей дать, и теперь жаждала скорее начать новую жизнь. Ее отношение к Артуру стало вдруг еще нежнее, сердце сжималось от восторга при мысли о том счастье, которое она может ему дать.

В эти дни Сюзи получила телеграмму. Текст гласил:

«Прошу встретить на Северном вокзале в 14.40.

Нэнси Кларк.»

Нэнси была ее старинной приятельницей. Ее фотография с размашистой надписью стояла на каминной полке, и Сюзи принялась внимательно ее разглядывать. Не виделись они с Нэнси давно, и эта срочная телеграмма очень удивила мисс Бойд.

— Как некстати, — поморщилась она. — Придется ехать на вокзал.

В этот день они с Маргарет собирались на чай к друзьям, а поездка на вокзал должна была занять так много времени, что после встречи Сюзи уже не имело смысла возвращаться домой. Поэтому она договорилась с Маргарет, что явится туда, куда они были приглашены, прямо с вокзала. Около двух пополудни она покинула студию.

А у мисс Донси в этот день были занятия, и она вышла на несколько минут позже. Едва очутившись во дворе, она вздрогнула: мимо прошел Оливер Хаддо. И как будто не заметил ее. Вдруг он остановился, приложил руку к сердцу и тяжело повалился на землю. Консьержка, единственный человек, видевший это, с криком подбежала к нему. Присела возле и с ужасом огляделась вокруг. Тут она увидела побледневшую Маргарет.

— О, мадемуазель, — взмолилась она, — идите скорее сюда!

Девушка была вынуждена подойти. Ее сердце бешено колотилось. Посмотрела на Оливера. Ей показалось, что он мертв, и, забыв о своем отвращении, она инстинктивно опустилась около распростертого тела на колени. Расстегнула воротничок сорочки. Хаддо открыл глаза. Лицо его исказила гримаса страдания.

— Ради всего святого, внесите меня в дом, — простонал он. — Боюсь умереть на улице.

Ей стало жаль его. Тащить умирающего в душную, дурно пахнущую каморку консьержки было нельзя. С ее помощью Маргарет поставила Оливера на ноги, и вдвоем они отвели его в студию. Хаддо тяжело опустился в кресло.

— Дать вам воды? — спросила Маргарет.

— Достаньте, пожалуйста, коробочку из жилетного кармана.

Он проглотил белую таблетку, которую девушка достала из коробочки, прикрепленной к цепочке часов.

— Прискорбно, что доставил вам столько беспокойства, — с трудом проговорил Хаддо. — Я страдаю болезнью сердца и иногда очень близок к смерти.

— Я рада, что смогла помочь вам, — ответила она.

Теперь он задыхался как будто свободнее. Девушка на некоторое время отошла, чтобы дать ему возможность прийти в себя. Взяв книгу, Маргарет попыталась читать. Вскоре, не вставая с кресла, Хаддо заговорил.

— Вы должны ненавидеть меня за неприятности, которые я вам доставил.

Голос совсем окреп. И ее жалость, по мере того, как ему становилось лучше, таяла. Она процедила с ледяным безразличием:

— Я не могла сделать для вас меньше того, что сделала. Я бы и бродячего пса принесла к себе, если бы он так страдал.

— Чувствую, вам хочется, чтобы я поскорее покинул ваш дом.

Поднялся и направился к двери, но споткнулся и со стоном упал на колени. Маргарет подбежала к нему, внутренне упрекая себя за свои презрительные фразы. Человек чуть не умер, а она так безжалостна!

— О, пожалуйста, оставайтесь, сколько угодно, — воскликнула она. — Извините, я не хотела вас обидеть.

Он с трудом добрался до кресла, и она, мучимая совестью, беспомощно стояла над ним. Налила и протянула стакан воды, но он отстранил его, словно не хотел быть обязанным ей даже такой малостью.

— Могу ли я что-нибудь сделать для вас? — спросила она со слезами в голосе.

— Ничего, просто позвольте мне немного посидеть в этом кресле, — прошептал Оливер.

— Пожалуйста. Отдыхайте. Я не гоню вас.

Он не ответил. Маргарет вновь отошла, села и притворилась, что читает. Вскоре Хаддо заговорил. Голос его доносился как бы издалека.

— Вы никогда не простите меня за то, что я на днях натворил?

Не глядя на него, даже не повернув головы, Маргарет пожала плечами.

— Не все ли вам равно, прощу я вас или нет?

— У вас нет никакой жалости. Я же еще тогда сказал вам, что сожалею, что внезапная острая боль заставила меня сделать то, в чем я сразу горько раскаялся. Думаете, легко мне было при сложившихся обстоятельствах признать свою вину?

— Давайте не будем говорить об этом. Не хочу вспоминать тот ужасный инцидент.

— Ах, знали бы вы, как я одинок и несчастлив, нашли бы в своем сердце хоть крупицу жалости ко мне.

Голос звучал нежно и проникновенно. Маргарет не сомневалась, что Хаддо говорит искренне.

— Вот вы считаете меня шарлатаном, потому что я стремлюсь к тому, что вам неизвестно. Не хотите понять меня. Не испытываете никакого уважения к тем великим целям, которых я хочу достичь всей душой.

Она вновь пожала плечами. Некоторое время они помолчали. Когда зазвучал его голос, он уже был другим — вкрадчивым, как бы обволакивающим.

— Вы смотрите на меня с отвращением и презрением. Скорее предпочли бы оставить меня на улице, чем протянуть руку помощи? А ведь если бы, почти вопреки своему желанию, вы не проявили ко мне милосердия, я бы умер.

— Какое значение имеет для вас то, как я к вам отношусь? — прошептала она.

Маргарет никак не могла объяснить себе, почему его тихий, бархатный голос таинственным образом затрагивал струны ее души. И сердце трепетало.

— Для меня это важнее всего на свете. Ужасно думать о вашем презрении. Я чувствую, как вы добры и чисты. С трудом переношу собственную никчемность. А вы отводите от меня глаза, словно я нечистый.

Она слегка повернулась в кресле и посмотрела на непрошеного гостя. Ее поразила происшедшая в нем перемена: вызывавшая у нее отвращение тучность Хаддо уже не казалась такой отталкивающей, глаза приобрели новое выражение, в них, влажных от слез, сияла нежность, губы искажала гримаса страдания. Ей никогда не приходилось еще видеть такого отчаяния на лице мужчины, и девушку охватило чувство вины.

— Я не хочу быть несправедливой к вам, — проговорила она.

— Сейчас я уйду. Это лучший способ отблагодарить вас за то, что вы для меня сделали.

Слова его были столь горькими, произнесены с таким самоуничижением, что щеки Маргарет залила краска стыда.

— Прошу вас, оставайтесь! Но, если можно, поговорим о чем-нибудь другом.

Несколько минут он сидел молча. Казалось, больше не глядит на хозяйку. Она же исподтишка наблюдала за ним. Хаддо разглядывал репродукцию «Джоконды», висевшую на стене.

И вдруг заговорил. Прочитировал слова восхищения, которыми Валтер Патер выразил свой восторг перед, этим всемирно известным шедевром.

«Вот лицо, на которое устремлены взоры во всех частях света, и оно выглядит немного усталым. Это красота, отражающая красоту души, предмет безумных мыслей, фантастических мечтаний и утонченных желаний. Поставьте рядом с ней мраморных греческих богинь или прекрасных античных женщин, и они побледнеют в сравнении с ее красотой, куда вселилась ее душа со всеми страданиями. Вся мудрость и опыт мира воплотились в этом лице, и чувственность Греции, и похоть Рима, и мистицизм Средних Веков с их устремленностью к возвышенной любви и языческие культы, и пороки Борджиа».

Его голос, убаюкивающий и мелодичный, сливался с музыкой слов, и Маргарет казалось, что никогда раньше не слышала она таких божественно красивых слов. Они опьяняли. Хотела попросить продолжить, но горло перехватило. Как бы угадав ее желание, он заговорил снова. Теперь его голос обрел все богатства органа, звуки которого доносились как бы издалека.

«Она старше, чем скалы, среди которых сидит; подобно вампиру она множество раз умирала и возрождалась, познав тайны могилы; ныряла в глубины морей и хранит в себе память о затонувших цивилизациях; она странствовала в поисках неизведанных пороков с купцами Востока; как Леда, была матерью Елены Троянской, как Святая Анна — матерью Марии; вся человеческая история была для нее лишь звуком лиры или флейты, а сама жизнь — созданием неведомого художника, высекающего изменчивые лица и окрашивающего глаза и кожу».

Затем Хаддо обратился к Леонардо да Винчи, перемешивая собственную фантазию с возвышенными словами эссе, которое, благодаря прекрасной памяти, знал наизусть. Ему нравились мистические картины; творцы их стремились выразить нечто такое, что невозможно было передать на холсте: неутоленность желаний и тоску по неземным страстям. Оливер отыскивал эти качества в самых

неожиданных произведениях, и его слова открывали значение картин, на которые Маргарет раньше не обращала внимания. Его влекло все необычное, даже извращенное и чудовищное, изображавшее безобразие человека или напоминавшее о его смертности. Он вывел перед Маргарет целое скопище карликов Риберы с их хитрыми улыбками, безумным блеском глаз, с их злобой; он смаковал их уродства, одновременно отталкивающие и завораживающие; сгорбленные спины, кривые ноги и гидроцефальные головы. Поведал о картине Валдеса Лила, хранящейся где-то в Севилье: там изображен священник у алтаря; алтарь с резным цветочным орнаментом украшен позолотой. На священнике — роскошная сутана, под ней стихарь с тонкими кружевами, но облачение давит его так, будто его вес ему не под силу. И во всем: в слабых, трясущихся руках, в белом, восковом лице, в темных провалах глазниц — во всем ощущается распад тела, вызывающий в зрителе ужас. Кажется, священник с трудом сохраняет свою ветхую плоть, но у него нет и желания освободить ее из плена — лишь отчаяние, будто Господь Всемогуший покинул его и небеса не дают утешения. Вся красота жизни исчезла, в мире не осталось ничего, кроме распада. Омерзительное гниение поразило еще живого человека; могильные черви, надвигающиеся небытие и мрак, разверзающийся перед глазами, — не сулят ничего, кроме ужаса. Впереди лишь тьма и бурное море, темная ночь души, о которой толкуют мистики, и тревожное море жизни, где нет пристанища измученным и больным.

Маргарет слушала почти не дыша, с интересом исследователя, перед которым открывались равнины еще неизведанного континента. Художники, которых она знала, говорили о своем искусстве лишь с точки зрения техники, и образное восприятие Хаддо было для нее в новинку. Ее зачаровывал и пугал человек, произносивший свои изощренные фразы. Глаза Оливера были прикованы к ней, и она откликалась на его слова, словно тонкий прибор, отсчитывающий биения сердца. Все тело охватила странная истома. Наконец, он замолчал. Маргарет не могла и пальцем шевельнуть. Как загипнотизированная. Казалось, силы оставили ее, а тело — неподвластно.

— Мне бы хотелось что-нибудь сделать для вас в благодарность за то, что вы сделали для меня, — сказал Хаддо.

Он встал и подошел к роялю.

— Сядьте поближе, — указал он на кресло, стоящее возле вращающегося табурета.

Она и не подумала воспротивиться. Оливер сел к роялю. Маргарет уже не удивляло, что он заиграл превосходно, хотя было почти невероятно, что эти большие толстые пальцы могли так нежно касаться клавиш и извлекать такие удивительные звуки. Пианист как будто вкладывал в свою игру страдающую, мятущуюся душу, и инструмент отвечал ему трепетной, почти человеческой любовью. Это было странно и страшно. Она смутно припоминала мелодии, которые он исполнял, под его пальцами в них ощущался аромат экзотики, столь гармонизировавший с тем, о чем он недавно говорил. Память у него была поразительной: внутренним чутьем угадывал он желания, владевшие Маргарет, и выбирал то, что в этот момент ей было особенно необходимо. Затем зазвучали вещи, которых она не знала. Никогда не слышала подобной музыки: примитивной, меланхоличной, мистически отрешенной, вызывающей в воображении лунные ночи в пустыне, с пальмами, застывшими в неподвижном воздухе над бескрайними пространствами оранжево-желтых песков. И одновременно казалось, что знакомы ей извилистые узкие улочки оазисов, белые молчаливые дома, отбрасывающие загадочные лунные тени и отблески желтого света из окон, из-за которых слышались звуки диких инструментов и доносились терпкие запахи восточных ароматов. В воображении Маргарет как бы брела процессия таинственных существ. Мона Лиза и Иоанн Креститель, Бахус и Анна, мать Святой Девы Марии, проществовали перед ней, сменяя друг друга. Иродиада, дочь Ирода, воздела в танце руки, как бы совершая мистический обряд и призывая чужеземных богов. Лицо ее было бледно, а черные глаза покраснели от бессоницы; драгоценные камни на поясе Иродиады тускло поблескивали, одежда ее давно утратила свои цвета. С улыбкой, в которой отразилась вся мировая скорбь и все пороки мира, она установилась на дряхлого Иоанна и голосом, леденящим, как само дыхание смерти, пропела слова поэта: «Я обожаю тело твое, Иоконаан. Оно подобно лилии на темной воде, оно бело, как снег, лежащий на вершинах гор иудейских и падающий в долины. Розы в саду царицы Аравийской не так белы, как тело твое. Ни благовонные розы в саду владычи-

цы Аравии, ни белые ноги рассвета, ступающего по листьям, ни перси луны, возлежащие на груди моря... Ничто в мире не бело так, как тело твое. Истоми меня касанием чресл твоих...»

Оливер Хаддо перестал играть. Оба сидели не шевелясь. Наконец, Маргарет удалось взять себя в руки.

— Я начинаю верить, что вы действительно маг.

— Я мог бы, если бы вы захотели, показать вам странные вещи, — ответил он, вновь поднимая на нее глаза.

— Не думаю, что вам когда-нибудь удастся заставить меня принять оккультную философию, — засмеялась она.

— Однако, она правила в Персии вместе с магами, подарила Индии замечательные традиции и вознесла Грецию до уровня лиры Орфея...

Он стоял перед Маргарет, возвышаясь над ней своей огромной фигурой; его взгляд непреодолимо притягивал ее. Казалось, что он произносит свои слова лишь затем, чтобы скрыть, что именно на ней сконцентрировал всю энергию, которой обладал.

— Магия лежала в основе расчетов Пифагора, скрываясь под первыми научными принципами; она устами оракулов правила империями, от ее прорицаний на своих тронах бледнели тираны. Умы одних она привязывала к себе с помощью любопытства, других — с помощью страха...

Его голос совсем затихал, но оставался столь проникновенен, что у девушки закружилась голова. Слова действовали слишком сильно, подобно чересчур крепкому запаху.

— Я утверждаю, что для этого искусства нет ничего невозможного. Оно повелевает элементами, понимает язык звезд и направляет планеты по их орбитам. Луна по их приказанию становится в небе кроваво-красной. Мертвые встают из могил, и ночной ветер, который стонет в их черепах, преобразуется в зловещие звуки. Небо и Ад подвластны магии, как и все виды живых существ, прекрасные и безобразные, как любовь и ненависть. Мановением палочки Цирцеи она может обратить людей в диких зверей, а зверей сделать чудовищами с человеческими лицами. Жизнь и смерть держит в руках тот, кто знает секреты этого искусства. Оно обещает бессмертие и дарит богатство, превращая металлы в золото.

Маргарет почти не слышала, что он говорит. Сон медленно охватывал ее под его пристальным взглядом, ею ов-

ладело бессилие, и она даже не пыталась освободиться от наваждения, словно была уже прикована к магу невидимыми цепями.

— Если вы обладаете властью, покажите ее, — прошептала она, едва сознавая, о чем просит.

Внезапно он ослабил то могучее усилие воли, которым удерживал ее в подчинении. Как человек, израсходовавший все силы и одержавший победу, Хаддо с легким вздохом крайнего изнеможения расслабил мускулы. Маргарет молчала, но понимала: сейчас случится что-то страшное. Ее сердце трепетало, как птица, бьющаяся в силке, но было уже поздно — не вырвешься. Ее просьба вызвала нечто неотвратимое.

На плите стоял таз из полированной меди, куда хозяйки студии наливали воду для увлажнения воздуха. Оливер Хаддо сунул руку в карман и вытащил серебряную коробочку. Постучал по ней, как курильщик стучит по табакерке, улыбнулся, и она открылась. Прихватив шепотку голубого порошка, бросил его в воду, находившуюся в медном тазу. Тотчас же взметнулось яркое пламя. Маргарет вскрикнула. Оливер быстро взглянул на нее и жестом удержал на месте. Она видела, как горела вода, горела так ярко и жарко, будто в тазу был обычный светильный газ; и с тем же глухим хриплым шумом. Вдруг вода исчезла. Маргарет подвинулась ближе и сообразила, что таз пуст. Вода сгорела, как солома, не осталось ни капли. Девушка растерянно провела рукой по лбу.

«Но вода не может гореть», — пробормотала она про себя.

Казалось, Хаддо прочел ее мысль и улыбнулся в ответ странной улыбкой.

— Знаете ли вы, что человечество не изобрело ничего более разрушительного, чем этот голубой порошок? У меня его достаточно, чтобы сжечь воду во всем Париже.

Он умолк, словно стремясь забыть о ее присутствии. И в задумчивости смотрел на свою серебряную коробочку.

— Правда, приготовить его можно только в очень небольших количествах, ценой неимоверного труда и с огромными затратами. Он слишком легко улетучивается, хранить его более трех дней невозможно. Иногда мне казалось, что при некоторых усилиях я сумел бы сделать этот препарат более стабильным, так его модернизировать, чтобы он,

как радий, не сгорал, не терял своей силы; тогда мне удалось бы овладеть величайшим секретом, когда-либо существовавшим на свете. Поскольку порошок не улетучивался бы, его действию не было бы конца. Вода продолжала бы гореть, пока на земле оставалась бы хоть капля влаги. Он мог бы спалить всю землю. Чудовищную власть получит тот, кто овладеет его стабильностью, ибо бросить его в воду означало бы обречь все живое на неизбежную гибель.

Хаддо перевел дыхание и в его глазах загорелся дьявольский огонек. Голос охрип от волнения.

Маргарет содрогнулась, но и подумать не посмела, что этот человек сумасшедший. И не пыталась судить его. Оливер набрал еще щепоть этого страшного порошка и бросил в медную чашу. Вновь порылся в кармане и вытащил пригоршню какого-то вещества, походившего на истолченные сухие листья. Вероятно, в них еще оставался след влаги, так как на дне чаши немедленно вновь поднялось пламя, правда, не такое могучее, как в первый раз. Странные испарения заполнили комнату. Запах их был резок, и он одурманивал. Стало трудно дышать, Маргарет закашлялась. Хотела попросить Оливера прекратить опыт, но не могла вымолвить ни слова. Он взял таз и поднес ей, приказав:

— Взгляните!

Она наклонилась и увидела на дне сгусток голубого пламени, необычайно твердого, похожего на расплавленный металл. Оно было неподвижным, но странно извивалось, будто змейки огня мучались от собственного неземного жара.

— Вдохните как можно глубже.

Она повиновалась. Внезапная дрожь пробежала по телу, и Маргарет погрузилась во тьму. Пыталась было закричать, но не могла издать ни звука. Голова кружилась, показалось, что Хаддо пытается закрыть ей лицо. Еще раз глотнула воздух, чтобы не задохнуться, и земля ушла из-под ног. Почудилось, что тело устремилось куда-то с невероятной скоростью. Маргарет шевельнулась, но Хаддо приказал не оглядываться. Смертельный ужас охватил ее. Она не знала, что ее несет, но двигалась все быстрее и быстрее, и сам ураган не поспел бы за ней. Наконец, остановилась, и Хаддо взял ее руку.

— Не бойтесь, — сказал он. — Откройте глаза и встаньте.

Их окружала ночь, но это была не умиротворяющая ночь, успокаивающая усталые души смертных; это была

ночь, таинственным образом приводящая души в смятение, когда каждый нерв напряжен до предела. Темноту прорезало багряное зарево, и в его свете можно было различить очертания искаженных предметов. Луны не было видно, но мерцающие звездочки, как души умерших грешников, казалось, танцевали на листочках вереска бледными ночными огнями. Кусты вереска топорщились в огромной развороченной пустыне, наполненной обломками гигантских скал и скелетами безлистных деревьев, изломанных и изгрызанных, как истерзанные болью души. Казалось, будто тут пронеслась разрушительная гроза, и земля отдыхает после дождевых потоков и ураганного ветра. Окружающее молча страдало, как измученный человек, у которого нет сил понять, что его беды кончились. До Маргарет доносилось хлопанье крыльев чудовищных птиц, словно бы нашептывающих ей удивительные истории о своих перелетах. Оливер крепче сжал ее руку. И уверенно вывел на развилку дорог. Она не ведала, что их окружало: обломки скал или разрушенные могилы.

Вдруг раздался трубный зов, и со всех сторон, там, где только что ничего не было, полезли какие-то существа. Огромное пустое пространство наполнилось тенями, и они, подгоняя друг друга, покатались, как морские валы. Девушке показалось, что пред ней предстало все царство мертвых: мрачные тираны и размалеванные куртизанки, римские патриции в алых тогах и восточные султаны. Все великие грешницы прошлого продефилировали перед ней: Иродиада, целующая уста отрубленной головы, Клеопатра, опустившая бледное похотливое лицо, Мессалина, кривящая ненасытные губы и сверкающая полными злобы глазами. Мелькали перед ней кроваво-красные сутаны кардиналов, рыцари в стальных доспехах, гомосексуалисты в женских одеждах и дамы в кринолинах и напудренных париках. Внезапно порыв ветра унес их всех прочь, как осенние листья, и перед Маргарет потянулись молчаливые толпы рабов, неисчислимых, как песчинки на морском дне. Их худые лица были землистыми от нужды и впалыми от болезней, а в глазах горела безысходность отчаяния. Рабы стремились вперед, как взбунтовавшаяся толпа, в ужасе бросающаяся в узкие улочки, спасаясь от преследования конницы, вызванной для ее усмирения. Казалось, будто весь мир собрался здесь, в этом страшном пространстве.

Затем все снова опустело, и перед Маргарет возникло огромное искореженное дерево, стоящее среди пустыни в полном одиночестве; и хотя оно было мертвенно-неподвижным, чудилось, что страдает больше, чем человек. Молнии сбили с него крону, но ветер столетий не сумел вырвать с корнями. Истерзанные ветви, голые, лишенные листвы, были похожи на руки Титана, заломленные в смертельной тоске. Через мгновение к горлу Маргарет подступила тошнота от страха; с деревом произошла перемена, в нем возникло биение жизни: грубый ствол обратился в могучий торс, скрюченные ветви — в человеческие руки. Дерево стало козлоногим чудовищем, огромней любых монстров, что могут привидеться в кошмарных снах. Рога, длинная борода, обросшие шерстью ноги с копытами и большие человеческие руки. Похотливое и жестокое лицо ужасно и, все-таки, божественно. Перед ней был Пан, играющий на своей свирели, и его сладострастный взгляд ласкал ее с отталкивающей нежностью. И вдруг будто рассеялся туман — ее взору открылся прекрасный вид, звериная часть этого мерзкого существа как бы растаяла, и перед Маргарет оказался обнаженный, атлетического сложения юноша с тонкими чертами благородного лица. Движимая любопытством, она попыталась подойти ближе, но фигура юноши тоже начала растворяться в облаке, и она почувствовала, что ее вновь окружают мечущиеся толпы. Опять возникли все легендарные чудища и дикие звери, порожденные бредом параноиков. Из тьмы выплыли огромные жабы, с лапами, прижатыми к животу, гигантские шмели, покрытые панцирями, какие-то примитивные, трещащие роговой чешуей твари с крабьими глазами, крылатые змеи и ползучие гады, зарождающиеся в грязи. Она слышала пронзительные вопли и взрывы смеха, вселяющие ужас крики воинов, гибнущих в смертельных схватках. Женщины Хаггарда, простоволосые и развратные, разносили вино, и там, где они проливали его, оставались пятна, напоминающие пятна крови. Маргарет чудилось, что в ее жилах течет огонь, а душа покинула тело; но ее место заняла новая душа.

И вдруг ей стало понятно, почему это зрелище столь непристойно. Ведь она принимает участие в оргии чудовишной похоти, ей открылась порочность мира! Она увидела такие мерзости, что закричала от ужаса, и тут услышала рядом язвительный смех Оливера. И почувство-

вала, как он взял ее руки в свои. Попыталась вырваться, но он сказал: «Не надо бояться».

Голос его опять стал вполне естественным, и до ее сознания дошло, что они мирно сидят в студии. Она испуганно огляделась. За окном уже сгущались ранние осенние сумерки, комнату освещали лишь блики огоньков от догорающих в камине углей. Но все еще ощущался слабый дурманящий запах вещества, которое сжег Хаддо.

— Зажечь свечи? — спросил он.

Поднес спичку к канделябру, стоящему на рояле. Свечи отбрасывали странный свет. Маргарет вспомнила все, что ей сейчас привиделось, и поняла: Хаддо все время находился рядом. Ее охватил стыд, невыносимый стыд, краска, залившая щеки, казалось, готова была сжечь их. Она закрыла лицо ладонями и рыдалась.

— Уйдите, — проговорила она сквозь слезы. — Ради Бога, уйдите.

Мгновение он вглядывался в нее, на губах играла улыбка, та, которую Сюзи подметила после его схватки с Артуром.

— Когда вам захочется встретиться со мной, вы найдете меня на улице Вогино в доме 209, — сказал он. — Постучитесь во вторую дверь слева, на третьем этаже.

Она не ответила. Ей все еще было ужасно стыдно.

— Я запишу, чтобы вы не забыли.

Оливер нацарапал адрес на листке, который нашел на столе. Маргарет не поднимала головы. Рыдала так, что казалось, разорвется сердце. Вдруг она вздрогнула — рядом никого не было. И не слышно было, чтобы кто-то открыл и затворил дверь. Девушка упала на колени и принялась исступленно молиться, будто ей угрожала какая-то смертельная опасность.

Но когда раздались звуки открываемой ключом двери, Маргарет вскочила. И стояла, прислонившись спиной к каминной решетке, спрятав руки за спину, в позе пленника, готового доказывать свою невиновность. Сюзи вошла в комнату и, застав компаньонку в таком волнении, очень рассердилась.

— Почему ты не пришла на чай? — упрекнула она. — Я не могла понять, что с тобой произошло.

— У меня ужасно разболелась голова, — ответила Маргарет, стараясь взять себя в руки.

Мисс Бойд устало опустилась на стул. Маргарет заставила себя поинтересоваться:

— Нэнси хотела сообщить тебе что-то важное?

— Мы не встретились, — раздраженно ответила Сюзи. — Ничего не понимаю. Я прождала, пока сошли все пассажиры, но ее на вокзале не было. Тогда я подумала: может, она неверно указала время? Или приехала не из Англии. Короче, я еще с полчаса безрезультатно топталась на перроне.

Она подошла к камину, на котором оставила телеграмму, вызывавшую ее на Северный вокзал, и внимательно перечитала ее.

— Как глупо с моей стороны! — воскликнула она. — Не обратила внимания, на почтовый штемпель! Телеграмма послана с улицы Литре.

Ходу от их студии до улицы Литре каких-то десять минут. Сюзи озадаченно вертела листок с телеграммой.

— Интересно, не сыграл ли кто-нибудь со мной глупой шутки? Но зачем? — улыбнулась она. — Если бы я была подозрительной, то подумала, что ты сама послала ее, чтобы выпроводить меня из дома.

У Маргарет мелькнула мысль, не был ли автором телеграммы Оливер Хаддо. Он мог заметить имя Нэнси на фотографии во время своего первого визита в студию. Но у нее не было времени размышлять над этим, и она ответила с легкой улыбкой:

— Если бы я хотела отделаться от тебя, я бы так и сказала.

— Я полагаю, у нас никого не было?

— Никого.

Ложь сорвалась с ее губ прежде, чем Маргарет успела подумать об этом. Ее сердце заколотилось. Она покраснела.

Сюзи встала, чтобы прикурить сигарету. Ей хотелось успокоиться. Пачка лежала на столе, и ее взгляд случайно наткнулся на записку с адресом, оставленную Хаддо. Она взяла листок и прочла вслух.

— Кто там живет? — спросила она.

— Понятия не имею.

Маргарет приготовилась к дальнейшим расспросам, но Сюзи без интереса бросила записку обратно и зажгла спичку.

Маргарет стало безумно стыдно. Ей, правдивой по натуре, невыносимо было сознание того, что она с такой легкостью солгала лучшей подруге. И заставило ее сделать

это нечто, чего она сама не могла себе объяснить. Она многое отдала бы, чтобы признаться в своей лжи, но мужества не хватало. Тяжко было думать, что злоупотребляет абсолютным доверием Сюзи, но если бы она сообщила ей о визите Оливера Хаддо, это повлекло бы дальнейшие расспросы и пришлось бы признаться в необъяснимом страхе, который она испытала. Сюзи подумала бы, уж не сошла ли она с ума...

Постучали в дверь, и Маргарет, все еще безумно волнуясь, едва сдержала крик ужаса. Ей почудилось, что вернулся Хаддо. Но это был Артур Бардон. Она приветствовала жениха с бурной радостью, несвойственной ей. Обычно она была куда сдержанней. Кроме того, ее охватила крайняя слабость, даже физическая усталость, будто она вернулась из длительного путешествия. Напряжение дошло до предела.

Сюзи и Артур завели беседу об обыденных вещах. Маргарет старалась участвовать в ней, но голос звучал неестественно, казалось, что Артур смотрит на нее с удивлением. В конце концов она не сумела сдержаться и неожиданно вновь расплакалась. Артур нежно обнял ее, не понимая, в чем дело. Он пытался успокоить девушку, а та рыдала, не в силах остановиться, припав к нему на грудь и как бы умоляя о защите.

— Ничего страшного, — проговорила она наконец сквозь слезы. — Не знаю, что со мной. Просто волнуюсь и боюсь чего-то.

Артур подумал, что у женщин частенько бывает то, что он называл старомодным словом истерика, и не придавал особого значения этому взрыву неуравновешенности. Он утешал невесту, как ребенка.

— О, не оставляй меня, Артур! Я так боюсь, как бы не произошло что-то ужасное. И мне так нужна твоя сила. Обещай, что ты никогда не оставишь меня!

Артур засмеялся, целуя ее мокрые от слез глаза, и она попыталась улыбнуться.

— Почему мы не можем пожениться сейчас же? — спросила она. — Я больше не хочу ждать. Я не буду чувствовать себя в безопасности, пока не стану твоей женой.

Он стал ласково успокаивать ее: ведь они поженятся через несколько недель. Свадьбу нельзя ускорить: и дом их еще не готов, и нужно время, чтобы пошить подвенечное платье. Она же сама назначила день свадьбы.

Маргарет молча слушала. То, что он говорил, было разумно, и она не знала, как его убедить. Даже если бы она рассказала все, что произошло, он не поверил: подумал бы, что просто разыгралось болезненное воображение.

— Если со мной что-нибудь случится, — проговорила она, не спуская с жениха темных затравленных глаз раненого зверька, — ты будешь виноват.

— Обещаю тебе — ничего не случится.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Маргарет провела бессонную ночь и на следующий день тоже не смогла с обычным спокойствием заниматься делами. Попыталась было найти естественное объяснение тому, что произошло накануне. Телеграмма, полученная Сюзи, указывала на определенный план со стороны Хаддо и на то, что его внезапная «болезнь» была ничем иным как трюком, с помощью которого он намеревался проникнуть в их студию. Попав туда, Хаддо воспользовался ее сочувствием для того, чтобы подвергнуть ее, Маргарет, своей гипнотической власти, и все, что она пережила, было лишь внушением его сладострастного воображения. Но, хотя она старалась убедить себя в том, что, сыграв с ней злую шутку, Хаддо подло воспользовался ее состраданием, она не могла испытывать к нему гнев. Ее презрение, ее крайнее отвращение были смешаны с чувством, вызывающим растерянность и тревогу. Она никак не могла выбросить этого человека из головы.

Его слова и ее видения в тот день все больше занимали разум. Будто в сердце проклюнулся сорняк, и все шире расползались там отравленные отростки-щупальца, опутывавшие все ее тело. Работа не могла отвлечь, беседы с друзьями, учеба, искусство — оставляли равнодушной, и между ней и всем происходящим вырастала вызывающе яркая, необъятная фигура Оливера Хаддо. Она боялась его больше, чем раньше, но странным образом уже не испытывала физического отвращения, которое до того времени преобладало над всеми другими чувствами. Хотя и повторяла себе, что никогда больше не хочет его видеть, но с трудом подавляла властное желание бежать к нему. У нее отняли волю, она превратилась в автомат. Билась, как птица, попавшая в силки, но только ломала крылья и в глубине души смутно

сознавала, что не собирается сопротивляться. Он оставил свой адрес. Значит, был твердо уверен: она им воспользуется. Маргарет не могла понять, почему ее так тянуло к нему. Ведь ей нечего было сказать Хаддо. Она знала только одно: должна идти — и все. Несколько дней тому назад она видела «Федру» Расина и внезапно почувствовала все муки, которые испытывала афинская царица: несчастная тоже напрасно сопротивлялась яду, впрыснутому ей в вены бессмертными богами. В отчаянии Маргарет вопрошала себя, не во власти ли она злых чар, и готова была поверить могуществу Хаддо. Можно было бы обратиться за помощью к Артуру или Сюзи, но что-то, она не понимала, что именно, мешало ей. Наконец, доведенная почти до безумия, девушка решила поговорить с доктором Поро. Уж он-то, по крайней мере, поймет ее. Не теряя ни минуты, Маргарет поспешила к нему. Ей сказали, что его нет дома. Сердце упало, показалось, что исчезла последняя надежда. Она почувствовала себя утопающей, выброшенной на скалы — волны бьют обессиленное тело и злобно хлещут по кровоточащим рукам, будто хотят оторвать их от спасительных камней.

Вместо того, чтобы отправиться на этюды, которые были назначены на шесть часов вечера, она поспешила по адресу, оставленному Хаддо. Пробиралась по шумным улицам, крадучись, словно боялась, что кто-нибудь увидит, и сердце ее замирало от волнения. Всем своим существом противилась она этому желанию, отчаянно старалась повернуть назад, но все шла и шла. Вбежала на третий этаж, постучала в дверь. Ясно помнила все его указания. Через минуту перед ней стоял Оливер Хаддо. И как будто не удивился, увидев девушку. Она смешалась, осознав, что у нее нет ни малейшего предлога, чтобы объяснить свой визит, но его слова избавили от объяснений.

— Я ждал вас,— сказал он, пропуская ее в гостиную.

Квартира в меблирашках, тяжелые шторы, массивная старая мебель — неподходящее жилище для такого человека, как он. Обстановка столь обыденная, будто нарочно подчеркивающая его необычность.

Полное отсутствие комфорта говорило о безразличии к материальным благам и удобствам. Он осторожно двигался среди громоздких вещей. Здесь его тучность казалась особенно заметной. Маргарет ощутила тот же пряный запах,

который ассоциировался в ее памяти с видениями восточных оазисов.

Предложив стул, Хаддо заговорил с гостьей так, будто они были давними знакомцами, между которыми никогда ничего не происходило. Наконец Маргарет собрала в кулак все свое мужество.

— Зачем вы заставили меня прийти сюда? — резко спросила она.

— Вы оказываете мне честь, приписывая моей особе такую замечательную власть, — улыбнулся он.

— Вы знали, что я приду.

— Знал.

— Чем провинилась я перед вами? За что вы делаете меня такой несчастной? Я хочу, чтобы вы оставили меня в покое.

— Не стану задерживать, если вы пожелаете уйти. Я не причинил вам никакого вреда. Двери открыты.

Она молчала. Сердце колотилось так, что отдавало в висках. Она знала, что не захочет уйти. Что-то притягивало ее к нему, и она не могла сопротивляться. Странное чувство начало овладевать ею, разливаясь по всему телу: страх не прошел, но ей вдруг стало удивительно хорошо.

Хаддо заговорил тем тихим голосом, от которого вибрировала каждая клеточка ее тела. Теперь он рассказывал не о картинах, не о книгах, а о жизни. Он повествовал о далеких восточных эмиратах, где не доводилось бывать ни одному неверному, и ее воображение воспламенялось жаром этого сладостного красноречия. Поведал Хаддо о рассветах в спящих кишлаках и о закатах с их буйством красок, о лунных ночах в пустыне и о многолюдных улицах больших городов. Красота Востока, с которой она была знакома с детства, предстала перед ней в новых красках. Он живописал многоцветные ткани и шелковые ковры, блестящую сталь дамаского оружия и ценность примитивных дикарских украшений. Яркость Востока ослепляла ее. Он говорил о ладане и мирре, об удушающих ароматах, витающих возле лавок торговцев благовониями, об одурманивающем благоухании сирийских садов. Запахи Востока заполняли ее ноздри. И все это трансформировалось под действием его слов, пока сама жизнь Востока не предстала перед нею во всем своем великолепии — свободная, исполненная познания нового. Маргарет показалось, что ее заставляют сравнить

будничное существование, ожидавшее ее, когда она станет женой Артура, с этим ярким, сияющим праздником. Она содрогнулась при мысли о скучном доме в Лондоне, на Харлей Стрит, о малозначительных каждодневных обязанностях. Ведь ей тоже могли бы быть доступны чудеса мира. Ее душа тосковала по красоте, о которой обычные люди даже не помышляют. Разве не имела она права посвятить себя великому искусству жизни? Она почувствовала внезапное желание изведать опасные приключения. словно ток пробежал по ней, она вскочила и стояла, дрожа, тяжело дыша. Грудь вздымалась, глаза блестели от калейдоскопа многокрасочных картин, нарисованных колдовством Хаддо.

Оливер тоже встал, и они оказались лицом к лицу. Внезапно Маргарет поняла какой огонь пожирает ее. Быстрым движением Хаддо обнял ее и приник к ее губам. Еще никогда он не смотрел на нее так пронзительно. Она же страстно прижалась к нему. Ее тело пылало от его объятия.

— Я думаю, что люблю вас, — сказала она хрипло. И прямо посмотрела на него. Ей уже не было стыдно.

— Теперь вы должны уйти, — сказал он.

И не говоря больше ни слова, открыл дверь. Она вышла. Шла по улицам так, как будто ничего особенного не случилось. Ни угрызений совести, ни отвращения к себе.

С тех пор Маргарет ежедневно испытывала то же непреодолимое желание пойти на улицу Вогино; и хотя пыталась убедить себя не поддаваться хозяину меблированной квартиры, знала, что ее попытки — всего лишь притворство: внутренне она яростно противилась всему, что могло помешать ей. Когда возникала какая-то помеха, она едва сдерживала раздражение. Ее постоянно преследовала тоска по нему, и единственные счастливые часы она проводила с ним. День за днем впадала она в экстаз, когда он обнимал ее своими огромными ручищами, целовал толстыми, чувственными губами. Но экстаз удивительным образом смешивался с неприязнью, и к физическому влечению, которое она испытывала, примешивалось вполне реальное отвращение. Однако, когда он смотрел на нее своими бледно-голубыми глазами, она забывала обо всем на свете. А он говорил о запретных вещах. Иногда, как бы случайно, приподнимал завесу, и ее взору приоткрывались страшные тайны. Она начинала понимать, почему люди прода-

вали свои души за безграничные знания. Но о самом Хаддо она так ничего толком и не знала. Не знала, любит ли он ее. Не знала, любил ли он когда-либо вообще. Он как будто стоял особняком от всех людей. Случайно Маргарет узнала, что его мать жива, но он не хотел говорить о ней.

— Когда-нибудь вы ее увидите, — пообещал он.

— Когда?

— Очень скоро.

Тем временем жизнь Маргарет текла как обычно. Оказалось, что обманывать друзей легко, так как никому не приходило в голову, что ее частые отлучки вызваны не теми причинами, которые она придумывала. Ложь, еще недавно столь ненавистная ей ложь, теперь легко слетала с губ. Но временами девушку охватывал страх: а что, если все откроется? Иногда, мучимая угрызениями совести, она, лежа в постели, со жгучим стыдом думала о том, как она поступает с Артуром. Но все уже зашло слишком далеко, и она ничего не могла изменить. Даже не могла объяснить себе, почему так охладела к Бардону. Оливер почти не упоминал его имени, и все же отравил ее мозг. Сравнение между ним и Артуром явно было не в пользу последнего. Теперь он казался ей скучноватым, его заурядные взгляды на жизнь так не похожи были на завораживающую смелость Хаддо. В глубине души Маргарет упрекала жениха в том, что он никогда не понимал ее, сузил круг ее интересов. И постепенно начала ненавидеть Артура даже за то, что многим ему обязана. Казалось несправедливым, что он посмел так много для нее сделать. Лишь его великодушие заставляло идти за него замуж. И все-таки Маргарет продолжала обсуждать с ним устройство их будущего гнездышка на Харлей Стрит. Они собирались обставить гостиную в стиле Людовика XV; вместе совершали они длительные походы по магазинам за стульями или шелком для их обивки. День свадьбы был назначен, все детали улажены. Артур был безмерно счастлив. Маргарет вела себя как обычно. Она не задумывалась о будущем, говорила о нем лишь для того, чтобы избежать подозрений. Теперь она была абсолютно уверена, что свадьба не состоится, хотя и не знала, как ее расстроить. Исподволь мисс Донси наблюдала за Сюзи и Артуром и, хотя следила за ними, чтобы спрятать собственную тайну, вдруг открыла чужую. Маргарет неожиданно обнаружила, что Сюзи безумно влюблена в Артура. Это

открытие так поразило ее, что вначале показалось абсурдным.

— Ты так и не нарисовала обещанного шаржа на Артура, — заметила она однажды.

— Пыталась, но он для этого не подходит, — рассмеялась Сюзи.

— А мне кажется, что ты могла бы сделать что-нибудь очень смешное из его длинного носа и долговязой фигуры.

— До чего же ты несправедлива! Я вижу только его прекрасные добрые глаза и нежный рот. Мне так же трудно нарисовать на него шарж, как написать пародию на любимое стихотворение.

Маргарет листала папку, где Сюзи хранила свои наброски. И вдруг увидела выражение тревоги на лице подруги. Правда, Сюзи не решалась помешать ей. Девушка рассеянно перебирала рисунки, пока не наткнулась на лист, где в более или менее законченном виде красовалось с десяток лиц Артура в разных ракурсах. Притворившись, что не заметила их, она досмотрела рисунки до конца. Когда же закрыла папку, Сюзи вздохнула с облегчением.

— Ты мало работаешь, — упрекнула Маргарет, откладывая папку. — Странно, что не можешь нарисовать хоть бы лицо Артура, раз уж не хочешь сделать карикатуру.

— Дорогая моя, не всех так безумно, как тебя, интересует этот молодой человек.

Ответ окончательно укрепил Маргарет в ее подозрениях. И она с горечью подумала, что Сюзи такая же лгунья, как и она сама. На следующий день, когда мисс Бойд не было дома, Маргарет еще раз просмотрела ее папку, но наброски Артура из нее исчезли. Она возмутилась: как это Сюзи осмеливается любить человека, который любит ее, Маргарет?!

Паутина, которой окутывал ее Оливер Хаддо, плелась умело и продуманно. Он усиливал свое влияние на каждую черту ее характера с помощью хорошо спланированной тактики. В его средствах было что-то дьявольское, ибо иначе невозможно было понять, каким образом удавалось Хаддо трансформировать испытываемое ею к нему отвращение в неистовую страсть. Она уже не могла представить себе жизни без него.

Через некоторое время Хаддо решил, что наступил момент для окончательного шага.

— Тебе, возможно, будет интересно узнать, что в четверг я покидаю Париж, — как бы между прочим заявил он однажды.

Она вскочила на ноги и уставилась на него, не веря своим ушам.

— А что же будет со мной?

— Выйдешь замуж за своего замечательного Бардона.

— Ты прекрасно знаешь, что я не могу без тебя жить. Нельзя быть столь жестоким!

— В таком случае, единственная альтернатива — уехать со мной.

Кровь у нее похолодела, сердце будто сдавило железными тисками.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Зачем волноваться? Я предлагаю тебе выйти за меня замуж.

Она беспомощно опустилась в кресло. Поскольку все эти дни она отказывалась думать о будущем, ей ни разу не приходило в голову, что настанет время, когда она должна будет или покинуть Хаддо навсегда, или навсегда связать с ним свою судьбу. Ею овладело смятение. Маргарет понимала, что хотя необъяснимая страсть привязала ее к этому человеку, она ненавидела и боялась его. Шоры упали с глаз. Она вспомнила о любви Артура, обо всем, что он для нее сделал. И презирала себя. Осталась последняя, отчаянная попытка освободиться.

— Отпусти меня! Зачем мы только встретились? Я не знаю, что ты со мной сделал.

— Что ж, уходи, если хочешь.

Хаддо распахнул двери, чтобы она видела: никто ее насильно не удерживает, и с безразличным видом застыл у порога, кривя губы своей отвратительной улыбкой. В его массивной фигуре было что-то пугающее. Складки жира свисали со второго подбородка, скрывая шею. Щеки были огромны, отсутствие бороды усиливало впечатление отталкивающей наготы лица. Проходя мимо, Маргарет остановилась, как замороженная.

Он страшил ее, и все же ее неодолимо влекло к этому человеку. Безумно хотелось, чтобы он вновь обхватил ее ручищами и прижался к ее рту своими красными сладострастными губами. Казалось, будто демоны ада мстили ей за красоту, внушив страсть к этому чудовищу. Чувствен-

ная дрожь сотрясала тело. Глаза же Оливера оставались холодны и жестоки.

— Уходи, — приказал он.

Не поднимая головы, она выскочила на улицу. Чтобы скорее попасть домой, решила идти через Люксембургский сад, но ноги не слушались, пришлось в изнеможении опуститься на скамью. Было жарко. Она постаралась успокоиться. Маргарет хорошо знала эту часть парка, ибо в счастливые дни, которые казались ныне такими далекими, она часто приходила сюда, чтобы посидеть под деревом, на которое и теперь смотрела. Хрупкая и нежная листва, наполовину еще зеленая, наполовину уже золотая, очень поредела, темные ветви просвечивали сквозь листья, образуя на фоне голубого неба удивительный орнамент, напоминающий изящную французскую гравюру. Пожалуй, даже изощренная кисть художника, и та не смогла бы изобразить это с большим мастерством. Но сейчас у Маргарет не было настроения наслаждаться этой красотой. Она почувствовала укол в сердце, подумав, что отныне прекрасное в искусстве для нее утрачено. Встретившись накануне с Артуром, сейчас она со стыдом вспомнила ложь, которую вынуждена была сочинить, чтобы объяснить, почему они не могут встретиться раньше сегодняшнего вечера. Он предложил съездить в Версаль и был очень разочарован, когда она отказалась, объяснив, что это воскресенье им не удастся, как обычно, провести вместе. Бардон поверил, что ей необходимо навестить заболевшую подругу. Маргарет было бы легче, заподозри он ее в обмане, тогда его упреки лишь ожесточили бы ее сердце. Но полное доверие было невыносимо.

— О, если бы я только могла сознаться во всем! — простонала она.

Колокол собора Сан Сюльпис позвонил к обедне. Маргарет медленно вошла в тяжелые двери и присела на задней скамье. Она надеялась, что звуки органа принесут ей облегчение, и ей удастся помолиться. Успокаивающе действовал и церковный полумрак. Девушка рассеянно оглядывала людей, взад и вперед ходивших по залу. Позади стояла часовенка исповедальни. Маленькая крестьяночка, почти девочка, возможно служанка, недавно приехавшая из деревни в столицу, подошла к ней и преклонила колени. Маргарет слышала ее приглушенные слова и тихий голос

исповедника. Минуты через три девочка встала. Она выглядела такой свежей в своем простом черном платье, такой здоровой и невинной, что мисс Донси не могла сдержать рыдания от зависти к ней. У этого ребенка было так мало грехов — несколько небольших ошибок, способных лишь вызвать улыбку на губах кюре, — и душа ее вновь стала чиста, как снег. Маргарет отдала бы все на свете, если бы могла сейчас опуститься на колени и вышептать в бесстрастное ухо все, что угнетало ее. Но ведь она не католичка, англиканка... они говорили на разных языках, языках не только губ, но и душ, и он отказался бы выслушивать признания еретички.

Наконец, перед аналоем появились священники в роскошных сутанах, служба началась. Орган зазвучал прекрасно. Его вздохи были исполнены благородства и печального достоинства; Маргарет казалось, что именно такая музыка подходит для обращения к Богу. И все-таки она не трогала ее души. Девушка не понимала латинских молитв, жесты патеров, их движения были ей чужды. Все это величественное богослужение не имело для нее смысла. И с болью в сердце она укорила себя: «Бог меня покинул». Ее окружало зло, и не найти ей в чуждых молитвах утешения. Чего ожидать, если Бог предков оставил ее один на один с ее собственной судьбой? Опустив голову, Маргарет устремилась к выходу. Она чувствовала себя совершенно потерянной. Бредя по бесконечной улице, ведущей к дому, она сотрясалась от рыданий.

«Бог меня покинул, — повторяла она. — Бог меня покинул».

На следующий день с красными от слез глазами она вновь потащилась к дому Хаддо. Когда он открыл дверь, Маргарет молча вошла и села. Он тоже молча, пристально наблюдал за ней.

— Я готова выйти за тебя замуж, когда захочешь, — наконец вымолвила она.

— Я уже все приготовил.

— Ты говорил о своей матери. Отвези меня немедленно. Тень улыбки тронула его губы.

— Как хочешь.

Хаддо сказал, что они смогут заключить брак у консула утром в четверг, чтобы потом сразу сесть на поезд, идущий утром в Кале. А там и Англия. Она со всем согласилась, только молвила без всякого выражения:

— Я очень несчастна.

Оливер положил ей руки на плечи и заглянул в глаза.

— Иди домой и забудь свои слезы. Я приказываю тебе быть счастливой.

С этой минуты борьба между добром и злом в ее душе прекратилась. Зло победило. Удивительная радость охватила сердце. Для нее больше не имело значения, что она обманула преданных друзей. Маргарет рассмеялась при мысли о том, как легко оказалось сбить их с толку.

В среду у Артура был день рождения. Он пригласил ее поужинать.

— Позволим себе эту маленькую роскошь, — сказал он.

Они решили посетить фешенебельный ресторан на другом берегу Сены, и Артур собирался зайти за ней к семи часам. Маргарет оделась с особой тщательностью. Сюзи подумала, что она еще никогда не выглядела такой красивой.

— А ты, кажется, здорово похорошела, — заметила она. — Не знаю, что с тобой происходит, но в твоих глазах появилась новая глубина, придающая тебе странную, но очень привлекательную таинственность.

Уверенная в том, что Сюзи влюблена в Артура, Маргарет лишь подумала, какие чувства должна испытывать старшая подруга, сравнивая свою заурядную внешность с ее сияющей красотой.

Вошел Артур и застыл в дверях, увидев Маргарет. Их глаза встретились. Его охватил трепет, сердце забило сильнее. Он был бесконечно счастлив, осмеливаясь считать это бесценное сокровище своим. Хотелось пасть на колени и поклониться ей, как греческой богине. Но он тоже заметил новое выражение ее глаз. В них проглядывала жгучая страсть, смущавшая и очаровывавшая его. Казалось, прелестная девушка вдруг превратилась в прелестную женщину. Загадочная улыбка тронула ее губы.

— Как я тебе нравлюсь? — осведомилась она.

Артур подошел и положил ей руки на плечи.

— От тебя пахнет духами, — только и сказал он.

Запах удивил, так как прежде Маргарет никогда духов не употребляла. Их слабый, горьковатый аромат напомнил Артуру привычные запахи детства, проведенного на Востоке. Он был странен и едва уловим. И придавал Маргарет новое, волнующее очарование. В ее красоте всегда было что-то

холодное, но новый запах удивительным образом подчеркнул ее чувственность. Губы Артура дрогнули, его худое лицо побледнело от страсти. Желание было столь велико, что он ощутил его почти как боль.

— Ты не поцелуешь меня? — спросила Маргарет.

Она не смотрела на Сюзи, но была уверена, что лицо той исказила гримаса страдания. Девушка притянула к себе Артура. Раньше он никогда не решался проявлять сжигающую его страсть и, если целовал Маргарет, то всегда сдержанно, почти по-братски. Сейчас их губы встретились. Забыв, что они не одни в комнате, он крепко обнял ее. Никогда еще она так не целовала его: губы горели огнем. Он забыл обо всем на свете. Вся воля, все самообладание покинули его. Промелькнуло только: в этот момент он готов умереть. Наслаждение было столь велико, что он с трудом сдержал, крик.

— Не опоздаете?

Голос Сюзи, долетевший как бы издалека, вернул его к действительности. Мисс Бойд пыталась придать своему тону такую же небрежность, как и словам, но голос сорвался. Маргарет со смешком высвободилась из объятий Артура и мельком взглянула на подругу. Этот взгляд погасил храбрую улыбку Сюзи, в нем полыхнула злобная ненависть, которая поразила ее. Это было так неожиданно, что ей стало страшно. Что такого она сделала? Она боялась, до смерти боялась того, что Маргарет догадалась о ее тайне.

Артур, все еще дрожа от сотрясавшего его желания, стоял столбом, будто силы покинули его.

— Сюзи напоминает, что нам пора идти, — издевательски процедила Маргарет.

Он не мог ответить. Не мог вернуть себе привычную вежливость. Побледневший, как внезапно разбуженный человек, он сомнамбулически последовал за невестой. Уже на лестнице, хотя дверь в студию за ними захлопнулась, Маргарет специально приостановилась, чтобы услышать отчаянный стон Сюзи. Это доставило ей дьявольское удовольствие.

В ресторане, на Итальянском бульваре, куда они пришли, в этот вечер собралось много народа. Но Артур заранее заказал столик в самом центре зала. Когда Маргарет шла туда, все взгляды были прикованы к ней. И это всеобщее внимание только усиливало ее гордость. У нее не было повода

завидовать самым блестящим светским дамам. Ее ослепительная красота была вне конкуренции. А веселье в зале било ключом. Огоньки свечей создавали ощущение уюта, которое усиливалось расставленными повсюду цветами. Бесчисленные зеркала отражали богатые наряды женщин — известных актрис и модных куртизанок. Шум стоял невообразимый. В дальнем углу зала играл на небольшой эстрадке венгерский оркестр, но мелодию заглушали громкие разговоры посетителей, взрывы женского смеха. Было ясно, что люди, пришедшие сюда, не считали денег. Публика веселилась от всей души. Все грустные мысли и заботы были отброшены прочь. У Маргарет тоже никогда еще не было лучшего настроения. Шампанское быстро ударило ей в голову, и она пустилась болтать очаровательные глупости.

Артур не спускал с нее восхищенных глаз. Он был очень горд, очень влюблен и очень счастлив. Они говорили о том, что будут делать, когда поженятся; о странах, куда поедут, об их новом доме и чудесной мебели, которой обставят свое гнездо. Маргарет казалась необычайно веселой. Она была в восторге от ресторана, от еды и вина. Ее смех звенел ручейком. Артур утратил свою обычную сдержанность: жизнь была прекрасна и его переполняла несказанная радость.

— Выпьем за наше счастье, — поднял он бокал.

Она приподняла свой.

— Ты сегодня просто великолепна, — прошептал Бардон. — Я почти не верю в свое счастье... Боюсь его.

— Чего ты боишься? — вскричала она.

— Я согласен потерять что-то очень дорогое, чтобы не искушать судьбу. Я слишком счастлив. Все слишком хорошо.

Она тихо рассмеялась и протянула ему руку. Ни один скульптор не смог бы передать изящество ее пальцев. На одном из них сиял крупный изумруд в кольце, которое Артур подарил ей в день помолвки.

— Не хотелось бы тебе еще куда-нибудь пойти? — спросил он, когда они кончили ужин и пили кофе.

— Нет, давай посидим здесь. Мне нужно рано лечь спать, завтра трудный день.

— Что же ты собираешься делать? — спросил он.

— Ничего особенного, — рассмеялась она.

Через некоторое время посетители стали небольшими группками расходиться, и Маргарет предложила Артуру пройти по бульвару Маделен. Ночь была ясной и доволь-

но прохладной, широкий бульвар полон народа. Маргарет наблюдала за прохожими. Это развлекало ее не меньше, чем интересный спектакль. Вскоре они взяли фиакр и покатались по уже затихавшим улицам к кварталу Монпарнас. Сидели молча. Маргарет прижалась к Артуру. Он обнял ее за талию. В закрытом фиакре слабый восточный запах ее духов вновь ударил ему в нос, голова закружилась, как прежде, в студии.

— Ты одарила меня счастьем, Маргарет, — прошептал он. — Я чувствую, что, сколько бы ни прожил, никогда не испытаю более счастливого дня.

— Ты меня очень любишь? — как бы между прочим спросила она.

Артур не ответил, но, повернув ладонями ее лицо, страстно поцеловал. Они приехали. Маргарет на цыпочках поднялась к своему подъезду и, улыбаясь, протянула ему руку.

— Спокойной ночи.

— Ужасно думать, что придется провести без тебя целую ночь. Когда я могу придти?

— Только не утром. Утром я буду слишком занята. Приходи к полудню.

Она вспомнила, что поезд отправляется именно в это время. Дверь открылась и, помахав рукой, девушка исчезла.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Сюзи тупо уставилась на листок, сообщавший о замужестве Маргарет. Он был послан по пневмопочте с Северного вокзала. Текст гласил:

«Когда ты получишь это письмо, я уже буду на пути в Лондон. Сегодня утром мы с Оливером Хаддо сочетались браком. Я люблю его так, как никогда не любила Артура. Объясниться с ним не решилась — у нас зашло слишком далеко... Пожалуйста, сообщи ему это. *Маргарет*».

Сюзи раз за разом перечитывала записку, пока, наконец, ее смысл не дошел до нее. Что же теперь делать, что думать? Раздался стук в дверь: она знала, что это Артур, он собирался прийти в полдень. Мисс Бойд лихорадочно решила, что не сможет без подготовки сообщить ему ужасную новость. Сначала следовало все выяснить, и кроме того, в это нельзя было поверить. Приняв такое решение, она открыла дверь.

— К сожалению, Маргарет нет дома, — сказала она. — Заболевшая подруга внезапно вызвала ее.

— Какая жалость! Полагаю, как обычно, миссис Блумфильд?

— Разве вы знали, что она больна?

— Маргарет уже несколько дней проводила у нее почти каждый вечер.

Сюзии не ответила. Она впервые услышала о болезни миссис Блумфильд и для нее было новостью, что Маргарет ее навещала. Но сейчас нужно было срочно отделаться от Артура.

— Приходите к пяти, — предложила она.

— Может, пойдем вместе, пообедаем?

— К сожалению, я жду посетителей.

— Тогда я приду в пять.

Поклонился и вышел. Сюзии перечитала короткое письмо еще раз и спросила себя: возможно ли, правда ли это? Ее поразила жестокость Маргарет. Она прошла в ее комнату и увидела, что все вещи на своих местах. Не похоже было, что их хозяйка отправилась в путешествие. Но затем она увидела, что Маргарет уничтожила письма, а открыв ящик, обнаружила, что исчезли драгоценности. Тут ей в голову пришла одна идея. Ее компаньонка недавно заказала новый гардероб, но настояла на том, чтобы платья отослали обратно портнихе, пусть пока хранятся там, ни к чему загромождать туалетами их маленькую квартирку! Вот поедет в Англию, все сразу и заберет — говорила она. Сюзии покинула студию. У подъезда ей пришло в голову расспросить консьержку: не знает ли она, куда отправилась Маргарет нынче утром?

— Да, мадемуазель, — ответила старушка. — Я слышала, как она приказала извозчику ехать в Британское консульство.

Последние сомнения оставили Сюзии. Она поспешила к портнихе и узнала, что по распоряжению Маргарет чемоданы с ее платьями еще накануне отправились в багажное отделение Северного вокзала.

— Надеюсь, вы не отослали их до тех пор, пока счет не был оплачен? — как бы между прочим спросила Сюзии.

Портниха рассмеялась.

— Мадемуазель полностью рассчиталась еще два или три дня назад.

Сюзи с возмущением поняла, что Маргарет не только забрала свадебное приданое, заказанное для нее Артуром, но, поскольку своих у нее не было ни сантима, за все расплатилась деньгами, которыми он щедро ее снабжал.

От портнихи мисс Бойд отправилась к миссис Блумфильд. Старушка сразу принялась упрекать ее за то, что она так долго не появлялась.

— Простите, но я была ужасно занята и, кроме того, считала, что вам помогает Маргарет.

— Уже недели три в глаза ее не видела, — ответила больная.

— В самом деле? А я-то думала, что она посещает вас чуть не ежедневно.

Говорила это Сюзи так, будто не придавала поведению Маргарет особого значения. Но сама пыталась сообразить, где же та проводила время. Усилием воли заставила себя достаточно долго поболтать с разговорчивой старой леди о всяких пустяках, стараясь, чтобы визит выглядел абсолютно естественно.

От миссис Блумфильд она направилась в консульство. Здесь рассеялись ее последние сомнения. Не оставалось ничего большего, как вернуться домой и дожидаться Артура. Первым импульсом Сюзи было желание повидать доктора Поро, посоветоваться с ним; но даже если бы он предложил свою помощь, это ничего бы не изменило. Она должна увидеться с Артуром наедине. Сердце девушки сжималось при мысли о смертной муке, которую испытает Бардон, узнав правду. Она давно понимала, что любит его, и невыносимо было думать, что именно ей доведется нанести ему этот страшный удар.

Она сидела в студии, считая минуты, и с горькой усмешкой думала о том, что его желание увидеть Маргарет пригонит его сюда ровно в пять. Весь день у Сюзи и крошки во рту не было, если не считать легкого завтрака, и она умирала от голода. Но даже не решилась заварить чаю. Наконец, Артур пришел. Он бодро влетел в комнату и с удивлением огляделся вокруг.

— А где же Маргарет? — осведомился он.

— Присядьте, пожалуйста.

Он не обратил внимания на то, как дрогнул ее голос. Сюзи не смела на него взглянуть.

— Ох, и обленились же вы! — шутливо упрекнул он хозяйку. — Даже чая не приготовили.

— Мистер Бардон, я должна кое-что сообщить вам. Боюсь, это причинит вам очень сильную боль. — У Сюзи перехватило горло.

Только теперь он заметил ее неестественный тон. Вскочил со стула. С Маргарет случилось что-то страшное? Заболела? Умирает? Его ужас был так велик, что он не мог выдать ни слова. Как слепой, вытянул вперед руку. Сюзи хотела продолжить, но не смогла. Она молча протянула ему записку. Он быстро пробежал ее.

— Что это значит? — уставился он на нее, ничего не понимая.

И тут она поведала обо всем, что в этот день сделала и где побывала.

— Когда мы считали, что она навещает миссис Блумфильд, она проводила время с этим человеком. И все тщательно подготовила. Все заранее продумала.

Артур упал на стул, опустил голову, отвернулся от Сюзи, чтобы она не могла увидеть его лица. В комнате повисла мертвая тишина. И это было так страшно! Сюзи продолжала тихонько плакать. Она чувствовала, что любимый человек терпит адские муки, но ничем не могла помочь ему. В ее сердце вспыхнула ярость, ненависть к Маргарет.

— Как мерзко! — воскликнула она наконец. — Она же лгала и вам, и мне, она же самая настоящая лгуния! Порочная и бессердечная. Преступная.

Он резко поднял голову:

— Я запрещаю вам так говорить о ней!

Сюзи вспыхнула. Никогда и никто не разговаривал с ней таким тоном.

— Вы что же — продолжаете любить ее после такого подлого предательства? Почти целый месяц, этот человек, наверное, был ее любовником, а она слышала все, что мы о нем говорили. И притворялась, что ненавидит его. Я сама видела, как она обходила его на улице. И продолжала готовиться к свадьбе. Нет! Она жила в мире лжи, и ни вы, ни я ничего не подозревали, потому что слепо верили ее любви и преданности. Маргарет всем обязана вам. Четыре года она жила на ваши средства. И в Париж-то могла приехать только потому, что вы дали ей денег на этот глупый каприз. И все ее свадебные туалеты оплачены вами.

— Что же делать, если она не любила меня? — с отчаянием простонал Артур.

— Вы не хуже меня знаете: она притворялась, что любит вас. Вела себя низко, подло. Этому не может быть никаких оправданий!

Он посмотрел на Сюзи помертвевшими, несчастными глазами.

— Не будьте столь жестоки! Как вы можете? Ради Бога, не растравляйте мою рану.

В его голосе послышалась неподдельная боль. Последние горькие фразы словно бы разрушили барьер самоконтроля, и Артур не выдержал: закрыл лицо руками и разрыдался.

Сюзи стало безумно стыдно за свои слова.

— О, простите меня! — прижала она руки к груди. — Я не смела говорить вам такие гадкие вещи. Не хотела быть злой. Должна была помнить, как страстно вы ее любите.

Было больно смотреть, какие усилия потребовались Артуру, чтобы взять себя в руки. Но и Сюзи страдала не меньше. Ей хотелось упасть перед ним на колени, целовать ему руки, утешать его; но она понимала, что всегда была интересна ему только в качестве подруги Маргарет.

Наконец, он поднялся со стула, достал из кармана свою трубку, молча набил табаком. Вглядевшись, Сюзи ужаснулась выражению его лица. Уже тогда, когда она впервые увидела Артура, ее поразила способность этого человека к самоистязанию, но никогда не могла она подумать, что это строго очерченное лицо может выражать такое страдание. Черты Артура внезапно исказились, на него невозможно было смотреть.

— Не могу поверить, что все это правда, — горячно бормотал он. — Не могу поверить...

Раздался стук в дверь, и глаза молодого человека вспыхнули радостью.

— Вернулась! — Лицо его осветилось надеждой.

Он поспешно кинулся к двери, распахнул. Но это пришел доктор Поро.

— Здравствуйте, — галантно поклонился француз, — что случилось?

Он недоуменно разглядывал растерянные лица Артура и Сюзи.

— А где мисс Маргарет? Я думал, что у вас вечеринка.

Тон, каким это было сказано, заставил Сюзи спросить его, почему он так решил.

— Сегодня утром мне принесли телеграмму от мистера Хаддо.

Достал из кармана бланк и протянул Сюзи. Она прочла и передала Артуру. Телеграмма сообщала: «Приходите в студию к пяти. Будет весело. Оливер Хаддо».

— Сегодня утром Маргарет вышла замуж за мистера Хаддо, — проговорил Артур. — И, как я понял, они уехали в Англию.

Сюзи коротко поведала доктору обо всем, что ей стало известно. Поро был удивлен и подавлен не меньше мисс Бойд.

— Но чем объяснить такое? — спросил он.

Артур устало пожал плечами.

— Полагаю, Хаддо она любила больше, чем меня. И вполне естественно, что уехала без объяснений. Думаю, хотела избежать тяжелой сцены.

— Когда вы виделись в последний раз?

— Мы провели вместе вчерашний вечер.

— И она ничем не выдала, что замышляет подобное?

Артур отрицательно покачал головой.

— И вы не ссорились?

— Мы никогда не ссорились. У Маргарет было отличное настроение. Никогда еще не видел я ее такой веселой. Она все время говорила о нашем доме в Лондоне, о том, куда поехать в свадебное путешествие после женитьбы.

При воспоминании о ее вчерашней нежности лицо Артура вновь исказила гримаса боли. Пламя ее поцелуев все еще обжигало ему губы. Он почти без сна провел эту ночь, впервые до конца поверив, что сжигавшая его страсть горела и в ее сердце. И против воли у него вырвалось:

— Я уверен, уверен, что она любила меня!

Тем временем Сюзи внимательно всматривалась в издательскую телеграмму Хаддо. Ей показалось, что она даже слышит его злобный смешок.

— Маргарет относилась к Хаддо с почти противоестественным отвращением. Да, да — с физическим отвращением, таким же, какое люди иногда испытывают к каким-нибудь крысам или червям. Что могло обратить эту ненависть в столь сильную любовь? Что подвигло ее на такое подлое предательство?

— Нельзя быть слишком несправедливым к Хаддо, — сказал Артур. — Да, он раздражал нас, но, возможно, мы были неправы. В свое время он умел делать замечательные вещи, он далеко не дурак. Возможно, что некоторым даже

нравится его эксцентричность. Из хорошей семьи и очень богат. Во многих отношениях для Маргарет это прекрасная партия.

Из всех сил старался он отыскать оправдания ее поступку. Ее предательство не казалось бы ему столь непереносимым, если бы он мог убедить себя, что Хаддо обладает качествами, которые могли объяснить увлечение Маргарет. Но когда в его воображении встал образ этого человека, чудовищно тучного, вульгарного и надменного, дрожь омерзения прошла по телу.

Мысль о том, что Хаддо обнимает Маргарет, железными крючьями раздирала его сердце.

— Может быть, все это неправда?! Может, она вернется! — вскричал он.

— И вы приняли бы ее, если бы она вернулась? — спросила Сюзи.

— Неужели вы думаете, что существуют какие-либо доводы, способные заставить меня разлюбить Маргарет? Ведь наверняка есть причины, о которых мы пока ничего не знаем, причины, вынудившие ее сделать то, что она сделала. Боюсь, это было неизбежно.

Доктор Поро встал и прошелся по комнате.

— Если бы женщина нанесла мне подобную обиду, и я хотел отомстить ей, то никакой другой более злобной мести, чем позволить ей выйти замуж за Оливера Хаддо, я не придумал бы.

— Бедная, бедная! — голос Артура срывался. — Если б я только был уверен, что ее ждет счастье!... Но будущее Маргарет страшит меня.

— Интересно, знала ли она об этой телеграмме? — обернулась к Артуру Сюзи. — Вы, конечно, помните тот день, когда Хаддо ударил здесь собаку Маргарет и вы кинулись на него с кулаками? Так вот, я взглянула на него, когда все кончилось, и он думал, что на него никто уже не обращает внимания. Никогда в жизни не доводилось мне видеть выражение такой злобной ненависти. Лицо его было лицом адского демона. И даже когда он извинялся, в глазах его горели жестокость и злоба. Я тогда же предупреждала вас; тогда же сказала, что он будет мстить, но вы лишь посмеялись надо мной. А потом он словно исчез из нашей жизни, и больше я о нем не думала. Теперь мне понятно, зачем он сегодня пригласил сюда доктора Поро. Был уверен,

что доктору станет известно о его унижении, и хотел чтобы тот присутствовал при его триумфе. Я думаю, что он мечтал поквитаться, поэтому придумал и осуществил свой план мести.

— Как он мог знать, что это ему удастся? — не согласился Артур.

— Боюсь, мисс Бойд права, — проговорил доктор. — В конце концов, согласитесь, что большего зла он не мог вам причинить. Весь его дьявольский замысел был отлично продуман. Он отнял у вас счастье. Знал, что больше всего на свете вы хотите жениться на Маргарет, и не только помешал этому, но и сам женился на ней. И сделать это ему удалось, только отравив ее разум, извратив натуру. Очевидно, он полностью изменил ее личность.

— Да, да, да! — вскричал Артур. — Если Маргарет нарушила данное мне слово, если так легко ушла к нему, то это случилось лишь потому, что она стала уже не Маргарет, которую я знал. Ее умом и телом овладел дьявол!

— Вы выражаетесь фигурально. Но я боюсь, что это реальность.

Артур и доктор в изумлении посмотрели на Сюзи.

— Я не верю, что Маргарет по своей воле могла так поступить. Чем больше об этом думаю, тем более невероятным кажется мне все, что произошло. Я много лет ее знаю: Маргарет не способна на обман. Она всегда была доброй, честной и правдивой. В первый момент меня страшно возмутил ее поступок, но теперь я не могу думать о ней плохо. Есть только одна возможность объяснить ее действия: предположить, что она попала под чье-то злое влияние.

Артур сжал кулаки.

— Я тоже уверен в этом, но это еще ужаснее. Если Хаддо женился на ней не потому, что полюбил, а лишь для того, чтобы отомстить мне, какая жизнь ее ожидает? Мы же знаем, как он безжалостен, мстителен, как невероятно жесток...

— Доктор Поро знает об этих вещах куда больше, чем мы, — прервала его Сюзи. — Мог ли Хаддо околдовать ее так, что она не сумела воспротивиться его воле? Возможно ли принудить человека полностью переделать его существо?

— Что я могу сказать? — беспомощно развел руками доктор. — Слышал, что такое — возможно. Читал. Но в данном случае у меня нет никаких доказательств. В этих вопро-

сах еще так много темного. Адепты магии утверждают странные вещи. Артур ученый, ему известно о возможностях гипноза...

— Мы знаем, что Хаддо обладает необыкновенными способностями, — настаивала Сюзи. — Вероятно, он говорил правду, хвастая, что может творить такое, чего мы и представить себе не в состоянии.

Артур измученно провел ладонью по лицу.

— Я так разбит, так подавлен, что не могу сейчас мыслить здраво. Мне кажется, что все возможно. Вера во все истины, которые поддерживали меня, поколеблена.

На некоторое время они замолчали. Артур смотрел на стул, где так часто сидела Маргарет. Перед стулом на мольберте — незаконченное полотно.

Наконец, доктор Поро заговорил снова.

— Пусть даже подозрения мисс Бойд справедливы, но что это меняет, каким образом они помогут вам? Вы ничего не можете сделать. У вас нет никаких прав, ни юридических, ни каких-либо иных — Маргарет совершеннолетняя, она вышла замуж за состоятельного человека. Несомненно, многие посчитают, что она поступила разумно, сочетавшись браком с сельским джентльменом, а не с молодым, пока еще малоизвестным хирургом. Ее письмо ясно доказывает, что вышла она по доброй воле, тут нет ничего, что говорило бы о ее желании освободиться от него или от страсти, которая, как мы можем предполагать, была ей внушена.

Это было очевидно, возражать не приходилось.

— Единственное, что мне остается — с достоинством перенести свое горе, — произнес Артур, вставая.

— Что же вы думаете делать дальше? — спросила Сюзи.

— Наверное, уеду из Парижа. Все здесь будет напоминать мне об этой потере. Нужно вернуться к своей работе.

Он овладел собой и, если не считать выражения безнадежной тоски на лице, скрыть которую он не мог, Артур казался, как всегда, спокойным. Он протянул руку Сюзи.

— Надеюсь, что вы забудете ее, — сочувственно произнесла она.

— Не хочу ничего забывать, — ответил он, покачав головой. — Может, Маргарет напишет вам. Ей же понадобятся вещи, которые она оставила здесь. Если будете отвечать, передайте, что я не держу на нее зла и никогда не стану упрекать ее, что бы она ни совершила. Не знаю, смо-

гу ли чем-нибудь помочь, но пусть она знает, что всегда, в любом случае, сделаю все, что она попросит.

— Если напишет, обязательно сообщу ей это.

— А теперь — прощайте.

— Вы же не уедете в Лондон до завтра? Можно мне увидеть вас утром?

— Если не возражаете, я бы не хотел возвращаться сюда. Слишком тяжело видеть все это.

В его глазах опять промелькнуло выражение боли, и Сюзи поняла, какие сверхчеловеческие усилия требуются ему, чтобы сохранить видимость спокойствия. Она минуту поколебалась.

— Неужели мы больше никогда не увидимся? Мне было бы жаль совсем потерять вас из виду.

— Мне тоже, — ответил он. — Я узнал, как вы добры и милы, и никогда не забуду, что вы подруга Маргарет. Когда будете в Лондоне, дайте мне, пожалуйста, знать.

Он вышел. Доктор Поро, заложив руки за спину, принялся ходить взад и вперед по комнате. Наконец, повернулся к Сюзи.

— Одного не понимаю, — сказал он. — Зачем он на ней женился?

— Вы слышали, что сказал Артур? — с горькой усмешкой ответила Сюзи. — Что бы ни случилось — он принял бы ее обратно. Хаддо знал, что прочно привязать ее к себе он может, только совершив брачную церемонию.

Поро пожал плечами и вскоре тоже ушел. Оставшись одна, Сюзи разрыдалась, но не из жалости к себе, а из сочувствия к Артуру.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующий день Бардон отправился в Лондон. Сюзи не смогла, да и не захотела работать в покинутой студии и приняла приглашение одной приятельницы провести зиму в Италии. Доктор Поро остался в Париже со своими книгами по оккультным наукам.

От Маргарет не было никаких вестей, и Сюзи, распрощавшись с Парижем, отправила вещи бывшей подруги в адрес Хаддо. Она не могла заставить себя написать миссис Хаддо. В ответ на письмецо, посланное в Лондон Артуру, где Сюзи извещала его о перемене своих планов, он крат-

ко ответил, что у него много работы, что он читает курс лекций в клинике Святого Луки и недавно его назначили консультантом в клинику, а, кроме того, у него уже большая частная практика. О Маргарет он даже не упоминал. Письмо было лаконичным, формальным и даже суховатым. Перечитывая его в десятый раз, Сюзи была очень разочарована. Она видела, что ответил он лишь из вежливости, без всякой заинтересованности, и ничего не указывало на его внутреннее состояние.

Сюзи с приятельницей решили провести несколько недель в Риме. Здесь, к своему удивлению, она узнала новости о Хаддо и его молодой жене. Оказалось, они недавно посетили Рим, и маленькая здешняя английская колония все еще толковала об их эксцентричности. Они путешествовали с целым штатом прислуги.

Хаддо привлекал всеобщее внимание экстравагантностью своих костюмов, а Маргарет — своей красотой. Каждый вечер их видели в ложе оперы, и ее бриллианты возбуждали всеобщую зависть. Хотя люди злословили о претенциозности Хаддо и возмущались его надменностью, они не могли не отметить его бросающегося в глаза богатства. Но вскоре, не сказав никому ни слова, мистер и миссис Хаддо исчезли, оставив сотни неоплаченных счетов; правда, как поняла Сюзи, со счетами все было улажено позднее. Передавали, что теперь эта парочка — в Монте-Карло.

«Они выглядели счастливыми?» — спросила Сюзи у знакомой дамы, передавшей ей эти скудные сведения. «Помоему, да. В конце концов, миссис Хаддо имеет почти все, что может пожелать любая женщина: богатство, красоту, роскошные наряды, драгоценности. С ее стороны было бы просто неразумным не быть счастливой».

Конец весны Сюзи собиралась провести на Ривьере, но услышав, что там пребывают Хаддо, заколебалась. Не хотелось встречаться с ними, но все же было и сильное желание выяснить, как все там обстоит в действительности? В конце концов, любопытство победило, и мисс Бойд уговорила приятельницу ехать в Монте-Карло. Вначале Сюзи не сталкивалась с Хаддо, но о них уже и здесь ходило множество сплетен, и ей оставалось только держать ушки на макушке. В этом странном городке, куда собиралось все экстравагантное и злое, все патологическое, безумное и фантастическое — чета Хаддо была в своей стихии. Рассказывали, что

они немало времени проводят за игральным столом, что им невероятно везет, что они задают роскошные обеды и ужины, принимая сливки здешнего общества, что выделяются своей эксцентричностью... Из этой, пусть и отрывочной информации Сюзи могла составить себе полную картину их жизни.

Через два-три дня по приезде она увидела их в казино, но они были так поглощены игрой, что мисс Бойд могла не опасаться быть замеченной. Маргарет сидела у карточного стола, а Хаддо стоял за ее спиной и руководил ее действиями. Лица обоих выражали крайнее напряжение, Сюзи не спускала глаз с Маргарет; после всего, что она о ней услышала, невозможно было узнать в этой азартной красавице бывшую подругу. Больше всего Сюзи поразило новое выражение лица Маргарет, делавшее ее чем-то похожей на мистера Хаддо. Несмотря на утонченную красоту, оно сделалось злобным, будто она буквально смотрела на мир глазами Оливера. В этот вечер они выиграли огромную сумму, и многие с завистью наблюдали за ними. Оказалось, что они всегда играли таким манером: Маргарет делала ставки, а Хаддо указывал, на что ставить и когда прекращать игру. Сюзи уловила их имена в перешептывании двух французов и прислушалась. Даже покраснела, когда один из них более чем грубо выразился о Маргарет. Его собеседник засмеялся.

— Это невероятно! — воскликнул он.

— Уверю тебя, — истинная правда. Они женаты полгода, но она до сих пор лишь считается его женой. Суеверие во все века приписывало девственности магическую силу, а церковь использовала это в собственных интересах. Этому Хаддо она служит просто талисманом.

Мужчины засмеялись и разговор их пошел в таком тоне, что у Сюзи запыхали щеки. Но услышанное заставило ее еще пристальнее присмотреться к Маргарет. Та была очень оживлена. Сюзи не могла бы отрицать, что в ее красоте появилась особая пикантность. Одета она была более ярко, чем допустил бы строгий вкус Сюзи, и бриллианты ее, сами по себе великолепные, были крупноваты для вечера в игорном зале.

Наконец, Хаддо сгреб выигрыш и дотронулся до плеча Маргарет. Она тут же поднялась. Рядом с парочкой стояла размалеванная девица, известная своей скандальной репу-

тацией. Сюзи была шокирована, когда Маргарет улыбнулась и кивнула той, проходя мимо.

Рассказывали, что супруги Хаддо снимают роскошную виллу и живут в вихре удовольствий, почти не общаясь с соотечественниками, за исключением тех англичан, которые пользуются дурной славой. Предпочитают же они вращаться в обществе иностранцев. Богатство и эксцентричность делают их центром этого замкнутого мирка. Позднее Сюзи часто видела супругов Хаддо в компании русских князей и их любовниц, див из Южной Америки, усыпанных бриллиантами, ловких шулеров, знатных дам с сомнительным прошлым и странных особ, чересчур разодетых и слишком надушенных — постоянных героев различных слухов. Маргарет с холодной таинственностью вращалась среди этой пестрой толпы, возбуждая любопытство пресыщенных бездельников. Предположение того француза частенько доходило до Сюзи с новыми подробностями. Вскоре к нему прибавились сплетни об оргиях, устраиваемых Хаддо в полутемных апартаментах своей виллы, где собиралась вся знать и все пороки Монте-Карло. Изошренное воображение Оливера изобретало эксцентричные празднества. У него была страсть к переодеваниям, и он устроил бал-маскарад, о котором передавали удивительные истории. Хозяин пытался возродить мистические церемонии древних религий. Рассказывали, что в саду его виллы при свете полной луны совершаются жуткие ритуалы, имитирующие те, с которыми познакомился он на Востоке. Ходили слухи, что Хаддо обладает магическими способностями необычайного свойства. Притупившееся воображение искателей приключений возбуждали его рассуждения о черной магии. Люди болтали о сатанизме и некромантии. Полагали, что он занимается оккультизмом, некоторые даже утверждали, что готовится проделать «Magnum Opus», величайший и самый фантастический из алхимических экспериментов. Постепенно эти рассказы свелись к чудовишному предположению, что Хаддо пытается создать человеческое существо. Кому-то он объяснял, что существуют магические рецепты для производства гомункулов.

Называли его здесь обычно тем именем, которое он сам себе присвоил — «Брат Тени»; но большинство окружающих употребляли это прозвище иронически, поскольку оно контрастировало с поразительной тучностью его обладателя.

Людей забавляло или возмущало его тщеславие, но не говорить о нем они не могли. Сюзи прекрасно понимала, что такая скандальная известность была только приятна Хаддо. Его охотничьи приключения, все эти победы над львами, сделались «притчей во языцах», поговаривали даже, что руки его обгарены человеческой кровью. Вскоре обнаружилось, что обладает он непонятной властью над животными, которых в его присутствии охватывает неодолимый ужас. Таким образом, Хаддо сумел окружить себя атмосферой легенды, теперь все, что бы о нем ни толковали, уже не казалось невероятным. Кто-то передавал слух о том, что в Вене за шулерство его изгнали из карточного клуба. Он играл во многие игры, но здесь, как и в Оксфорде, считался нечестным соперником. Сплетничали, что он принимает магические снадобья, приписывали ему одиозные пороки, люди шепотом рассказывали друг другу о скандалах, которые с трудом удавалось улаживать.

И никто толком не понимал, в каких отношениях находится он со своей женой, многие утверждали, что временами он бывал с ней груб и жесток. Сердце Сюзи сжалось, когда она услышала об этом; однако несколько раз когда она наблюдала за Маргарет, та казалась очень веселой. И все-таки одна сплетня окончательно сразила мисс Бойд. Как-то пообедав в ресторане, Хаддо среди денег, которыми он оплачивал счет, подсунул фальшивую монету. Началась скандальная перебранка с официантом. Тот отказался принять монету. Вызвали полицейского. Собутыльники, приглашенные Хаддо, возмутились его поведением, некоторые, воспользовавшись первой же возможностью, порвали с ним знакомство. Один из присутствовавших при этой сцене передал Сюзи подробности, утверждая, что Маргарет в это время спокойно пересмеивалась с соседом. А Хаддо, несмотря на свое происхождение и состояние, вел себя, как заурядный авантюрист. Инцидент сделался достоянием общественности, супругов начали сторониться. Лица, с которыми они раньше общались, имели слишком хрупкие репутации, чтобы выдержать груз скандальной популярности, падающий на всех, связанных с четой Хаддо, и мысль о полиции вызвала у многих холодную оторопь. Короче говоря, все окончилось так же, как в Риме: парочка исчезла.

В Лондоне Сюзи не была уже довольно давно и по мере приближения весны вспомнила, что ей хотелось бы

встретиться с тамошними друзьями. Как бы славно провести там несколько недель теперь, когда у нее достаточно денег, поскольку до этого лондонские соблазны были для Сюзи под запретом. И она нетерпеливо стала ждать встречи с Англией, словно собиралась за границу. Но самым сильным мотивом предстоящей поездки, хотя она не хотела признаться в этом самой себе, было желание увидеть Артура. Время и разлука, конечно, ослабили интенсивность ее чувства, но она продолжала любить его глубоко и сильно. Понимала, что он никогда не ответит взаимностью, но была согласна и на роль друга. Она уже могла подумать об этом без душевной боли.

На три недели задержалась в Париже, чтобы обновить туалеты, которые оставались теперь главным удовольствием ее жизни, а затем отправилась в Лондон.

Приехав, написала Артуру, и он сразу пригласил ее пообедать. Приглашение разочаровало, так как мисс Бойд казалось, что более свободно они могли бы поговорить у него дома, а не в ресторане, но едва увидела Бардона, сразу поняла, что он выбрал ресторан намеренно. Окружавшая толчея, веселье, звуки оркестра делали невозможной какую бы то ни было интимность. Они были вынуждены говорить на общие темы. Сюзи ужаснулась происшедшей в Артуре перемене. Он постарел на десяток лет, похудел, осунулся, в волосах пробивалась седина, глаза запали от бессонницы. Но что поразило ее более всего, так это новое выражение лица. Маска боли, которую она видела в тот последний вечер в студии, теперь как бы застыла навсегда на этом лице, черты его исказились. У Сюзи от жалости к нему разрывалось сердце. Он стал куда молчаливее, а когда говорил, голос звучал как-то приглушенно, будто доносился издалека. В его присутствии Сюзи ощущала странную тревогу: напряженность Артура передавалась и ей. Раньше одним из качеств, которое так привлекало ее в Бардоне, было впечатление, что этот человек способен стать опорой любому существу. Она даже поначалу не могла определить, что же с ним произошло, но потом поняла: он делает постоянные усилия над собой, стремясь сохранить самообладание. Очень страдает и все время следит за тем, чтобы скрыть это от окружающих. Постоянное напряжение отражалось и на манере держаться. В то же время он стал мягче, чем прежде, и как будто искренне был рад встрече,

с интересом расспрашивал о ее путешествиях. Сюзи перевела разговор на него, и Артур охотно рассказал о своих делах. Теперь он зарабатывал много, его профессиональная репутация постоянно росла. Помимо обязанностей хирурга в двух клиниках, преподавания и частной практики, он недавно прочитал несколько докладов в научном обществе и редактировал большую работу по хирургии.

— Как же вы находите время для всего этого? — воскликнула Сюзи.

— Меньше сплю, — устало улыбнулся он. — Это почти удваивает рабочий день.

Осекся и опустил глаза. Это признание нечаянно намекнуло на внутреннюю жизнь, содержание которой он пытался скрыть. Сюзи была уверена, что ее подозрения справедливы. Она подумала о долгих часах, когда он лежал без сна, тщетно стараясь отогнать от себя мучительные мысли, о кратких интервалах тревожного забытья. Представила себе, как он, насколько возможно, оттягивает отход ко сну и приветствует первый солнечный луч, позволявший ему подняться. Артур понял, что выдал себя, и смутился. Наступило неловкое молчание. Трагическая фигура, сидящая перед ней, произвела на Сюзи необычайное впечатление. Вокруг шумная толпа, счастливые люди наслаждаются жизнью, беседуют, смеются, веселятся...

Какое же утонченное самоистязание заставило его выбрать именно это место? Он же должен невыносимо чувствовать себя здесь.

Когда они закончили обед, мисс Бойд собрала все свое мужество.

— Не заглянуть ли нам ко мне хоть на полчаса? Здесь невозможно поговорить.

Он было протестующе взмахнул рукой, словно собиравшись поскорее уйти, но не ответил отказом, и она продолжала настаивать.

— У вас есть свободная минутка, а мне столь многое следует вам рассказать.

— Единственная возможность оставаться сильным — никогда не поддаваться слабости, — ответил он почти шепотом, как будто ему неловко было произнести такую банальную сентенцию.

— Значит, не пойдете?

— Нет.

Уточнить, что Сюзи собиралась ему сообщить, было незачем. Артур прекрасно знал, что она стала бы говорить о Маргарет, а он был слишком прям, чтобы притворяться, что не понимает этого.

— Вы просили меня передать кое-что Маргарет, но я не смогла этого сделать. Она не писала мне.

Глаза Артура потемнели от боли, как будто насилие, которое он над собой учинял, было слишком тяжким даже для него.

— Я встречала ее в Монте-Карло. Думала, может быть, вам захочется что-то о ней услышать.

— По-моему, это ни к чему, — ответил он.

Сюзи безнадежно развела руками. Ей больше нечего было сказать.

— Пойдемте? — спросила она.

— Не сердитесь. Знаю, вы хотели, как лучше... Я вам очень благодарен.

Он оплатил счет, и они стали пробираться между столиками. У дверей она протянула ему руку и с доброй улыбкой сказала:

— Мне кажется, отгораживаясь от общения с людьми, вы поступаете неправильно. Так вы просто заболите.

— Я часто бываю в театре, — незлобиво ответил он, как будто урезонивал ребенка. — Заставляю себя отвлекаться от работы. Два-три раза в неделю слушаю оперу.

— Не думала, что вы такой меломан.

— Я тоже не думал, — усмехнулся он, — но, кажется музыка меня успокаивает.

Голос монотонный, усталый. Сюзи никогда не встречалась с таким обнаженным душевным страданием.

— Не соизволите ли как-нибудь сопроводить в оперу и меня? — спросила она. — Или вам будет со мной скучно?

— Был бы очень рад, — улыбнулся он, неожиданно просветлев. — Вы как превосходный тоник. В четверг дают «Тангейзера». Хотите пойти?

— С превеликим удовольствием.

Они распрощались, и Сюзи вскочила в кеб.

— Ах бедняга, бедняга, — пробормотала она. — Чем я могу ему помочь?

И сжала кулачки, подумав о Маргарет. Какой чудовищной жестокостью было с ее стороны так сломать этого доброго, сильного человека.

— Надеюсь, она поплатится за это, — мстительно прошептала мисс Бойд. — Надеюсь, испытает те же муки!

Сюзии оделась для Ковент Гардена, как только одна она умела одеваться. Туалет доставил ей огромное удовольствие не только потому, что был превосходен, но и потому, что стоил куда больше, чем она раньше могла себе позволить. Модные туалеты стали ее единственным хобби. Созданное лучшими парижскими мастерами из тафты того изысканно-изумрудного цвета, которое, как она знала, называется «Воды Нила», платье было отделано старинными кружевами, составлявшими одну из ценнейших частей ее наследства. В прическе сверкал испанский страз — прекрасно отшлифованный хрусталь, шею украшала золотая цепочка, некогда принадлежавшая статуе Мадонны в одной из андалузских церквей.

Нестандартность туалета делала ее привлекательной. Она печально улыбнулась себе в зеркале, посчитав, что Артур не заметит, как прекрасно она одета.

Сбежав по лестнице, Сюзии пересекла мостовую, чтобы сесть в кеб, который уже ожидал ее, и с истинно парижским изяществом приподняла юбку, ставя ногу на его ступеньку. Когда кеб тронулся, она немного поиграла испанским веером и вновь окинула взглядом свое отражение в зеркале на дверце. Длинные перчатки, такие новые и такие дорогие, прекрасно обтягивали руки, подчеркивая их форму. И невнимание Артура стало для Сюзии почти безразличным.

Еще более оживилась она, очутившись в зале оперы. Достала бинокль и принялась разглядывать женщин, наполнявших ложи бельэтажа. Артур тихонько указывал на разных незнакомых ей людей, называл их имена, но Сюзии чувствовала, что ему приходится насиловать себя, чтобы казаться любезным. Скорбная складка у губ была сегодня, на фоне беспечной толпы, еще заметнее, чем прежде. Но когда зазвучала увертюра, напряжение, в котором Артур постоянно находился, спало, и Сюзии увидела, как на его лице, сменяясь, отражаются различные чувства. Страстные звуки музыки проникали в его душу, смешиваясь с его собственной любовью и его собственным горем, и он забыл обо всем на свете.

Весь антракт просидел он в кресле, охваченный новыми ощущениями. Сидел не шелохнувшись, не произнося ни слова. Сюзии стало понятно, почему он, несмотря на свое

недавнее безразличие ко всему, обнаруживал теперь такое тонкое понимание музыки: она смягчала боль, переносила его в вымышленный мир, а собственные переживания делали музыку столь реальной, что она доставляла ему огромное наслаждение. Но когда отзвучали последние аккорды оркестра и Изаolda пропела свою последнюю жалобу, Артур был так измучен, что с трудом поднялся с кресел.

Они выбрались в фойе и, пока ждали в толпе зрителей, когда можно будет покинуть театр, к ним подошел их общий знакомый. Это был некий мистер Арбатнот, врач-офтальмолог, с которым Сюзи встречалась на Ривьере и который, как она недавно узнала, работает вместе с Артуром в клинике Святого Луки. Это был «записной» холостяк, седовласый, с красным добродушным лицом, хорошо обеспеченный, поскольку имел большую практику, и расточительно тративший свои доходы. В Монте-Карло он пару раз приглашал Сюзи на завтрак, поскольку был большим любителем женщин, и хорошеньких, и дурнушек, а она привлекала его своим чувством юмора. Тут он подбежал к ним и оживленно принялся трясти руки.

— Боже, кого я вижу! Почему вы не известили меня, негодница, о своем прибытии? Я уверен, что ваши глаза в плачевном состоянии.

— Неужели вы думаете, что я позволила бы такому дерзкому и безнравственному вертопраху, как вы, всматриваться в них с офтальмоскопом? — засмеялась Сюзи.

— Послушайте, прошу вас обоих сделать мне одолжение. Сегодня я даю ужин в Савое, а двое из приглашенных подвели меня. Столик заказан, и вы просто обязаны занять свободные места!

— Боюсь, что я должен ехать домой, — отказался было Артур. — У меня масса работы.

— Глупости! — замахал на него руками Арбатнот. — Вы слишком много трудитесь, и небольшой отдых будет кстати. — Он повернулся к Сюзи. — Я знаю, вы любите странности человеческой натуры; среди моих гостей будет одна супружеская пара, которая вас чрезвычайно заинтересует; это такие экстравагантные люди! А кроме того — одна очаровательная актриса и ужасно забавная американка.

— Я бы с удовольствием приняла ваше приглашение, — ответила Сюзи, с мольбой поглядывая на Артура, — хотя бы для того только, чтобы доказать вам, на-

сколько я забавнее всяких ваших очаровательных актрис.

Артур, заставив себя улыбнуться, принял приглашение. Офтальмолог радостно хлопал его по спине, и они договорились встретиться в Савое.

— Очень мило с вашей стороны, что вы приняли приглашение, — сказала Сюзи, когда они с Бардоном ехали в Савой. — Поверите ли, но я никогда в жизни не была в этом ресторане и прямо дрожу от волнения.

— Как же я эгоистичен, что сначала посмел отказаться, — ответил он.

Когда Сюзи, приведя себя в порядок, вышла из туалетной комнаты, Артур уже ожидал ее. Мисс Бойд была в прекрасном расположении духа.

— Вы должны сделать мне комплимент, сказать, что вам нравится мое платье. Я обратила внимание, как полдюжины дам позеленело от зависти при виде его. Наверняка считают меня француженкой и уверены, что я достаточно легкомысленного поведения...

— Ну и комплимент вы себе выдали! — улыбнулся Артур.

В этот момент к ним своей легкой походкой приблизился мистер Арбатнот и подхватил обоих под руки.

— Идемте, мы уже заждались! Сейчас я представлю вас своим гостям, а затем мы отправимся ужинать.

Они спустились по ступенькам в зал, подошли к группе людей. И вдруг оказались лицом к лицу с Оливером Хаддо и Маргарет.

— Мистер Артур Бардон — миссис и мистер Хаддо. Бардон — мой коллега по клинике Святого Луки, он быстрее всех сможет при нужде вырезать вам аппендикс!

Арбатнот продолжал весело болтать. И не заметил, что Артур покрылся смертельной бледностью, а Маргарет застыла в оцепенении. Хаддо выступил вперед, его массивное лицо расплылось в улыбке. Он явно получал удовольствие от всей этой сцены.

— Мистер Бардон — наш старый друг, — сказал он. — По правде говоря, это он познакомил меня с моей женой. А с мисс Бойд мы не раз обсуждали проблемы искусства и бессмертия души со всей серьезностью, подобающей таким темам.

Он пожал протянутую Сюзи руку. Она ненавидела сцены, и хотя встреча была неожиданна в той же мере, как и

нежелательна, мисс Бойд чувствовала, что необходимо вести себя естественно. Поздоровалась она и с Маргарет.

— Как жаль! — вскричал их хозяин. — А я-то надеялся показать мисс Бойд нечто совершенно новенькое из области магии... вот те на: она и сама все знает.

— Если бы знала все, уверен, не стала бы со мной разговаривать, — с любезной улыбкой поклонился Оливер.

Официант подвел их к заказанному столику.

— Ну, и как же мы рассядемся? — спросил Арбатнот, оглядывая уже накрытый стол.

Оливер покосился на Артура, в его глазах загорелся недобрый огонек.

— Вы должны позволить моей жене и мистеру Бардону сесть рядом. Они не виделись так долго, что, уверен, у них найдется, о чем поговорить. — Он коротко хмыкнул. — И умоляю, дайте мне в соседки мисс Бойд, чтобы она могла попытать меня, сколько ей заблагорассудится.

Предложение вполне устраивало жизнерадостного, ничего не подозревавшего офтальмолога, поскольку теперь можно было усадить очаровательную актрису по одну сторону от себя, а забавную американку — по другую. Арбатнот потер руки.

— Думаю, у нас будет восхитительный ужин.

Оливер громко рассмеялся и по привычке полностью завладел разговором. Сюзи вынуждена была признать, что он был в ударе. Его гротескные шутки очень забавляли ее, она не могла устоять перед его остроумием. Ел и пил Хаддо с чудовищным аппетитом. Сюзи благодарила свою звезду, что научилась за долгую учительскую практику скрывать свои чувства. Артур же, сраженный этой встречей, сидел, застыв, как каменное изваяние. Мисс Бойд оживленно болтала. Поддразнивала Хаддо, будто тот был ее старым другом, и весело смеялась. Она заметила, что он, одетый еще более экстравагантно, чем обычно, ухитрился, благодаря богатой фантазии, совместить в своем вечернем туалете несовместимое: на нем были бриджи, сами по себе способные привлечь всеобщее внимание, а его рубашка с жабо, бархатный воротник и причудливый атласный жилет вызывали в памяти образ французского комического актера, чуть ли не клоуна. Теперь, когда она могла поближе рассмотреть его, стало ясно, что за последние полгода Хаддо здорово облысел, поблескивающая белизна безволосой

головы неприятно контрастировала с краснотой лба и щек. Он еще потолстел, жир тяжелыми складками висел вторым подбородком; живот стал необъятных размеров. Весь вид Хаддо сделался просто пугающим. Глаза сохранили тот же пристальный, неестественный взгляд, но теперь в них появился какой-то дикий, жестокий огонек. Маргарет осталась прекрасной, как прежде, но Сюзи заметила, что в ее туалете чувствовалось влияние Хаддо: она перешла грань, отделяющую индивидуальность одежды от эксцентричности. Платье, явно чересчур роскошное, диссонировавшее с классическим характером ее красоты, покорило Сюзи, ибо оно напоминало броский наряд куртизанки.

Говорила и хохотала Маргарет так же много, как и ее муж, но Сюзи не могла понять, было ли ее оживление искусственным или оно вызвано крайней бесчувственностью. И хотя голос звучал естественно, все же не верилось, что она искренне веселится. Возможно, лишь старалась сделать вид, что счастлива.

Ужин продолжался. Яркие огни, праздничная атмосфера зала, шампанское — развязывали языки, компания, казалось, веселилась напропалую. Арбатнот был в превосходном настроении. Травил анекдоты, над которыми все громко смеялись. Оливер Хаддо тоже рассказал к случаю забавную историю. Правда, несколько рискованную, но он так уморительно изображал в лицах ее героев, что все, кроме Артура, продолжавшего упорно молчать, покатывались со смеху. Маргарет пила бокал за бокалом, и как только ее муж закончил свой рассказ, взяла слово. Но если его история была остроумно безнравственной, то ее анекдот оказался просто вульгарным. Поначалу присутствующие женщины не поняли, что к чему, но когда до них дошел смысл, они, зардевшись, устали в свои тарелки. Арбатнот же и Хаддо смеялись от всей души. Артур покраснел до корней волос. Он чувствовал себя ужасно. Ему было стыдно. Он не мог заставить себя даже взглянуть на Маргарет. Непостижимо было, как это с ее прелестных губ срывались такие непристойности. Но Маргарет, очевидно, совершенно не сознавая произведенного ею эффекта, продолжала болтать и смеяться.

Наконец, огни ресторана стали гаснуть, и мучения Артура кончились. Ему хотелось поскорее сбежать, скрыться, забыть вид Маргарет и ее веселье. И прежде всего этот анекдот. Он был ужасен, ужасен!

Она же непринужденно протянула ему руку.

— Милый Артур, вы должны навестить нас. Мы живем в Карлтоне.

Он поклонился и не ответил. Сюзи отошла в гардероб за своим плащом. И уже стояла у дверей ресторана, когда оттуда вышла Маргарет.

— Может, тебя куда-нибудь подбросить? — предложила она. — Зашла бы к нам как-нибудь, когда нечего будет делать.

Сюзи обернулась. Артур стоял неподалеку, опустив голову, в полной прострации.

— Ты видишь его? — тихо спросила Сюзи, голосом, дрожащим от негодования. — Вот что ты с ним сделала.

В этот момент он поднял на них свои запавшие глаза. Они увидели его изнуренное, смертельно-бледное лицо с печатью безнадежного страдания.

— Сознаешь ли ты, что он убивает себя по твоей милости? Не спит по ночам, испытывает все муки ада. Ох, как я надеюсь, что ты будешь страдать не меньше!

— Странно, что именно ты меня обвиняешь, — ответила Маргарет. — Тебе-то следовало бы благодарить меня.

— Благодарить? С какой стати?

— Ведь не будешь же ты отрицать, что страстно влюблена в Артура с первого дня, как вы встретились? Думаешь, я не заметила этого тогда, в Париже? И любишь его сейчас сильнее, чем когда-либо.

Сюзи внезапно почувствовала, как сжалось сердце. Она никогда не думала, что ее тайна может быть кому-то известна. Маргарет горько усмехнулась и прошла мимо нее.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Последующие два или три дня Артур Бардон провел в состоянии крайней неопределенности, однако желание вновь увидеть Маргарет сделалось настолько непреодолимым, что победило все доводы рассудка. Он поехал в отель Карлтон и осведомился о миссис Хаддо. Портье доложил что Хаддо уехал, и возникла надежда застать Маргарет одну. Небольшая хитрость помогла Артуру не сообщить своего имени, назваться другим. Когда его проводили в ее номер, Маргарет бесцельно сидела у стола. Не читала и не работала.

— Вы предложили мне навестить вас, — поклонился Артур.

Маргарет молча встала. Смертельная бледность медленно заливала ее щеки.

— Может, сядем?

Она кивнула. Несколько минут они смотрели друг на друга. Артур вдруг забыл все, что хотел сказать. Невыносимо было чувствовать себя чужим ей.

— Зачем ты пришел? — спросила она хрипло.

Оба понимали невозможность свести эту встречу к светской болтовне. Общими, вежливыми фразами не разрядишь тягостную обстановку.

— Думал, что смогу помочь тебе, — с трудом выдавил он.

— Мне не нужна твоя помощь. Я совершенно счастлива. И мне нечего тебе сказать.

Произнесла это быстро, возбужденно, глаза с тревогой устремлены на дверь, словно она опасалась, что кто-то войдет.

— Я уверен, что нам многое надо сказать друг другу, — настаивал он. — Если тебе неудобно здесь говорить, может, приедешь ко мне?

— Он узнает! — вдруг воскликнула она, как будто слова эти вырвали силой. — Думаешь, от него что-нибудь можно скрыть?

Артур взглянул на нее. Он был поражен ужасом, отразившимся в ее глазах. При ярком свете дня стали особенно заметны перемены, происшедшие в ее лице. Оно было искажено, как у человека, постоянно преследуемого страхом.

Артур отвернулся.

— Хочу, чтобы ты знала: я ни в коей мере не виню тебя за то, что ты совершила. Никакой твой поступок не может ослабить моей любви к тебе.

— О, зачем ты пришел сюда?! Зачем мучаешь меня такими словами!

Она внезапно нервно заходила по комнате и разразилась потоком слов.

— Если ты хотел наказать меня за боль, которую я тебе причинила, можешь торжествовать. Сюзи пожелала мне испытать всю муку, которую я заставила тебя вынести. Если бы она только знала!..

Вдруг она упала перед Артуром на колени и схватила его руки.

— Думаешь, я не понимаю? У меня сердце обливалось кровью, когда я видела твое изможденное лицо и измученные глаза. Да, ты изменился. Никогда бы не поверила, что человек может так измениться за несколько месяцев. И это я во всем виновата. О, Артур, Артур, ты должен простить меня. И пожалеть.

— Но я ни в чем не виню тебя, дорогая.

Она испытующе на него посмотрела. Теперь в ее глазах возник странный блеск.

— Ты только говоришь так, но на самом деле так не думаешь. И все же, если бы ты только знал, что я перенесла из-за тебя...

— Что ты хочешь этим сказать?

— Хаддо никогда не любил меня, он никогда и не вспомнил бы обо мне, если бы не хотел лишить тебя того, чем ты больше всего дорожил. Он ненавидит тебя и сделал меня такой, какой я стала, чтобы доставить тебе страдания. Это не я лгала и предала тебя, причинила тебе такое горе.

Она поднялась с колен и глубоко вздохнула.

— Однажды мне показалось, что он умирает, и я помогла ему. Привела в студию, подала воды. И он приобрел над мной страшную власть, я стала воском в его руках. Вся моя воля исчезла, я должна была выполнять его приказания. А если пыталась сопротивляться...

Ее лицо исказилось болью и страхом.

— Тогда я все поняла, что в тот день, когда Хаддо притворился умирающим, он просто разыгрывал меня. Это он отослал Сюзи, послав ей телеграмму, якобы подписанную ее приятельницей, имя которой он увидел на фотографии. И я слышала, как покатывался он со смеху над теми, кого так ловко одурачил.

Она вдруг умолкла, задрожала и посмотрела на дверь.

— Возможно, это он сейчас заставил меня утверждать, что никогда не любил меня, чтобы доставить тебе еще большую боль. Теперь ты знаешь, что моя жизнь стала адом, а его месть совершилась.

— Месть за что?

— Разве не помнишь, как однажды ты избил его? Теперь-то я хорошо его знаю. Ему ничего бы не стоило убить тебя, но это не насытило бы его ненависть. И в тысячу раз большее удовольствие доставила ему возможность наслать на нас обоих эту муку.

Она словно бы обезумела. Впервые заговорила обо всем происшедшем, и то, что так долго копилось в душе, провалилось. Артур, попытался успокоить ее.

— У тебя расшатались нервы. Постарайся взять себя в руки. В конце концов, Хаддо такой же человек, как и все.

— Да, ты всегда смеялся над ним. Не желал прислушаться к тому, что он говорит. Но я-то знаю. И пусть не могу объяснить свое знание, хотя и понимаю, что все это против здравого смысла, но я своими глазами видела такое, что не поддается никакому объяснению. Говорю тебе — Хаддо обладает чудовищной силой. Еще в первый день, когда я осталась наедине с ним, он как бы перенес меня на жуткий шабаш. Не знаю, что это было, но я явственно видела отвратительные мерзости и разврат, воспоминания о котором постоянно преследуют меня. Когда посетили мы его дом в Стаффордшире, я узнала это место: узнала пустынные скалы, деревья и весь пейзаж. И не сомневаюсь, что побывала там раньше, в то роковое утро. О, ты должен поверить мне! Иногда мне кажется, что я сойду с ума от всего этого кошмара.

Артур молчал. Ее горячечные слова вызвали у него страшное подозрение, и он едва сдерживался. Подумалось, что какой-то сильный шок помутит разум Маргарет.

Она закрыла лицо руками.

— Послушай, — сказал он, — ты должна немедленно уйти отсюда. Тебе нельзя больше жить с ним. Ты никогда не должна возвращаться к нему.

— Я не могу покинуть Хаддо. Мы связаны нераздельно.

— Но это же чудовищно! Ведь ничто не может удерживать тебя. Вернись к Сюзи. Она будет добра к тебе, поможет забыть все, что ты пережила.

— Это бесполезно. Это ничего не изменит.

— Почему?

— Потому что, несмотря ни на что, я безумно люблю его.

— Маргарет!

— И ненавижу. Он внушает мне отвращение. И все-же что-то в моей душе, пусть против воли, притягивает меня. Моя плоть стремится к нему.

Артур в смущении отвернулся. Его отшатнуло от несчастной.

— Я противна тебе?

Он покраснел, но не находил ответа. Мог сделать лишь слабый отрицательный жест.

— Если бы ты только знал! — повторила она горестно.

В ее тоне прозвучала такая безысходность, что он с удивлением посмотрел на Маргарет. Щеки ее пылали, грудь вздымалась, как будто молодая женщина была готова разрыдаться.

— Ради Бога, не смотри на меня! — резко вскрикнула она.

И отвернувшись, спрятала лицо. Голос был глух и неестественен.

— Если бы ты посетил Монте-Карло, то слышал бы, что там говорили о нас. Бог знает, откуда все это стало известно досужим сплетникам, но они считали, что только благодаря мне Оливеру везло за игорным столом. И ему доставляло удовольствие развращать мою душу. Во мне не осталось чистоты. Я насквозь порочна. Он заставил меня погрязнуть в разврате, и я презираю себя. Не могу думать о себе без отвращения.

Лицо Артура залил холодный пот, оно побелело, как мел.

Ему стало ясно, что он сейчас прикоснулся к тайне, которую не может постичь. Маргарет лихорадочно продолжала:

— Тогда, за ужином, я рассказывала неприличный анекдот и видела, что тебе безумно стыдно за меня. Но это не я говорила, я выполняла его волю. Знала, что это пошлость, и со смехом смаковала ее. Получала удовольствие от сальностей, от того, что причиняю тебе боль, наслаждалась смущением женщин. Во мне словно живут два человека; но мое собственное «я», то прежнее «я», которое ты знал и любил, с каждым днем становится все слабее и, боюсь, вскоре совсем исчезнет. И останется только распутная душа в девственном теле.

Артур попытался собраться с мыслями. Он понимал, что попал в такое положение, когда важнее всего придерживаться реального взгляда на вещи.

— Ради Бога, оставь его. То, что ты рассказала, дает все основания для развода. Это же чудовищно. Твой муж безумен, его следует поместить в сумасшедший дом.

— Мне уже ничем не поможешь.

— Но если он тебя не любит, зачем ты ему?

— Не знаю, но, кажется, начинаю понимать.

Маргарет пристально посмотрела на Артура. Теперь она выглядела абсолютно спокойной.

— Думаю, я нужна ему для некоего магического действия. Не могу сказать, безумен он или нет, но чувствую, что Хаддо замышляет какой-то страшный эксперимент, и я нужна ему для этого. Пока это меня спасает.

— Спасает?

— Да. Он не убьет меня, пока я ему необходима. Может статься, что в процессе этого эксперимента я обрету свободу.

Артур был потрясен безразличием, с которым говорила она о себе. Он встал и подошел к ней.

— Послушай, ты должна взять себя в руки. Это безумие. Если ты не изменишь образа жизни, то попросту сойдешь с ума. Ты должна уйти со мной. Как только окажешься неподвластной ему, сразу же успокоишься. И никогда больше не увидишь его. Если боишься — я спрячу тебя, а адвокаты все устроят с разводом.

— Я боюсь.

— Но я обещаю, что ему не удастся причинить тебе зло. Будь благоразумна, Маргарет. Мы же в Лондоне, вокруг нас люди. Каким образом сможет он дотянуться до тебя, пока мы поедем по запруженным толпой улицам? Я отвезу тебя прямо к Сюзи. Через неделю ты будешь смеяться над своими страхами.

— Ты уверен, что сейчас, в данный момент, его нет в этой комнате? И он не слышит всего, о чем мы беседуем?

Ее внезапный вопрос заставил Артура вздрогнуть. Он быстро оглянулся.

— Господи! Ты сошла с ума. Видишь же, что в комнате пусто.

— Повторяю: ты не ведаешь, какой властью он обладает. Слышал ли ты когда-нибудь старые сказки, которыми няньки обычно пугают малышей, о людях, превращающихся в волков и рысующих ночами по окрестностям?

Она испытующе смотрела на него.

— Иногда, когда он возвращается утром с налитыми кровью глазами, измочаленный и странно возбужденный, я воображаю, что он тоже... — Она осеклась и запрокинула голову. — Ты прав, Артур, кажется, я схожу с ума.

Артур ощущал свое бессилие. Не знал, что предпринять, как убедить ее. Маргарет заговорила снова. Теперь ее голос дрожал от отчаяния.

— Когда мы поженились, я напомнила ему, что он обещал познакомить меня со своей матерью. Он никогда

не рассказывал о ней, но я чувствовала, что мне необходимо ее увидеть. Однажды, как-то вдруг, Оливер приказал мне готовиться к поездке. И мы отправились. Казалось, проехали тысячу миль, пока наконец не добрались до большого дома, окруженного высокой стеной. Окна зарешеченные. Нас привели в огромную пустую комнату. Унылую и холодную, как зал ожидания на вокзале. Здесь к нам подошел какой-то человек, высокий мужчина во фраке и золотых очках. Хаддо представил его мне как доктора Тейлора. И тут я вдруг все поняла.

Она снова торопливо бросала слова, глаза были широко раскрыты, будто перед ними разворачивалась картина, потрясая ее своим ужасом.

— Я поняла, что мы в сумасшедшем доме, хотя Оливер не предупредил меня. Мистер Тейлор повел нас наверх по широкой лестнице. И наконец мы очутились в большой спальне — О, если бы ты только знал, что я там увидела! От испуга едва не грохнулась в обморок. Никогда прежде не была я в таком месте... никогда не была в клетке. Стены и полы ее были обиты войлоком...

Она провела рукой по лбу, пытаясь прогнать страшные воспоминания.

— Я все еще вижу это. И никогда не смогу забыть. — В ее воображении с беспощадной ясностью возникла огромная бесформенная фигура, какая-то гора, громоздившаяся в одном из углов клетки. Когда они вошли, эта гора слегка шевельнулась, и до сознания Маргарет дошло, что перед ней человеческое существо — женщина, обряженная во фланелевый коричневый балахон; вероятно, когда-то крупная и статная, а теперь отталкивающе тучная. Она повернула к ним свое огромное лицо, лишенное всякого выражения. Волосы всклокоченные, седые и жидкие. Но больше всего в этом существе ужаснуло Маргарет ее поразительное сходство с Оливером.

— Он сказал, что перед нами его мать, и она находится тут двадцать пять лет.

Артур с трудом мог выдержать полный ужаса взгляд Маргарет. И не знал, что ответить. Вскоре она, как бы про себя, снова заговорила. Негромко, сбивчиво, заламывая руки.

— Бог знает, как я все это вынесла! Хаддо часто надолго уезжал, и я с утра до ночи оставалась в его доме в Скине,

наедине со своими малодушными страхами. Иногда казалось, что Оливер одержим патологической страстью ко всему греховному и омерзительному. Он мог отправиться в Ливерпуль или Манчестер и вращаться там среди отбросов общества. Пока длился этот патологический, как у пьяниц, запой, для него не существовало никаких моральных запретов. Он водился с отъявленными преступниками и мерзавцами, курил опиум в зловонных притонах — о, ты не можешь себе представить, с каким наслаждением погружался он на самое дно — и наконец возвращался, заросший грязью, в изодранной одежде, в саже, отупевший от длительного разврата и попойек, с горящими от поцелуев уличных девок губами. А как он бывает жесток, когда пускается в эти загулы. Я уверена, он получает дьявольское удовлетворение, видя чужие страдания и пороки.

Эти слова переполнили чашу терпения Артура, больше он выдержать не мог. И решил действовать. На столе стояла бутылка виски. Он налил немного в стакан и подал Маргарет:

— Выпей, — приказал он.

— Что это?

— Неважно! Выпей залпом.

Она покорно поднесла стакан к губам. Артур стоял над ней, пока она не опорожнила стакана до конца. Краска залила ее щеки.

— Теперь идем.

Он схватил ее за руку и повел вниз по ступеням, а затем через вестибюль — на улицу. В этот момент у дверей отеля остановился кеб, и Артур велел Маргарет сесть в него. Несколько прохожих с удивлением уставились на женщину, вышедшую из отеля в халате и без шляпы. Артур назвал кучеру адрес Сюзи и обернулся к Маргарет. Она потеряла сознание, едва войдя в кеб.

Когда они приехали, он подхватил Маргарет на руки, принес в спальню и уложил на диван. И только потом кратко рассказал Сюзи, что произошло и какой помощи он от нее ждет. Мисс Бойд, добрая душа, забыла обо всем, сейчас главным была Маргарет, ее болезнь, и Сюзи обещала сделать то, о чем просил Артур.

Целую неделю пролежала Маргарет в постели. Артур снял в Хэмпшире, напротив острова Уайт, маленький коттедж, надеясь, что окруженная умиротворяющим, одним из

прекраснейших пейзажей Англии, она быстро восстановит силы; и как только это стало возможно, Сюзи увезла ее туда. Но Маргарет очень изменилась. Ее жизнерадостность исчезла, а вместе с ней ушла и решимость. Хотя болезнь ее не была ни затяжной, ни серьезной, миссис Хаддо казалась столь истощенной и физически, и морально, словно несколько месяцев находилась на грани смерти. Не проявляла никакого интереса к окружающему, безразлично относилась к тенистым аллеям и милосердным лугам и рошам, по которым бродила в сопровождении Сюзи. Ее прежняя любовь к красоте прошла, больше не трогали ни цветы, распустившиеся в маленьком садике коттеджа, ни поющие на ветвях птицы. Через некоторое время Артур решил, что пора подумать о ее будущем. Маргарет покорно соглашалась со всем, что он предлагал, с готовностью признавала, что необходимо принять меры, чтобы юридически освободиться от Оливера Хаддо. Пока муж не делал никаких явных попыток выследить ее. О нем вообще ничего не было слышно. Хаддо не знал, где скрывается Маргарет, но конечно, догадывался, что ее побег — дело рук Артура, а уж Артура-то найти было нетрудно. Сюзи несколько беспокоило, что Артур не дает о себе знать. Вероятно, дела удерживают его в Лондоне.

Наконец был подан иск о разводе.

Через два дня после этого, когда Артур находился в своем кабинете в клинике, ему подали визитную карточку Хаддо. Артур внутренне напрягся.

— Пригласите этого джентльмена, — процедил он сквозь сжатые зубы.

Когда Хаддо вошел, Артур, стоя у камина, жестом предложил ему сесть.

— Чем могу служить? — холодно спросил он.

— Не подумайте, что я пришел для того, чтобы обратиться за помощью к вашему хирургическому искусству, мой дорогой Бардон, — улыбнулся Хаддо, тяжело опускаясь в кресло.

— Не сомневаюсь.

— Вы поразительно проникательны. Полагаю, что именно вам обязан я странной повесткой в суд, доставленной мне вчера.

— Я позволил вам войти ко мне, чтобы сказать, что не намерен вести с вами никаких переговоров без моего адвоката.

— Дорогой Бардон, почему вы обращаетесь со мной так холодно? Пусть вы лишили меня моей горячо любимой жены, но могли бы по крайней мере уважать мои супружеские права и вести себя учтивее.

— Мое долготерпение кончилось, — ответил Артур. — Напоминаю вам, что однажды я уже вышел из себя, и результат был для вас не совсем приятным.

— Я думал, вы сожалеете об инциденте, — совершенно спокойно возразил Хаддо.

— У меня очень мало времени, — прервал его Артур.

— В таком случае, сразу же перехожу к делу. Думаю, вам небезынтересно будет узнать, что я собираюсь подать встречный иск против моей жены. И хочу привлечь вас в качестве ее соучастника.

— Мерзавец! — не сдержался Артур. — Вы не хуже меня знаете, что ваша жена вне подозрений.

— Пока что мне известно лишь то, что она покинула отель вместе с вами и с тех пор живет под вашим покровительством.

Артур побагровел от ярости. Он едва сдерживался, чтобы не кинуться на этого человека.

— Делайте, что хотите. Я не боюсь вас.

— А ведь вы поступаете очень неосторожно. Уверяю вас, я сумею представить достаточно доказательств, чтобы погубить вашу карьеру и заставить вас отказаться от всех должностей в различных госпиталях, руководители которых удостоивают вас своим вниманием.

— Вы забываете, что дело будет слушаться в закрытом суде.

Хаддо испытующе взглянул на Артура и ответил не сразу.

— Вы правы, — протянул он, наконец, с едва заметной улыбкой. — Я не учел этого...

— В таком случае я вас больше не задерживаю.

Хаддо поднялся, задумчиво потер ладонью свое огромное лицо. Хозяин с презрением наблюдал за ним. Он позволил в колокольчик, явился санитар. «Проводите этого джентльмена».

Нисколько не смутившись, Хаддо медленно направился к двери.

Артур облегченно вздохнул, поскольку подумал, что Хаддо откажется от борьбы. Адвокат уже предупреждал его, что Оливер не посмеет предъявить иск.

Казалось, Маргарет постепенно начинает проявлять больше интереса к предстоящему процессу. Она была исполнена желания освободиться. И не опасалась мучительной процедуры суда. Она уже могла хладнокровно говорить о Хаддо. Друзья сумели убедить ее, несчастную женщину, что скоро она опять станет самостоятельным человеком; к ней возвращались силы и былая жизнерадостность. В маленьком домике на острове, как когда-то в парижской студии, зазвенел ее чарующий смех. Дело должно было слушаться в конце июля, перед длительными судебными каникулами, и Сюзи согласилась сопровождать Маргарет за границу, как только состоится решение.

Но тут с Маргарет вдруг произошла перемена. По мере того как приближался день открытия процесса, она становилась все более встревоженной и нервной, веселость покинула ее, она все чаще погружалась в угрюмое молчание. В какой-то степени это можно было понять: ведь вскоре придется рассказывать равнодушным судебским чинам о самых интимных подробностях своего замужества. В конце концов миссис Хаддо сделалась столь неуравновешенной, что Сюзи не могла больше приписывать ее состояние естественным причинам. И написала Артуру:

«Мой дорогой Артур!

Не знаю, что мне делать с Маргарет, поэтому прошу Вас приехать и взглянуть своими глазами. Хорошее настроение, в котором она пребывала еще недавно, сменилось необъяснимой раздражительностью. Она стала беспокойной, не может ни секунды оставаться на одном месте. Даже когда сидит, тело ее дергается, словно в конвульсиях. Я начинаю подозревать, что волнения, перенесенные ею, вызвали какое-то нервное заболевание, и это меня очень тревожит. Маргарет бесцельно слоняется по дому, бродит вверх-вниз по лестнице, выходит в сад и сразу же возвращается обратно. Она опять сделалась очень молчаливой, в глазах возникло то же выражение, которое пугало нас, когда мы привезли ее сюда. Если я спрашиваю, что ее мучает, она отвечает: «Боюсь, что-то случится». И не хочет или не может объяснить, что имеет в виду. В последние недели расшатались и мои собственные нервы. Я не могу сообразить, что из наблюдаемого мною — реальность, а что — плод воображения. Нужно, чтобы вы приехали и приободрили.

меня. Мне очень не по себе от происходящего, и меня охватывают нелепые страхи. Боюсь, в Хаддо есть что-то, внушающее мне непонятный ужас. Он постоянно присутствует в моих мыслях. Будто вижу его жуткие глаза, холодную циничную улыбку. Просыпаюсь по ночам с сильно бьющимся сердцем и ощущением чего-то неотвратимого.

О, скорее бы закончился этот суд, и мы могли уехать в Германию!

Всегда ваша *Сюзанна Бойд*»

Она всегда гордилась своим здравым смыслом, и потому было унинительно убеждаться в том, что и ее нервы могут так выйти из-под контроля. Сюзи была встревожена и несчастна. Ей нелегко было вновь принять Маргарет, словно ничего не случилось; и хотя она делала для больной в десятки раз больше того, что можно было ожидать, не могла подавить чувство раздражения на Артура, который без колебаний принес ее в жертву. Ему, видите ли, казалось вполне естественным, что она, Сюзи, должна целиком посвятить себя благополучию Маргарет.

Мисс Бойд вышла из дому, чтобы опустить письмо, затем вернулась в свою комнату. Ночь была чудесной — звездной и тихой, и тишина действовала на нее умиротворяюще. Она посидела у окна и, немного успокоившись, легла спать. Впервые за много дней крепко уснула. Когда проснулась, комнату заливало солнце, и она вздохнула с облегчением. Даже не подымая головы с подушки, могла она видеть за окном кроны деревьев и голубое небо. Все волнения выглядели пустяковыми, если мир так прекрасен. И Сюзи готова была смеяться над своими страхами.

Встала, набросила халат и отправилась в комнату Маргарет. Комната была пуста. Постель несмята. На подушке — записка:

«Все напрасно. Я ничего не могу с собой поделать. Возвращаюсь к нему. Не тревожьтесь больше обо мне. Все это бесполезно и бессмысленно... М.»

Сюзи произвольно застонала. Ее первая мысль была об Артуре — о пучине отчаяния, куда он вновь погрузится. Снова придется ей сообщать ему ужасную весть. Она поспешно оделась, выпила чашку кофе. До одиннадцати поездов в Лондон не было, и ей пришлось, насколько возможно, сдерживать свое нетерпение. Наконец, натянула перчатки

и приготовилась идти. В этот момент дверь открылась, и появился Артур.

Сюзи вскрикнула и побледнела.

— А я как раз собиралась в Лондон, чтобы увидеть вас, — пробормотала она. — Откуда вы об этом узнали?

— Нынче утром я получил коробку шоколада с открыткой, которая гласила: «Думаю, что решающая ставка в игре сделана. Банк — мой». Подпись отсутствовала. Но я понял, кто автор. Жестокая мстительность в сочетании со школьной привычкой поиздеваться над поверженным противником — очень уж характерны для Хаддо.

Сюзи подала Артуру записку, которую обнаружила в комнате Маргарет. Прочитав ее, он долго сидел, задумавшись.

— Боюсь, она права, — сказал он наконец. — Наверно, сопротивление бесполезно. Этот человек имеет над ней власть, перед которой мы бессильны.

Сюзи подумала, что теперь и его скептицизм, наконец, испарится. Ее же уверенности, что во власти Хаддо над Маргарет есть что-то сверхъестественное, ничто не могло поколебать. Несомненно, он может влиять на жену даже на расстоянии. И ясно, что беспокойство Маргарет в последние дни было вызвано именно этой таинственной властью. Оливер овладел ее душой с помощью магии, и Маргарет знала об этом. В конце концов она не смогла больше противиться и сбежала к нему: при этом воля ее не участвовала, ее просто тянуло к нему, как притягивает к магниту стальной брусок.

— Мне не в чем винить ее, — сказала Сюзи. — Она жертва своей трагической судьбы. И ничего тут не поделаешь. Хочешь — не хочешь, я вынуждена верить, что ему удалось околдовать Маргарет, и все произошло из-за этого. Теперь мне ее только безумно жаль.

— Вы понимаете, что случится, когда она вновь окажется в руках Хаддо?! — вскричал Артур. — Вы не хуже меня знаете, как он мстителен, как чудовишно жесток. Сердце обливается кровью, когда думаю о муках, чисто физических муках, которые ей, возможно, придется испытать.

Он в отчаянии ходил взад и вперед по комнате.

— И ничего невозможно сделать. Не пойдешь же в полицию и не скажешь, дескать, муж околдовал свою жену.

— Значит, вы тоже поверили этому?

— Не знаю во что мне теперь верить, — проговорил он. — В конце концов, что мы можем сделать, если она решила вернуться к мужу? Сама себе хозяйка. — Артур заломил руки. — А я заключен в Лондоне! И не могу покинуть его ни на день, бессилён что-либо изменить. И все-таки убежден, что Маргарет глубоко несчастна.

Сюзи молчала. Она прикидывала, как отнесется он к предложению, которое пришло ей в голову.

— Знаете, мне кажется, что обычные методы здесь не дадут результата. Единственная возможность — сразиться с Хаддо его собственным оружием. Не возражаете, если я поеду в Париж и посоветуюсь с доктором Поро? Он ведь хорошо разбирается в оккультизме и, возможно, сумеет как-то помочь нам.

Но Артур уже взял себя в руки.

— Абсурд. Мы не должны уступать предрассудкам. Хаддо просто мерзавец и шарлатан. Да, он давил на наши нервы и на бедную Маргарет. Но не могу поверить, что он обладает какой-то необыкновенной властью над людьми.

— Даже после того, что видели собственными глазами?

— Если глаза уверяют меня в том, что опровергает все мои знания, я могу лишь заключить, что они обманывают меня.

— А я все-таки поеду в Париж.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Спустя несколько недель после описанных событий доктор Поро сидел среди своих книг в низенькой, тихой комнате, выходившей окнами на Сену, и предавался приятной меланхолии. Шум Парижа проникал даже сюда, на остров Святого Людовика. Доктор вспомнил обложенное тучами небо того края, где рождался юго-западный ветер, приносивший оттуда запах соли и свежести, длинные улицы Бреста, всегда возникавшие в его воображении, как бы покрытые сеткой моросящего дождя, отражения ресторанных огней на мокрых тротуарах. В этих воспоминаниях всегда было особое очарование. Даже в скверную погоду устало плетущиеся по припортовым улочкам моряки вызывали у него странное ощущение уюта. Запахи моря и вольный простор Атлантики доставляли наслаждение. Потом мысли перенесли его на зеленые тропинки, петляющие по пустошам,

заросшим душистым вереском, на широкие дороги, бегущие из одного чудесного рыбацкого местечка в другое. «Все-таки здорово ощущать себя бретонцем», — улыбнулся он.

В этот момент служанка доложила, что пришла Сюзи, и он поднялся навстречу ей. В последние недели они виделись часто. Ему импонировал интерес мисс Бойд к тем непонятым, странным явлениям, изучению которых он посвящал свое время. Кроме того, угадав ее любовь к Артуру, доктор восхищался мужеством, с которым держала себя мисс Бойд. У них вошло в привычку вместе обедать в тихом кафе под названием «Светлый Рейн», здесь они обсудили столько разных разностей, что знакомство переросло в прочную дружбу.

— Мне неловко, что я так часто позволяю себе нарушать ваше уединение, — рассмеялась Сюзи, входя в комнату. — Матильда начинает смотреть на меня с подозрением.

— О, с вашей стороны очень мило развлекать усталого старика! — улыбнулся он, пожимая протянутую руку. — Я был бы разочарован, если бы вы вдруг забыли о своем обещании посетить меня сегодня, поскольку мне нужно многое вам рассказать.

— Я — вся внимание, — ответила Сюзи, усаживаясь в кресло.

— Вчера я обнаружил в библиотеке Арсенала некий рукописный трактат, о котором ничего не знал.

Проговорил он это с таким победоносным видом, словно совершил открытие мировой важности. Сюзи сочувственно относилась к его невинному увлечению; и хотя знала, что книга, о которой он говорит, касается оккультизма и посему недоступна ее пониманию, сердечно поздравила хозяина.

— В моих руках оказался оригинал сочинения самого Парацельса. Я еще не прочел его, поскольку почерк трудно поддается расшифровке, но один факт, когда я листал страницы, привлек мое внимание. Прискорбно, конечно, что Парацельс вскармливал выращиваемых им гомункулусов человеческой кровью. Но интересно, как он дошел до этого.

Сюзи вздрогнула, что не укрылось от внимания доктора.

— Что с вами?

— Ничего, — быстро ответила она.

Поро испытующе взглянул на девушку и вернулся к теме, неотступно занимавшей его мысли.

— Когда-нибудь мы обязательно должны вместе посетить библиотеку Арсенала. Там самая богатая в мире коллекция книг по оккультизму. Вам, конечно, известно, что именно в Арсенале заседал некогда трибунал, скрывавшийся под названием «Chambre Ardente»¹. Члены ее разбирали случаи колдовства и магии.

— Никогда ничего подобного не знала, — улыбнулась Сюзи.

— А я убежден, что все манускрипты и загадочные старые фолианты, являющиеся гордостью сегодняшней библиотеки, использовались во многих тайных судилищах. Там есть, на первый взгляд, совершенно безобидные книги, из-за которых одних еретиков вешали, а других сжигали на кострах. Вы не поверите, сколько лиц, обладавших умом, состоянием и положением в обществе во времена Короля-Солнце — Людовика XIV — занимались этой сатанинской наукой.

Сюзи не ответила. Она уже не могла оставаться спокойной, слыша о таких вещах. Все, что теперь рассказывал доктор, могло иметь какое-то отношение к вопросу, который она неоднократно обсуждала с ним. Правда, Сюзи никогда не могла добиться от него признания, что он верит в магию. Но ведь произошли странные вещи, и никто не мог найти им объяснения. И доктор Поро, по аналогии, предлагал решения, его память хранила много загадок. И давал ей читать труды по черной магии, пока ее мозг не перенасытился всей этой чертовщиной. Иногда Сюзи теряла терпение, и ей хотелось выкинуть это из головы, но иной раз она готова была поверить, что все возможно.

Хозяин поднялся и, выставив указательный палец, принялся вещать в той строгой академической манере, которая вначале их знакомства всегда забавляла Сюзи, поскольку нелепо контрастировала с фантастическими заявлениями доктора.

— Адепты магии стремились к одной постоянной цели. Они хотели быть любимыми теми, кого любили сами, и мстить тем, кого ненавидели; но сильнее всего они жаждали обрести могущество, недоступное для обычных людей, хотели неограниченной власти, подобной власти богов. И ни перед чем не останавливались, дабы достичь цели. Но

¹ «Горящая Палата» (*фр.*).

Природа неохотно раскрывает свои секреты. Тщетно маги раздували свои печи и корпели над неразборчивыми книгами, призывали мертвецов и заклинали злых духов. Часто наградой им были лишь разочарование и нищета, человеческое презрение, пытки, тюрьма и позорная смерть. И все же, в конце концов, возможно, есть в этой мистике какая-то частица истины.

— Вы всегда предельно осторожны, — усмехнулась Сюзи. — Никогда не высказываетесь определенно.

— Не иметь определенного мнения в таких вопросах — самое разумное, — улыбнулся он, пожав плечами. — Если современный человек изучает оккультные науки, его долг не высмеивать все и вся, но терпеливо пытаться отыскать истину, которая может быть сокрыта во мраке этих иллюзий.

Едва он завершил свою тираду, Матильда, старая служанка доктора, вновь распахнула дверь и впустила посетителя. Им оказался Артур Бардон. Сюзи вскрикнула от удивления, так как всего два дня назад получила от него короткую записку, где он ни словом не упоминал о том, что собирается в Париж.

— Рад, что вы оба здесь, — сказал Артур, обменявшись с ними рукопожатиями.

— Что случилось? — с тревогой спросила Сюзи. Вид у Бардона был взволнованный, он делал резкие движения, неожиданные для такого сдержанного человека.

— Я виделся с Маргарет, — ответил он.

— И что?

Продолжать он не мог, но Сюзи и доктор Поро поняли, что Артур собирается поведать им нечто очень важное. Однако он рассеяно поглядывал на них, словно внезапно забыл, что хотел сказать.

— Я пришел прямо сюда, — произнес он глухо. — Заглянул было в ваш отель, Сюзи, надеялся застать, но когда мне сказали, что вас нет, я не стал сомневаться, что отыщу мисс Бойд здесь.

— Вы выглядите совершенно измученным, дорогой друг, — сочувственно покачал головой доктор Поро, разглядывая его. — Может, хотите чашечку кофе?

— Не стал бы возражать, — устало ответил Артур.

— Посидите несколько минут. Расскажите нам о том, что собирались сообщить, когда немного отдохнете.

Мсье Поро не видел Артура с того дня в прошлом году, когда в ответ на телеграмму Хаддо явился в студию Сюзи и Маргарет. Пока Бардон пил кофе, доктор с тревогой наблюдал за ним. Артур разительно изменился: лицо сделалось худым и бледным, как у покойника, глаза глубоко запали. Но более всего опечалило доктора то, что Артур казался полностью выбитым из седла. Все, что испытал он за девять прошедших месяцев, лишило его цели и уверенности в себе, которые раньше были столь свойственны этому человеку. Он стал нервным и неуравновешенным.

Сейчас он молчал. Уставившись в пол, думал о том, что именно сможет рассказать друзьям, какую часть из того, что узнал и пережил. Все в нем восставало перед необходимостью выдать свои самые сокровенные мысли, однако, он уже дошел до точки и нуждался в совете доктора Поро. Понял, что действовать приходится в реальных обстоятельствах, напоминающих мир кошмаров, поэтому, наконец, решился использовать знания своего друга в области черной магии.

Вернувшись в Лондон после побега Маргарет, Артур Бардон погрузился в работу, которая долгое время была его единственным спасением. Теперь он утратил интерес к ней, но продолжал свои занятия механически, стараясь непрерывным трудом заглушить боль. Время шло, и внезапно его охватило странное чувство надвигающейся беды, которое невозможно было преодолеть. Это чувство становилось все сильнее, пока не превратилось в навязчивую идею, не подчиняющуюся никаким доводам рассудка. Он был уверен, что Маргарет угрожает какая-то страшная опасность. Не мог определить, ни какая, ни почему страшит она его, но этот ужас жил в нем постоянно, ночью и днем, преследовал, как тень, и мучил, как угрызения совести. Тревога росла, и оттого, что он не понимал ее причин, еще больше угнетала его. Артур не сомневался: жизнь Маргарет под угрозой, но не находил способа помочь ей. Он предполагал, что Хаддо увез ее в свое поместье — Скин, но даже если бы Артур поехал следом, никаких шансов увидеть ее не было. Кроме того, как назло, отлучился из клиники его шеф, и Артуру приходилось торчать в Лондоне на случай, если потребуетс кому-то срочная операция. Кроме как о Маргарет, он ни о чем не мог думать. И чувствовал, что ему необходимо срочно увидеть ее. Из ночи в

ночь снилось ему, что она на грани смерти, а тяжелые оковы не дают ему возможности протянуть руки и спасти ее. Больше он уже не мог ждать. Сказал второму хирургу, что личные обстоятельства вынуждают его покинуть Лондон, возложил на него все дела и уехал. Не имея никакого плана, руководимый лишь неясными импульсами, он направился поездом в местечко Веннинг, стоявшее в трех милях от Скина.

Это было крошечное селенье с единственным общественным зданием, служившим в качестве трактира и гостиницы редким посетителям, которые останавливались в Веннинге. Артуру надо было как-то объяснить свое появление здесь.

Случайно прочитав на станции объявление о сдаче в аренду большой фермы, он сказал любопытствующей хозяйке, что явился осмотреть ее. Приехал он ночью и, ожидая рассвета, коротал время, расспрашивая женщину о Хаддо.

Оливер был крупным местным землевладельцем, и его богатство могло легко послужить темой для беседы, не говоря уже об эксцентричностях Хаддо. Хозяйка все время именovala его не иначе как сумасшедшим и в качестве доказательства его странностей доложила Артуру, что тот не желает, чтобы слуги ночевали в доме: после обеда всех их отсылают в различные коттеджи, стоящие в парке, и он остается наедине с женой. Это сообщение еще больше встревожило Артура, у него возникло страшное подозрение: Маргарет — в руках безумца, и ее некому защитить. Узнал он и многое другое, что было для него существенным. К его удивлению, атавистический страх перед колдовством вновь охватил его в этом уединенном месте, к тому же словоохотливая женщина поведала о злом влиянии Хаддо на урожай и здоровье скота тех фермеров, которые чем-нибудь навлекли на себя его гнев. Кстати, как-то поссорился он с управляющим своим имением, и тот через год внезапно умер. Живший по соседству мелкий землевладелец отказался продать Хаддо свой надел, приобретение которого могло бы округлить земли поместья, и все животные на ферме несговорчивого соседа пали от какой-то странной болезни, так что бедняга совершенно разорился. На Артура эти истории произвели сильное впечатление, ибо хозяйка гостиницы не сомневалась в их реальности, хотя и преподносила их с насмешливым скептицизмом как сплетни невежественной деревенщины и болтливых старух. Однако

здесь не осмеливались пересчитать Хаддо, считая, что он обладает властью над землей. Если он претендовал на участки, выставляемые на аукцион, никто не решался конкурировать, и он скупал фермы за бесценок.

Как только удалось, не вызывая подозрений, перевести разговор на хозяйку Скина, Артур спросил о Маргарет. Женщина пожала плечами. Никто ничего о ней не знает. Маргарет никогда не высовывается за ворота парка, правда, некоторые видели, как она бродит там одна. И никого не принимает. Хаддо давно перессорился со всеми соседями; как-то одна старая леди, мать соседнего фермера, заглянула в Скин вскоре после приезда Маргарет, но ее не пустили, и она ни разу больше не совалась туда.

— Она плохо кончит, эта бедняжка, — покачала головой хозяйка гостиницы. — А говорят — писаная красавица.

Артур отправился в свою комнату, чтобы дожидаться утра. И все не мог придумать, каким образом увидеть Маргарет. Топтаться у ворот парка — бессмысленно, так как даже торговцев в дом не пускали, они должны были оставлять заказанные товары у привратника. Правда, она вроде бы утром и днем гуляла в одиночестве по парку. Может быть, ему удастся ее увидеть? Он решил заранее забраться в парк и подождать, пока она не подойдет к такому месту, где за ними нельзя будет наблюдать.

На следующее утро жара, стоявшая всю предыдущую неделю, спала, и небо казалось темным от низких облаков. Артур осведомился о том, как пройти в Скин, и тронулся в путь. Ему предстояло отмерить три мили, отделявшие Веннинг от поместья Хаддо. Ландшафт казался серым и скучным. По обе стороны дороги, на огромных пустошах, громоздились гигантские валуны, как будто в доисторические времена здесь происходила битва титанов. Тут и там высились отдельные деревья, не могущие противостоять свирепым зимним ветрам. Одно из таких деревьев привлекло внимание Артура. Пораженное молнией, оно было расколото пополам и стояло голое, без листвы; искалеченные сучья причудливо торчали в разные стороны. Весь вид его напоминал человеческое существо, корчащееся в адских муках. Ветер свистел и завывал жутко и странно. От этого зрелища и звуков у Артура упало сердце. Он никогда не видел такой заброшенной земли.

Наконец подошел к воротам парка и некоторое время постоял там. За ними, в конце дороги, виднелась среди деревьев часть роскошного дома. Бардон двинулся вдоль деревянной изгороди. В одном месте доска была выломана, Он осмотрелся — никого. Тогда, вскарабкавшись по невысокой крутой насыпи, он оторвал еще одну доску и пролез внутрь.

Теперь он оказался в густом лесу и осторожно стал пробираться вперед. Папоротник был так высок, что легко скрывал его. Прежние владельцы явно уделяли много внимания этому участку парка, так как деревья здесь росли в изобилии. Но ныне парк был заброшен, не осталось и следа прежней планировки. Артур с трудом прокладывал себе путь сквозь заросли, буйные, как в первобытном лесу. Наконец вышел на заросшую травой тропинку и двинулся по ней в сторону дома. Внезапно, услышав какой-то звук, замер. Оказалось, что это всего лишь фазан, тяжело пролетевший над низким кустарником. Артур подумал, что будет делать, если лицом к лицу столкнется с Оливером. Хозяйка гостиницы заверила его, что владелец Скина редко выходит из дома, проводит свои дни, запершись на огромных его чердаках. Из труб даже в самое жаркое время года валил дым, ходили жуткие истории о дьявольщине, творившейся в этом доме.

Артур подошел ближе, надеясь увидеть в конце аллеи Маргарет, но там было пусто. В этот серый холодный день даже пустой лес, несмотря на зелень, казался покинутым и печальным. Словно над ним висела мрачная тайна. Наконец, Бардон добрался до каменной скамьи, стоящей среди деревьев у развилки дороги, и поскольку это было единственное местечко, где можно было присесть, он подумал, что Маргарет, вероятно, бывает тут. Спрятался в папоротниках и решил ждать. Он не захватил часов и не знал, сколько прошло времени; ему казалось, что сидит он здесь бесконечно долго.

Но вдруг сердце сильно забилося, — неожиданно он увидел ее. Маргарет приближалась тихо-тихо, даже шагов не было слышно. Присела на каменную скамью. Несколько минут Артур не шевелился, боясь спугнуть ее. Лихорадочно отыскивал возможность дать ей знать, что он здесь. Нужно было сделать что-то, чтобы привлечь ее внимание и надеяться, что она не закричит. «Маргарет», — тихо окликнул он.

Она не шелохнулась, он повторил громче. Но Маргарет не подала вида, что слышала. Тогда Артур вышел и встал перед ней.

— Маргарет!

Женщина безучастно подняла на него глаза.

— Не узнаешь?

— Что вам нужно? — голос был ровен и холоден.

Он настолько растерялся, что не нашелся с ответом.

Она продолжала пристально смотреть на него. Вдруг ее спокойствие исчезло, она вскочила и бросилась к Бардону.

— Это действительно ты? — в сильном волнении воскликнула она. — Я было подумала, что передо мной лишь тень, подражающая тебе.

— О чем ты говоришь, Маргарет? Что на тебя нашло?

Она протянула руку и дотронулась до него.

— Нет, я — настоящий, — сказал он пытаясь улыбнуться.

На мгновение Маргарет закрыла глаза, стараясь взять себя в руки.

— В последнее время меня пугают галлюцинации, — пробормотала она. — Я подумала, что все это мне опять почудилось.

И вдруг задрожала.

— Что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал? Тебе необходимо уйти! О, почему ты не оставляешь меня в покое?

— Я не мог не прийти. Меня все время преследовало ощущение, что с тобой может произойти что-то страшное.

— Ради Бога, уходи. Ты не сможешь мне помочь. Если он узнает, что ты был здесь...

Она осеклась, глаза ее расширились от ужаса. Артур сжал ее руки.

— Маргарет, я не могу уйти... не могу оставить тебя в таком состоянии. Умоляю, скажи мне, в чем дело? Я так боюсь за тебя.

Он был поражен переменой, происшедшей с ней за те два месяца, что они не виделись. С лица сошел румянец, оно стало мертвенно-бледным, на лбу появились горестные морщины, глаза лихорадочно блестели. Юность словно бы покинула ее. Она казалась безнадежно больной.

— Так что же с тобой? — умоляющим голосом спросил Артур.

— Ничего. — Маргарет продолжала тревожно озираясь. — Ну почему ты не уходишь? Как ты можешь быть таким жестоким?

— Я должен что-нибудь сделать для тебя, — не соглашался он. Она отрицательно замотала головой.

— Слишком поздно. Теперь мне уже ничего не поможет. — И после паузы, когда она снова заговорила, голос зазвучал так глухо, будто слетал с омертвевших губ. — Теперь я знаю, что он собирается со мной сделать. Я нужна для его великого эксперимента, и все меньше времени остается до того, как начнет он свой опыт.

— Что значит, «нужна»? Что ему нужно?

— Ему нужна... моя жизнь.

Артур вскрикнул от ужаса, но Маргарет подняла руку.

— Противиться бесполезно. Это уже не спасет меня — думаю, что буду даже рада, когда наступит этот момент. По крайней мере — перестану страдать.

— Но ты же просто сумасшедшая.

— Не знаю. Но твердо знаю, что сумасшедший — он.

— Если твоя жизнь в опасности, ради Бога, оставь его! В конце концов, ты же свободна. Он не имеет права силой удерживать тебя.

— Все равно мне придется вернуться к нему, как в прошлый раз, — ответила она, покачав головой. — Тогда, сначала, мне тоже показалось, что я свободна, но постепенно поняла: Хаддо зовет меня. Пыталась сопротивляться, но не смогла. Он просто заставил меня вернуться.

— Страшно подумать, что ты вынуждена жить наедине с безумцем.

— Сегодня я еще вне опасности, — спокойно возразила она. — Эксперимент можно осуществить только в очень жаркую погоду. Если в этом году жары больше не будет, доживу до следующего лета.

— Не говори так, Маргарет, умоляю! Я же люблю тебя — хочу, чтобы ты всегда была со мной. Уедем отсюда. Положись на меня — обещаю, что он не причинит тебе зла.

— Ты меня больше не любишь, только жалеешь.

— Неправда!

— Нет, правда. Я поняла это, когда мы с Сюзи жили в Хэмпшире. Но я не виню тебя. И я теперь не та женщина, которую ты любил, не та, которую ты знал.

— Никогда и никого, кроме тебя, не люблю.

Она положила руку ему на плечо.

— Если ты, как говоришь, любишь меня, умоляю тебя уйти. Ты не знаешь, на что обрекаешь меня. А когда меня

не станет — женись на Сюзи. Она любит тебя всем сердцем и заслуживает твоей любви.

— Маргарет, не уходи! Идем со мной.

— И берегись! Он никогда не простит тебе того, что ты сделал. И если сможет — убьет.

Она вздрогнула, как будто что-то услышав. Ее лицо искажилось смертельным страхом.

— Уходи! Ради всего святого, уходи!

Резко повернулась и, прежде чем он сумел удержать ее, исчезла. С тяжелым сердцем Артур снова нырнул в папоротники.

Рассказав своим друзьям об этой встрече, Артур умолк и посмотрел на Поро.

— Что же вы хотите услышать от меня? — спросил доктор.

— Я думаю, что этот человек ненормален, — ответил Артур. — Я узнал в каком сумасшедшем доме содержится его мать, удалось мне повидаться и с управляющим его именем. Управляющий признался, что у него большие сомнения относительно вменяемости Хаддо, но предпринять в настоящее время какие-нибудь шаги против Хаддо невозможно. Я пришел, потому что мне нужны ваше мнение и совет. Если этот злодей действительно не в своем уме, возможно ли, что он задумал провести какой-то эксперимент, требующий человеческой жертвы?

— Вполне вероятно.

Сюзи вздрогнула. Она вспомнила сплетни, доходявшие до нее в Монте-Карло.

— Я слышала, что он с помощью магической операции пытается создать живые существа, — мисс Бойд смотрела на доктора, но обращалась к Артуру. — Как раз перед тем, как вы вошли, наш друг рассказывал о книге Парацельса, где великий маг сообщает о том, как он вскармливал созданных им монстров человеческой кровью.

Артур охнул от ужаса.

— Что же касается Маргарет, — подхватил ее слова доктор Поро, — здесь имеется один, по-моему, очень важный факт. Во всех трудах, посвященных черной магии, единодушно утверждается особая эффективность состояния девственности.

— Так что же делать? — стиснул кулаки Артур. — Мы не имеем права оставлять ее в руках безумца! — И вдруг смертельно побледнел. — А если она уже мертва?

— Нам остается только ждать, — сказал доктор.

— Но если придется ждать слишком долго, можно столкнуться с непоправимым.

— Мы все-таки живем в цивилизованном мире. Не станет Хаддо рисковать своей головой. Я надеюсь, наши страхи необоснованы.

Сюзии казалось, что сейчас главное — отвлечь Артура, и она перебирала в уме различные способы, чтобы переключить его внимание на что-то другое.

— Я собираюсь съездить на два дня в Шартр к миссис Блумфильд, — сказала она. — Не хотите ли сопроводить меня? В Шартре знаменитый собор, и я уверена, что нам не повредит немного побродить там. Ни здесь, в Париже, ни в Лондоне вы ничего не сможете сделать. А там, глядишь, придете в себя и придумаете что-нибудь.

Доктор Поро разгадал ее замысел и тоже стал уговаривать Артура пожить хоть пару дней в спокойном местечке. Тот был слишком измучен, чтобы возражать, и с полным безразличием согласился. На следующий день мисс Бойд повезла его в Шартр. Миссис Блумфильд не мешала им и Сюзии заставила Артура целую неделю отдыхать в этом приятном, тихом городке. Немало времени проводили они в соборе, подолгу бродили по улочкам Шартра. Хочешь не хочешь, а Бардон должен был признать, что перемена места принесла ему пользу; нервное состояние, в котором он пребывал последнее время, сменилось апатией. В конце концов Сюзии уговорила его провести три-четыре недели в Бретани. Доктор Поро предложил посетить свою родину. Они вернулись в Париж. И когда Артур прощался с Сюзией на парижском вокзале, то пообещал, что через час обязательно встретится с ней в ресторане, где еще по дороге они уговорились пообедать все вдвоем — с доктором Поро. Слабо улыбнувшись, Артур поблагодарил ее за все, что она для него сделала.

— У меня были совершенно расшатаны нервы, — сказал он, пожимая руку Сюзии. — Теперь я могу держать себя в узде. О Господи, чуть не утратил здравый смысл и не поверил всей этой чепухе, именуемой черной магией. Абсолютно нелепо считать, что Хаддо собирается причинить Маргарет зло. Вернувшись в Лондон, я встречу со своими адвокатами, и, надеюсь, нам удастся что-нибудь придумать. Если он в самом деле ненормальный, придется изолировать

его от общества. И Маргарет освободится. Спасибо. Я никогда не забуду вашей доброты.

Сюзи улыбнулась в ответ и пожала плечами.

Она была уверена, что он забудет о ней, если Маргарет возвратится к нему. Но тут же упрекнула себя за эту ревнивую мысль. Она любила Артура и была готова сделать для него все, что угодно.

Мисс Бойд вернулась в свой отель, переделась и медленно отправилась в «Шьен Нуар». Париж всегда поднимал ей настроение, и она с нежностью поглядывала на платаны, на желтые трамваи, постоянно громыхающие по улицам, на фланирующую толпу. По дороге зашла за доктором Поро, который ждал ее, и то, что он обрадовался ее приходу, было приятно и даже льстило самолюбию. Они поговорили об Артуре. Странно, но тот опаздывал.

В этот момент ворвался Бардон, и Сюзи с Поро сразу поняли: произошло что-то чрезвычайное.

— Слава Богу, что я вас застал! — вскричал Артур.

Его раскрасневшееся лицо вновь странно подергивалось. Он снова страшно нервничал.

— Забежал за вами в отель, но не застал. Ах, почему вы потребовали, чтобы я уехал из Англии!

— Что случилось? — Сюзи тут же передалось его состояние.

— Что-то ужасное... с Маргарет!

— Откуда вы это знаете? — бросилась она к нему.

— Я это чувствую, — хрипло ответил он.

— Что значит «чувствую»?

— Ощущение несчастья возникло внезапно, и я не могу объяснить, почему и как. Знаю одно — что-то случилось!

Он безостановочно метался от стены к стене: взад-вперед, взад-вперед... Страшно было смотреть. Сюзи и доктор Поро беспомощно переглядывались, стараясь придумать какие-то доводы, чтобы прекратить это, успокоить его.

— Но ведь если бы что-то случилось, мы бы знали.

Он в гневе обернулся к Сюзи.

— Каким образом могли бы мы узнать? Ведь Маргарет совершенно одна. Заточена в замке, как мышь в ловушке. Она же не могла вырваться оттуда.

— Но, мой друг, не следует до такой степени поддаваться предчувствиям, — сказал доктор Поро. — Что бы вы сказали больному, который пришел к вам с такими ощущениями?

— Я бы сказал, что у него истерика.

— Значит...?

— Но я ничего не могу с собой поделать. Чувствую это каждой клеточкой. Возражайте хоть всю ночь напролет, доказывайте мне, что угодно, но все равно не переубедите. Я так уверен в гибели Маргарет, словно видел это собственными глазами.

Сюзии поняла, что спорить действительно бесполезно. Единственное, что оставалось — не возражать и постараться успокоить его.

— Что же вы от нас хотите? — спросила она.

— Хочу, чтобы вы оба немедленно отправились со мной в Англию. Если мы выедем сразу, то сможем успеть на вечерний поезд.

Сюзии не ответила. Подошла к доктору Поро и тронула его за плечо. «Пожалуйста, поедem», — прошептала она. Тот кивнул и стал одеваться.

— Фиакр у дверей, — сказал Артур.

— А как насчет одежды для мисс Бойд? — осведомился доктор.

— Не можем мы задерживаться из-за этого, — категорически возразил Артур. — Ради Бога, поедem!

Сюзии понимала, что вполне успела бы взять необходимые вещи до отхода поезда, но нетерпение Артура было слишком велико. И она не стала спорить.

— Не важно, — отмахнулась она. — Все, что понадобится, можно купить в Англии.

Артур приказал кучеру как можно быстрее доставить их на Северный вокзал.

— Да успокойтесь, пожалуйста, хоть немножко, — взмолилась Сюзии. — Ничего нельзя сделать в таком состоянии.

— Я уверен, что мы уже опоздали.

— Глупости! Я убеждена, что вы найдете Маргарет здоровой и невредимой.

Бардон не ответил. Он вздохнул с облегчением, лишь когда фиакр выкатил на вокзальную площадь.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Ужаса этой поездки в Англию Сюзии никогда не забудет. Прибыли они в Лондон едва рассвело и, не останавливаясь, напрямик отправились на другой вокзал, чтобы сесть на

нужный поезд. Уже несколько дней стояла небывалая жара, и даже в этот ранний час было знойно и душно. Состав, идущий на север, был переполнен, и в вагонах нечем было дышать.

У Сюзи раскалывалась голова, но она старалась не показать виду, бодрилась, чтобы как-то сбить все возмраставшую паническую тревогу Артура. Доктор Поро сидел напротив нее. Веки у него после бессонной ночи в поезде и на пароме припухли, лицо казалось еще более морщинистым, чем обычно. Он безумно устал. В конце концов, после многочисленных и утомительных пересадок, они добрались до Веннинга. Сюзи надеялась, что в северных графствах будет попрохладнее, но и здесь было так же душно, как на юге, и они с трудом дотащились от маленькой станции к уже знакомой гостиничке.

Артур успел из Лондона предупредить хозяйку. Их ждали. Женщина узнала Артура. А ему не терпелось расспросить ее, не случилось ли чего-нибудь особенного с момента его прошлого посещения Веннинга. Однако он заставил себя некоторое время помолчать. Лишь усевшись в зале трактира, он спросил с наигранным безразличием:

— Ну, миссис Слизерс, что здесь новенького произошло с тех пор, как я вас покинул?

— Вы, конечно, ничего об этом не знаете, сэр, — ответила она со скорбным вздохом.

Артур вздрогнул, но почти нечеловеческим усилием воли заставил себя сохранить естественный тон.

— Что же? Приказала долго жить какая-нибудь местная знаменитость? Какой-то богатея повесился — спросил он словно бы в шутку.

— Нет, сэр, но умерла бедная леди.

Артур застыл с открытым ртом.

Он будто окаменел и не мог отвести измученных глаз от лица миссис Слизерс.

— Бедняжка! — Сюзи заставила себя вмешаться в беседу. — Это произошло внезапно?

Женщина обернулась к ней, обрадовавшись возможности обсудить с кем-нибудь это происшествие. На отчаяние Артура она не обратила внимания.

— Да, мэм, никто о таком и помыслить не мог. Она умерла совершенно неожиданно. Похоронили только сегодня утром.

— Отчего же она погибла? — спросила Сюзи, не сводя глаз с Артура, опасаясь, что он потеряет сознание. Ей безумно хотелось увести его, но она не знала, как это сделать.

— Говорят, от болезни сердца, мэм, — ответила хозяйка. — Бедняжка! Для нее это счастливое избавление.

— Принесите, пожалуйста, чаю, миссис Слизерс. Мы очень устали, и нам хотелось бы чем-нибудь подкрепиться.

— Да, мисс. Сейчас подам.

Она вышла. Сюзи быстро прикрыла дверь и схватила Артура за руку.

— Артур! Артур!

Она боялась, что он потеряет самообладание. И с мольбой смотрела на доктора Поро, который в растерянности стоял рядом.

— Вы ничем не смогли бы помочь ей, даже если были бы здесь раньше. Вы же слышали, что сказала эта женщина? Раз Маргарет умерла от сердечного приступа, ваши подозрения лишены оснований.

Артур отстранил, почти оттолкнул мисс Бойд.

— Ради Бога, скажите же хоть что-нибудь, — у Сюзи полились слезы.

Молчание Артура пугало ее больше, чем любой взрыв отчаяния. Доктор Поро ласково коснулся плеча Бардона.

— Не старайтесь сдерживаться, мой друг. Вам будет легче, если вы позволите себе маленькую слабость.

— Оставьте меня в покое! — хрипло выговорил Артур.

Сюзи и Поро отступили и молча смотрели на него. Сюзи услышала шаги хозяйки и распахнула дверь. Та опустила на столик поднос с чаем и сэндвичами и собиралась уйти, когда Артур остановил ее.

— Откуда вам известно, что миссис Хаддо умерла от сердечного приступа? — вдруг спросил он.

Голос звучал твердо, но резкость, с которой он произнес свой вопрос, заставила бедную женщину в изумлении взглянуть на него.

— Это сказал мне доктор Ричардсон.

— Он лечил ее?

— Да, сэр. Мистер Хаддо несколько раз вызывал его к своей жене.

— Где живет доктор Ричардсон?

— В белом домике у самой станции. А в чем дело?

Хозяйка не понимала, почему Артур допрашивает ее.

— Мистер Хаддо был на похоронах?

— О да, сэр. Он был просто убит горем.

— Достаточно. Вы можете идти.

Сюзии разлила чай и протянула чашку Артуру. К ее удивлению, он выпил чай и съел бутерброд. Она ничего не могла понять. Выражение напряжения и непокоя, явно читавшееся только что на его лице, сменилось мрачной решимостью.

Наконец, он обратился к ним:

— Я пойду к этому врачу. Сердце у Маргарет было в полном порядке.

— Что вы собираетесь делать?

— Что делать?! — в ярости обернулся он к Сюзии. — Я отдам Хаддо под суд. А если и суд не поможет, клянусь Богом, сам его убью!

— Вы сошли с ума, друг мой, — доктор Поро вскочил со стула и кинулся к Артуру.

Артур в гневе выставил вперед руки, как бы желая оттолкнуть его. Лицо его мрачнело все сильнее.

— Не мешайте мне! Видит Бог, время слез и причитаний кончилось. После всего, что я вынес за эти месяцы, я не могу лишь оплакивать Маргарет. Сердце мое окаменело. Но я убежден, что она умерла неестественной смертью, и никогда не обрету покоя, пока ее убийца жив.

Он воздел над головой сжатые кулаки и поклялся, что своими руками задушит этого человека, чтобы увидеть, как лицо мерзавца побагровеет в предсмертной агонии.

— Сейчас я навещу этого идиота-врача, а затем отправлюсь в Скин.

— Мы пойдем с вами, — сказала Сюзии.

— Не бойтесь, — ответил он. — Я ничего не совершу, пока не приду к убеждению, что закон бессилён.

— Все равно я должна пойти с вами.

— Как хотите.

Сюзии вышла и попросила хозяйку вызвать кеб. Но, поскольку Артур не захотел ждать, распорядилась, чтобы кебмен подъехал прямо к дому Ричардсона. И они, не мешкая, устремились туда пешком. Артура и его друзей провели в кабинет. Вскоре вошел и сам доктор. На вид — лет сорока пяти, со светлой, уже изрядно поседевшей бородкой и выпуклыми голубыми глазками. Говорил он с сильным стаффордширским акцентом. Что-то в нем было от местного

фермера, что-то от преуспевающего бизнесмена, и на первый взгляд он не производил впечатления достаточно умного человека. Одет во фланелевый костюм, в руках старомодная теннисная ракетка.

— Извините, что заставил вас ждать, но у нас гости, и я играл в теннис. Пришлось прервать сет.

Его неторопливая речь возмутила Артура, и он заговорил с несвойственной ему грубостью:

— Только что я узнал о смерти миссис Хаддо. Я был ее опекуном и старшим другом. И пришел к вам в надежде, что вы сможете что-нибудь поведать мне об обстоятельствах ее гибели.

Доктор Ричардсон с подозрением глянул на посетителя.

— Не понимаю, почему вы явились ко мне вместо того, чтобы обратиться к ее супругу. Все, что вас интересует, он может сообщить вам куда лучше меня.

— Я пришел к вам как к коллеге. Работаю хирургом в клинике Святого Луки. — Бардон протянул хозяину визитную карточку. Доктор Ричардсон повертел ее в пальцах, поднес к глазам. — А это мой друг — доктор Поро, чье имя, надеюсь, знакомо, вам по его исследованиям в области лечения мальтийской лихорадки.

— По-моему, я читал статью мистера Поро в Британском медицинском журнале...

Но тон доктора стал откровенно неприязненным. Он не слишком жаловал столичных медицинских светил, чье отношение к сельским эскулапам казалось ему пренебрежительным. Ему доставляло удовольствие посмеиваться над их претензиями и всезнанием.

— Так чем могу быть вам полезен, мистер Бардон?

— Я был бы очень признателен вам, если бы вы подробно рассказали мне, как и отчего умерла миссис Хаддо.

— Это был предельно ясный случай эндокардита.

— Могу я спросить вас, за сколько времени до ее кончины вас вызвали?

Ричардсон заколебался. И слегка покраснел.

— Я не собираюсь подвергаться допросу, — резко отрубил он, решив, по-видимому, вести себя не очень вежливо. — Полагаю, что как хирург, вы не особенно разбираетесь в кардиологии. Но это был очень простой случай, и мы сделали все возможное. Не думаю, что смогу добавить еще что-нибудь.

Артур не обратил внимания на его выпад.

— Сколько раз вы ее обследовали?

— В самом деле, сэр, я не понимаю, чего вы добиваетесь? Вы не имеете права задавать мне подобные вопросы.

— Произведено ли вскрытие?

— Конечно, нет. Во-первых, в этом не было никакой необходимости, так как причина летального исхода была ясна, а во-вторых, вы не хуже меня знаете, что родственники этого очень не любят. Вы, джентльмены из лондонских клиник, представления не имеете об условиях работы частного практикующего провинциального врача. У нас нет времени делать вскрытия, чтобы удовлетворять праздное любопытство.

Несколько минут Артур молчал. Этот коротышка был явно убежден, что в смерти Маргарет нет ничего подозрительного, но его тупость была столь велика, как и упрямство. Становилось ясно, что чинить препятствия Артуру заставляют его несколько причин, и главная из них — страх: не придется ли отвечать, если обнаружится, что он выдал свидетельство о смерти без надлежащего обследования. Ричардсон наверняка сделает все возможное, чтобы избежать скандала. Однако, Артур продолжал настаивать.

— Скажу откровенно, что неудовлетворен вашими ответами, доктор Ричардсон. Я убежден, что смерть этой леди наступила не по естественным причинам.

— Вздор и чепуха! Я практикую более тридцати лет и готов поставить под заклад мою профессиональную репутацию.

— У меня есть основания считать, что вы ошиблись.

— А в таком случае какой причине приписываете вы ее смерть?

— Пока не знаю.

— Боюсь, вы несколько не в своем уме. В самом деле сэр, ваше поведение несерьезно. Утверждаете, что вы известный хирург...

— Ничего подобного я не говорил...

— Как бы то ни было, делаете сообщения в научных обществах, публикуете их. И приходите с глупой претензией, как стафффордширский арендатор, считающий, что кто-то пытается его отравить, потому что у него заболел живот. Возможно, вы замечательный хирург, но смею надеяться, что лучше вас могу судить о случае, который лично наблюдал и о котором вы ничего не знаете.

— Я собираюсь принять необходимые меры для получения разрешения на эксгумацию, доктор Ричардсон, и полагаю, что вам следует всячески помочь мне.

— И не подумаю. Вы очень настырны, сэр. В эксгумации нет никакой необходимости, и я сделаю все, что в моих силах, чтобы помешать вам. И заявляю как председатель Совета местных мировых судей: мое мнение будет не менее весомым, чем заявление любого столичного специалиста.

Он распахнул дверь, откровенно приглашая их убраться вон. Сюзи и доктор Поро вышли первыми; Артур, набычившись, последовал за ними. Ричардсон захлопнул дверь.

Доктор Поро взял Артура под руку.

— Еще раз прошу — будьте благоразумны, друг мой. С точки зрения этого лекаря закон на его стороне. А вы ничем не можете обосновать свое требование. Нелепо думать, что из-за каких-то подозрений вы сможете добиться эксгумации.

Артур не ответил. Он понимал, что доктор прав.

— И зачем вы хотите видеть Хаддо? — продолжал Поро. — Добьетесь не большего успеха, чем в беседе с доктором Ричардсоном.

— Я решил увидеть его, — коротко ответил Артур. — Но вам с Сюзи не обязательно сопровождать меня.

— Если вы едете, мы поедем с вами, — твердо сказала Сюзи.

Не говоря больше ни слова, Артур вскочил в ожидавшую уже их двуколку. Сюзи заняла место рядом с ним. Доктор Поро, пожав плечами, пристроился сзади. Артур стегнул пони, и экипаж двинулся через пустошь, лежавшую между Веннингом и Скином.

Когда они подъехали ко входу в парк, привратница по счастью стояла у ворот, приоткрыв одну из створок, чтобы впустить своего сыночка. Малыш играл на дороге и не собирался идти на зов матери. Артур соскочил с двуколки.

— Мне нужно видеть мистера Хаддо, — сказал он.

— Никого нет дома, — отрезала женщина.

И попыталась захлопнуть ворота, но Артур быстро поставил ногу.

— Глупости! Я должен встретиться с ним по очень важному делу.

— Мистер Хаддо приказал никого не впускать.

— Тем не менее, я все-таки войду.

Подошли Сюзи и доктор Поро. Они пообещали мальчугану шиллинг, если он посмотрит за пони.

— А ну, убирайтесь! — закричала женщина. — Никуда вы не пойдете!

Она вновь нажала на створку, стремясь закрыть ворота, но нога Артура мешала ей. Не обращая внимания на пронзительные крики, он оттолкнул ее и вошел. Быстрыми шагами направился прямо к дому. Привратница семенила следом, продолжая браниться. Ворота остались открытыми. Сюзи и доктор Поро без труда проникли в парк.

— Вы можете вломиться в дом, но не увидите мистера Хаддо, — сердито кричала женщина. — А из-за вас меня уволят!

Сюзи оглядела фасад. Перед ними возвышалось великолепное строение в елизаветинском стиле, но нуждающееся в основательном ремонте; сейчас оно казалось необитаемым. Парк, окружавший дом, одичал, и дорожка, по которой они шли, заросла сорняками. Тут и там валялись стволы поваленных деревьев, которые никто не удосуживался убрать, что еще больше подчеркивало безразличие хозяина к своему поместью. Артур поднялся к парадному входу и дернул шнур колокольчика. Звонok гулким эхом раскатился по всему дому. К дверям подошел человек и, как только распахнул их, Артур проскочил внутрь, опасаясь, что его опять не пустят. Привратник оказался таким же злым грубияном, как его жена, во весь голос объяснявшая, каким образом трое незнакомцев проникли в парк.

— Хозяина вы не увидите, так что проваливайтесь. Мистер Хаддо на чердаке и никого туда не впускает.

Он попытался вытолкать Артура прочь.

— Убирайтесь, или я вызову полицию!

— Прекратите свои глупости, — строго прикрикнул Артур, — мне необходимо видеть мистера Хаддо.

Привратник и его жена продолжали браниться, но Артур, казалось, не обращал внимания на их грубости. Сюзи и доктор Поро молча стояли рядом, с тревогой наблюдая за Бардоном. Они не знали, как им себя вести. Вдруг послышался голос, заставивший их вздрогнуть. Слуги мигом умолкли.

— Чем могу быть полезен?

За их спинами возник Оливер Хаддо. Сюзи напугало неожиданное и совершенно неслышное появление его, да еще сзади. А доктора Поро, не встречавшегося с Хаддо более года, поразила происшедшая с ним перемена. Полнота,

всегда отличавшая этого человека, приобрела болезненный характер. Он стал необъятных размеров. Подбородок представлял собой массу тяжелых складок жира, глаза казались узкими щелочками, зажатые меж лбом и одутловатыми щеками. Черты лица расплылись в этой чудовищной тучности. Ему явно было трудно дышать, поскольку большой рот с налитыми кровью толстыми губами был постоянно разинут. Хаддо совсем облысел, макушку прикрывала лишь прядь редких длинных волос, зачесанных от уха до уха. Но в огромном голом черепе было что-то пугающее. Оливер был очень высок и держался так прямо, что гигантский живот выпирал, как пивной бочонок. Отталкивающе выглядели и руки: красные, дряблые и влажные. Он сильно потел, капли пота блестели на лбу и на гладко выбритой верхней губе.

Мгновение хозяин и гости молчали смотрели друг на друга. Затем Хаддо бросил слугам: «Уйдите!» До смерти перепуганные, они кинулись к двери, словно их ветром сдуло. С застывшей на лице улыбкой Хаддо проводил их глазами. Затем шагнул навстречу посетителям. Его манеры еще сохраняли свойственную ему издевательскую любезность.

— А теперь, друзья мои, не поведаете ли вы, чем я обязан этому визиту?

— Я пришел по поводу смерти Маргарет, — резко отчеканил Артур.

Хаддо по привычке ответил не сразу. Он медленно переводил взгляд с Артура на доктора Поро и с него на Сюзи. Его глаза остановились на шляпе мисс Бойд, и той стало не по себе при мысли: не собирается ли он съязвить по поводу ее туалета.

— Мне кажется, что вы выбрали несколько неподходящий момент для выражения своего соболезнования, — сказал он наконец. — Если уж вам так хотелось сделать это, почему было не отправить их по почте?

Артур нахмурился.

— Почему вы не дали нам знать, что Маргарет больна?

Слабая улыбка снова искривила толстые губы, но глаза Хаддо оставались жесткими. Артур испытующе уставился в них.

— У меня есть все основания полагать, что вы ее убили. Хаддо не дрогнул ни единым мускулом.

— Вы сообщили о своих подозрениях в полицию?

— Я собираюсь это сделать.

— Могу ли я полюбопытствовать, на чем основываются ваши выводы?

— Я встречался с Маргарет несколько недель назад, и она сказала мне, что боится за свою жизнь.

— Бедная Маргарет! У нее был романтический характер. Я думаю, именно это сблизило нас.

— Мерзавец! — не сдержался Артур.

— Мой дорогой друг, будьте добры, умерьте свой пыл. Сейчас явно неподходящий случай, чтобы давать волю своему достойному сожаления пристрастию к ругани. Вы злоупотребляете терпением мисс Бойд. — Хаддо повернулся к Сюзи, взмахнув своей толстой ручищей. — Простите, что не предлагаю вам свое гостеприимство, но утрата, столь недавно постигшая меня, не позволяет мне заниматься приемом гостей.

Он отвесил издевательски низкий поклон, затем снова обернулся к Артуру.

— Если я больше не нужен вам, то просил бы оставить меня моим собственным размышлениям. Привратник даст вам точный адрес местного констебля.

Артур не ответил. Он уставился в пространство, как будто раздумывая. Затем по-военному развернулся на каблуках и, не оборачиваясь, зашагал к воротам. Застигнутые врасплох Сюзи и доктор Поро не знали, как поступить. В заплывших жиром глазах Хаддо проскользнула язвительная насмешка.

— Я всегда полагал, что у вашего друга отвратительные манеры, — бормотнул он.

Сюзи залилась краской, не найдя достойного ответа, а доктор Поро в замешательстве снял шляпу. Выходя из дома, они чувствовали на своих спинах презрительный взгляд Хаддо и облегченно вздохнули, лишь оказавшись за воротами парка. Артур ожидал их. «Простите, — сказал он, — я забыл что я не один».

Все забрались на двуколку и медленно покатали к гостинице.

— Что же вы собираетесь делать дальше? — осведомилась Сюзи.

Бардон долго не отвечал, и она подумала, что он не расслышал ее вопроса. Наконец, Артур нарушил молчание.

— Вижу, что обычными методами ничего не добьюсь. И учинять громкий скандал — бесполезно. Это только мое собственное мнение, что Маргарет умерла насильственной

смертью, но могу ли я ожидать, что посторонние люди согласятся с ним?

— В конце концов, вполне возможно, что она действительно погибла от сердечной болезни.

Артур посмотрел на Сюзи долгим взглядом. Казалось, что обдумывает ее слова.

— Должно быть, существуют средства точно это узнать, — раздумчиво произнес он, словно беседуя с самим собой.

— Какие?

Он не ответил. Когда прибыли к гостинице и слезли с экипажа, Артур поторопил их:

— Идите, идите! Хочется побыть одному.

Сюзи с тревогой взглянула на него.

— Вы не учините какого-нибудь безрассудства?

— Обещаю ничего не предпринимать до тех пор, пока абсолютно не уверюсь в том, что Маргарет была жестоко убита.

Так же, как в доме Хаддо, резко повернулся на каблуках и быстро ушел. Время было позднее, но в маленькой сельской гостинице был накрыт скромный ужин. Ждать Артура не имело смысла, и они с тяжелым сердцем молча принялись за еду. Потом доктор закурил сигарету, а Сюзи присела у открытого окна и подняла глаза к звездам. Задумавшись о Маргарет, ее красоте и очаровании, простодушной искренности, о ее измене и трагическом конце, она тихонько заплакала. Теперь Сюзи знала достаточно, чтобы понять: в том, что произошло, бедняжка была невинна. Она стала жертвой жестокой судьбы, против которой была так же бессильна, как Федра, дочь Миноса из греческих сказаний. Часы шли за часами, но Артур не возвращался. Теперь Сюзи могла думать только о нем, и с каждой минутой росла ее тревога.

Наконец, Бардон пришел. Стояла глубокая ночь. Артур снял шляпу и сел. Долгое время молча глядел на доктора Поро.

— В чем дело, друг мой?

— Помните, как-то вы рассказывали нам об одном опыте проделанном вами в Александрии? — спросил Артур после некоторого колебания. В голосе его слышалось плохо скрытое волнение. — Ну, о том, как к вам привезли мальчика, и когда он взглянул в магическое зеркало, то увидел нечто такое, чего наверняка не мог знать заранее.

— Помню, очень хорошо помню.

— Я тогда еще посмеялся над вами. Уверен был, что мальчик — плут, и что он обманул вас.

— И что же?

— Недавно мне припомнилась та история. Будто в памяти приоткрылась некая потайная дверца, и я увидел странные вещи. Тот мальчик, глядевший в зеркало, сын вашего друга, не я ли сам это был?

— Да, — тихо кивнул доктор.

Воцарилось глубокое молчание. Тем временем Сюзи и Поро наблюдали за Артуром. О чем он задумался?

— Оказывается, в моем характере есть одна черта, которой я раньше как-то не замечал, — начал он. — Открыв ее в себе, стремился побороть, убеждая себя, что у каждого из нас в глубине души сохранились пережитки суеверий, владевших нашими предками, и ученому необходимо с ними бороться. Однако, они оказались сильнее меня. Возможно, мое рождение, юные годы, проведенные на Востоке, где все верят в сверхъестественное, повлияли на меня, хотя я и не подозревал об этом. В общем, однажды мне показалось, что в душе моей приоткрылась некая дверца, и я с удивительной ясностью увидел тот случай, о котором вы нам рассказывали. И вдруг понял, что сам участвовал в нем. Увидел, как взяли мою руку, налили чернил в ладонку и попросили взглянуть на нее. Я почувствовал в себе странную способность к ясновидению, потрясшую меня, увидел в лужице чернил то, чего раньше там не было, увидел людей, которых никогда не знал, и то, как они совершают различные действия. И какая-то неведомая сила заставила меня заговорить. А потом все покрылось дымкой, и я ощутил страшную слабость, словно весь день ничего не ел...

Он подошел к открытому окну и стал всматриваться в темноту. Все молчали. Профиль Артура, четко высвеченный лампой, был строг и непреклонен. Казалось, что он сражался сам с собой, победил что-то и принял окончательное решение. Слышалось лишь его тяжелое дыхание. Наконец Артур повернулся к друзьям. Голос был неузнаваем, слова звучали отрывисто и хрипло.

— Я должен увидеть Маргарет!

— Вы с ума сошли, Артур! — воскликнула Сюзи.

Он подошел к доктору Поро и, положив руки ему на плечи, испытующе заглянул ему в глаза.

— Вы изучали эту науку. Постигли все ее тайны. Я хочу, чтобы вы показали мне Маргарет.

— Друг мой, как же я могу это сделать? Я прочел много книг, но никогда не пробовал сам. Изучал — только для развлечения.

— Вы верите, что это возможно?

— Не понимаю, чего вы хотите?

— Хочу, чтобы вы вызвали ее, чтобы я мог поговорить с ней, чтобы мог узнать правду.

— Вы считаете, что я Господь Бог, который может воскрешать мертвых?

Артур, удерживая его за плечи, не дал доктору встать с кресла, когда тот сделал попытку подняться. Пальцы Артура впились в него с такой силой, что Поро чуть не вскрикнул от боли.

— Вы рассказывали нам однажды, как Элифас Леви вызывал дух Аполлония. Вы верите, что это было?

— Не знаю. Я всегда стараюсь ничего не отрицать с ходу. Есть достаточно аргументов за и против.

— Ну так теперь вы должны поверить! Должны сделать то, что сделал он.

— Вы сошли с ума, Артур.

— Я хочу, чтобы мы пришли на то место, где я видел ее в последний раз. Если ее дух удастся все-таки вызвать, он будет там, где она сидела и рыдала. Вы знаете весь ритуал и все необходимые заклинания.

Сюзи подошла к нему и положила руку на плечо. Артур, нахмурившись, обернулся к ней.

— В глубине души, дорогой Артур, вы знаете, что из этого ничего не выйдет. Только возрастет ваше горе. Даже если бы можно было хоть на мгновение вызвать ее из могилы, почему бы вам не оставить эту измученную душу в покое?

— Если Маргарет умерла естественной смертью, мы будем над ней невластны, но если ее гибель — результат насилия, я уверен, что ее дух все еще витает там. Говорю вам — я должен быть твердо уверен во всем. Поэтому и хочу увидеть ее еще раз и после — буду знать, как поступить дальше.

— Но я не могу! Не могу! — прошептал доктор.

— Дайте мне ваши книги, и я сделаю это сам.

— Вы же знаете, что здесь у меня ничего нет.

— Тогда помогите мне! В конце концов, почему вы не

соглашаетесь? Мы проделаем этот эксперимент и, если не получим результата, ничего не случится... С другой стороны, если получится... Ради Бога, помогите мне! Если вам небезразлична моя судьба, сделайте это для меня.

Он отступил назад, не сводя с доктора горящих глаз. Маленький француз не поднимал головы.

— Это безумие, — пробормотал он.

Его глубоко растрогала мольба Артура. И, пожав плечами, он решил:

— Ну что ж... Пусть ваша просьба всего лишь нелепый каприз, она не причинит вреда.

— Значит, вы поможете мне?! — возликовал Артур.

— Если это поможет вам хотя бы немного успокоиться, я согласен сделать все, что в моих силах. Но вы должны быть готовы к большому разочарованию.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Артур хотел приступить к осуществлению своего замысла немедленно, но доктор Поро сказал, что это невозможно. Все они страшно устали после длительного путешествия и перипетий сегодняшнего дня, а, кроме того, необходимо выполнить некоторые предварительные действия, без которых ничего нельзя начинать. В душе Поро надеялся, что отдых сделает Артура более благоразумным. Когда над землей забрезжит солнечный свет, ему будет стыдно за свое желание, идущее вразрез со всеми его убеждениями. Но Артур считал: раз завтра исполнится ровно неделя со дня смерти Маргарет, их заклинания смогут подействовать.

Когда на следующее утро они сошли вниз и поздоровались друг с другом, стало ясно, что никто из них и глаз не сомкнул.

— Вы все еще настаиваете на своей вчерашней просьбе? — обратился к Артуру доктор.

— Да.

Поро заколебался.

— Если следовать правилам древних некромантов, необходимо весь день голодать.

— Я согласен на все.

— И мне это нетрудно, — сказала Сюзи с ироническим смешком. — Чувствую, что и кусочка не смогла бы проглотить, даже если бы попыталась.

— Боюсь, наша затея — чистый абсурд, — вздохнул доктор.

— Вы обещали попробовать.

День, длинный летний день, медленно угасал. Пылающие краски вечернего неба напомнили доктору о тех египетских закатах, когда земля кажется расплавленной огненной силой южного солнца. Нервы Артура были слишком напряжены, чтобы сидеть в гостиничке, и он бродил вокруг нее без цели, не чувствуя усталости. Солнце жгло его непокрытую голову, но он не обращал на это внимания. Время ползло слишком медленно. Сюзи, пытаясь что-то читать, лежала в кровати. Но нервы были так напряжены, что, когда во дворе загремело случайно опрокинутое ведро, она вскрикнула от ужаса. Наконец наступил вечер, не принесший свежести. Тем временем доктор Поро, сидя в одиночестве в маленькой гостиной и обхватив голову руками, старался огромным умственным усилием вызвать в памяти все то, о чем знал и читал. Затем пала ночь, одна за другой вспыхнули звезды. Неподвижный воздух был густым и тяжелым. Сюзи спустилась вниз и заговорила с доктором. Но беседовали они шепотом, словно боялись, что кто-то их подслушивает. Обоих немного мучило от голода. Проходил час за часом, и бой колокола местной церквушки каждый раз наполнял их предчувствием чего-то таинственного. Постепенно в деревне погасли огни, жители Веннинга уснули. Сюзи зажгла свечку. И Поро придвинулся к слабенькому язычку света.

Мисс Бойд была нервная дрожь.

— У меня такое ощущение, будто рядом лежит покойник, — сказала Сюзи.

— Почему Артур не возвращается?

Разговор не клеился, получался каким-то бессвязным, словно они не слышали друг друга. Окно было распахнуто настежь, но дышать было все равно трудно. Необычная тишина действовала на Сюзи угнетающе. Она пыталась вспоминать о шумных парижских улицах, о постоянном грохоте трамваев и экипажей, о говоре бесчисленных толп народа по вечерам, когда парижане возвращаются домой с работы. И, не выдержав, встала.

— Сегодня — полное безветрие. Вы только взгляните на деревья. Ни листочек не шелохнется.

-- Почему Артур не возвращается? — повторил доктор свой вопрос.

— И Луны нет. В Скине нам будет совсем темно.

— Бродит где-то весь день. Давно бы пора вернуться.

Сюзи почувствовала тяжесть в груди, ей стало трудно дышать. Наконец, на дорожке, ведущей к дому, послышались шаги, и они увидели Артура. Бардон подошел к освещенному окну.

— Вы готовы? — спросил он.

— Ждем вас.

Они тихонько выбрались из гостиницы, прихватив несколько предметов, которые доктор Поро посчитал необходимыми для сеанса, и двинулись по пустынной дороге к Скину. Ее обочины заросли вереском, устремленным в темноту ночи, и его мрачная стена казалась зловещей. Мертвую тишину нарушало только шарканье их обуви. Унылый пейзаж, окружавший их, был едва различим в тусклом свете звезд. Дорога показалась бесконечно длинной. Они страшно устали и едва волочили ноги.

— Мне необходимо чуточку передохнуть, — взмолилась Сюзи.

Мужчины не ответили, но остановились, и она присела на валун, торчавший у дороги. Артур и Поро молча стояли возле, терпеливо дожидаясь, пока девушка сможет идти вновь. Через несколько минут она заставила себя встать.

— Все. Пошли дальше.

И они зашагали дальше, двигаясь автоматически, как во сне, словно подчиняясь чьей-то воле. Вдруг дорога кончилась, и они оказались у ворот поместья Хаддо.

— Идите за мной, — шепнул Артур.

Свернул в сторону и стал пробираться вдоль ограды. Сюзи чувствовала под ногами узкую тропинку. Перед собой она почти ничего не видела. Артур остановился.

— Я побывал здесь нынче вечером, расширил щель в заборе, чтобы легче было пролезть.

Просунув в сторону одну из штакетки, он проскользнул внутрь. За ним протиснулась Сюзи, а следом — доктор Поро.

— Ничего не вижу, — жалобно прошептала Сюзи.

— Дайте руку, я поведу вас.

Они с трудом пробирались через заросли папоротника сквозь густую чащу деревьев и кустов. Иногда спотыкались, а доктор Поро даже упал. Казалось, что идут уже долго-долго. У Сюзи от страха бешено колотилось сердце. Но усталости она больше не ощущала.

Внезапно Артур велел остановиться и указал на что-то перед собой. В просвете между деревьями они увидели дом. Все окна были темными, только несколько чердачных освещены.

— Этот чердак Хаддо использует в качестве лаборатории. Видите? Работает. Кроме него в доме никого нет.

Сюзи была заворожена ярким светом, падающим из окон на самой крыше. Мрачная тайна окутывала непонятные труды, занимавшие Оливера Хаддо из ночи в ночь. Какие жуткие дела, скрытые от человеческих глаз, свершались здесь, в этом огромном доме, где безумец производил свои страшные эксперименты?

— Он сюда не покажется, — сказал Артур. — Он никогда не выходит из дома до утра.

Вновь протянул Сюзи руку и повел вперед. Опять пробирались между стволами, но вскоре вышли на тропинку. Ночь становилась все мрачнее, звезды гасли, и они едва видели, куда можно поставить ногу.

Наконец, Артур остановился.

— Здесь, — выдохнул он.

Они стояли на перекрестке, образованном четырьмя разбегающимися дорожками. В центре тускло горбилась во тьме каменная скамья.

— Здесь я встретил Маргарет в последний раз.

— Я же ничего не смогу сделать в такой темноте, — приглушенным голосом посетовал доктор.

Принесенные с собой медные чаши Артур передал доктору. И стоял рядом с Сюзи, пока тот занимался приготовлениями. Они видели, как двигался он взад и вперед по свободному пространству, как наклонялся к земле. Вскоре раздался треск огня, и над чашами взметнулось яркое пламя. Они не знали, что он такое поджег, но языки огня тут же опали, поднялось густое облако дыма, воздух наполнился сильным и резким запахом. Время от времени нечеткий силуэт доктора освещали слабые всполохи. От его маленькой, сгорбленной фигуры веяло тайной. Лицо Поро, на миг промелькнувшее перед Сюзи, было искажено волнением. То, что он сейчас делал, захватило его настолько, что все прежние страхи и сомнения исчезли. Он походил на древнего колдуна, захваченного созданием золота. Сюзи ощущала удары сердца. Ей стало так страшно, что она в отчаянии вытянула руку, чтобы коснуться Артура. Он мол-

ча взял руку девушки и сжал в своей. Теперь доктор чертил на земле какие-то странные знаки. Что уж он там рисует, Сюзи разобрать не могла. Света почти не было, остался лишь слабый огонек. Но Поро подкинул в чаши сухие ветки, и пламя вновь взметнулось, словно ударом меча рассекая тьму.

— Идем к нему, — позвал Артур.

Сюзи опять охватил панический ужас. Она почувствовала что волосы на голове встали дыбом и тело залил холодный пот. Ноги одеревенели, она не могла пошевелиться. Попыталась заговорить, но и язык, казалось, прилип к нёбу.

— Боюсь, что я не смогу, — выдавила она.

— Вы должны. Без вас у нас ничего не выйдет.

И все-таки Сюзи никак не могла заставить себя сдвинуться с места. Забыла обо всем, кроме смертельного страха. Сердце просто выпрыгивало из груди, она почти теряла сознание. Артур обнял ее так крепко, что Сюзи почувствовала боль.

— Отпустите меня, — взмолилась она. — Я не смогу помочь вам. Я боюсь.

— Ты должна, — приказал он. — Должна! — Он впервые обратился к ней на ты.

— Нет.

— Говорю тебе — должна!

— Почему?!

Ее ужас сменился внезапной вспышкой гнева.

— Потому что ты любишь меня, а это — единственная возможность принести мне покой.

Она тихо застонала. Ужас и гнев уступил место стыду. Сюзи покраснела до корней волос: Артур тоже знал о ее тайне! Вновь ее охватил гнев — как же жестоко корить ее за это! Но мужество возвратилось, она шагнула вперед. Доктор Поро указал, где им надо встать. Артур занял место перед ней.

— Без моего разрешения не двигайтесь. Если вы выйдете за круг, очерченный мною, я не смогу вас спасти.

Несколько мгновений доктор стоял замерев и в полном молчании. Затем медленно заговорил по латыни. До Сюзи его голос доносился как бы издалека. Она не понимала смысла странных слов, но торжественность тона производила сильное впечатление. Артур тоже, казалось, окаменел. Язычки огня становились все меньше, и они едва видели

друг друга в свете тлеющих углей, видели неясно, как в предсмертных видениях. А доктор Поро продолжал свои магические заклинания и, пока произносил их, угольки превратились в пепел.

Слабый свет угас как-то сразу, словно потушенный невидимыми руками. И все залила тьма черной, безлунной ночи. Нельзя было разглядеть окружающих деревьев, и каменная скамья уже не бросала светлых отблесков. Артур и Сюзи стояли чуть ли не вплотную, но друг друга не видели. Сюзи напрягала зрение, но напрасно. Темнота была полной, и звучащий из мрака голос доктора вызывал ощущение жути. Казалось, слова всплывают из пустоты бездонного хаоса. Сюзи сжала кулачки, чтобы не потерять сознания.

Вдруг ее будто что-то толкнуло — слова заклинателя заглушил порыв ветра. Еще за миг до этого угнетала полная тишина, а тут словно ураган обрушился. Стволы гнулись и раскачивались, слышался треск ломающихся сучьев, шум сорванных потоком воздуха листьев. Показалось, что закачалась под ногами земля, вспарываемая корнями гигантских деревьев, вырываемых неистовой силой разбушевавшейся стихии. Ураган ревел, а доктор Поро тщетно пытался, повысив голос, управлять им.

Но там, где стояли они, не ощущалось никакой страшной бури. Все вокруг гремело и грохотало, а окружающий их воздух оставался неподвижным, как раньше, ни один волосок на голове Сюзи не шелохнулся. И так жутко было слышать всю эту бурю и знать, что ты ей неподвластна. Это было сверхъестественно.

Доктор Поро возвысил голос и решительно, с твердостью, которой они и не подозревали в нем, выкрикнул несколько фраз уже на своем незнакомом для них языке. Затем трижды возгласил имя Маргарет. Рев бури почти заглушал его зов. И на Сюзи снова накатиł страх, однако, выполняя приказания доктора, она не посмела шевельнуться.

«Маргарет! Маргарет! Маргарет!» И тут же, не медленно и постепенно, а с быстротой рухнувшего вниз камня окружавший их грохот прекратился. Только что ураган ревел, ломал, громиł все на свете, и вдруг наступила полная тишина, тишина небытия.

И тут до Сюзи и Артура с удивительной ясностью донесли женские рыдания. Сердце Сюзи остановилось: она узнала голос Маргарет. Стон боли сорвался и с губ Артура,

он чуть было не бросился на звук. Но доктор Поро, вскинув руки, успел остановить его. Рыдания были душераздирающими — жалоба женщины, потерявшей последнюю надежду, женщины, объятая смертельным страхом. Если бы Сюзи могла, она зажала бы уши, чтобы не внимать муке, звучащей в этом голосе.

Тут же, несмотря на кромешный мрак, Артур на мгновение увидел Маргарет. Женская фигура сидела на каменной скамье, как в тот последний раз, когда он говорил с ней. Охваченная отчаянием, Маргарет не пыталась скрыть свое лицо. Уставилась в землю, и слезы градом катились по щекам, грудь вздымалась от рыданий.

Теперь Артур твердо знал, что его подозрения верны.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Бардон отказался покинуть Веннинг. Ни Сюзи, ни доктор не могли заставить его переменить решение. Никто не упоминал о ночи, которую провели они в заброшенном парке Скина, но она переполняла все их мысли. Ни на мгновение не могли они избавиться от страшного воспоминания. У всех в ушах продолжали звучать отчаянные рыдания. Артур был мрачен. Он почти не отвечал друзьям, упорно сопротивлялся их усилиям хоть немного отвлечь его. Проводил в одиночестве, вдали от них, долгие часы, и они не имели ни малейшего представления о том, чем занимается он все это время. Сюзи безумно волновалась.

Артур вновь полностью утратил равновесие и был способен на любое безрассудство. Ненависть к Хаддо вышла из-под контроля разума. Жажда мести переполняла его настолько, что можно было ожидать чего угодно.

Минуло несколько дней. Наконец, посоветовавшись с доктором Поро, Сюзи решила сделать еще одну попытку увести Бардона в Лондон. Было уже очень поздно. Они сидели у открытого окна в зале трактира. В воздухе висела духота, предвещающая приближение грозы. Сюзи ждала ее с нетерпением: именно эту небывалую жару нескольких последних дней она считала причиной угрюмой раздражительности Артура.

— Ты должен сообщить нам, что собираешься делать дальше, — обратилась она к нему. — Здесь оставаться бес-

смысленно. Нервы у нас так напряжены, что мы потеряли возможность разумно рассуждать. Хотелось бы, чтобы завтра ты уехал с нами.

— Если хотите, можете ехать. Я останусь здесь, пока этот человек жив.

— Но это же безумие. Ты ничего не в состоянии изменить. Только повредишь себе.

— Нет, я так решил.

— Закон тебе не помощник, а что ты сам можешь сделать?

Сюзии задавала свои вопросы, надеясь уловить в ответах хотя бы какой-то намек на дальнейшие намерения Артура, но его слова, пусть подтверждавшие ее неясные опасения, заставили содрогнуться.

— Если ничего больше не смогу сделать, то пристрелю его как бешеную собаку.

Она не нашла, что возразить, и некоторое время они молчали. Затем Артур встал.

— Я предпочел бы, чтобы ты уехала, — сказал он. — Твое присутствие может мне только помешать.

— Я останусь с тобой.

— Зачем?

— Потому что, если ты совершишь, что задумал, буду скомпрометирована и я. Меня арестуют. Думаю, это остановит тебя.

Он пристально посмотрел на нее. Сюзии встретила его взгляд со спокойствием, доказывающим, что она, не сомневаясь, делает то, что сказала, и Бардон смущенно отвернулся.

В комнате повисло молчание. Духота усиливалась, дышать становилось все труднее. Ни малейшего дуновения не чувствовалось в природе. Вдруг оглушительно прогремел гром, и вспышка молнии разорвала тяжелые тучи. Сюзии благодарила Бога за грозу, принесшую желанную свежесть.

Она ощущала непонятное напряжение и приписывала свое состояние атмосфере. Опять удар грома. Им почудилось, что небо раскололось прямо над их головами. Поднялся ветер, завыл в кронах деревьев, окружавших гостиницу. Свист его и рев напоминали крики и стоны грешников Дантова ада, терзаемых муками раскаяния.

Лампа погасла так внезапно, что Сюзи похолодела от страха. Показалось, кто-то из-за ее спины задул огонь. Они оказались в полной темноте. Ночь была черна, едва брезжил квадрат окна, выходящего в сад. Внезапная темнота так поразила их, что они замерли на несколько минут.

Затем Сюзи услышала, как доктор Поро, протянув руку, пытался нашарить спички, но на обычном месте их не было. И тут снова раскат грома заставил их вздрогнуть. Пересохшие губы ловили свежий воздух. Но на землю не упало ни единой капли дождя.

Вдруг Сюзи вскочила.

— Здесь кто-то есть!

Не успела она произнести это, как услышала, что Артур бросился на вошедшего. Интуиция безошибочно подсказала ей, что явился Хаддо. Каким образом он нашел их? И что ему нужно?

Сюзи собралась закричать, но горло перехватило. Доктор Поро застыл в своем кресле. Мисс Бойд поняла, что началась схватка не на жизнь, а на смерть. И самое ужасное — ни звука не слышно. Смертный бой шел во тьме и полной тишине. Сюзи хотела вмешаться, чем-то помочь Артуру, но не могла, словно ее парализовало.

А Артур ликовал: наконец враг у него в руках и живым — не уйдет! Он стиснул зубы и напряг мускулы. До Сюзи донеслось прерывистое дыхание, но задыхался только один. Кто?! — гадала она, застыв от ужаса. Артур верил, что одержит успех. Пусть противник нечеловечески силен, но бешеным усилием воли Бардону удалось безмерно увеличить свою энергию. Казалось, что поединок длится бесконечно.

Вдруг он понял, что Хаддо испуган его натиском и хотел бы удрать. Тогда он вцепился в него мертвой хваткой. Теперь ничто на свете не могло вырвать Оливера из рук Артура. Он сделал глубокий вдох и с невероятным напряжением, выложив последние силы, сжимал врага в своих объятиях.

Оба едва удерживались на ногах, их шатало из стороны в сторону. Артуру казалось, что его мышцы сейчас порвутся, он изнемогал, но мысль, что может не устоять, пронзившая мозг, подвигла его на внезапный выпад. Хаддо вдруг осел, и оба тяжело рухнули на пол. За-

дыхаясь, Артур всей тяжестью тела навалился на тушу, трепетавшую под ним, ухватил толстое запястье и резко вывернул его. Тут же почувствовал, как хрустнула кость. Сломал? Из груди Бардона вырвался победный клич. Хаддо охватила паника он сопротивлялся как безумный, только бы оторвать от себя эти длинные, убивающие его, сжимающие его железными обручами руки.

Пальцы Артура нащупали гигантское бычье горло, увязли в тяжелых складках жира, но он перенес на них всю тяжесть своего тела. Теперь он торжествовал победу: знал, что враг окончательно в его власти, и сжимал, сжимал тиски. Хотя бы немного света, чтобы увидеть ужас на этом огромном лице, смертный страх, вытаращенные глаза! И все давил и давил.

Хаддо охватили судороги, он трепетал в агонии. Артур окончательно озверел, стискивая ненавистное горло, не помня себя от ярости, гнева и горя. В голове лишь мысль о страданиях Маргарет, о ее трагической смерти. Если бы у этого мерзавца было десять жизней, он отнял бы одну за другой!

И вот конвульсии прекратились, Артур понял, что враг мертв. Он отпустил горло и приложил ладонь к груди Хаддо. Больше это сердце никогда не будет биться! Противник мертв. Бардон поднялся с колен. В комнате по-прежнему было темно, ничего не видно. Сюзи услышала, как он встал, и заставила себя спросить:

— Что ты сделал, Артур?

— Я убил его, — хрипло ответил он.

— О Боже, что же теперь будет?

Артур истерически рассмеялся. Жутко прозвучал этот смех в кромешной мгле.

— Ради Бога, зажгите свет, — взмолилась Сюзи.

— Вот спички, — подал голос доктор Поро.

Кажется, он пришел в себя. Чиркал спичку за спичкой, они никак не загорались. Наконец, ему удалось зажечь фитиль, и он приподнял лампу. Они увидели искаженные хохотом губы Артура, его налитые кровью глаза. Лицо было страшным. Со лба градом катился пот. Руки-ноги дрожали. Поро приблизился к нему, держа лампу над головой. Он оглядывал пол, пытаясь увидеть труп Хаддо. Вдруг Сюзи издала крик ужаса.

В комнате никого не было.

Потрясенный, Артур отшатнулся: пусто. Кроме них троих никого не было. У Сюзи подкосились ноги, подступила тошнота, и она потеряла сознание. Когда, возвращаясь из вечной ночи, она пришла в себя, Артур поддерживал ее голову. «Дыши глубже!» — скомандовал он.

Все, что только что произошло, возникло перед ней с новой силой, и Сюзи разразилась слезами. Самоконтроль покинул ее. Припав на грудь к Артуру, она безудержно рыдала. Мистический ужас объял ее.

— Все в порядке, — успокаивал ее Артур. — Не бойся.

— О Боже, что все это значит? — с трудом удержалась она от крика.

— Нужно набраться мужества. Мы идем в Скин.

Она оттолкнула его, как будто собираясь бежать. Сердце бешено колотилось в груди.

— Не могу, не могу! Боюсь!

— Мы должны разобраться, что все это значит. Нельзя терять времени. Надо возвратиться обратно, прежде чем настанет утро.

Она попыталась отговорить его.

— Ради Бога, не ходи! Ты рискуешь жизнью. В Скине ты можешь столкнуться с чем-то необъяснимым.

— Ну и что?.. Уверяю тебя, Хаддо мертв.

— Если с тобой что-нибудь случится...

Она осеклась, не смея продолжать дальше. Но Артур понял, что она хотела сказать.

— Тебе не безразлична моя жизнь? Знаю. И ради тебя обещаю не рисковать ею.

Поток слез иссяк. Сюзи взглянула на него и увидела, что Артур нежно и пристально смотрит прямо ей в глаза. Она покраснела. Сердце наполнилось ответной нежностью.

— Я пойду за тобой, куда прикажешь, — покорно прошептала она.

— Тогда — в путь!

Они вышли в ночь. Буря умчалась, загорелись звезды. Артур быстро шагал впереди. Доктор Поро, взяв Сюзи под руку поспешал следом. Приходилось ускорять шаг, чтобы не отстать. Окончился ужас этой ночи. Все вокруг напоено освежающим ароматом. И звездное небо

великолепно. Вскоре трое друзей добрались до поместья. Артур остановился возле щели в ограде и протянул руку Сюзи.

И вот они уже там, откуда несколько дней назад увидели дом. Как и тогда, вырисовывалась в ночи его мрачная громада, как и тогда, чердачные окна светились яркими огнями. Сюзи вздрогнула, ибо ожидала, что сейчас весь дом будет погружен во тьму.

— Поверьте, никакой опасности нет, — мягко сказал Артур. — Нам нужно только открыть тайну всей этой мистики.

— У вас есть какое-нибудь оружие? — спросил доктор.

Артур вытащил из кармана и протянул ему револьвер.

— Возьмите в качестве моральной поддержки. Но он не понадобится. Купил на днях, когда строил иные планы.

Сюзи вновь задрожала, услышав это. Они вышли на тропинку и направились к крыльцу с портиком. Артур нажал на ручку входной двери, но она не открывалась.

— Подождите, — сказал он. — Пролезу в окно и введу вас.

И ушел за угол.

Они стояли, не двигаясь, полные тревоги. Что ждет их в этом доме? И не случится ли чего с Артуром? Сюзи пожалела, что отпустила его одного. Вдруг перед ней, как наяву, возник тот ужасный момент, когда свет лампы в руке доктора упал на пол, на то место, где они ожидали увидеть мертвеца, а там ничего не оказалось.

— Как вы думаете, куда исчезло тело Хаддо?

— Быть может, сейчас мы это поймем, — ответил доктор.

Артура все еще не было. Сюзи тревожилась все больше, представляя себе, что могло с ним случиться. Самые ужасные фантазии теснились в голове, лишая покоя. Наконец, они услышали шаги, и дверь отворилась.

— Я был уверен, что в доме никто не ночевал, но хотелось убедиться. Правда, проникнуть внутрь удалось с трудом.

Сюзи войти не решалась. Чудились какие-то кошмары, пугала темнота.

— Ничего не вижу, — прошептала она.

— Я прихватил фонарь, — успокоил Артур.

Нажал кнопку электрического фонарика, и узкая полоса яркого света пересекла пол. Доктор Поро и Сюзи переступили порог; Артур осторожно притворил дверь и обвел стены лучом. Они очутились в большой зале, пол которой был устелен львиными шкурами, добытыми Хаддо во время его знаменитой африканской экспедиции. Шкур лежало не меньше дюжины, и они придавали комнате дикий, варварский вид. Огромная дубовая лестница вела на верхний этаж.

— Следует осмотреть все комнаты, — сказал Артур, хотя и не рассчитывал увидеть Хаддо, пока они не поднимутся на освещенный чердак.

Свет фонарика выхватил на стенах всевозможное оружие: древние восточные сабли, примитивные зулусские копья, средневековые воинские доспехи. Артур усмехнулся, снял со стены боевой топор, взмахнул им.

— Ну, теперь вперед!

Затаив дыхание, стараясь ступить неслышно, словно боясь кого-то разбудить, они направились в первую комнату. Не сразу смогли разглядеть ее — тонкий луч, скользивший в темноте, высвечивал лишь небольшие фрагменты интерьера. Комната была громадной и, очевидно, нежилой. Зачехленная мебель и затхлость воздуха позволяли предполагать, что проветривали здесь редко. Как и во многих старинных домах, комнаты были не изолированными, с отдельным входом из коридора, а располагались одна за другой, анфиладой. Долго шли, пока не вернулись в первую комнату — большую залу. Комнаты запущены, явно необитаемы. Мрачность их усугубляли темные дубовые панели. Ими была отделана и лестница, ведущая на второй этаж. Когда они поднимались, Артур на мгновение приостановился, провел рукой по полированному дереву.

— Будет гореть, как порох, — сказал он.

Осмотрели комнаты второго этажа, такие же пустые и мрачные. Наконец попали в комнату Маргарет. Ваза с засохшими цветами, гребни и щеточки — на туалетном столике. Но здесь тоже было уныло и неудобно. Сюзи даже содрогнулась. Артур молча водил лучом фонарика.

Снова оказались у лестницы, но наверх дороги не было. Лестница кончилась.

— Как же попасть на чердак? — спросил Артур, удивленно озираясь вокруг. Задумался. Потом сделал решительный жест. — Должно быть, есть ступеньки в одной из комнат.

Пошли снова. Потолки здесь оказались куда ниже, чем внизу, а мебель вообще отсутствовала. Голые стены пустых комнат нагоняли еще большее уныние. Сердце Сюзии забилось сильнее: ей казалось, что они находятся на пороге великой тайны. Артур методично осматривал комнату за комнатой, надеясь найти дверь, ведущую к чердачной лестнице. Но ее нигде не было.

— Что будем делать, если не отыщем хода наверх? — спросила Сюзии.

— Отыщем! — твердо пообещал Бардон.

Но они вернулись к лестнице, так ничего и не обнаружив. Остановились, недоуменно поглядывая друг на друга.

— Уверен, ход обязательно есть, — нетерпеливо бросил Артур. — Где-то должно быть что-то вроде потайной дверцы.

Он прислонился к перилам и задумался. Луч фонаря уперся в противоположную стену.

Снова обшарили все комнаты, исследовали панели. Наконец очутились в маленькой комнате, куда вела лишь, одна дверь. Единственная непроходная во всем доме.

— Ход наверх должен быть здесь, — решительно заявил Артур.

Вскоре он удовлетворенно хмыкнул — одна из панелей маскировала узкую дверь, Артур нажал, и она распахнулась. Фонарик осветил крутую деревянную лестничку. Они поднялись и оказались перед другой дверью. Артур попытался ее открыть, но она не поддавалась. Он мрачно усмехнулся и распорядился: «Отойдите-ка немного».

Поднял прихваченный топор и ударил бухом по филенке в том месте, где был врезан замок. Взломать не удалось. Дуб, как железо. Они молча стояли на маленькой площадке перед дверцей. И тут Сюзии уловила за ней какой-то шумок. Коснулась рукой Артура, чтобы привлечь его внимание. Прислушались, напрягая слух. За дверью явно кто-то был. До них доносились странные звуки — это не было человеческим голосом, это не было ворчанием

животного. Звук не походил ни на что, когда-либо ими слышанное. Что-то нечленораздельное, какие-то хрипы и вздохи наполняли их ледяным ужасом, настолько они были жутки и неестественны.

— Давай уйдем, Артур, — еле слышно взмолилась Сюзи. — Уйдем отсюда!

— Но там кто-то есть, — ответил он. — Что-то живое.

Он не понимал, почему этот звук так напугал его. Но на лбу выступил холодный пот.

— С нами может случиться что-то ужасное, — прошептала Сюзи. — Уйдем скорее!

— Единственное, что нам остается — выломать дверь, — взял себя в руки Артур.

Бессвязное бормотание потонуло в грохоте, — частыми и мощными ударами Бардон принялся рубить дубовую доску. Эти удары следовали один за другим и разносились эхом по пустому дому. Наконец, филенка не выдержала, затрещала, и дверь распахнулась. Они так долго топтались в полной темноте, что на мгновение ослепли от яркого света и инстинктивно отпрянули. Волна раскаленного воздуха обдала их: на чердаке было, как в духовке. Жара едва позволяла дышать.

Друзья замерли на пороге. Помещение освещали мощные лампы, свет которых усиливался рефлекторами, горячо дышала огромная печь. Узкие окна плотно закрыты. Зачем такая жара? Доктор Поро увидел термометр и поразился его показаниям — столбик ртути показывал температуру кипения воды. Здесь наверняка была лаборатория. На широких столах громоздились пробирки, тазы и кюветы с каолином, колбы, мензурки и другая лабораторная посуда; ни Артуру, ни доктору Поро никогда еще не приходилось видеть таких больших измерительных приборов или гигантских пробирок. В стоящих рядами, как в больничной аптеке, бутылках, содержалось большое количество различных химикалиев.

Молчание длилось долго. Несмотря на то, что в комнате было пусто, создавалось впечатление, будто только что здесь кто-то работал. И этот «кто-то», казалось Сюзи, сейчас войдет обратно, он лишь на минутку вышел взглянуть на ход другого эксперимента. Тишина ничем не нарушалась. Некто или нечто, издававшее раньше слабые необъяснимые звуки, замолкло при их появлении.

Артур распахнул дверь, ведущую в соседнюю комнату, и они очутились в длинном низком чердачном помещении, скошенный потолок которого держался на толстых балках; здесь тоже было светло и жарко, как и в лабораторной комнате, тоже стояли широкие столы с ретортами, обогревательными приборами, пробирками и всевозможными сосудами. И так же была раскалена печь. Артур медленно оглядывал столы, раздумывая о том, что за эксперимент тут проводили.

В воздухе висел незнакомый, ни на что не похожий запах: не сырости и затхлости, как в нижних комнатах, однако неприятный и тошнотворный. Что является его источником? Откуда он идет? Вдруг взгляд Бардона уперся в круглую, прикрытую белым холстом ванну, стоящую рядом с печью. Он сдернул покрывало. В толстом стеклянном сосуде, напоминающем по форме бадью для стирки белья, находилась ярко-ядовитого цвета сферическая масса размером с футбольный мяч.

Крупнозернистая, но гладкая поверхность сферы была испещрена густой сетью кровеносных сосудов и напомнила двум врачам те огромные заспиртованные опухоли, которые в качестве наглядных пособий хранятся на полках медицинских музеев. Сюзи смотрела на нее с неопишуемым отвращением. Вдруг она вскрикнула:

— Господи помилуй, да она же шевелится!

Артур оттащил ее в сторонку и склонился над сферой с непреодолимым любопытством. Масса ритмично вспухала и опадала. Пульсация была вполне отчетлива: вверх и вниз, словно грудь спящей женщины. Артур дотронулся до нее пальцем, и она как бы сжалась.

— Совсем теплая, — проговорил он.

Перевернул плавающий в жидкости шар, и он замер в том положении, какое придал ему Артур, как будто у него не было ни верха, ни низа. Но теперь они заметили на сфере несколько волосков, отдаленно напоминающих человеческие.

— Он живой? — прошептала Сюзи, замерев от ужаса и изумления.

— Да!

Артур, как замороженный, не мог оторвать глаз от отвратительного живого сгустка. Смотрел, как масса вновь медленно и ритмично запульсировала.

— Что же это такое? — спросил он, обратившись к Поро.

У него возникла одна мысль, но мысль столь невероятная и безумная, что он даже взмахнул руками, словно отгоняя ее от себя, словно была она материальной. Вдруг все трое резко дернулись, так как вновь раздался звук, заставивший их еще перед входом на чердак холодеть от страха. Звук возник совсем рядом, и Сюзи инстинктивно отпрянула, так как ей почудилось, что он послышался прямо под ногами.

— Здесь ничего нет, — пробормотал Артур. — Посмотрим в соседней комнате.

— О, Артур, уйдем отсюда! Я боюсь того, что может нас там ожидать. Ведь мы ничего уже не изменим, но навсегда лишимся сна и покоя.

Она с мольбой обернулась к доктору Поро. Тот тоже был бледен. Со лба у него катились крупные капли пота, то ли от жары, то ли от волнения.

— Я уже видел достаточно, — сказал он. — С меня хватит.

— В таком случае, уходите. Оба уходите. Я не заставляю вас оставаться. Но я не уйду. Как бы там ни было, я должен знать, что все это значит.

— А Хаддо? Что, если он там, если ждет вас? Быть может, вы только попадете в ловушку, которую он расставил для вас.

— Я уверен, что Хаддо мертв.

Тут снова до их ушей донеслось неразборчивое, резкое, нечеловеческое бормотание, и Артур шагнул вперед. Сюзи больше не колебалась, открыла вторую дверь, и спор прекратился.

Кто бы ни издавал эти звуки, он был там. Третья чердачная комната была просторнее первых двух, так как тянулась вдоль всего дома. Мощные лампы заливали ее ярким светом. Тошнотворный запах ощущался здесь еще сильнее, так что они не сразу решились войти. Даже Артуру стало не по себе, и он двинулся к окнам, собираясь распахнуть их. Но они были герметически закупорены и наглухо забиты. В помещении высились четыре печи, создававшие нестерпимое пекло. Чтобы они горели медленнее и давали больше тепла, дверцы топок были открыты, виднелись пылающие угли.

Обстановка этой комнаты не отличалась от других, но к различным инструментам, предназначенным для химических опытов, здесь добавилось множество электрических приборов. На столах — несколько книг, одна из них лежала раскрытой, но обложкой вверх. Глаза вошедших сразу остановились на ряде больших стеклянных сосудов, подобных тем, что видели они и в соседней комнате. И каждый тоже прикрывала белая холстина. Какое-то время наши герои заколебались, так почувствовали, что перед ними — величайшая тайна. Наконец, Артур решился — сорвал покрывало с одного из сосудов. Все продолжали молчать, уставившись на то, что им открылось.

В сосуде — стеклянной лохани — тоже лежала странная масса плоти, размером с новорожденного младенца, но в ней уже угадывалось нечто отталкивающе-человеческое. Она и по форме слегка напоминала новорожденного, но ноги еще не разъединились, и фигура походила на запеленутую мумию. У нее не было ни ступней, ни колен, по бокам бесформенного туловища тянулись специфические утолщения. Казалось, тот, кто лепил эту фигуру, бросил работу незавершенной, и руки составляли одно целое с туловищем. Верхняя его часть напоминала человеческую голову, покрытую длинными, золотистыми волосами, но она ужасала: необработанная грубая маска — без глаз, рта и носа, но тоже живая. Непрерывно и медленно пульсировала кровь под прозрачной тоненькой кожей.

Артур быстро сорвал холст со всех сосудов, кроме одного, и перед ними открылось столь омерзительное зрелище, что Сюзи сжала кулаки, чтобы не закричать. В одном сосуде лежало уродливое существо с почти человеческими конечностями, но распухшее, как от водянки, с толстыми крошечными ручками и ножками, уродливым коротким тельцем. Оно походило на фарфорового китайского мандарина. У другого уродца, похожего на новорожденного младенца, на теле — красные и серые пятна. Но от плеч отходило две шеи, и на них торчали две головы, патологически огромных, однако наделенных всеми человеческими чертами. Оба лица представляли собой столь явную карикатуру на человека, что на них невозможно было смотреть без содрогания. Артур сорвал с этого существа покрывало, и лица попали под яркий свет — все четыре глаза открылись и уставились на них жутким невидящим

взглядом. Бесцветные зрачки казались розовыми, как глаза кроликов альбиносов. Вскоре они вновь зажмурились, но веки у одной из голов опустились раньше, чем у другой.

В соседнем сосуде находился омерзительный монстр — как бы сросшиеся и переплетенные друг с другом два тела. Этакое чудище из кошмарного сна, с четырьмя руками и четырьмя ногами. Вдруг оно стало медленно двигаться, словно направляясь к ним. Извиваясь, поползло оно по дну огромного сосуда, в котором находилось, как бы собираясь узнать, кто они такие и что делают. Сюзи, едва не теряя сознание, отпрянула, когда это существо поднялось на четыре ноги и хотело дотянуться до них. Она отвернулась, спрятав лицо в ладони, не в силах смотреть на эту отталкивающую злую карикатуру на человека. Ей было жутко и стыдно.

— Вы понимаете, что это такое? — спросил у Артура доктор Поро дрожащим от волнения голосом. — Выходит, Хаддо открыл тайну появления жизни!

— И Маргарет со всей своей красотой была принесена в жертву ради рождения этих уродов?! — Глаза Артура горели печалью и мукой.

— Помните его рассказ о синтезе гомункулусов? — не отвечая ему, задал новый вопрос доктор. — Вот, значит, как создает он эти бесформенные существа...

— Тут есть еще одно, которого мы пока не видели.

Артур указал на холстину, покрывавшую самый большой из сосудов. Он предчувствовал, что там находится ужаснейшее из чудовищ Хаддо. Потому не без содрогания сдернул покрывало. Но едва сделал это, в сосуде что-то подпрыгнуло, и Артур инстинктивно отскочил назад. Раздались пронзительные крики. Это и были те нечеловеческие звуки, которые они раньше слышали. Прерывистые и злые, будто монстр выказывал ими дикую ярость. Он в бешенстве колотил в стены своей тюрьмы сжатыми кулаками. Ибо руки были человеческими, и тело тоже напоминало по форме тельце новорожденного. Огромный и круглый, как у гидроцефала череп, лоб нависал над лицом, черты которого еще не совсем сформированы. В несоразмерно маленьких глазах, опущенных густыми бровями, сверкало бешенство.

Крошечное безобразное личико сморщилось от конвульсий, на губах появилась пена. Крики становились все громче, все пронзительней — бессмысленное гневное

бормотание. Урод начал метаться и биться головой о стеклянные стенки. Казалось, что он вдруг, непостижимо за что, возненавидел трех незнакомцев и пытается броситься на них. Беззубые десны спазматически двигались, лицо кривилось отвратительными гримасами. Вероятно, это было коронное произведение Оливера Хаддо.

— Теперь пошли дальше, — скомандовал Артур, повернувшись к друзьям. — Здесь нам больше делать нечего.

Он быстро набросил тряпку на стеклянный контейнер.

— Да, да, ради Бога, давайте уйдем отсюда! — с дрожью в голосе взмолилась Сюзи.

— Мы еще не все завершили — не нашли автора этих чудовищ.

Артур окинул глазами длинную комнату, но никакой второй двери не обнаружил. Была лишь та, сквозь которую они попали сюда. Вдруг с его губ сорвался крик изумления, и, сделав шаг вперед, Артур припал на колени.

По другую сторону ряда лабораторных столов, скрытый от их глаз, лежал на полу Оливер Хаддо. Он был мертв. Глазки, налитые кровью, выпучены, как от базедовой болезни, и потому казались куда больше, чем обычно. В них застыло выражение смертельного ужаса, которое почудилось Артуру в момент их схватки в гостинице.

— Он умер от удушья, — прошептал доктор Поро.

Артур указал на шею Хаддо. Там явственно выступали следы карающих пальцев, лишивших его жизни. Сомнений не было.

— Я же сказал вам, что убил его, — с торжеством воскликнул Артур.

Затем он вспомнил еще о чем-то и схватил правую руку покойника. Артур был убежден, что сломал ее во время отчаянной борьбы. Пальцы хирурга тщательно ощупали предплечье, отвели его в сторону. Артур явственно услышал трение двух частей кости. Она была сломана как раз в том месте, где он и предполагал. Артур встал с колена, бросил последний взгляд на поверженного врага. Рыхлая плоть громоздилась на полу бесформенной массой.

— Теперь, когда ты все увидел, мы, наконец, можем уйти? — спросила Сюзи.

Ее вопрос, казалось, вернул его к действительности. Они поспешно миновали все три комнаты ярко освещенного чердака и остановились у лестницы.

— Спускайтесь и ждите меня внизу, — потребовал Артур. — Я скоро буду.

— Что ты задумал? — спросила Сюзи.

— Неважно. Делайте, что сказано. Я еще не все закончил.

Сюзи и Поро спустились на первый этаж и стали ждать. Их беспокоили неясные намерения Артура. Но вскоре на лестнице раздался перестук его шагов.

— Быстрее! — еще спускаясь с последних ступенек, крикнул он. — Нельзя терять ни минуты!

— Что случилось, Артур?

— Объясню потом!

Схватил их за руки и бегом потащил к выходу. Захлопнул за собой дверь и вновь подал руку Сюзи.

— Бежим!

Она не понимала, к чему такая спешка, сердце бешено колотилось. Он просто волок ее за собой. Доктор Поро едва поспевал следом. Вбежали в парк, но и тут Артур не дал им отдышаться.

— Скорее, скорее! — повторял он.

Наконец они добрались до щели в ограде, и Бардон помог им пролезть. Потом аккуратно водворил на место штакетину и, подхватив Сюзи под руку, быстро зашагал к гостинице.

— Я очень устала, — простонала она. — Просто не могу так быстро идти.

— Идем, идем! Скоро отдохнешь, сколько душе угодно.

Они продолжали торопливо двигаться вперед. Время от времени Артур оглядывался. Вокруг было еще темно, хотя на небе горели мириады звезд. Наконец он сбавил шаг.

— Теперь можно и помедленнее, — и Артур с улыбкой посмотрел на Сюзи. В его взгляде она прочла нежность. Приобнял ее за плечи, поддержал.

— Боюсь, ты совсем без ног осталась, бедняжка. Виноват, что так утомил тебя.

— Ничего.

Она прижалась к нему. Ее уже не мучила никакая усталость, лишь бы чувствовать рядом его руку.

Доктор Поро остановился.

— Вы должны позволить мне закурить сигарету, — сказал он.

— Можете делать, что вам угодно, — улыбнулся Артур.

Его голос звучал иначе: в нем вновь появилась доброта, от которой друзья отвыкли за последние месяцы. Ему безусловно стало легче. Сюзи готова была забыть все ужасы прошлого и отдаться счастью, которое, кажется, ожидало ее.

Передохнув, компания медленно двинулась дальше. Теперь они могли насладиться великолепием ночи. Воздух напоен ароматами вереска, в природе царил покой, умиротворяющий их смятенные души.

Все еще было темно, но они чувствовали, что рассвет близко, и Сюзи радовалась рождающемуся дню. Восточная часть неба посветлела, темнота приобрела бледно-лиловый оттенок. На его фоне стали постепенно вырисовываться очертания деревьев. Сперва робко, а потом все дружнее запели птицы. Неподалеку взвился в небо жаворонок, приветствуя наступающее утро.

С холма, на вершине которого они стояли, уже виднелось недалекое местечко с храмом и гостиницей.

— Давайтеждемся восхода, — предложила девушка.

— Как скажешь.

Артур и доктор Поро стояли рядом с Сюзи, полной грудью дышащей чудесным предрассветным воздухом. Пространство, раскинувшееся у ее ног, было уже окутано алой дымкой, предвестницей дня, и она радовалась его красоте.

Но заметила вдруг, что Артур, в отличие от них с доктором, не разглядывает восход. Взгляд его был прикован к той стороне, откуда они пришли. Что искал он там? Она тоже устремила глаза на запад, и с губ ее сорвался крик: там горело пурпурное зарево.

— Похоже на пожар, — прошептала Сюзи.

— Да. Скин горит, как сухие дрова.

И в этот момент рухнула крыша старинного дома, взметнулись вверх огромные языки пламени, все выше и выше вздымаясь в ночное еще небо. Дом, только что покинутый ими, был объят огнем. С дальнего холма, на

котором они стояли, открывалось захватывающее зрелище: сгустки огня то поднимались, то опадали, подобно гигантским драконам, в ярости изрыгающим пламя из горящих глоток.

Горел Скин. Ничто уже не могло спасти его. Скоро от всех ужасов и преступлений, творившихся там, не останется никаких следов. А сейчас усадьба превратилась в сплошную массу огня. Словно клокотало жерло вулкана, где боги вершили свои невероятные чудеса.

— Это сделал ты, Артур? — едва слышным шепотом спросила Сюзи.

Он не ответил. Снова обнял ее за плечи и развернул в другую сторону.

— Взгляни: восходит солнце.

Восточный край неба пронзил яркий луч, и солнце, желтое и круглое, озарило лик земли.

ЛУНА И ГРОШ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Когда я познакомился с Чарлзом Стриклендом, мне, по правде говоря, и в голову не пришло, что он какой-то необыкновенный человек. А сейчас вряд ли кто станет отрицать его величие. Я имею в виду не величие удачливого политика или прославленного полководца, ибо оно относится скорее к месту, занимаемому человеком, чем к нему самому, и перемена обстоятельств нередко низводит это величие до весьма скромных размеров. Премьер-министр вне своего министерства сплошь и рядом оказывается болтливым фанфароном, а генерал без армии — всего-навсего пошловатым провинциальным львом. Величие Чарлза Стрикленда было подлинным величием. Вам может не нравиться его искусство, но равнодушны вы к нему не останетесь. Оно вас поражает, приковывает к себе. Прошли времена, когда оно было предметом насмешки, и теперь уже не считается признаком эксцентричности отстаивать его или извращенностью — его превозносить. Недостатки, ему свойственные, признаны необходимым дополнением его достоинств. Правда, идут еще споры о месте этого художника в искусстве, и весьма вероятно, что славословия его почитателей столь же безосновательны, как и пренебрежительные отзывы хулителей. Одно несомненно — это творения гения. Мне думается, что самое интересное в искусстве — личность художника, и если она оригинальна, то я готов простить ему тысячи ошибок. Веласкес как художник был, вероятно, выше Эль Греко, но к нему привыкаешь и уже не так восхищаешься им, тогда как чувственный и трагический критянин открывает нам вечную жертвенность своей души. Актер, художник, поэт или музыкант своим искусством, возвышенным или прекрасным, удовлетворяет эстетическое чувство; но это варварское удовлетворение, оно сродни половому инстинкту, ибо он отдает вам

еще и самого себя. Его тайна увлекательна как детективный роман. Это загадка, которую не разгадать, все равно как загадку вселенной. Самая незначительная из работ Стрикленда свидетельствует о личности художника — своеобразной, сложной, мученической. Это-то и не оставляет равнодушными к его картинам даже тех, кому они не по вкусу, и это же пробудило столь острый интерес к его жизни, к особенностям его характера.

Со дня смерти Стрикленда не прошло и четырех лет, когда Морис Гюре опубликовал в «Меркюр де Франс» статью, которая спасла от забвения этого художника. По тропе, проложенной Гюре, устремились с большим или меньшим рвением многие известные литераторы: уже долгое время ни к одному критику во Франции так не прислушивались, да и, правда, его доводы не могли не произвести впечатления; они казались экстравагантными, но последующие критические работы подтвердили его мнение, и слава Чарлза Стрикленда с тех пор зиждется на фундаменте, заложенном этим французом.

То, как забрезжила эта слава, — пожалуй, один из самых романтических эпизодов в истории искусства. Но я не собираюсь заниматься разбором искусства Чарлза Стрикленда или лишь постольку, поскольку оно характеризует его личность. Я не могу согласиться с художниками, спесиво утверждающими, что непосвященный обязательно ничего не смыслит в живописи и должен откликаться на нее только молчанием или чековой книжкой. Нелепейшее заблуждение — почитать искусство за ремесло, до конца понятное только ремесленнику. Искусство — это манифестация чувств, а чувство говорит общепринятым языком. Согласен я только с тем, что критика, лишенная практического понимания технологии искусства, редко высказывает сколько-нибудь значительные суждения, а мое невежество в живописи беспредельно. По счастью, мне нет надобности пускаться в подобную авантюру, так как мой друг мистер Эдуард Леггат, талантливый писатель и превосходный художник, исчерпывающе проанализировал творчество Стрикленда в своей небольшой книжке¹, которую я бы назвал образцом изящного стиля, культивируемого во

¹ Эдуард Леггат, современный художник. Заметки о творчестве Чарлза Стрикленда, изд. Мартина Зекера, 1917. (*Прим. авт.*)

Франции со значительно большим успехом, нежели в Англии.

Морис Гюре в своей знаменитой статье дал жизнеописание Стрикленда, рассчитанное на то, чтобы возбудить в публике интерес и любопытство. Одержимый бескорыстной страстью к искусству, он стремился привлечь внимание истинных знатоков к таланту, необыкновенно своеобразному, но был слишком хорошим журналистом, чтобы не знать, что «чисто человеческий интерес» способствует скорейшему достижению этой цели. И когда те, кто некогда встречались со Стриклендом, — писатели, знавшие его в Лондоне, художники, сидевшие с ним бок о бок в кафе на Монмартре — к своему удивлению открыли, что тот, кто жил среди них и кого они принимали за великого неудачника, — подлинный Гений, в журналы Франции и Америки хлынул поток статей.

Эти воспоминания и восхваления, подливая масла в огонь, не удовлетворяли любопытства публики, а только еще больше его разжигали. Тема была благодарная, и усердный Вейтбрехт-Ротгольц в своей внушительной монографии¹ привел уже длинный список высказываний о Стрикленде.

В человеке заложена способность к мифотворчеству. Поэтому люди, алчно впитывая в себя ошеломляющие или таинственные рассказы о жизни тех, что выделились из среды себе подобных, творят легенду и сами же проникаются фанатической верой в нее. Это бунт романтики против заурядности жизни.

Человек, о котором сложена легенда, получает паспорт на бессмертие. Иронический философ усмехается при мысли, что человечество благоговейно хранит память о сэре Уолтере Рали, водрузившем английский флаг в до того неведомых землях, не за этот подвиг, а за то, что он бросил свой плащ под ноги королевы-девственницы. Чарлз Стрикленд жил в безвестности. У него было больше врагов, чем друзей. Поэтому писавшие о нем старались всевозможными домыслами пополнить свои скудные воспоминания, хотя и в том малом, что было о нем известно, нашлось бы довольно материала для романтического повествования. Много в его жизни было странного и страшного, натура у

¹ Вейтбрехт-Ротгольц, доктор философии. Карл Стрикленд. Его жизнь и искусство, изд. Швингель и Ганиш. Лейпциг, 1914. (*Прим. авт.*).

него была неистовая, судьба обходилась с ним безжалостно. И легенда о нем мало-помалу обросла такими подробностями, что разумный историк никогда не отважился бы на нее посягнуть.

Но преподобный Роберт Стрикленд не был разумным историком. Он писал биографию своего отца¹, видимо, лишь затем, чтобы «разъяснить некоторые получившие хождение неточности», касающиеся второй половины его жизни и «причинившие немало горя людям, живым еще и поныне». Конечно, многое из того, что рассказывалось о жизни Стрикленда, не могло не шокировать почтенное семейство. Я от души забавлялся, читая труд Стрикленда-сына, и меня это даже радовало, ибо он был крайне сер и скучен. Роберт Стрикленд нарисовал портрет заботливейшего мужа и отца, добродушного малого, трудолюбца и глубоко нравственного человека. Современный служитель церкви достиг изумительной сноровки в науке, называемой, если я не ошибаюсь, экзегезой (толкованием текста), а ловкость, с которой пастор Стрикленд «интерпретировал» все факты из жизни отца, «не устраивающие» почтительного сына, несомненно, сулит ему в будущем высокое положение в церковной иерархии. Мысленно я уже видел лиловые епископские чулки на его мускулистых икрах. Это была затея смелая, но рискованная. Легенда немало способствовала росту славы его отца, ибо одних влекло к искусству Стрикленда отвращение, которое они испытывали к нему как личности, других — сострадание, которое им внушала его гибель, а посему благонамеренные усилия сына странным образом охладили пыл почитателей отца. Не случайно же «Самаритянка»², одна из значительнейших работ Стрикленда, после дискуссии, вызванной опубликованием новой биографии, стоила на 235 фунтов дешевле, чем девять месяцев назад, когда ее купил известный коллекционер, вскоре внезапно скончавшийся, отчего картина и пошла опять с молотка.

Возможно, что стриклендову искусству не достало бы своеобразия и могучей притягательной силы, чтобы опра-

¹ Книга «Стрикленд. Человек и его труд», написанная сыном Стрикленда Робертом, изд. Уильяма Хейнемана, 1913. (*Прим. авт.*).

² Эта картина описана в каталоге Кристи следующим образом: «Обнаженная женщина, уроженка островов Товарищества, лежит на берегу ручья на фоне тропического пейзажа с пальмами, бананами и т. д.»; 60 дюймов х 48 дюймов. (*Прим. авт.*).

виться от такого удара, если бы человечество, приверженное к мифу, с досадой не отбросило версии, посягнувшей на наше пристрастие к необычному, тем более что вскоре вышла в свет работа доктора Вейтбрехта-Ротгольца, рассеявшая все горестные сомнения любителей искусства.

Доктор Вейтбрехт-Ротголец принадлежит к школе историков, которая не только принимает на веру, что человеческая натура насквозь порочна, но старается еще больше очернить ее. И, конечно, представители этой школы доставляют куда больше удовольствия читателю, чем коварные историки, предпочитающие выводить людей недюжинных, овеянных дымкой романтики, в качестве образцов семейной добродетели. Меня, например, очень огорчила бы мысль, что Антония и Клеопатру не связывало ничего, кроме экономических интересов. И, право, понадобились бы необычайно убедительные доказательства, чтобы заставить меня поверить, будто Тиберий был не менее благонамеренным монархом, чем король Георг V.

Доктор Вейтбрехт-Ротголец в таких выражениях расправился с добродетельнейшей биографией, вышедшей из-под пера его преподобия Роберта Стрикленда, что, право же, становилось жаль злополучного пастыря. Его деликатность была объявлена лицемерием, его уклончивое многословие — сплошным враньем, его умолчания — предательством. На основании мелких погрешностей против истины, достойных порицания у писателя, но вполне простительных сыну, вся англосаксонская раса разносилась в пух и прах за ханжество, глупость, претенциозность, коварство и мошеннические проделки. Я лично считаю, что мистер Стрикленд поступил опрометчиво, когда для опровержения слухов о «неладах» между его отцом и матерью сослался на письмо Чарлза Стрикленда из Парижа, в котором тот называл ее «достойной женщиной», ибо доктор Вейтбрехт-Ротголец раздобыл и опубликовал факсимиле этого письма, в котором черным по белому стояло: «Черт бы побрал мою жену. Она достойная женщина. Но я бы предпочел, чтобы она уже была в аду». Надо сказать, что церковь во времена своего величия поступала с неудобными ей свидетельствами иначе.

Доктор Вейтбрехт-Ротголец был пламенным поклонником Чарлза Стрикленда, и читателю не грозила опасность, что он будет всеми способами его обелять. Кроме того, Вейтбрехт-Ротголец умел безошибочно подмечать низкие мо-

тивы внешне благопристойных действий. Психопатолог в той же мере, что и искусствовед, он отлично разбирался в мире подсознательного. Ни одному мистiku не удалось лучше прозреть скрытый смысл в обыденном. Мистик видит несказанное, психопатолог — то, о чем не говорят. Это было увлекательное занятие: следить, с каким рвением ученый автор выискивал малейшие подробности, могущие опозорить его героя. Он захлебывался от восторга, когда ему удавалось вытащить на свет Божий еще один пример жестокости или низости, и ликовал, как инквизитор, отправивший на костер еретика, когда какая-нибудь давно позабытая история подрывала сыновний пиетет его преподавателя Роберта Стрикленда. Трудолюбие его достойно изумления. Ни одна мелочь не ускользнула от него, и мы можем быть уверены, что если Чарлз Стрикленд когда-нибудь не заплатил по счету прачечной, то этот счет будет приведен *in extenso*¹, а если ему случилось не отдать взятые займы полкроны, то уж ни одна деталь этого преступного правонарушения не будет упущена.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Раз так много написано о Чарлзе Стрикленде, то стоит ли еще и мне писать о нем? Памятник художнику — его творения. Правда, я знал его ближе, чем многие другие: впервые я встретился с ним до того, как он стал художником, и нередко виделся с ним в Париже, где ему жилось так трудно. И все же я никогда не написал бы воспоминаний о нем, если бы случайности войны не забросили меня на Таити. Там, как известно, провел он свои последние годы, и там я познакомился с людьми, которые близко знали его. Таким образом, мне представилась возможность пролить свет на ту пору его трагической жизни, которая оставалась сравнительно темной. Если Стрикленд, как многие считают, и вправду великий художник, то, разумеется, интересно послушать рассказы тех, кто изо дня в день встречался с ним. Чего бы мы не дали теперь за воспоминания человека, знавшего Эль Греко не хуже, чем я Чарлза Стрикленда?

Впрочем, я не уверен, что все эти оговорки так уж нужны. Не помню, какой мудрец советовал людям во имя ду-

¹ Полностью (*лат.*).

шевного равновесия дважды в день проделывать то, что им неприятно; лично я в точности выполняю это предписание, ибо каждый день встаю и каждый день ложусь в постель. Но, будучи по натуре склонным к аскетизму, я еженедельно изнуряю свою плоть еще более жестоким способом, а именно: читаю литературное приложение к «Таймс».

Поистине это душеспасительная епитимья — размышлять об огромном количестве книг, вышедших в свет, о сладостных надеждах, которые возлагают на них авторы, и о судьбе, ожидающей эти книги. Много ли шансов у отдельной книги пробить себе дорогу в этой сутолоке? А если ей даже сужден успех, то ведь ненадолго. Один Бог знает, какое страдание перенес автор, какой горький опыт остался у него за плечами, какие сердечные боли терзали его, и все лишь для того, чтобы его книга часок-другой поразвлекала случайного читателя или помогла ему разогнать дорожную скуку. А ведь если судить по рецензиям, многие из этих книг превосходно написаны, авторами вложено в них немало мыслей, а некоторые — плод неустанного труда целой жизни. Из всего этого я делаю вывод, что удовлетворения писатель должен искать только в самой работе и в освобождении от груза своих мыслей, оставаясь равнодушным ко всему привходящему — к хуле и хвалу, к успеху и провалу.

Но вместе с войной пришло новое отношение к вещам. Молодежь поклонилась богам, в наше время неведомым, и теперь уже ясно видно направление, по которому двинутся те, кто будет жить после нас. Младшее поколение, неугомонное и сознающее свою силу, уже не стучится в двери — оно ворвалось и уселось на наши места. Воздух сотрясается от их крика. Старцы подражают повадкам молодежи и стремятся уверить себя, что их время еще не прошло. Они шумят заодно с юнцами, но из их ртов вырывается не воинственный клич, а жалобный писк; они похожи на старых распутниц, с помощью румян и пудры старающихся вернуть себе былую юность. Более мудрые с достоинством идут своей дорогой. В их сдержанной улыбке проглядывает снисходительная насмешка. Они помнят, что в свое время так же шумно и презрительно вытесняли предшествующее, уже усталое поколение, и предвидят, что нынешним бойким факельщикам вскоре тоже придется уступить свое место.

Последнего слова не существует. Новый завет был уже стар, когда Ниневия возносила к небу свое величие. Смелые слова, которые кажутся столь новыми тому, кто их произносит, были, и почти с теми же интонациями, произнесены уже сотни раз. Маятник раскачивается взад и вперед. Движение неизменно совершается по кругу.

Бывает, что человек зажился и из времени, в котором ему принадлежало определенное место, попал в чужое время, — тогда это одна из забавнейших сцен в человеческой комедии. Ну кто, к примеру, помнит теперь о Джордже Краббе? А он был знаменитый поэт в свое время, и человечество признавало его гений с единомудрием, в наше более сложное время уже немыслимым. Он был выучеником Александра Попа и писал нравоучительные рассказы рифмованными двустушиями. Но разразилась французская революция, затем наполеоновские войны, и поэты запели новые песни. Крабб продолжал писать нравоучительные рассказы рифмованными двустушиями. Надо думать, он читал стихи юнцов, учинивших такой переполох в мире, и считал их вздором. Конечно, многое в этих стихах и было вздором. Но оды Китса и Вордсворта, несколько поэм Колриджа и, еще в большей степени, Шелли открыли человечеству ранее неведомые и обширные области духа. Мистер Крабб был глуп, как баран: он продолжал писать нравоучительные истории рифмованными двустушиями. Я прочитаю иногда то, что пишут молодые. Может быть, более пылкий Китс и более возвышенный Шелли уже выпустили в свет новые творения, которые навек запомнит благодарное человечество. Не знаю.

Я восхищаюсь тщательностью, с которой они отделяют то, что выходит у них из-под пера, — юность эта так законченна, что говорить об обещаниях, конечно, уже не приходится. Я дивлюсь совершенству их стиля; но все их словесные богатства (сразу видно, что в детстве они заглядывали в «Сокровищницу» Роджета) ничего не говорят мне. На мой взгляд, они знают слишком много и чувствуют слишком поверхностно; я не терплю сердечности, с которой они похлопывают меня по спине, и взволнованности, с которой бросаются мне на грудь. Их страсть кажется мне худосочной, их мечты — скуноватыми. Я их не люблю. Я завяз в другом времени. Я по-прежнему буду писать нравоучительные истории рифмованными двусту-

шениями. Но я был бы трижды дурак, если б делал это не только для собственного развлечения.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Но все это между прочим.

Я был очень молод, когда написал свою первую книгу. По счастливой случайности она привлекла к себе внимание, и различные люди стали искать знакомства со мной.

Не без грусти предаюсь я воспоминаниям о литературном мире Лондона той поры, когда я, робкий и взволнованный, ступил в его пределы. Давно уже я не бывал в Лондоне, и если романы точно описывают характерные его черты, то, значит, многое там изменилось. И кварталы, в которых главным образом протекает литературная жизнь, теперь иные. Гемпстед, Ноттинг-Хилл-Гейт, Гайстрит и Кенсингтон уступили место Челси и Блумсбери. В те времена писатель моложе сорока лет привлекал к себе внимание, теперь писатели старше двадцати пяти лет — комические фигуры. Тогда мы конфузились своих чувств, и страх показаться смешным смягчал проявления самонадеянности. Не думаю, чтобы тогдашняя богема очень уж заботилась о строгости нравов, но я не помню и такой неразборчивости, какая, видимо, процветает теперь. Мы не считали себя лицемерами, если покров молчания прикрывал наши безрассудства. Называть вещи своими именами у нас не считалось обязательным, да и женщины в ту пору еще не научились самостоятельности.

Я жил неподалеку от вокзала Виктория и совершал долгие путешествия в омнибусе, отправляясь в гости к радужным литераторам. Прежде чем набраться храбрости и дернуть звонок, я долго шагал взад и вперед по улице и потом, замирая от страха, входил в душную комнату, битком набитую народом. Меня представляли то одной, то другой знаменитости, и я краснел до корней волос, выслушивая добрые слова о своей книге. Я чувствовал, что от меня ждут остроумных реплик, но таковые приходили мне в голову лишь по окончании вечера. Чтобы скрыть свою робость, я усердно передавал соседям чай и плохо нарезанные бутерброды. Мне хотелось остаться незамеченным, чтобы спокойно наблюдать за этими великими людьми, спокойно слушать их умные речи.

Мне помнятся дородные чопорные дамы, носатые, с жадными глазами, на которых платья выглядели как доспехи, и субтильные, похожие на мышек, старые девы с кротким голоском и колючим взглядом. Я точно зачарованный смотрел, с каким упорством они, не сняв перчаток, поглощают поджаренный хлеб и потом небрежно вытирают пальцы о стулья, воображая, что никто этого не замечает. Для мебели это, конечно, было плохо, но хозяйка, надо думать, отыгрывалась на стульях своих друзей, когда, в свою очередь, бывала у них в гостях. Некоторые из этих дам одевались по моде и уверяли, что не желают ходить чучелами только оттого, что пишут романы: если у тебя изящная фигура, то старайся это подчеркнуть, а красивые туфли на маленькой ножке не помешали еще ни одному издателю купить у тебя твою «продукцию». Другие, напротив, считая такую точку зрения легкомысленной, наряжались в платья фабричного производства и нацепляли на себя поистине варварские украшения. Мужчины, как правило, имели вполне корректный вид. Они хотели выглядеть светскими людьми и при случае вправду могли сойти за старших конторщиков солидной фирмы. Вид у них всегда был утомленный. Я никогда прежде не видел писателей, и они казались мне несколько странными и даже какими-то ненастоящими.

Их разговор я находил блистательным и с удивлением слушал, как они поносили любого собрата по перу, едва только он повернется к ним спиной. Преимущество людей артистического склада заключается в том, что друзья дают им повод для насмешек не только своим внешним видом или характером, но и своими трудами. Я был убежден, что никогда не научусь выражать свои мысли так изящно и легко, как они. В те времена разговор считали искусством; меткий, находчивый ответ ценился выше подспудного глубокомыслия, и эпиграмма, еще не ставшая механическим приспособлением для переплавки глупости в остроумие, оживляла салонную болтовню. К сожалению, я не могу припомнить ничего из этих словесных фейерверков. Но мне думается, что беседы становились всего оживленнее, когда они касались чисто коммерческой стороны нашей профессии. Обсудив достоинства новой книги, мы, естественно, начинали говорить о том, сколько экземпляров ее распродано, какой аванс получен автором и сколько еще дохода она ему принесет. Далее речь неизменно заходила об

издателях, щедрость одного противопоставлялась мелочности другого; мы обсуждали, с каким из них лучше иметь дело: с тем, кто не скупится на гонорары, или с тем, кто умеет «протолкнуть» любую книгу. Одни умели рекламировать автора, другим это не удавалось. У одного издателя был нюх на современность, другого отличала старомодность. Затем разговор перескакивал на комиссионеров, на заказы, которые они добывали для нас, на редакторов газет, на характер нужных им статей, на то, сколько платят за тысячу слов и как платят — аккуратно или задерживают гонорар. Мне все это казалось весьма романтическим. Я чувствовал себя членом некоего тайного братства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Никто не принимал во мне тогда больше участия, чем Роза Уотерфорд. Мужской ум соединялся в ней с женским своенравием, а романы, выходившие из-под ее пера, смущали читателей своей оригинальностью. У нее-то я и встретил жену Чарлза Стрикленда. Мисс Уотерфорд устраивала званый чай, и в ее комнатке набилось полным-полно народу. Все оживленно болтали, и я, молча сидевший в сторонке, чувствовал себя прескверно, но был слишком робок, чтобы присоединиться к той или иной группе гостей, казалось, всецело поглощенных собственными делами. Мисс Уотерфорд, как гостеприимная хозяйка, видя мое замешательство, поспешила мне на помощь.

— Вам надо поговорить с миссис Стрикленд, — сказала она. — Она в восторге от вашей книги.

— Чем занимается миссис Стрикленд? — осведомился я.

Я отдавал себе отчет в своем невежестве, и если миссис Стрикленд была известной писательницей, то мне следовало узнать это прежде, чем вступить с нею в разговор.

Роза Уотерфорд потупилась, чтобы придать больший эффект своим словам.

— Она угощает гостей завтраками. Если вы будете иметь успех, приглашение вам обеспечено.

Роза Уотерфорд была циником. Жизнь представлялась ей оказией для писания романов, а люди — необходимым сырьем. Время от времени она отбирала из этого сырья тех, кто восхищался ее талантом, зазывала их к себе и принимала весьма радушно. Беззлбно подсмеиваясь над их сла-

бостью к знаменитым людям, она тем не менее умело разыгрывала перед ними роль прославленной писательницы.

Представленный миссис Стрикленд, я минут десять беседовал с нею с глазу на глаз. Я не заметил в ней ничего примечательного, разве что приятный голос. Она жила в Вестминстере, и окна ее квартиры выходили на недостроенную церковь; я жил в тех же краях, и это обстоятельство заставило нас почувствовать взаимное расположение. Универсальный магазин Армии и Флота служит связующим звеном для всех, кто живет между Темзой и Сент-Джеймским парком. Миссис Стрикленд спросила мой адрес, и несколькими днями позднее я получил приглашение к завтраку.

Я редко получал приглашения и потому принял его с удовольствием. Когда я пришел с небольшим опозданием, так как из страха явиться слишком рано три раза обошел кругом церкви, общество было уже в полном сборе: мисс Уотерфорд, миссис Джей, Ричард Туайнинг и Джордж Род. Словом, одни писатели. Стоял погожий весенний день, и настроение у собравшихся было отличное. Разговоры шли обо всем на свете. На мисс Уотерфорд, разрывавшейся между эстетическими представлениями ее юности (строгое зеленое платье, нарциссы в руках) и ветреностью зрелых лет (высокие каблуки и парижские туалеты), была новая шляпа. Это придавало ее речам необыкновенную резвость. Никогда еще она так зло не отзывалась о наших общих друзьях. Миссис Джей, убежденная, что непристойность — душа остроумия, полушепотом отпускала остроты, способные вогнать в краску даже белоснежную скатерть. Ричард Туайнинг все время нес какую-то чепуху, а Джордж Род в горделивом сознании, что ему нет надобности щеголять своим остроумием, уже вошедшим в поговорку, открыл рот только затем, чтобы положить в него лакомый кусочек.

Миссис Стрикленд говорила немного, но у нее был бесценный дар поддерживать общую беседу: чуть наступала пауза, она весьма кстати вставляла какое-нибудь замечание, и разговор снова оживлялся. Высокая, полная, но не толстая, лет так тридцати семи, она не отличалась красотой, но смугловатое лицо ее было приятно, главным образом из-за добрых карих глаз. Темные волосы она тщательно причесывала, не злоупотребляла косметикой и по сравнению с двумя другими дамами выглядела простой и безыскусной.

Убранство ее столовой было очень строго, в соответствии с хорошим вкусом того времени. Высокая белая панель по стенам и на зеленых обоях гравюры Уистлера в изящных черных рамках. Зеленые портьеры с узором «павлиний глаз» строгими прямыми линиями ниспадали на зеленый же ковер, по углам которого среди пышных деревьев резвились блеклые кролики, — несомненное влияние картин Уильяма Морриса. Каминная доска была уставлена синим голландским фарфором. В те времена в Лондоне нашлось бы не меньше пятисот столовых, убранных в том же стиле — очень скромно, артистично и совсем уныло.

Я вышел оттуда вместе с мисс Уотерфорд. Чудесный день и ее новая шляпа определили наше решение побродить по парку.

— Что ж, мы премило провели время, — сказал я.

— А как вы находите завтрак? Я внушила ей, что если хочешь видеть у себя писателей, то надо ставить хорошее угощение.

— Мудрый совет, — отвечал я. — Но на что ей писатели? Мисс Уотерфорд пожала плечами.

— Она их считает занимательными и не хочет отставать от моды. Она очень простодушна, бедняжка, и воображает, что все мы необыкновенные люди. Ей нравится кормить нас завтраками, а мы от этого ничего не теряем. Потому-то я и чувствую к ней симпатию.

Оглядываясь назад, я думаю, что миссис Стрикленд была еще самой безобидной из всех охотников за знаменитостями, преследующих свою добычу от изысканных высот Гемистеда до захудалых студий на Чейн-Уок. Юность она тихо провела в провинции, и книги, присылаемые ей из столичной библиотеки, пленяли ее не только своей собственной романтикой, но и романтикой Лондона. У нее была подлинная страсть к чтению (редкая в людях, интересующихся больше авторами, чем их творениями, больше художниками, чем их картинами), она жила в воображаемом мире, пользуясь свободой, недоступной для нее в повседневности. Когда она познакомилась с писателями, ей стало казаться, что она попала на сцену, которую прежде видела только из зрительного зала. Она так их идеализировала, что ей и вправду думалось, будто, принимая их у себя или навещая их, она живет иною, более возвышенной жизнью. Правила, согласно которым они вели свою

жизненную игру, ее не смущали, но она ни на мгновение не собиралась подчинить им свою собственную жизнь. Их вольные нравы, так же как необычная манера одеваться, их нелепые теории и парадоксы занимали ее, но ни в какой мере не влияли на ее убеждения.

— Скажите, а существует ли мистер Стрикленд? — поинтересовался я.

— О, конечно; он что-то делает в Сити. Кажется, биржевой маклер. Скучнейший малый!

— И они в хороших отношениях?

— Обожают друг друга. Вы его увидите, если она пригласит вас к обеду. Но у них редко обедают посторонние. Он человек смирный. И нисколько не интересуется литературой и искусством.

— Почему это милые женщины так часто выходят за скучных мужчин?

— Потому что умные мужчины не женятся на милых женщинах.

Я ничего не смог на это возразить и спросил, есть ли у миссис Стрикленд дети.

— Да, девочка и мальчик. Оба учатся в школе.

Тема была исчерпана, и мы заговорили о другом.

ГЛАВА ПЯТАЯ

В течение лета я довольно часто виделся с миссис Стрикленд. Я посещал ее приятные интимные завтраки и куда более торжественные чаепития. Мы искренне симпатизировали друг другу. Я был очень молод, и, возможно, ей льстила мысль, будто она руководит моими первыми шагами на многотрудном поприще литературы, мне же было приятно сознавать, что есть человек, к которому я всегда могу пойти с любыми моими заботами в уверенности, что меня внимательно выслушают и дадут разумный совет. У миссис Стрикленд был дар сочувствия. Прекрасное качество, но те, кто его сознает в себе, нередко им злоупотребляют; с алчностью вампира впиваются они в беды друзей, лишь бы найти применение своему таланту. Они обрушивают на свои жертвы сочувствие, оно бьет точно нефтяной фонтан, еще хуже запутывая их дела. На иную грудь пролито уже столько слез, что я бы не решился увлажнять ее еще своими. Миссис Стрикленд не злоупотребляла

этим даром, но, принимая ее сочувствие, вы явно доставляли ей радость. Когда я с юношеской непосредственностью поделился этим наблюдением с Розой Уотерфорд, она сказала:

— Молоко пить приятно, особенно с бренди, но корова жаждет от него избавиться. Разбухшее вымя — пренеприятная штука.

У Розы Уотерфорд язык был, как шпанская мушка. Никто не умел злее съязвить, но, с другой стороны, никто не мог наговорить более милых слов.

В миссис Стрикленд мне нравилась еще одна черта — ее умение элегантно жить. В доме у нее всегда было очень чисто и уютно, повсюду пестрели цветы, и крестон в гостиной, несмотря на строгий рисунок, выглядел светло и радостно. Кушанья у нее были отлично приготовлены, стол маленькой артистичной столовой — изящно сервирован, обе горничные щегольски одеты и миловидны. Сразу бросалось в глаза, что миссис Стрикленд — превосходная хозяйка. И уж, конечно, превосходная мать. Гостиную украшали фотографии ее детей. Сын Роберт, юноша лет шестнадцати, учился в Регби; на одной фотографии он был снят во фланелевом спортивном костюме, на другой — во фраке, со стоячим воротничком. У него, как и у матери, был чистый лоб и красивые задумчивые глаза. Он производил впечатление чисто плотного, здорового, вполне заурядного юноши.

— Не думаю, чтобы он был очень умен, — сказала она однажды, заметив, что я вглядываюсь в фотографию, — но зато он добрый и славный мальчик.

Дочери было четырнадцать лет. Ее волосы, темные и густые, как у матери, волнами спадали на плечи. И у нее тоже лицо было доброе, а глаза безмятежные.

— Они оба — ваш портрет, — сказал я.

— Да, они больше похожи на меня, чем на отца.

— Почему вы так и не познакомили меня с вашим мужем? — спросил я.

— Вы этого хотите?

Она улыбнулась — улыбка у нее и правда была прелестная — и слегка покраснела. Я всегда удивлялся, что женщина ее возраста так легко краснеет. Но наивность была, пожалуй, главным ее очарованием.

— Он ведь совсем чужд литературе, — сказала она. — Настоящий обыватель.

Она сказала это без тени пренебрежительности, скорее нежно, словно стараясь защитить его от нападков своих друзей.

— Он служит на бирже, типичнейший биржевой маклер. Вы с ним умрете с тоски.

— Вы тоже скучаете с ним?

— Нет, но ведь я его жена. И я очень к нему привязана.

Она улыбнулась, стараясь скрыть свое смущение, и мне показалось, что она боится, как бы я не отпустил какой-нибудь шуточки в духе Розы Уотерфорд. Она помолчала. В глазах у нее светилась нежность.

— Он не воображает себя гением и даже не очень много зарабатывает на бирже. Но он удивительно хороший и добрый человек.

— Думаю, что мне он придется по душе.

— Я приглашу вас как-нибудь отобедать с нами в семейном кругу, но если вам будет скучно, пеняйте на себя.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Обстоятельства сложились так, что, встретившись наконец с Чарлзом Стриклендом, я толком не познакомился с ним. Однажды утром мне принесли письмецо миссис Стрикленд, в котором говорилось, что сегодня вечером она ждет гостей к обеду, и так как один из ранее приглашенных не может прийти, она предлагает мне занять его место. В записке стояло:

«Считаю своим долгом предупредить вас, что скука будет отчаянная. По составу гостей это неизбежно. Но если вы все-таки придете, я буду бесконечно вам признательна. Мы улучим минутку и поболтаем с глазу на глаз».

Я решил, что добрососедские отношения велят мне явиться.

Когда миссис Стрикленд представила меня своему мужу, он довольно сухо пожал мне руку.

Живо обернувшись к нему, она шутливо заметила:

— Я пригласила его, чтобы показать, что у меня действительно есть муж. По-моему, он уже начал в этом сомневаться.

Стрикленд учтиво улыбнулся; так улыбаются в ответ на шутку, в которой нет ничего смешного, но ни слова не сказал. Новые гости отвлекли от меня внимание хозяина, и

я снова был предоставлен самому себе. Когда все были уже в сборе и я занимал разговор даму, которую мне было назначено вести к столу, мне невольно подумалось, что цивилизованные люди невероятно изобретательны в способах расходовать свою краткую жизнь на докучные церемонии. Это был один из тех обедов, когда невольно дивишься: зачем хозяйка утруждает себя приемом гостей и зачем гости взяли на себя труд прийти к ней. За столом было десять человек. Они встретились равнодушно, и разойтись им предстояло со вздохом облегчения. Такой обед был отбыванием светской повинности. Стрикленды «должны» были пригласить обедать этих людей, ничуть им не интересных. Они выполняли свой долг, а гости — свой. Почему? Чтобы избежать скуки сидеть за столом *tête-à-tête*, чтобы дать отдохнуть прислуге, потому что не было резонов отказаться или потому что хозяева «задолжали» им обед?

В столовой было довольно-таки тесно. За столом сидели известный адвокат с супругой, правительственный чиновник с супругой, сестра миссис Стрикленд с мужем, полковником Мак-Эндрю, и супруга одного члена парламента. Так как сам член парламента решил, что в этот день ему нельзя отлучаться из палаты, то на его место пригласили меня. В респектабельности этой компании было что-то невыносимое. Женщины были слишком манерны, чтобы быть хорошо одетыми, и слишком уверены в своем положении, чтобы быть занимательными. Мужчины являли собой воплощенную солидность. От них так и веяло самодовольством.

Все говорили несколько громче обычного, повинаясь инстинктивному желанию оживить общество, и в комнате стоял шум. Но общий разговор не клеился. Каждый обращался только к своему соседу: к соседу справа — во время закуски, супа и рыбы, к соседу слева — во время жаркого, овощей и десерта. Говорили о политике и гольфе, о детях и последней премьере, о картинах, выставленных в Королевской академии, о погоде и планах на лето. Разговоры не умолкали ни на одно мгновение, и шум усиливался. Миссис Стрикленд имела все основания радоваться — обед удался на славу. Муж ее с достоинством играл роль хозяина. Пожалуй, он был только слишком молчалив, и под конец, мне показалось, что на лицах обеих его соседок появилось выражение усталости. Видимо, он им наскучил.

Раз или два тревожный взгляд миссис Стрикленд останавливался на нем.

После десерта она поднялась, и дамы гуськом последовали за нею в гостиную. Стрикленд закрыл за ними дверь и, перейдя на другой конец стола, сел между известным адвокатом и правительственным чиновником. Он налил всем по рюмке портвейна и стал угощать нас сигарами. Адвокат нашел вино превосходным, и Стрикленд сообщил, где оно куплено. Разговор завертелся вокруг вин и табака. Потом адвокат рассказал о судебном процессе, который он вел, а полковник стал распространяться об игре в поло. Мне нечего было сказать, и я сидел молча, стараясь из учтивости выказывать интерес к разговору других; никому не было до меня дела, и я стал на досуге разглядывать Стрикленда. Он оказался выше, чем я думал; почему-то я воображал, что Стрикленд — худощавый, невзрачный человек; на деле он был широкоплеч, грузен, руки и ноги у него были большие, и вечерний костюм сидел на нем мешковато. Чем-то он напоминал принарядившегося кучера. Это был мужчина лет сорока, отнюдь не красавец, но и не урод; черты лица его, довольно правильные, но странно крупные, производили невыгодное впечатление. Он был чисто выбрит, и его большое лицо казалось неприятно обнаженным. Волосы у него были рыжеватые, коротко остриженные, глаза не то серые, не то голубые. В общем, внешность самая заурядная. Я понял, почему миссис Стрикленд немного стеснялась его: не такой муж нужен женщине, стремящейся добиться положения в обществе литераторов и артистов. Он был явно лишен светского лоска, но это качество не обязательное; он даже не выделялся какими-нибудь чудачествами. Это был просто добродушный, скучный, честный, заурядный малый. Некоторые его качества, может быть, и заслуживали похвалы, но стремиться к общению с ним было невозможно. Он был равен нулю. Пусть он добропорядочный член общества, хороший муж и отец, честный маклер, но терять на него время, право же, не стоило!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Сезон уже подходил к своему пыльному концу, и все вокруг готовились к отъезду. Миссис Стрикленд с семьей

собиралась в Норфолк, там дети могли наслаждаться морем, а супруг — игрою в гольф. Мы с нею распростились, угорившись встретиться осенью. Но накануне своего отъезда я столкнулся с нею и ее детьми в дверях магазина; она, как и я, делала последние закупки перед отъездом из Лондона и, так же, как я, чувствовала себя усталой и разгоряченной. Я предложил им пойти в парк и поесть мороженого.

Миссис Стрикленд, вероятно, была рада показать мне своих детей и с готовностью согласилась на мое предложение. Дети ее в жизни выглядели еще привлекательнее, чем на фотографиях, и она по праву гордилась ими. Я был еще молод, а потому они меня не стеснялись и болтали напропалую. Это были удивительно милые, пышущие здоровьем юные создания. И сидеть под деревьями тоже было приятно.

Час спустя она кликнула кеб и уехала домой, а я, чтобы скоротать время, поплелся в клуб. В этот день у меня было как-то тоскливо на душе, и я ощутил даже некоторую зависть к семейному благополучию, с которым только что соприкоснулся. Все они, видимо, очень любили друг друга. Они то и дело вставляли в разговор какие-то словечки, ничего не говорившие постороннему, им одним понятные и смешившие их до упаду. Возможно, что Чарлз Стрикленд был скучным человеком, если подходить к нему с меркой, превыше всего ставящей словесный блеск, но его интеллект соответствовал среде, в которой он жил, а это уже залог не только известного успеха, но и счастья. Миссис Стрикленд была прелестная женщина и любила его. Я представил себе, как течет их жизнь, ничем не замутненная, честная, мирная и, благодаря подрастающим прелестным детям, предназначенным продолжать здоровые традиции их расы и сословия, наполненная содержанием. «Наверно, они тихо доживут до глубокой старости, — думал я, — увидят своих детей зрелыми людьми; сын их женится, как и надлежит, на хорошенькой девушке, будущей матери здоровых ребятишек; дочь выйдет замуж за красивого молодого человека, скорей всего, военного; и вот в преклонных годах, среди окружающего их благоденствия, оплаканные детьми и внуками, они отойдут в вечность, прожив счастливую и небесполезную жизнь».

Такова, вероятно, история бесчисленных супружеств, и, право же, в подобной жизни есть своя безыскусственная

прелесть. Она напоминает тихий ручеек, что безмятежно струится по зеленеющим лугам и в тени густых деревьев, покуда не впадет в безбрежное море; но море так спокойно, так тихо и равнодушно, что в душу внезапно закрадывается смутная печаль. Или, может, это просто странность моей натуры, сказавшаяся уже в те годы, но такая участь огромного большинства всегда казалась мне пресноватой. Я признавал ее общественную ценность, видел ее упорядоченное счастье, но жаркая кровь во мне алкала иной, мятежной доли. Столь доступные радости пугали меня. Мое сердце рвалось к более опасной жизни. Пусть встретятся на моем пути рифы и предательские мели, лишь бы не так монотонно текла жизнь, лишь бы познать радость нечаянного, непредвиденного.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Перечитав все написанное мною о Стриклендах, я вижу, что они получились у меня довольно блеклыми фигурами. Мне не удалось придать им ни одной из тех характерных черт, которые заставляют персонажей книги жить своей собственной, реальной жизнью; полагая, что это моя вина, я долго ломал себе голову, стараясь припомнить какие-нибудь особенности, могущие вдохнуть в них жизнь. Я уверен, что, обыграв какое-нибудь излюбленное словцо или странную привычку, я бы сделал своих героев куда более значительными. А так — они, точно выцветшие фигуры на шпалерах, слились с фоном, на расстоянии вовсе утратили свой облик и воспринимаются лишь как приятные для глаза мазки. Единственным моим оправданием служит то, что именно такими они мне казались. В них была расплывчатость, свойственная людям, которые, являясь частью социального организма, существуют лишь в нем и благодаря ему. Эти люди напоминают клетки в тканях нашего тела, необходимые, но, покуда они здоровы, не замечаемые нами. Стрикленды были обычной буржуазной семьей. Милая, гостеприимная жена, с безобидным пристрастием к второразрядным литературным львам; довольно скучный муж, честно выполняющий свои обязанности на том самом месте, на какое его поставил Господь Бог; миловидные, здоровые дети. Трудно встретить более заурядное сочетание. В них не было ничего такого, что могло бы привлечь внимание любопытного.

Вспоминая все, что случилось в дальнейшем, я спрашиваю себя: может, я просто дурак, если не разглядел в Чарлзе Стрикленде ничего, что отличало бы его от простого обывателя? Возможно! Думается, что за годы, отделяющие то время от нынешнего, я хорошо узнал людей, но даже если бы весь мой опыт был при мне тогда, когда я впервые встретил Стриклендов, я уверен, что отнесся бы к ним точно так же. С одной только разницей — уразумев, что человек полон неожиданностей, я не был бы так потрясен сообщением, которое услышал по осени, вернувшись в Лондон.

На следующий же день после моего возвращения я столкнулся на Джермин-стрит с Розой Уотерфорд.

— Вид у вас весьма оживленный, — заметил я. — В чем дело?

Она улыбнулась, и в глазах ее мелькнуло злорадство. Причину его я понял немедленно: она прознала о скандальной истории, случившейся с кем-нибудь из ее друзей, и все чувства этой литературной дамы пришли в волнение.

— Вы ведь знакомы с Чарлзом Стриклендом?

Не только ее лицо, вся ее фигура выражала полную боевую готовность. Я кивнул и подумал, что бедняга, наверно, попал под омнибус или же проигрался на бирже.

— Ужасная история! Он бросил жену!

Мисс Уотерфорд, конечно, чувствовала, что тротуар на Джермин-стрит не место для дальнейшего развития этого разговора, и, как натура артистическая, ошеломила меня только самим фактом, заявив, что никаких подробностей она не знает. Я, правда, усомнился, чтобы такая мелочь, как городская сутолока, могла помешать ей, но она стояла на своем.

— Говорят вам, я ничего не знаю, — отвечала она на все мои взволнованные расспросы и, слегка передернув плечами, добавила: — Думаю, что какая-нибудь смазливая кельнерша оставила свою службу в кафе.

Она очаровательно улыбнулась и, пояснив, что ее ждет зубной врач, удалилась, бойко стуча каблуками.

Я был скорее заинтригован, чем огорчен. В ту пору мой непосредственный житейский опыт был очень невелик, и меня потрясло, что вот среди моих знакомых случилось нечто такое, о чем я прежде только читал в романах. Позднее я привык к подобным событиям в окружавшей меня

среде, но тогда все это сильно меня смутило. Стрикленду было не менее сорока лет, и я не понимал, как это человеку столь почтенного возраста вздумалось пуститься в любовные авантюры. В своем юношеском высокомерии я полагал, что после тридцати пяти лет уже не влюбляются. Ко всему эта новость ставила и меня самого в неудобное положение. Я еще из деревни написал миссис Стрикленд, что скоро возвращаюсь в Лондон и тотчас же приду к ней на чашку чаю, если, конечно, она не сочтет это нежелательным. Я обещал прийти как раз сегодня, но ответа от нее не получил. Хочет она меня видеть или не хочет? Возможно, что среди таких волнений она попросту забыла о моем письме и разумнее воздержаться от визита.

С другой стороны, может быть, она хочет сохранить всю историю в тайне, и я совершу бестактность, дав ей понять, что это странное известие уже дошло до моих ушей. Я боялся оскорбить чувства милейшей женщины и в равной мере боялся показаться навязчивым. Ясно, что она очень страдает, стоит ли смотреть на чужое горе, если ты бессилен ему помочь? И все-таки в глубине души, хоть я и стыдился своего любопытства, мне хотелось посмотреть, как она справляется со свалившейся на нее бедой. Одним словом, я находился в полной растерянности.

Затем я сообразил, что могу явиться как ни в чем не бывало и осведомиться через горничную, желает ли миссис Стрикленд меня видеть. Это даст ей возможность мне отказать. Все же я был вне себя от смущения, произнося перед горничной заранее приготовленную фразу, и, дожидаясь ответа в темной передней, напрягал все свои силы, чтобы попросту не удрать. Горничная воротилась. В своем возбуждении я почему-то решил, что ей все известно о несчастье, постигшем этот дом.

— Не угодно ли вам пройти вот сюда, сэр, — сказала она.

Я последовал за нею в гостиную. Занавески на окнах были почти задернуты, и миссис Стрикленд сидела спиной к свету. Ее шурин, полковник Мак-Эндрю, стоял перед камином, греясь у незажженного огня. Мне было мучительно неловко. Я вообразил, что мое появление застало их врасплох, и миссис Стрикленд велела просить меня только потому, что позабыла написать мне отказ. Полковник, решил я, возмущен моим вторжением.

— Я не был уверен, что вы пожелаете меня принять, — заговорил я с наигранной непринужденностью.

— Разумеется, пожелая. Энн сейчас подаст нам чай...

Даже в полутемной комнате я разглядел, что глаза миссис Стрикленд опухли от слез, а лицо ее, всегда несколько бледное, было землисто-серого цвета.

— Вы ведь, кажется, знакомы с моим свояком? Помните, вы весною встретились у меня за обедом.

Мы пожали друг другу руки. Я так растерялся, что не находил слов, но миссис Стрикленд поспешила ко мне на выручку. Она осведомилась, как я провел лето, и с ее помощью я кое-как поддерживал разговор, пока не внесли чай. Полковник спросил себе виски с содовой.

— И вам я тоже советую выпить виски, Эми, — сказал он.

— Нет, я хочу чаю.

Это был первый намек на то, что случилась какая-то неприятность. Я пропустил его мимо ушей и приложил все усилия, чтобы вовлечь миссис Стрикленд в разговор. Полковник, стоявший у камина, не проронил ни слова. В душе я то и дело спрашивал себя, когда мне можно будет откланяться и еще зачем, собственно, вздумалось миссис Стрикленд принимать меня. В гостиной не было цветов, и всевозможные безделушки, убранные на лето, еще не были расставлены по местам; комната эта, обычно, столь уютная, выглядела такой чопорной и угрюмой, что странным образом начинало казаться, будто за стеной лежит покойник. Я допил свой чай.

— Хотите сигарету? — спросила миссис Стрикленд.

Она оглянулась, ища коробку, но ее не оказалось под рукой.

— У нас, видимо, нет сигарет!

Внезапно она разразилась слезами и выбежала из комнаты.

Я опешил. Видимо, отсутствие сигарет, которые, как правило, покупал ее муж, больно резануло ее, и новое чувство, что вот теперь некому позаботиться о доме, вызвало приступ боли. Она вдруг поняла, что прежняя ее жизнь кончилась навеки. Невозможно было дольше соблюдать светские условности.

— Я полагаю, мне лучше уйти, — сказал я полковнику и поднялся.

— Вы, верно, уже слышали, что этот негодяй бросил ее? — запальчиво крикнул он.

Я помедлил с ответом.

— Да, мне намекнули, что у них что-то неладно.

— Он сбежал. Отправился в Париж с какой-то особой. И оставил Эми без гроша.

— Как это печально, — сказал я, не зная, что, собственно, сказать.

Полковник залпом выпил свое виски. Это был высокий, тощий мужчина лет пятидесяти, седоволосый, с обвисшими усами. Глаза у него были голубые, губы дряблые. Из прошлой встречи в памяти у меня осталось только его глупое лицо, и еще я запомнил, с какой гордостью он рассказывал, что до отставки, лет десять подряд, играл в поло не менее трех раз в неделю.

— По-моему, миссис Стрикленд сейчас совсем не до меня, — заметил я. — Передайте ей, что я очень скорблю за нее и почту за счастье быть ей чем-нибудь полезным.

Он меня даже не слушал.

— Не знаю, что с нею будет. Кроме всего прочего, у нее дети. Чем они будут жить? Воздухом? Семнадцать лет!

— Семнадцать лет? Что вы хотите этим сказать?

— Они были женаты семнадцать лет, — отрезал он. — Мне Стрикленд никогда не нравился. Конечно, он был моим свояком, и я ничего не мог сказать. Вы считаете его джентльменом? Не надо было ей выходить за него замуж.

— Так, значит, это окончательный разрыв?

— Ей остается только одно — развестись с ним. Я ей так и сказал: немедленно подавайте прошение о разводе, Эми. Это ваша обязанность перед собой и перед детьми тоже. Пусть он лучше мне на глаза не попадается! Я задам ему такую взбучку, что он своих не узнает!

Я невольно подумал, что полковнику Мак-Эндрю будет не так-то легко это сделать — Стрикленд был дюжий малый, — но промолчал. Как это печально, что оскорбленной добродетели не дано карать грешников. Я вторично сделал попытку откланяться, как вдруг вошла миссис Стрикленд. Она успела вытереть слезы и припудрить нос.

— Мне очень жаль, что я не совладала с собой, — сказала она. — Хорошо, что вы еще не ушли.

Она села. Я окончательно растерялся. Мне было неловко заговорить о предмете, вовсе меня не касающемся. В ту пору я еще не знал, что главный недостаток женщин — страсть обсуждать свои личные дела со всяким, кто согла-

сен слушать. Миссис Стрикленд, казалось, сделала над собой усилие.

— Что, об этом уже много говорят? — спросила она.

Я был озадачен ее уверенностью в том, что мне известно несчастье, постигшее ее семью.

— Я только что вернулся. Я не видел никого, кроме Розы Уотерфорд.

Миссис Стрикленд стиснула руки.

— Скажите мне все, что вы от нее слышали.

Я промолчал, но она настаивала:

— Я хочу знать во что бы то ни стало.

— Вы же знаете, что она охотница посудачить. Веры ее словам давать нельзя. Она сказала, что ваш муж оставил вас.

— И это все?

Я не счел возможным повторить прощальную реплику Розы Уотерфорд насчет девушки из кафе и соврал.

— Она не говорила, что он уехал с какой-то женщиной?

— Нет.

— Это все, что я хотела узнать.

Я стал в тупик, но все-таки сообразил, что теперь мне можно уйти. Прощаясь, я заверил миссис Стрикленд, что всегда буду к ее услугам. Она тускло улыбнулась.

— Благодарю вас. Но вряд ли найдется человек, который мог бы что-нибудь для меня сделать.

Слишком застенчивый, чтобы высказать ей свое соболезнование, я повернулся к полковнику, намереваясь поговорить с ним. Он не взял моей руки.

— Я тоже уйду. Если вы идете по Виктория-стрит, то нам по пути.

— Отлично, — сказал я. — Идемте!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

— Скверная история, — проговорил он, едва мы вышли на улицу.

Я понял, что он пошел со мной, чтобы еще раз обсудить то, что уже часами обсуждал со свояченицей.

— Понимаете ли, мы даже не знаем, кто эта женщина, — сказал полковник. — Знаем только, что мерзавец отправился в Париж.

— Мне всегда казалось, что они примерные супруги.

— Так оно и было. Как раз перед вашим приходом Эми говорила, что они ни разу не повздорили за все время совместной жизни. Вы знаете Эми. На свете нет женщины лучше.

После столь откровенных признаний я счел возможным задать ему несколько вопросов.

— Итак, вы полагаете, что она ни о чем не подозревала?

— Ни о чем. Август месяц он провел в Норфолке с нею и с детьми. И был такой же, как всегда. Мы с женой ездили туда на несколько дней. и я играл с ним в гольф. В сентябре он вернулся в город, так как его компаньон должен был уехать в отпуск, а Эми осталась на взморье. Они сняли дом на полтора месяца, и к концу своего пребывания там она написала ему, сообщая, в какой день они приедут в Лондон. Он ответил ей из Парижа. Написал, что больше не хочет жить с нею.

— Чем же он это объяснил?

— А он, голубчик мой, ничего не объяснил. Я читал письмо. В нем и всего-то было строчек десять, не больше.

— Ничего не понимаю.

В эту минуту мы как раз переходили улицу, и оживленное движение помешало нам продолжить разговор. То, что мне рассказал полковник, звучало очень уж неправдоподобно, и я решил, что миссис Стрикленд что-то от него скрывает. Ясно, что после семнадцати лет супружества человек не оставляет жену без причин, которые должны заставить ее усомниться, так ли уж благополучна была их совместная жизнь. Полковник прервал мои размышления.

— Да и что он мог объяснить, кроме того, что удрал с какой-нибудь особой женского пола. Он, наверно, решил, что об этом она и сама может догадаться. Вот какой это тип!

— Что же собирается предпринять миссис Стрикленд?

— Прежде всего мы должны получить доказательства. Я сам поеду в Париж.

— А что с его конторой?

— О, тут он повел себя очень хитро. Он целый год подготавливал себе отступление.

— Он предупредил компаньона о своем отъезде?

— И не подумал.

Полковник Мак-Эндрю разбирался в коммерческих вопросах крайне слабо, а я и вовсе не разбирался и потому

так и не понял, в каком состоянии Стрикленд оставил свои дела. Судя по словам Мак-Эндрю, покинутый компаньон должен быть вне себя от гнева и, верно, уже грозит Стрикленду судебным преследованием. Похоже, что эта история обойдется ему фунтов в пятьсот.

— Еще слава Богу, что обстановка квартиры принадлежит Эми. Она-то уж ей останется.

— Вы помнили об этом, говоря, что она осталась без гроша?

— Разумеется, помнил. У нее есть сотни две или три фунтов да вот эта мебель.

— Но на что же она будет жить?

— Это уж одному Богу известно!

Все было, видимо, очень не просто, а негодующий полковник еще больше сбивал меня с толку. И я очень обрадовался, когда он, взглянув на часы на магазине Армии и Флота, вспомнил, что в клубе его ждут партнеры по карточной игре, и предоставил мне в одиночестве идти через Сент-Джеймский парк.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

День или два спустя миссис Стрикленд прислала мне записку, в которой спрашивала, не могу ли я зайти к ней вечером. Я застал ее одну. Черное, монашески простое платье намекало на ее тяжелую утрату, и я в простоте душевной очень удивился, как она, с таким камнем на сердце, могла играть роль, по ее понятиям, ей подобающую.

— Вы сказали, что если я обращусь к вам с какой-нибудь просьбой, то вы не откажетесь ее исполнить, — сказала она.

— Да, конечно.

— Согласитесь вы поехать в Париж и встретиться с Чарли?

— Я?

Я был ошеломлен. Ведь я только однажды видел его. Что она намеревалась мне поручить?

— Фред собирается туда. (Фред был полковник Мак-Эндрю.) Но я уверена, что ему ехать нельзя. Он только все запутает. И я не знаю, кого мне об этом просить.

Голос ее слегка задрожал, и я почувствовал, что даже секунда колебания с моей стороны — свинство.

— Но я и двух слов не сказал с вашим мужем. Он меня не знает и скорей всего просто пошлет к черту.

— Вам от этого не будет ни жарко ни холодно, — улыбаясь, отвечала миссис Стрикленд.

— Как, по-вашему, я должен действовать?

На этот вопрос она не дала мне прямого ответа.

— По-моему, как раз хорошо, что он вас не знает. Видите ли, он никогда не любил Фреда. И всегда считал его дураком — военные ему чужды. Фред впадет в ярость, они поссорятся, и все выйдет только хуже, а не лучше. Если вы скажете, что явились к нему от моего имени, он обязан будет выслушать вас.

— Я ваш недавний знакомый, — отвечал я. — И я не понимаю, как может взяться за такое дело человек, не знающий о нем всех подробностей. Я не хочу совать свой нос в то, что меня не касается. Почему бы вам самой не поехать в Париж?

— Вы забываете, что он там не один.

Я прикусил язык. Мне уже мерещилось, как я вхожу в дом Чарлза Стрикленда и посылаю ему свою карточку. Вот он выходит ко мне, держа ее двумя пальцами:

— Чему я обязан честью?

— Я пришел поговорить с вами относительно вашей жены.

— Серьезно? Ну, когда вы станете старше, вы поймете, что не стоит соваться в чужие дела. Если вы будете так добры повернуть голову налево, вы увидите дверь. Желаю всего наилучшего.

Я предвидел, что удалиться с достоинством мне будет очень нелегко, и клял себя за то, что вернулся в Лондон прежде, чем миссис Стрикленд выпуталась из всех своих затруднений. Я украдкой покосился на нее. Она была погружена в раздумье. Но секунду спустя посмотрела на меня, глубоко вздохнула и улыбнулась.

— Все это так неожиданно, — сказала она. — Мы были женаты семнадцать лет. Никогда я не думала, что Чарли может увлечься другой женщиной. Мы жили очень дружно. Правда, у меня было множество интересов, которых он не разделял со мною.

— Вы уже знаете, кто... — я не знал, как выразиться по деликатнее, — кто эта особа, с которой он уехал?

— Нет. Никто даже не догадывается. Это очень странно. Обычно в таких случаях люди встречают влюбленных в ресторане или где-нибудь еще и рассказывают об этом жене.

Меня никто не предупредил, я ничего не подозревала. Его письмо было как гром среди ясного неба. Я не сомневалась, что он счастлив со мной.

Миссис Стрикленд заплакала, бедняжка, и я от души пожалел ее. Но она тут же успокоилась.

— Мне нельзя распускаться, — сказала она, вытирая глаза. — Сейчас надо решить, что именно следует предпринять.

Она начала говорить несколько вразброд то о недавнем прошлом, то об их первой встрече и женитьбе. И передо мной стала вырисовываться картина их совместной жизни. Я подумал, что мои прежние догадки не так уж неправильны. Миссис Стрикленд была дочерью чиновника в Индии. Выйдя в отставку, он остался жить там, где-то в глубине страны, но каждый август возил свою семью в Истборн для перемены обстановки; в Истборне она и встретила Стрикленда. Ей было двадцать, ему двадцать три. Они вместе играли в теннис, вместе гуляли, вместе слушали негритянских певцов; и она решила стать его женой за неделю до того, как он сделал ей предложение. Они поселились в Лондоне, сначала в предместье Гемпстед, а потом, когда материальное положение Стрикленда упрочилось, в центре города. У них родились дети, девочка и мальчик.

— Он так любил их. Даже если я ему наскучила, как у него достало сердца покинуть детей? Просто невероятно. Я и сейчас еще не верю, что все это правда.

Под конец она показала письмо, которое он прислал ей. Мне давно хотелось его прочитать, но просить об этом я не решался.

«Дорогая Эми!

Надеюсь, что дома ты все застанешь в порядке. Я передал Энн твои распоряжения; тебя и детей будет ждать обед. Я вас не встречаю. Я решил жить отдельно от вас и сегодня уезжаю в Париж... Это письмо я отправлю уже по приезде. Домой не вернусь. Мое решение непоколебимо.

Всегда твой *Чарлз Стрикленд*»

— Он ничего не объясняет, ни о чем не сожалеет. Разве это не чудовищно?

— Весьма странное письмо в подобных обстоятельствах, — ответил я.

— Объяснение тут может быть только одно — он не в себе. Я не знаю, кто эта женщина, завладевшая им, но она сделала его другим человеком. Видимо, это уже давняя история.

— Почему вы так думаете?

— Фред это выяснил. Чарлз имел обыкновение через день играть в бридж у себя в клубе. Фред знаком с одним из членов этого клуба и однажды в разговоре назвал Чарлза заядлым бриджистом. Его знакомый очень удивился. Он ни разу не видел Чарлза за карточным столом. Теперь все ясно — когда я думала, что он в клубе, он был с нею.

Я промолчал. Но затем вспомнил о детях.

— Очень трудно, вероятно, было объяснить все это Роберту.

— О, я ни ему, ни дочери ни слова не сказала. Мы ведь вернулись в город за день до начала занятий в школе. У меня хватило присутствия духа сказать им, что отец неожиданно уехал по делам.

Наверно, очень нелегко было сохранять спокойствие и безмятежность с этой внезапной тайной на сердце и еще труднее заботиться о всех мелочах, нужных детям к школе. Голос миссис Стрикленд опять задрожал.

— Что с ними станет, с моими бедняжками? Как мы будем жить?

Она старалась овладеть собою, и я заметил, что ее руки судорожно сжимаются и разжимаются. Горестное зрелище!

— Конечно, я поеду в Париж, если вы считаете, что это принесет вам пользу, но только скажите мне точно, чего я должен добиваться.

— Я хочу, чтобы он вернулся.

— Со слов полковника Мак-Эндрю я понял, что вы решили развестись с ним.

— Я никогда не дам Чарлзу развода! — воскликнула она гневно. — Так ему и передайте! Он никогда не сможет жениться на этой женщине! Я не менее упряма, чем он, и ни за что с ним не разведусь. Я обязана думать о детях.

Последнее она, наверно, добавила, чтобы объяснить свою позицию, но мне показалось, что дело здесь не столько в материнской заботе, сколько во вполне естественной ревности.

— Вы все еще любите его?

— Не знаю. Я хочу, чтобы он вернулся. Если он вернется, я все забуду. Как-никак, мы были женаты семнадцать

лет. Я женщина широких взглядов. Пусть делает что хочет, лишь бы я ни о чем не знала. Он должен понять, что его увлечение долго не продлится. Если он вернется, мы проживем по-прежнему, и никто ничего не узнает.

Меня слегка передернуло оттого, что миссис Стрикленд так страшилась сплетен; тогда я еще не знал, какую огромную роль в жизни женщины играет людское мнение. Страх перед ним бросает тень неискренности на самые глубокие ее чувства.

Где остановился Стрикленд, было известно. Его компаньон в неистово-зловонном письме, адресованном банку, метал громы и молнии по поводу того, что Стрикленд скрывает свое местопребывание, тот ответил цинично и насмешливо и дал компаньону свой точный адрес. Жил он в гостинице.

— Я никогда об этой гостинице не слыхала, — заметила миссис Стрикленд. — Но Фред знает этот отель и говорит, что он очень дорогой.

Она густо покраснела. Я понял, что она мысленно увидела мужа, который живет в роскошных апартаментах, обедает то в одном, то в другом знаменитом ресторане, дни проводит на скачках, а вечера — в театрах.

— Так он долго не протянет, — сказала она. — Нельзя забывать, что ему уже за сорок. Будь он человек молодой, я бы все поняла, но в его годы, когда у нас почти взрослые дети, это ужасно. Он окончательно подорвет свое здоровье.

Гнев и страдание боролись в ней.

— Скажите ему, что без него наш дом — не дом. Все как будто осталось на местах — и все уже не то. Я не могу жить без него. Лучше мне покончить с собой. Напомните ему о нашем прошлом, обо всем, что мы пережили вместе. Что я скажу детям, когда они спросят о нем? В его комнате все осталось нетронутым. Она ждет его. Мы все его ждем.

И она стала внушать мне слово в слово, что я должен ему говорить. Более того, подсказала мне точнейшие ответы на любое его возражение.

— Вы обещаете сделать для меня все возможное? — жалобно добавила она. — Скажите ему, в каком я горе.

Она явно хотела, чтобы я всеми доступными мне способами разжалобил его, и плакала, уже не стесняясь. Расстроженный, я негодовал на холодную жестокость Стрикленда и поклялся сделать все от меня зависящее, чтобы

вернуть его домой. Я согласился уехать на следующий же день и пробыть в Париже столько, сколько понадобится для того, чтобы добиться толку. Затем, так как было уже поздно и оба мы устали от всех этих треволнений, я распрощался с нею.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Обдумывая по пути в Париж свою миссию, я опасался, что она обречена на неудачу. Теперь, когда вид плачущей миссис Стрикленд не смущал меня, я мог лучше собраться с мыслями. Меня озадачивали явные противоречия в поведении миссис Стрикленд. Она была очень несчастна, но, желая вызвать мое сочувствие, всячески выставляла напоказ свое несчастье. Так, например, не подлежало сомнению, что она заранее готовилась плакать, ибо под рукой у нее оказался изрядный запас носовых платков. Я восхищался ее предусмотрительностью, но, если вдуматься, эта предусмотрительность делала ее слезы менее трогательными. Я недоумевал: хочет она возвращения мужа оттого, что любит его, или оттого, что боится злословия? Я подозревал, что страдания попорченной любви сплелись в ее сердце с муками уязвленного самолюбия, и по молодости лет считал это недостойным. Я еще не знал, как противоречива человеческая натура, не знал, что самым искренним людям свойственна поза, не знал, как низок может быть благородный человек и как добр отверженный.

Но в моей поездке было нечто интригующее, и по мере приближения к Парижу я воспрянул духом. Я вдруг увидел себя со стороны и очень понравился себе в роли доверенного, который возвращает заблудшего мужа в объятия супруги, готовый все простить. Стрикленда я решил повидать не раньше следующего вечера, ибо чувствовал, что время должно быть выбрано с сугубой щепетильностью. Взывать, например, к чувствам до завтрака — пустое занятие. Собственные мои мысли в то время были постоянно заняты любовью, но семейного блаженства до чая я не мог себе представить.

У себя в гостинице я осведомился, где находится «Отель де Бельж», в котором остановился Чарлз Стрикленд. К моему удивлению, консьерж никогда не слыхал о таком. Между тем со слов миссис Стрикленд я понял, что это большая,

роскошная гостиница где-то возле улицы Риволи. Мы заглянули в справочник, и оказалось, что единственное заведение, так именуемое, находится на Рю де Муан. Квартал отнюдь не шикарный и даже не вполне respectable. Я покачал головой.

— Нет, это явно не то.

Консьерж пожал плечами. Другого отеля с таким названием в Париже нет. Мне пришло в голову, что Стрикленд утаил свой настоящий адрес и попросту надул своего компаньона, назвав ему первый попавшийся отель. Не знаю почему, мне вдруг показалось, что это вполне в духе Стрикленда — заставить разъяренного маклера примчаться в Париж и угодить в захолустную гостиницу с весьма сомнительной репутацией. Тем не менее я решил отправиться на разведку. На следующий день, часов около шести, я взял кеб и велел кучеру ехать на Рю де Муан, но отпустил его на углу, так как хотел пешком подойти к гостинице и для начала хорошенько рассмотреть ее. На улице было полно мелких лавчонок, торгующих на потребу покупателей-бедняков, в середине ее, по левую руку от меня, находился «Отель де Бельж». Я остановился в достаточно скромной гостинице, но по сравнению с этой она могла считаться великолепной. Вывеска «Отель де Бельж» украшала высокое здание, не ремонтировавшееся уже годами и до того обшарпанное, что дома по обе стороны казались чистыми и нарядными. Грязные окна, по-видимому, никогда не открывались. Нет, не здесь Чарлз Стрикленд и неведомая очаровательница, ради которой он позабыл долг и честь, утопали в преступной роскоши. Я был страшно зол, чувствуя, что попал в дурацкое положение, и уже совсем было собрался уходить, даже не спросив о Стрикленде. Но под конец я заставил себя переступить порог этого заведения единственно для того, чтобы сказать миссис Стрикленд, что сделал для нее все, что мог.

Вход в гостиницу был рядом с какой-то лавчонкой, дверь была открыта, и рядом с ней виднелась надпись: «Bureau au premier»¹. Я поднялся по узкой лестнице и на площадке обнаружил нечто вроде стеклянной каморки, в которой находился стол и два стула. Снаружи стояла скамейка, на которой коридорный, по-видимому, проводил свои

¹ Контора на втором этаже (фр.).

беспокойные ночи. Навстречу мне никто не попался, но под электрическим звонком имелась надпись: «gağon»¹. Я нажал кнопку, и вскоре появился молодой человек с бегающими глазами и мрачной физиономией. Он был в жилетке и козовых шлепанцах.

Не знаю почему, я спросил с самым что ни на есть небрежным видом:

— Не стоит ли здесь случайно некий мистер Стрикленд?

— Номер тридцать два. Шестой этаж, — последовал ответ.

Я так опешил, что в первую минуту не нашелся, что сказать.

— Он дома?

Портье взглянул на доску, висевшую в каморке.

— Ключа он не оставлял. Сходите наверх, посмотрите. Я счел необходимым задать еще один вопрос:

— *Madame est là?*²

— *Monsieur est seul?*³

Коридорный окинул меня подозрительным взглядом, когда я и впрямь отправился наверх. На темной и душной лестнице стоял какой-то омерзительный кислый запах. На третьем этаже растрепанная женщина в капоте распахнула дверь и молча уставилась на меня. Наконец я добрался до шестого этажа и постучал в дверь под номером тридцать два. Внутри что-то грохнуло, и дверь приоткрылась. Передо мной стоял Чарлз Стрикленд. Он не сказал ни слова и явно не узнал меня. Я назвал свое имя. И далее постарался быть грациозно-небрежным:

— Вы меня, видимо, не помните. Я имел удовольствие обедать у вас прошлым летом.

— Входите, — приветливо отвечал он. — Очень рад вас видеть. Садитесь.

Я вошел. Это была тесная комнатка, битком набитая мебелью в стиле, который французы называют стилем Луи-Филиппа. Широкая деревянная кровать, прикрытая красным стеганым одеялом, большой гардероб, круглый стол, крохотный умывальник и два стула, обитых красным репсом. Все грязное и обтрепанное. Ни малейших следов грехов-

¹ Коридорный (фр.).

² Мадам дома? (фр.).

³ Мсье живет один (фр.).

ного великолепия, которое живописал мне полковник Мак-Эндрю. Стрикленд сбросил на пол одежду, валявшуюся на одном из стульев, и предложил мне сесть.

— Чем могу служить? — спросил он.

В этой комнатухе он казался еще крупнее, чем в первый вечер нашего знакомства. Он, видимо, не брился уже несколько дней, на нем была поношенная куртка. Тогда, у себя дома, в элегантном костюме Стрикленд явно был не в своей тарелке; теперь, неопрятный и непричесанный, он, видимо, чувствовал себя превосходно. Я не знал, как он отнесется к заготовленной мною фразе.

— Я пришел по поручению вашей супруги.

— А я как раз собирался глотнуть абсента перед обедом. Пойдемте-ка вместе. Вы любите абсент?

— Более или менее.

— Тогда пошли.

Он надел котелок, очень и очень нуждавшийся в щетке.

— Мы можем и пообедать вместе. Вы ведь, собственно, должны мне обед.

— Разумеется. Вы один?

Я льстил себе, воображая, что весьма ловко задал щекотливый вопрос.

— О да! По правде говоря, я уже три дня рта не раскрывал. Французский язык мне что-то не дается.

Спускаясь с ним по лестнице, я недоумевал, что случилось с девицей из кафе. Успели они поссориться, или его увлечение уже прошло? Впрочем, последнее казалось мне сомнительным, ведь он чуть ли не целый год готовился к бегству. Дойдя до кафе на улице Клиши, мы уселись за один из столиков, стоявших прямо на мостовой.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Улица Клиши в этот час была особенно многолюдна, и, обладая мало-мальски живым воображением, здесь едва ли не любого прохожего можно было наделить романтической биографией. По тротуару сновали клерки и продавщицы; старики, словно сошедшие со страниц Бальзака; мужчины и женщины, извлекающие свой доход из слабостей рода человеческого. Оживление и сутолока бедных кварталов Парижа волнуют кровь и подготавливают к всевозможным неожиданностям.

— Вы хорошо знаете Париж? — спросил я.

— Нет. Мы провели в Париже медовый месяц. С тех пор я здесь не бывал.

— Но как, скажите на милость, вы попали в этот отель?

— Мне его рекомендовали. Я искал что-нибудь подешевле.

Принесли абсент, и мы с подобающей важностью стали капать воду на тающий сахар.

— Думается, мне лучше сразу сказать вам, зачем я вас разыскал, — начал я не без смущения.

Его глаза блеснули.

— Я знал, что рано или поздно кто-нибудь разыщет меня. Эми прислала мне кучу писем.

— В таком случае вы отлично знаете, что я намерен вам сказать.

— Я их не читал.

Чтобы собраться с мыслями, я закурил сигарету. Как приступить к возложенной на меня миссии? Красноречивые фразы, заготовленные мною, трогательные, равно как и негодующие, здесь были неуместны. Вдруг он фыркнул.

— Чертовски трудная задача, а?

— Пожалуй.

— Ладно, выкладывайте поживее, а потом мы премило проведем вечер.

Я задумался.

— Неужели вы не понимаете, что ваша жена мучительно страдает?

— Ничего, пройдет!

Не могу описать, до чего бессердечно это было сказано. Я растерялся, но сделал все, чтобы не показать этого, и заговорил тоном моего дядюшки Генри, священника, когда тот уговаривал кого-нибудь из родственников принять участие в благотворительной подписке.

— Вы не рассердитесь, если я буду говорить откровенно?

Он улыбнулся и покачал головой.

— Чем она заслужила такое отношение?

— Ничем.

— Вы что-нибудь против нее имеете?

— Ровно ничего.

— В таком случае разве не чудовищно оставить ее после семнадцати лет брака?

— Чудовищно.

Я с удивлением взглянул на него. Столь чистосердечное признание моей правоты выбило у меня почву из-под ног. Положение мое было не только затруднительно, но и смешотворно. Я собирался увещевать и уговаривать, грозить и взывать к его сердцу, предостерегать, негодовать, язвить, убивать сарказмом. Но что, черт возьми, прикажете делать исповеднику, если грешник давно раскаялся? Опыта у меня не было ни малейшего, ибо сам я всегда упорно отрицал все обвинения, которые мне предъявляли.

— Ну и что же дальше? — спросил Стрикленд.

Я постарался презрительно скривить губы.

— Что ж, если вы все признаете, мне, пожалуй, не стоит больше распространяться.

— Не стоит.

Мне стало очевидным, что я не слишком ловко выполнил свою миссию, и я разозлился.

— Черт подери, но нельзя же оставлять женщину без гроша.

— Почему нельзя?

— Как прикажете ей жить?

— Я содержал ее семнадцать лет. Почему бы ей для разнообразия теперь не содержать себя самой?

— Она не может.

— Пусть попытается.

Конечно, у меня нашлось бы, что на это ответить. Я мог бы заговорить об экономическом положении женщины, об обязательствах, которые мужчина, гласно и негласно, берет на себя, вступая в брак, но вдруг я понял, что в конце концов важно только одно.

— Вы больше не любите ее?

— Ни капли.

Все это были очень серьезные вопросы в человеческой жизни, но манера, с которой он отвечал, была такой задорной и наглой, что я кусал себе губы, лишь бы не расхохотаться. Я твердил себе, что его поведение отвратительно, и изо всех сил старался возгореться благородным негодованием.

— Но, черт вас возьми, вы же обязаны подумать о детях. Они вам ничего худого не сделали. И они не просили вас произвести их на свет. Если вы о них не позаботитесь, они будут выброшены на улицу.

— Они много лет прожили в холе и неге. Не все дети живут так. Кроме того, о них кто-нибудь да позаботится. Я уверен, что Мак-Эндрю станет платить за их учение.

— Но разве вы не любите их? Они такие славные. Неужели вы хотите совсем от них отказаться?

— Я любил их, когда они были маленькие, а теперь, когда они подросли, я, по правде говоря, никаких чувств к ним не питаю.

— Это бесчеловечно!

— Очень может быть.

— И вам нисколько не стыдно?

— Нет.

Я попытался изменить курс.

— Вас будут считать просто свиньей.

— Пускай!

— Неужели вам приятно, когда вас клянут на всех перекрестках?

— Мне все равно.

Его ответ звучал так презрительно, что мой вполне естественный вопрос показался мне верхом глупости. Я подумал минуту-другую.

— Не понимаю, как может человек жить спокойно, зная, что все вокруг осуждают его? Рано или поздно это начнет вас тяготить. У каждого из нас имеется совесть, и когда-нибудь она непременно проснется. К примеру, вдруг ваша жена умрет, разве вы не будете мучиться угрызениями совести?

Он молчал, и я терпеливо дожидался, пока он заговорит. Но в конце концов мне пришлось прервать молчание.

— Что вы на это скажете?

— То, что вы идиот.

— Вас ведь могут заставить содержать жену и детей, — возразил я, несколько уязвленный. — Я не сомневаюсь, что закон возьмет их под свою защиту.

— А может закон снять луну с неба? У меня ничего нет. Я приехал сюда с сотней фунтов.

Если я и раньше недоумевал, то теперь уж окончательно встал в тупик. Ведь жизнь в «Отеле де Бельж» и вправду свидетельствовала о крайне стесненных обстоятельствах.

— А что вы будете делать, когда эти деньги выйдут?

— Как-нибудь подработаю.

Он был совершенно спокоен, и в глазах его по-прежнему мелькала насмешливая улыбка, от которой все мои речи становились дурацкими. Я замолчал, соображая, что мне еще сказать. Но на этот раз первым заговорил он.

— Почему бы Эми не выйти опять замуж? Она еще не старуха и собой недурна. Я могу рекомендовать ее как превосходную жену. Если она пожелает развестись со мной, пожалуйста, я возьму вину на себя.

Теперь пришел мой черед улыбаться. Как он ни хитер, но мне ясно, что за цель он преследует. Он скрывает, что приехал сюда с женщиной, и пускается на всевозможные уловки, чтобы замести следы. Я отвечал очень решительно.

— Ваша жена ни за что не согласится на развод. Это ее бесповоротное решение. Оставьте всякую надежду.

Он посмотрел на меня с непритворным удивлением. Улыбка сбежала с его губ, и он очень серьезно сказал:

— Да ведь мне, голубчик, все едино, что в лоб, что по лбу. Я рассмеялся.

— Полно, не считайте нас такими уж дураками. Мы знаем, что вы уехали с некоей особой.

Он даже привскочил на месте и разразился громким хохотом. Смеялся он так заразительно, что сидевшие поблизости обернулись к нему, а потом и сами начали смеяться.

— Не вижу тут ничего смешного.

— Бедняжка Эми, — оскалился он.

Затем его лицо приняло презрительное выражение.

— Убогий народ эти женщины. Любовь! Везде любовь! Они думают, что мужчина уходит от них, только польстившись на другую. Не такой я болван, чтоб проделать все, что я проделал, ради женщины.

— Вы хотите сказать, что ушли от жены не из-за другой женщины?

— Конечно!

— Вы даете мне честное слово?

Не знаю, зачем я потребовал от него честного слова, верно, по простоте душевной.

— Честное слово.

— Тогда объясните мне, Бога ради, зачем вы оставили ее?

— Я хочу заниматься живописью.

Я смотрел на него, вытаращив глаза. Я ничего не понял и на минуту подумал, что передо мной сумасшедший. Вспомните, я был очень молод, а его считал человеком уже пожилым. От удивления у меня все на свете вылетело из головы.

— Но вам уже сорок лет.

— Поэтому-то я и решил, что пора начать.

— Вы когда-нибудь занимались живописью?

— В детстве я мечтал стать художником, но отец принудил меня заниматься коммерцией, он считал, что искусством ничего не заработаешь. Я начал писать с год назад. И даже посещал вечернюю художественную школу.

— А миссис Стрикленд думала, что вы проводите это время в клубе за бриджем?

— Да.

— Почему вы не рассказали ей?

— Я предпочитал держать язык за зубами.

— И живопись вам дается?

— Еще не вполне. Но я научусь. Для этого я и приехал сюда. В Лондоне нет того, что мне нужно. Посмотрим, что будет здесь.

— Неужели вы надеетесь чего-нибудь добиться, начав в этом возрасте? Люди начинают писать лет в восемнадцать.

— Я теперь научусь быстрее, чем научился бы в восемнадцать лет.

— С чего вы взяли, что у вас есть талант?

Он ответил не сразу. Взгляд его был устремлен на снующую мимо нас толпу, но вряд ли он видел ее. То, что он ответил, собственно, не было ответом.

— Я должен писать.

— Но ведь это более чем рискованная затея!

Он посмотрел на меня. В глазах его появилось такое странное выражение, что мне стало не по себе.

— Сколько вам лет? Двадцать три?

Вопрос показался мне бестактным. Да, в моем возрасте можно было пускаться на поиски приключений; но его молодость уже отошла, он был биржевой маклер с известным положением в обществе, с женой и детьми. То, что было бы естественно для меня, — для него непозволительно. Я хотел быть беспристрастным.

— Конечно, может случиться чудо, и вы станете великим художником, но вы же должны понять, что тут один шанс против миллиона. Ведь это трагедия, если в конце концов вы убедитесь, что совершили ложный шаг.

— Я должен писать, — повторил он.

— Ну, а что, если вы навсегда останетесь третьесортным художником, стоит ли всем для этого жертвовать? Не во всяком деле важно быть первым. Можно жить припеваючи

даже если ты и посредственность. Но посредственным художником быть нельзя.

— Вы просто олух, — сказал он.

— Не знаю, почему так уж глупы очевидные истины.

— Говорят вам, я должен писать. Я ничего не могу с собой поделывать. Когда человек упал в реку, неважно, хорошо он плавает или плохо. Он должен выбраться из воды, иначе он потонет.

В голосе его слышалась подлинная страсть: вопреки моему желанию она захватила меня. Я почувствовал, что внутри его клокочет могучая сила, и мне стало казаться, что нечто жестокое и непреодолимое помимо его воли владеет им. Я ничего не понимал. Точно дьявол вселился в этого человека, дьявол, который каждую минуту мог растерзать, погубить его. А с виду Стрикленд казался таким заурядным.

Я не сводил с него глаз, но это его не смущало. Интересно, за кого можно принять его, думал я, когда он вот так сидит здесь в своей старой куртке и давно не чистенном котелке; брюки на нем мешковатые, руки нечисты; лицо его, с небритой рыжей щетиной на подбородке, с маленькими глазками и большим задорным носом, грубо и неотесанно. Рот у него крупный, губы толстые и чувственные. Нет, мне не подобрать для него определения.

— Так, значит, вы не вернетесь к жене? — сказал я наконец.

— Никогда.

— Она готова все забыть и начать жизнь сначала. И никогда она ни в чем не упрекнет вас.

— Пусть убирается ко всем чертям.

— Вам все равно, если вас будут считать отъявленным мерзавцем? И все равно, если она и ваши дети вынуждены будут просить подаяния?

— Плевать мне.

Я помолчал, чтобы придать больше веса следующему моему замечанию, и сказал со всей решительностью, на которую был способен:

— Вы хам и больше ничего.

— Ну, теперь, когда вы облегчили душу, пойдете-ка обедать.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Я понимаю, что было бы достойнее пренебречь этим предложением. Наверно, мне следовало бы выказать негодование, которое я на самом деле ощущал, и заслужить похвалу полковника Мак-Эндрю, рассказав ему о своем горделивом отказе сесть за один стол с таким человеком. Но беда в том, что страх не справиться со своей ролью никогда не позволял мне разыгрывать из себя моралиста. И на этот раз уверенность, что все мои благородные чувства для Стрикленда — что горох об стену, заставила меня держать их при себе. Только поэт или святой способен поливать асфальтовую мостовую в наивной вере, что на ней зацветут лилии и вознаградят его труды.

Я заплатил за выпитый им абсент, и мы отправились в дешевенький ресторан; там было полно народу, очень оживленно, и обед нам подали отличный. У меня был аппетит юноши, у него — человека с окостенелой совестью. Из ресторана мы пошли в кабачок выпить кофе с ликером.

Я уже сказал ему все, что мог, относительно причины моего приезда в Париж, и хотя мне казалось, что, прекратив этот разговор, я стану предателем в отношении миссис Стрикленд, но продолжать борьбу с его безразличием я был уже не в силах. Только женщина может с неослабленной горячностью десять раз подряд твердить одно и то же. Я успокаивал себя мыслью, что теперь смогу лучше разобраться в душевном состоянии Стрикленда. Это было куда интересней. Но сделать это было не так-то просто, ибо Стрикленд отнюдь не отличался разговорчивостью. Он с трудом выжимал из себя слова, так что, казалось, для него они не были средством общения с миром; о движениях его души оставалось догадываться по избитым фразам, вульгарным восклицаниям и отрывистым жестам. Но, хотя ничего сколько-нибудь значительного он не говорил, никто бы не посмел назвать этого человека скучным. Может быть, из-за его искренности. Он, видимо, мало интересовался Парижем, который видел впервые (его краткое пребывание здесь с женой в счет не шло), и на все новое, открывавшееся ему, смотрел без малейшего удивления. Я бывал в Париже бесчисленное множество раз и всегда заново испытывал трепет восторга. Проходя по его улицам, я чувствовал себя счастливым искателем приключений. Стрик-

ленд оставался хладнокровным. Оглядываясь назад, я думаю, что он был слеп ко всему, кроме тревожных видений своей души.

В кабачке, где было множество проституток, произошел нелепый инцидент. Некоторые из этих девиц сидели с мужчинами, некоторые друг с дружкой; вскоре я заметил, что одна из них смотрит на нас. Встретившись взглядом со Стриклендом, она улыбнулась. Он, по-моему, ее просто не заметил. Она поднялась и вышла из зала, но тотчас же воротилась и, проходя мимо нас, весьма учтиво попросила угостить ее чем-нибудь спиртным. Она под села к нашему столику, и я начал болтать с нею, отлично, впрочем, понимая, что она интересуется Стриклендом, а не мной. Я пояснил, что он знает по-французски лишь несколько слов. Она пыталась говорить с ним то знаками, то на ломаном французском языке; ей казалось, что так он лучше поймет ее. У нее в запасе было с десяток английских фраз. Она заставила меня перевести ему то, что умела выразить только на своем родном языке, и настойчиво потребовала, чтобы я перевел ей смысл его ответов. Он был в хорошем расположении духа, его это немножко забавляло, но, в общем, он явно оставался равнодушным.

— Вы, кажется, одержали победу, — засмеялся я.

— Польщенным себя не чувствую.

На его месте я был бы больше смущен и не так уж спокоен. У нее были смеющиеся глаза и очаровательный рот. Она была молода. Я удивлялся: чем ее пленил Стрикленд? Она не тайла своих желаний, и мне пришлось перевести:

— Она хочет, чтобы вы пошли с нею.

— Я с ними не якшаюсь, — буркнул он.

Я постарался по мере сил смягчить его ответ. И так как мне казалось, что нелюбезно с его стороны отклонять такое приглашение, то я объяснил его отказ неимением денег.

— Но он мне нравится, — возразила она. — Скажите ему, что я пойду с ним задаром.

Когда я это перевел, Стрикленд нетерпеливо пожал плечами.

— Скажите, пусть убирается к черту.

Вид Стрикленда был красноречивее слов, и девушка вдруг гордо вскинула голову. Возможно, что она покраснела под своими румянами.

— Monsieur n'est pas poli¹, — проговорила она, вставая, и вышла из зала.

Я даже рассердился.

— Не понимаю, зачем вам понадобилось оскорблять ее. В конце концов она отличила вас из многих.

— Меня тошнит от этих особ, — отрезал Стрикленд.

Я с любопытством посмотрел на него. Непритворное отвращение выражалось на его лице, и тем не менее это было лицо грубого, чувственного человека. Наверно, последнее и привлекло девушку.

— В Лондоне я мог иметь любую женщину, стоило мне только захотеть. Не за этим я сюда приехал.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

На обратном пути в Англию я много думал о Стрикленде и честно старался упорядочить то, что мне предстояло сказать его жене. Я знал, что мой ответ не удовлетворит ее, я и сам был недоволен собою. Стрикленд меня озадачил. Я не понимал мотивов его поведения. На мой вопрос, когда у него впервые зародилась мысль стать художником, он не мог или не пожелал ответить. Сам же я тут ни до чего не мог додуматься. Правда, я пытался убедить себя, что в его неповоротливом уме мало-помалу нарастало смутное чувство возмущения, но эти домыслы разбивались о неопровержимый факт — он никогда не высказывал недовольства однообразием своей жизни. Если Стрикленду до того все опостылело, что он решил сделаться художником, лишь бы порвать с докучными узами, — это было постижимо и довольно банально; но самое слово «банальность» никак не вязалось со Стриклендом. Романтик в душе, я наконец придумал версию, которая, правда, мне самому казалась притянутой за волосы, но все же хоть что-то объясняла. В глубинах его души, говорил я себе, заложен инстинкт творчества; приглушенный житейскими обстоятельствами, он тем не менее неуклонно разрастался наподобие того, как разрастается злокачественная опухоль в живой ткани, покуда не завладел всем его существом и не принудил его к действию. Так кукушка кладет свое яйцо в гнездо другой птицы, когда же та выкормит кукушонка, он выпихивает

¹ Мсье неучтив (фр.).

своих сводных братьев, а под конец еще и разрушает гнездо, его приютившее.

Странно, что инстинкт творчества завладел этим скучным маклером, быть может, на погибель ему и на горе его близким; но разве не более странно то, как дух Божий нисходил на людей богатых и могущественных, преследуя их с неотступным упорством, покуда они, побежденные им, не отступались от радостей жизни и женской любви во имя сурового монашества. Откровение приходит под разными личинами, и по-разному люди на него отзываются. Некоторым нужна жестокая встряска: так камень разлетается на куски от ярости потока; с другими все совершается постепенно: так вода точит камень. Стрикленда отличали прямота фанатика и свирепость апостола.

Но я хотел еще дознаться, возможно ли, чтобы страсть, которою он одержим, была оправдана его произведениями. Когда я спросил, что думали его сотоварищи по вечерней школе живописи в Лондоне о его работах, он улыбнулся:

— Они думали, что я дурачусь.

— Вы и здесь посещаете какую-нибудь студию?

— Да. Этот зануда — я имею в виду нашего маэстро — сегодня утром, как увидел мой рисунок, только брови поднял и прошествовал дальше.

Стрикленд фыркнул. Он отнюдь не был обескуражен. Мнение других его не интересовало.

Из-за этого-то я всякий раз и становился в тупик, общаясь со Стриклендом. Когда люди уверяют, будто они безразличны к тому, что о них думают, они по большей части себя обманывают. Обычно они поступают, как им вздумается, в надежде, что никто не прознает об их чудачествах, иногда же они поступают вопреки мнению большинства, ибо их поддерживает признание близких. Право же, нетрудно пренебрегать условностями света, если это пренебрежение — условность, принятая в компании ваших приятелей. В таком случае человек проникается преувеличенным уважением к своей особе. Он удовлетворен собственной храбростью, не испытывая при этом малоприятного чувства опасности. Но жажда признания — пожалуй, самый неистребимый инстинкт цивилизованного человека. Никто так не спешит набросить на себя покров респектабельности, как непотребная женщина, преследуемая злобой оскорбленной добродетели. Я не верю людям, которые уверяют,

что в грош не ставят мнения окружающих. Это пустая бравада. По сути дела, они только не страшатся упреков в мелких прегрешениях, убежденные, что никто о таковых не прознает. Но здесь передо мною был человек, которого действительно нимало не тревожило, что о нем думают: условности не имели над ним власти. Он походил на борца, намазавшего тело жиром — никак его не ухватишь, — и это давало ему свободу, граничившую со святотатством. Помните, я сказал ему:

— Если бы все поступали, как вы, мир не мог бы существовать.

— Чушь! Не всякий хочет поступать, как я. Большинству нравится все делать, как люди.

Я пытался съязвить:

— Вы, видимо, отрицаете максиму: «Поступайте так, чтобы любой ваш поступок мог быть возведен во всеобщее правило».

— Первый раз в жизни слышу! Чушь какая-то.

— Между тем это сказал Кант.

— А мне что. Чушь, и ничего больше.

Ну стоило ли взывать к совести такого человека? Все равно что стараться увидеть свое изображение, не имея зеркала. Я полагаю, что совесть — это страж, в каждом отдельном человеке охраняющий правила, которые общество выработало для своей безопасности. Она — полицейский в наших сердцах, поставленный, чтобы не дать нам нарушить закон. Шпион, засевший в главной цитадели нашего «я». Человек так алчет признания, так безумно страшится, что собратья осудят его, что сам торопится открыть ворота своему злейшему врагу; и вот враг уже неотступно следит за ним, преданно отстаивая интересы своего господина, в корне пресекает малейшее поползновение человека отбиться от стада. И человек начинает верить, что благо общества выше личного блага. Узы, связывающие человека к человечеству, — очень крепкие узы. Однажды уверовав, что есть интересы, которые выше его собственных, он становится рабом этого своего убеждения, он возводит его на престол и под конец, подобно царедворцу, раболепно склонившемуся под королевским жезлом, что опустился на его плечо, еще гордится чувствительностью своей совести. Он уже клеймит самыми жесткими словами тех, что не признают этой власти, ибо теперь,

будучи членом общества, он сознает, что бессилен против них. Когда я понял, что Стрикленду и вправду безразлично отношение, которое должны возбудить в людях его поступки, я с ужасом отшатнулся от этого чудовища, утратившего человеческий облик.

На прощание он сказал мне следующее:

— Передайте Эми, чтобы она сюда не приезжала. Впрочем, я все равно съеду с квартиры, и ей не удастся меня разыскать.

— Мне лично кажется, что ей следует Бога благодарить за то, что она от вас избавилась, — сказал я.

— Милый мой, я очень надеюсь, что вы ее заставите это понять. Впрочем, женщины — народ бестолковый.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

В Лондоне меня ожидала записка с настойчивым требованием явиться вечером к миссис Стрикленд. У нее сидел полковник Мак-Эндрю с супругой, старшей сестрой миссис Стрикленд. Сестры походили друг на друга, хотя у миссис Мак-Эндрю, уже изрядно поблекшей, был такой воинственный вид, словно она засунула себе в карман всю Британскую империю; вид, кстати сказать, характерный для жен старших офицеров и обусловленный горделивым сознанием принадлежности к высшей касте. Манеры у этой дамы были бойкие, а ее благовоспитанности едва-едва хватало на то, чтобы вслух не высказывать убеждения, что любой штатский — приказчик. Гвардейцев она тоже ненавидела, считая зазнайками, а об их женах, забывающих отдавать визиты, даже и говорить не желала. Платье на ней было дорогое и безвкусное.

Миссис Стрикленд явно нервничала.

— Итак, какие вести вы нам привезли? — спросила она.

— Я видел вашего мужа. Увы, он твердо решил не возвращаться. — Я помолчал. — Он намерен заниматься живописью.

— Что вы хотите этим сказать? — вне себя от удивления крикнула миссис Стрикленд.

— Неужели вы никогда не замечали этой его страсти?

— Он окончательно рехнулся! — воскликнул полковник.

Миссис Стрикленд нахмурила брови. Она рылась в своих воспоминаниях.

— Еще до того, как мы поженились, он иногда баловался красками. Но, Бог мой, что это была за мазня! Мы смеялись над ним. Такие люди, как он, не созданы для искусства.

— Ах! Это же просто предлог! — вмешалась миссис Мак-Эндрю.

Миссис Стрикленд некоторое время сидела погруженная в свои мысли. Она не знала, как понять мое сообщение. В гостиной уже был наведен порядок; домовитость, видимо, возобладала в миссис Стрикленд над горем, и гостиная больше не производила унылого впечатления меблированной комнаты, ожидающей нового жильца, как в первый мой визит после катастрофы. Но, лучше узнав Стрикленда в Париже, я уже не мог представить его себе в этой обстановке. «Неужели им ни разу не бросилось в глаза, как все здесь ему не соответствует?» — думал я.

— Но если он хотел стать художником, почему он молчал? — спросила наконец миссис Стрикленд. — Кто-кто, а я бы уж сочувственно отнеслась к такому влечению.

Миссис Мак-Эндрю поджала губы. Она, вероятно, всегда порицала сестру за пристрастие к людям искусства и насмеялась над ее «культурными» друзьями.

Миссис Стрикленд продолжала:

— Ведь окажись у него хоть какой-то талант, я первая стала бы поощрять его, пошла бы на любые жертвы. Вполне понятно, что я бы предпочла быть женой художника, нежели биржевого маклера. Если бы не дети, я бы ничего не боялась и в какой-нибудь жалкой студии в Челси жила бы не менее счастливо, чем в этой квартире.

— Нет, милочка, ты выводишь меня из терпения! — воскликнула миссис Мак-Эндрю. — Не хочешь же ты сказать, что поверила этой вздорной выдумке?

— Но я уверен, что это правда, — робко вставил я.

Она взглянула на меня с добродушным презрением.

— Мужчина в сорок лет не бросает своего дела, жену и детей для того, чтобы стать художником, если тут не замешана женщина. Уж я-то знаю, что какая-нибудь особа из вашего «артистического круга» вскружила ему голову.

Бледное лицо миссис Стрикленд внезапно залилось краской:

— Какова она из себя?

Я помедлил. Это будет как взрыв бомбы.

— С ним нет женщины.

Полковник Мак-Эндрю и его жена заявили, что они в это не верят, а миссис Стрикленд вскочила с места.

— Вы хотите сказать, что ни разу не видели ее?

— Мне некого было видеть. Он там один.

— Что за вздор! — вскричала миссис Мак-Эндрю.

— Надо было мне ехать самому, — буркнул полковник. — Уж я-то живо бы о ней разузнал.

— Жалею, что вы не взяли на себя труд съездить в Париж, — отвечал я не без язвительности, — вы бы живо убедились, что все ваши предположения ошибочны. Он не снимает апартаментов в шикарном отеле. Он живет в крошечной, убогой комнатухе. И ушел он из дому не затем, чтобы вести легкую жизнь. У него гроша нет за душой.

— Вы полагаете, что он совершил какой-нибудь проступок, о котором мы ничего не знаем, и скрывается от полиции?

Такое предположение заронило луч надежды в их души но я решительно отверг его.

— Если бы это было так, зачем бы он стал давать адрес своему компаньону, — колко возразил я. — Так или иначе, а в одном я уверен: никакой женщины с ним нет. Он не влюблен и ни о чем подобном даже не помышляет.

Настало молчание. Они обдумывали мои слова.

— Что ж, — прервала наконец молчание миссис Мак-Эндрю, — если то, что вы говорите, правда, дело обстоит еще не так скверно, как я думала.

Миссис Стрикленд взглянула на нее, но ничего не сказала. Она была очень бледна, и ее тонкие брови хмурились. Выражения ее лица я не понимал. Миссис Мак-Эндрю продолжала:

— Значит, это просто каприз, который скоро пройдет.

— Вы должны поехать к нему, Эми, — заявил полковник. — Почему бы вам не провести год в Париже? За детьми мы присмотрим. Я уверен, ему просто наскучила однообразная жизнь, он быстро одумается, с удовольствием вернется в Лондон, и все это будет предано забвению.

— Я бы не поехала, — вмешалась миссис Мак-Эндрю. — Лучше предоставить ему полную свободу действий. Он вернется с поджатым хвостом и заживет прежней жизнью. — Миссис Мак-Эндрю холодно взглянула на сестру. — Может быть, ты не всегда умно вела себя с ним, Эми. Мужчины — фокусники, и с ними надо уметь обходиться.

Миссис Мак-Эндрю, как и большинство женщин, считала, что мужчина — негодяй, если он оставляет преданную и любящую жену, но что вина за его поступок все же падает на нее. *Le coeur a ses raisons que la raison ne connaît pas*¹.

Миссис Стрикленд медленно переводила взгляд с одного на другого.

— Он не вернется, — объявила она.

— Ах, милочка, вспомни, что тебе о нем сказали. Он привык к комфорту и к тому, чтобы за ним ухаживали. Неужели ты думаешь, что он долго будет довольствоваться убогой комнатухой в захудалом отеле? Вдобавок у него нет денег. Он должен вернуться.

— Покуда я считала, что он сбежал с какой-то женщиной, у меня еще оставалась надежда. Я была уверена, что долго это не продлится. Она бы смертельно надоела ему через три месяца. Но если он уехал не из-за женщины, всему конец.

— Ну, это уж что-то слишком тонко, — заметил полковник, вкладывая в последнее слово все свое презрение к столь штатским понятиям. — Он, конечно, вернется, и Дороти совершенно права, от этой эскапады его не убудет.

— Но я не хочу, чтобы он вернулся, — сказала миссис Стрикленд.

— Эми!

Приступ холодной злобы нашел на миссис Стрикленд. Она мертвенно побледнела и заговорила быстро, с придыханием:

— Я могла бы простить, если бы он вдруг отчаянно влюбился в какую-то женщину и бежал с нею. Это было бы естественно. Я бы его не винила. Я считала бы, что его заставили бежать. Мужчины слабы, а женщины назойливы. Но это — это совсем другое. Я его ненавижу. И уж теперь никогда не прощу.

Полковник Мак-Эндрю и его супруга принялись наперебой уговаривать ее. Они были потрясены. Уверяли, что она сумасшедшая, отказывались понимать ее. Миссис Стрикленд в отчаянии обратилась ко мне:

— Вы-то хоть меня понимаете?

— Не совсем. Вы хотите сказать, что могли бы простить его, если бы он оставил вас ради другой женщины, но не

¹ Сердце рассуждает по-своему, рассудком этого не понять (фр.).

ради отвлеченной идеи? Видимо, вы полагаете, что в первом случае у вас есть возможность бороться, а во втором вы бессильны?

Миссис Стрикленд бросила на меня не слишком дружеский взгляд, но ничего не ответила. Возможно, что я попал в точку. Затем она продолжала сиплым, дрожащим голосом:

— Я никогда не думала, что можно так ненавидеть человека, как я ненавижу его. Я ведь тешила себя мыслью, что сколько бы это ни продлилось, в конце концов он все же ко мне вернется. Я знала, что на смертном одре он пошлет за мной, и была готова к этому; я бы ходила за ним как мать, и в последнюю минуту сказала бы, что я всегда любила его и все-все ему простила.

Я часто с недоумением замечал в женщинах страсть эффектно вести себя у смертного одра тех, кого они любят. Временами мне даже казалось, что они досаждают на долговечность близких, не позволяющую им разыграть красивую сцену.

— Но теперь — теперь все кончено. Для меня он чужой человек. Пусть умирает с голоду, одинокий, заброшенный, без единого друга, — меня это не касается. Надеюсь, что его постигнет какая-нибудь страшная болезнь. Для меня он больше не существует.

Тут я счел уместным передать ей слова Стрикленда.

— Если вы желаете развестись с ним, он готов сделать все, что для этого потребуется.

— Зачем мне давать ему свободу?

— По-моему, он к ней и не стремится. Просто он думает, что вам так будет удобнее.

Миссис Стрикленд нетерпеливо пожала плечами. Я был несколько разочарован. В ту пору я предполагал в людях больше цельности, и кровожадные инстинкты этого прелестного создания меня опечалили. Я не понимал, сколь различны свойства, составляющие человеческий характер. Теперь-то я знаю, что мелочность и широта, злоба и милосердие, ненависть и любовь легко уживаются в душе человека.

«Сумею ли я найти слова, которые смягчили бы горькое чувство унижения, терзающее миссис Стрикленд?» — думал я и решил попытаться.

— Мне временами кажется, что ваш муж не вполне отвечает за свои поступки. По-моему, он уже не тот человек.

Он одержим страстью, которая помыкает им. Безраздельно предавшийся ей, он беспомощен, как муха в паутине. Его точно околдовали. Тут поневоле вспомнишь загадочные рассказы о том, как второе «я» вступает в человека и вытесняет первое. Душа — непостоянная жительница тела и способна на таинственные превращения. В старину сказали бы, что в Чарлза Стрикленда вселился дьявол.

Миссис Мак-Эндрю разгладила ладонью платье на коленях, золотые браслеты скользнули вниз по ее руке.

— Все это, по-моему, пустые измышления, — заметила она кислым тоном. — Я не отрицаю, что Эми чересчур полагалась на своего мужа. Будь она меньше занята собственными делами, она бы уже сообразила, что происходит. Я уверена, что Алек не мог бы годами носиться с каким-нибудь замыслом втайне от меня.

Полковник уставился в пространство с видом самого добродетельного человека на свете.

— Но Чарлз Стрикленд все равно бессердечное животное.

Миссис Мак-Эндрю бросила на меня строгий взгляд.

— Я могу вам точно сказать, почему он оставил жену: из эгоизма, и только из эгоизма.

— Это, конечно, самое простое объяснение, — ответил я, про себя подумав, что оно ничего не объясняет. Потом я поднялся, сославшись на усталость, откланялся, и миссис Стрикленд не сделала попытки задержать меня.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Дальнейшие события показали, что миссис Стрикленд — женщина с характером. Она скрывала свои мучения, так как сумела понять, что людям докучают вечные рассказы о несчастьях, и вида страданий они тоже стараются избегать. Где бы она ни появлялась — а друзья из сочувствия наперебой приглашали ее, — она неизменно сохраняла полное достоинство. Одевалась она элегантно, но просто; была весела, но держалась скромно и предпочитала слушать о чужих горестях, чем распространяться о своих. О муже она всегда говорила с жалостью. Ее отношение к нему на первых порах меня удивляло. Однажды она сказала мне:

— Вы, безусловно, заблуждаетесь, я слышала из достоверных источников, что Чарлз уехал из Англии не один.

— В таком случае он, положительно, гений по части замечания следов.

Она отвела глаза и слегка покраснела:

— Во всяком случае, я хотела вас попросить, если кто-нибудь скажет, что он скрылся с женщиной, пожалуйста, не проверяйте этого.

— Хорошо, не стану.

Она небрежно перевела разговор на другое. Вскоре я узнал, что среди друзей миссис Стрикленд распространился своеобразный вариант этой истории. Стрикленд будто бы влюбился во французскую танцовщицу, впервые увиденную им на сцене театра Эмпайр, и последовал за нею в Париж. Откуда возник подобный слух, я так и не доискался, но он вызывал сочувствие к миссис Стрикленд и укреплял ее положение в обществе. А это было бесполезно для профессии, которую она намеревалась приобрести. Полковник Мак-Эндрю отнюдь не преувеличивал, говоря, что она осталась без гроша за душой, ей необходимо было начать зарабатывать себе на жизнь, и чем скорее, тем лучше. Она решила извлечь пользу из своих обширных знакомств с писателями и взялась за изучение стенографии и машинописи. Ее образованность заставляла предположить, что она будет превосходной машинисткой, а ее семейная драма сделала эти попытки стать самостоятельной очень симпатичными. Друзья обещали снабжать ее работой и рекомендовать своим знакомым.

Мак-Эндрю, люди бездетные и с достатком, взяли на себя попечение о детях, так что миссис Стрикленд приходилось содержать только себя. Она выехала из своей квартиры и продала мебель. Обосновавшись в Вестминстере, в двух небольших комнатах, миссис Стрикленд начала жизнь заново. Она была так усердна, что не оставалось никаких сомнений в успехе ее предприятия.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Лет пять спустя после вышеописанных событий я решил пожить некоторое время в Париже. Лондон мне приелся. Каждый день делать одно и то же — утомительнейшее занятие. Мои друзья размеренно шли по своему жизненному пути; они уже ничем не могли удивить меня; при встрече я заранее знал, что и как они скажут, даже на их любовных

делах лежала печать докучливой обыденности. Мы уподобились трамвайным вагонам, бегущим по рельсам от одной конечной станции до другой; можно было уже почти точно высчитать, сколько пассажиров эти вагоны перевезут. Жизнь текла слишком безмятежно. И меня обуяла паника. Я отказался от квартиры, распродал свои скромные пожитки и решил все начать сызнова.

Перед отъездом я зашел к миссис Стрикленд. Я не видел ее довольно долгое время и отметил, что она переменялась: она не только постарела и похудела, не только новые морщинки избороздили ее лицо, мне показалось, что и характер у нее изменился. Она преуспела в своем начинании и теперь держала контору на Чансери-Лейн; сама миссис Стрикленд почти не печатала на машинке, а только проверяла работу четырех служащих у нее девушек. Стремясь придать своей продукции известное изящество, она обильно пользовалась синими и красными чернилами; копии она обертывала в плотную муаровую бумагу нежнейших оттенков и действительно заслужила известность изяществом и аккуратностью работы. Она усиленно зарабатывала деньги. Однако не могла отрешиться от представления, что зарабатывать себе на жизнь не вполне пристойное занятие, и потому нет-нет да и напоминала собеседнику, что по рождению она леди. В разговоре миссис Стрикленд так и сыпала именами своих знакомых, преимущественно громкими и доказывавшими, что она оставалась на той же ступени социальной лестницы. Она немножко конфузилась своей отваги и деловой предприимчивости, но была в восторге оттого, что завтра ей предстояло обедать в обществе известного адвоката, живущего в Южном Кенсингтоне. С удовольствием рассказывая, что сын ее учится в Кембридже, она не забывала, правда слегка иронически, упоминать о бесконечных приглашениях на танцы, которые получала ее дочь, недавно начавшая выезжать. Я совершил бестактность, спросив:

— Она тоже вступит в ваше дело?

— О нет! Я этого не допущу, — отвечала миссис Стрикленд. — Она очень мила и, я уверена, сделает хорошую партию.

— Это будет для вас большой поддержкой.

— Многие считают, что ей следует идти на сцену, но я, конечно, на это не соглашусь. Я знакома со всеми нашими

лучшими драматургами и могла бы хоть завтра достать для нее прекрасную роль, но я не хочу, чтобы она вращалась в смешанном обществе.

Такая высокомерная разборчивость несколько смутила меня.

— Слышали вы что-нибудь о вашем муже?

— Нет. Ничего. Он, по-видимому, умер.

— А если я вдруг встречу с ним в Париже? Сообщить вам о нем?

Она на минуту задумалась.

— Если он очень нуждается, я могу немножко помочь ему. Я вам пришлю небольшую сумму денег, и вы будете постепенно ему их выплачивать.

— Вы очень великодушны, — сказал я.

Но я знал, что не добросердечие подвигнуло ее на это. Неправда, что страдания облагораживают характер, иногда это удается счастью, но страдания в большинстве случаев делают человека мелочным и мстительным.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Вышло так, что я встретился со Стриклендом, не пробыв в Париже и двух недель.

Я быстро нашел себе небольшую квартирку на пятом этаже на Рю де Дам и за две сотни франков купил подержанную мебель. Консьержка должна была варить мне по утрам кофе и убирать комнаты. Обосновавшись, я тотчас же отправился к своему приятелю Дирку Стрёву.

Дирк Стрёв был из тех людей, о которых, в зависимости от характера, одни говорят пренебрежительно усмехаясь, другие — недоуменно пожимая плечами. Природа создала его шутом. Он был художник, но очень плохой; мы познакомились в Риме, и я хорошо помнил его картины. Казалось, он влюблен в банальность. С душою, трепещущей любовью к искусству, он писал римлян, расположившихся отдохнуть на лестнице площади Испании, причем их слишком очевидная живописность нисколько его не обескураживала, в результате мастерская Стрёва была сплошь увешана холстами, с которых на нас смотрели усатые, большеглазые крестьяне в остроконечных шляпах, мальчишки в красочных лохмотьях и женщины в пышных юбках. Они либо отдыхали на паперти, либо прохлаждались среди кипари-

сов под безоблачным небом; иногда предавались любовным утехам возле фонтана времен Возрождения, а не то брели по полям Кампаньи подле запряженной волами повозки. Все они были тщательно выписаны и не менее тщательно раскрашены. Фотография не могла бы быть точнее. Один из художников на вилле Медичи окрестил Дирка: *La maître de la boîte à chocolats*¹. Глядя на его картины, можно было подумать, что Моне, Манэ и прочих импрессионистов вообще не существовало.

— Конечно, я не великий художник, — говаривал Дирк. — Отнюдь не Микеланджело, но что-то во мне все-таки есть. Мои картины продаются. Они вносят романтику в дома самых разных людей. Ты знаешь, ведь мои работы покупают не только в Голландии, но в Норвегии, в Швеции и в Дании. Их очень любят торговцы и богатые коммерсанты. Ты не можешь себе представить, какие зимы стоят в этих краях, долгие, темные, холодные. Тамошним жителям нравится думать, что Италия похожа на мои картины. Именно такой они себе ее представляют. Такой представлялась она и мне до того, как я сюда приехал.

На самом деле это представление навек засело в нем и так его ослепило, что он уже не умел видеть правду; и вопреки жестоким фактам, перед его духовным взором вечно стояла Италия романтических разбойников и живописных руин. Он продолжал писать идеал — убогий, пошлый, затасканный, но все же идеал; и это сообщало ему своеобразное обаяние.

Для меня лично Дирк Стрёв был не только объектом насмешек. Собратья художники ничуть не скрывали своего презрения к его мазне, но он зарабатывал немало денег, и они, не задумываясь, распоряжались его кошельком. Дирк был щедр, и все кому не лень, смеясь над его наивным доверием к их рассказам, без зазрения совести брали у него взаймы. Он отличался редкой сердобольностью, но в его отзывчивой доброте было что-то нелепое, и потому его одолжения принимались без благодарности. Брать у него деньги было все равно, что грабить ребенка, а его еще презирали за дурость. Мне кажется, что карманник, гордый ловкостью своих рук, должен досадовать на беспечную женщину, забывшую в кебе чемоданчик со всеми своими дра-

¹ Специалист по разрисовке шоколадных коробок (*фр.*).

гощенностями. Природа напаялила на Стрёва дурацкий колпак, но чувствительности его не лишила. Он корчился под градом всевозможных издевок, но, казалось, добровольно вновь и вновь подставлял себя под удары. Он страдал от непрерывных насмешек, но был слишком добродушен, чтобы озлобиться: змея жалила Дирка, а опыт ничему его не научал, и, едва излечившись от боли, он снова пригревал змею на своей груди. Жизнь его была трагедией, но написанной языком вульгарного фарса. Я не потешался над ним, и он, радуясь сострадательному слушателю, поверял мне свои бесчисленные горести. И самое печальное было то, что чем трагичнее они были по существу, тем больше вам хотелось смеяться.

Из рук вон плохой художник, он необычайно тонко чувствовал искусство, и ходить с ним по картинным галереям было подлинным наслаждением. Способность к неподдельному восторгу сочеталась в нем с критической остротой. Дирк был католик. Он умел не только ценить старых мастеров, но и с живой симпатией относиться к современным художникам. Он быстро открывал новые таланты и великодушно судил о них. Думается, я никогда не встречал человека со столь верным глазом. К тому же он был образован лучше, чем большинство художников, и не был, подобно им, полным невеждою в других искусствах; его музыкальный и литературный вкус сообщал глубину и разнообразие его суждениям о живописи. Для молодого человека, каким я был тогда, советы и объяснения Дирка Стрёва поистине значили очень много.

Уехав из Рима, я стал переписываться с ним и приблизительно раз в два месяца получал от него длинные письма на своеобразном английском языке, который заставлял меня как бы снова видеть и слышать его — захлебывающегося, восторженного, оживленно жестикулирующего. Незадолго до моего приезда в Париж он женился на англичанке и теперь обосновался в студии на Монмартре. Мы не виделись с ним четыре года, и я не был знаком с его женой.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Я не известил Стрёва о своем приезде, и когда он открыл дверь на мой звонок, то в первое мгновение не узнал меня. Затем издал ликующий вопль и потащил в мастерскую.

Жена его что-то шила, сидя у печки, и поднялась мне навстречу. Дирк представил меня.

— Ты помнишь, — обратился он к ней, — я много рассказывал тебе о нем? — И ко мне: — Почему ты не написал, что приезжаешь? Давно ли ты здесь? Надолго ли? Ах, если бы ты пришел часом раньше, мы бы вместе пообедали.

Он засыпал меня вопросами, усадил в кресло, похлопывая, точно я был подушкой, настойчиво потчевал вином, печеньем, сигарами. Он никак не мог оставить меня в покое, без конца сокрушался, что в доме нет виски, бросился варить для меня кофе, не знал, как бы еще меня приветить, весь светился радостью, хохотал и от избытка чувств отчаянно потел.

— Ты ничуть не переменялся, — сказал я, с улыбкой глядя на него.

У Дирка была все та же нелепейшая внешность. Маленький, толстый, с короткими ножками и, несмотря на свою молодость — ему было не больше тридцати лет, — уже изрядно плешивый. Лицо у него было совершенно круглое, отличавшееся яркими красками — белая кожа, румяные щеки и очень красные губы. Он постоянно носил большие очки в золотой оправе, глаза у него были голубые и тоже круглые, а брови до того светлые, что он казался безбровым. Он напоминал жизнерадостных толстых торговцев, которых любил писать Рубенс.

Когда я сказал, что собираюсь прожить некоторое время в Париже и уже снял квартиру, он осыпал меня упреками за то, что я заранее не дал ему знать об этом. Он сам подыскал бы мне жилье, ссудил бы меня мебелью, — неужто я и вправду уже потратился на покупку? — и помог бы мне с переездом. Он вполне серьезно считал недружественным поступком то, что я не воспользовался его услугами. Между тем миссис Стрёв молча продолжала штопать чулки и со спокойной улыбкой прислушивалась к тому, что он говорил.

— Как видишь, я женат, — внезапно объявил Дирк, — что ты скажешь о моей жене?

Он смотрел на нее бесконечно нежным взглядом и поправлял очки, так как от пота они то и дело соскальзывали на самый кончик носа.

— Ну скажи на милость, что я могу тебе ответить? — рассмеялся я.

— Полно тебе, Дирк, — улыбаясь, вставила миссис Стрёв.

— Разве она не чудо? Говорю тебе, друг мой, не теряй времени, женись, женись как можно скорее. Я счастливейший из смертных. Посмотри на нее. Разве это не готовая картина? Шарден, а? Я видел всех мировых красавиц, но никогда не видел женщины красивее мадам Стрёв.

— Если ты не уговонишься, Дирк, я уйду.

— *Mon petit choux*¹, — отвечал он.

Она слегка покраснела, смущенная страстью, слышавшейся в его голосе. Из его писем я уже знал, что он без памяти влюблен в жену, а теперь и сам убедился, что он с нее глаз не сводит. Любила ли она его, об этом я судить затруднялся. Бедняга Панталоне вряд ли мог внушать пламенную любовь, но глаза ее улыбались ласково, и под ее сдержанностью, возможно, скрывалось глубокое чувство. Я не заметил в миссис Стрёв пленительной красоты, которую видел его взор, опьяненный любовью, но была в ней какая-то тихая прелесть. Отлично сшитое, хотя и скромное, серое платье не скрывало удивительной стройности ее высокой фигуры. Впрочем, эта фигура, должно быть, была привлекательнее для скульптора, чем для портного. Свои пышные каштановые волосы миссис Стрёв зачесывала с изящной простотой; лицо у нее было бледное, с правильными, хотя и не очень значительными чертами. В ее серых глазах светилось спокойствие. Я не назвал бы ее не только красавицей, но даже хорошенькой, и все-таки Стрёв не без основания упомянул о Шардене, — она странным образом напоминала ту милую хозяйку в чепце и фартуке, которую обессмертил великий художник. Не было ничего легче, как представить себе ее хлопочущей среди горшков и кастрюль с обстоятельностью, которая сообщает нравственную значимость домоводству, более того, возводит его в ритуал. Впечатления занятой или умной женщины она не производила, но что-то в ее спокойной серьезности возбуждало мой интерес. В ее сдержанности мне мерещилась какая-то таинственность. Странно, что она вышла замуж за Дирка Стрёва. И хотя она была англичанкой, я никак не мог себе представить, из какого она круга, какое воспитание получила и как жила до замужества. Она почти все время

¹ Крошка ты моя (*фр.*).

молчала, но голос ее, когда ей случалось вставить несколько слов в разговор, звучал приятно, и манеры у нее были естественные.

Я спросил Стрёва, работает ли он.

— Работаю? Да я пишу лучше, чем когда-либо!

Он повел рукой в сторону неоконченной картины на мольберте.

Я невольно вздрогнул.

Дирк писал кучку итальянских крестьян в одежде жителей Кампаны, расположившихся отдохнуть на церковной паперти.

— Ты это сейчас пишешь? — спросил я.

— Да. И модели у меня здесь не хуже, чем в Риме.

— Не правда ли, как красиво? — сказала миссис Стрёв.

— Моя бедная жена воображает, что я великий художник.

За конфузливый смешок он, довольно неудачно, попытался скрыть свое удовольствие. Глаза его остановились на мольберте. Странное дело, как его критическое чутье, такое безусловное и точное в отношении других художников, удовлетворялось собственной работой, невероятно пошлой и вульгарной.

— Покажи и другие свои картины, — сказала миссис Стрёв.

— Хочешь посмотреть?

Дирк Стрел, столько выстрадавший от насмешек своих собратьев, в жажде похвал и в наивном самодовольстве тут же согласился показать свои работы. Он поставил передо мной картину, на которой два курчавых итальянских мальчика играли в бабки.

— Правда, эта прелесть что такое? — спросила миссис Стрёв.

Он показал мне еще множество картин, и я убедился, что в Париже Дирк писал те же самые избитые, псевдоживописные сюжеты, что и в Риме. Все это было фальшиво, неискренне, дрянно, а между тем свет не знал человека честнее, искреннее, чище Дирка Стрёва. Как разобраться в таком противоречии?

Не знаю, почему мне вдруг взбрело на ум спросить:

— Скажи, пожалуйста, не встречался ли тебе случайно некий Чарлз Стрикленд, художник?

— Неужели ты его знаешь? — вскричал Дирк.

— Это негодяй, — сказала миссис Стрёв.

Стрёв рассмеялся:

— Ma pauvre chérie!! — он подбежал и расцеловал ей обе руки. — Она его не выносит. Как это странно, что ты знаешь Стрикленда!

— Я не выношу дурных манер, — сказала его жена.

Дирк, все еще смеясь, обернулся ко мне.

— Я тебе сейчас объясню, в чем дело. Как-то я позвал его посмотреть мои работы. Он пришел, и я вытащил на свет Божий все, что у меня было. — Стрёв запнулся и с минуту молчал. Не знаю, зачем он начал этот рассказ, который ему было тошно довести до конца. — Он посмотрел на мои работы и ничего не сказал. Я думал, он приберегает свое суждение под конец. Потом я все-таки заметил: «Ну вот и все, больше у меня ничего нет!» А он и говорит: «Я пришел попросить у вас займы двадцать франков».

— И Дирк дал! — с негодованием воскликнула миссис Стрёв.

— Признаться, я опешил. Да и не люблю я отказывать. Он сунул деньги в карман, кивнул мне, сказал «благодарю» и ушел.

Когда Дирк Стрёв рассказывал эту историю, на его круглом глуповатом лице было написано такое бесконечное удивление, что трудно было удержаться от смеха.

— Скажи он, что мои картины плохи, я бы не обиделся, но он ничего не сказал — ни слова!

— А ты еще рассказываешь об этом, — заметила миссис Стрёв.

Самое печальное, что мне больше хотелось смеяться над растерянной физиономией Дирка, чем негодовать на то, как Стрикленд обошелся с ним.

— Я надеюсь, что больше никогда его не увижу, — сказала миссис Стрёв.

Стрёв рассмеялся и пожал плечами. Обычное благодушие уже вернулось к нему.

— Так или иначе, он большой художник, очень, очень большой.

— Стрикленд? — воскликнул я. — Тогда это, наверно, не тот.

— Высокий малый с рыжей бородой. Чарлз Стрикленд. Англичанин.

¹ Бедняжка ты моя (фр.).

— У него не было бороды, когда я встречался с ним, но если он отрастил бороду, то, надо думать, рыжую. Мой Стрикленд начал заниматься живописью всего пять лет назад.

— Это он. Он великий художник.

— Не может быть!

— Разве я когда-нибудь ошибался? — спросил Дирк. — Говорю тебе, он гений. Я в этом не сомневаюсь. Если через сто лет кто-нибудь вспомнит о нас с тобой, то только потому, что мы знали Чарлза Стрикленда.

Я был поражен и взволнован до предела. Мне внезапно вспомнился мой последний разговор со Стриклендом.

— Где можно посмотреть его работы? Он имеет успех? Где он живет?

— Нет, успеха он не имеет. Думаю, что он не продал еще ни одной картины. О них кому ни скажи — все смеются. Но я-то знаю, что он великий художник. Ведь и над Манэ в свое время смеялись. Коро в жизни не продал ни одной из своих работ. Я не знаю адреса Стрикленда, но могу устроить тебе встречу с ним. Каждый вечер в семь часов он бывает в кафе на улице Клиши. Мы можем завтра сходить туда.

— Я не уверен, что он захочет меня видеть. Я напому ему то, о чем он старается забыть. Но все равно я пойду. А можно посмотреть его работы?

— У него — нет. Он тебе ничего не покажет. Но я знаю одного торговца, у которого есть две или три картины Стрикленда. Только ты не ходи без меня; ты ничего не поймешь. Я их сам тебе покажу.

— Дирк, ты меня выводишь из терпения! — воскликнула миссис Стрѐв. — Как ты можешь превозносить его картины после того, что было? — Она обернулась ко мне. — Вы знаете, когда какие-то приезжие из Голландии пришли к нам покупать картины, то Дирк стал их уговаривать лучше купить картины Стрикленда! И настоял, чтобы их принесли сюда.

— А что вы думаете об этих полотнах? — с улыбкой спросил я.

— Они ужасны.

— Ах, радость моя, ты ничего не понимаешь.

— А почему же твои голландцы так на тебя разозлились? Они решили, что ты вздумал подшутить над ними.

Дирк Стрёв снял очки и тщательно протер их. От волнения его лицо сделалось еще краснее.

— Неужели, по-твоему, красота, самое драгоценное, что есть в мире, валяется, как камень на берегу, который может поднять любой прохожий? Красота — это то удивительное и недоступное, что художник в тяжких душевных муках творит из хаоса мироздания. И когда она уже создана, не всякому дано ее узнать. Чтобы постичь красоту, надо вжиться в дерзание художника. Красота — мелодия, которую он поет нам, и для того чтобы она отозвалась в нашем сердце, нужны знание, восприимчивость и фантазия.

— Почему я всегда считала твои картины прекрасными, Дирк? Они восхитили меня, едва только я увидела их.

У Дирка чуть-чуть задрожали губы.

— Ложись спать, родная моя, а я немножко провожу нашего друга и сейчас же вернусь домой.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Дирк Стрёв пообещал зайти за мной на следующий день вечером, чтобы отправиться в кафе, где бывал Стрикленд. К вящему моему удивлению, это оказалось то самое кафе, в котором мы пили абсент со Стриклендом, когда я приезжал в Париж для разговора с ним. То, что он по-прежнему бывал здесь, свидетельствовало об известной верности привычке, и это показалось мне характерным.

— Вот он, — сказал Стрёв, едва только мы вошли в кафе.

Несмотря на октябрь месяц, вечер был теплый и за столиками, расставленными прямо на мостовой, сидело множество народу. Я впился взглядом в эту толпу, но не нашел Стрикленда.

— Смотри же, вот там в углу, за шахматами.

Я заметил человека, склонившегося над шахматной доской, но различил только широкую шляпу и рыжую бороду. С трудом пробравшись между столиков, мы подошли к нему.

— Стрикленд!

Он поднял глаза.

— Хэлло, толстяк! Что надо?

— Я привел старого друга, он хочет повидать вас.

Стрикленд посмотрел мне в лицо, но, видимо, не узнал меня и стал снова обдумывать ход.

— Садитесь и не шумите, — буркнул он.

Он передвинул пешку и тотчас же весь погрузился в игру. Бедняга Стрѐв бросил на меня огорченный взгляд, но я не позволил таким пустякам смутить себя. Я велел подать вина и стал спокойно дожидаться, пока Стрикленд кончит. Я был рад случаю исподволь понаблюдать за ним. Нет, это не тот человек, которого я знал. Прежде всего косматая и нечесаная рыжая борода закрывала большую часть лица, и волосы на голове тоже были длинные; но более всего непохожим на прежнего Стрикленда его делала страшная худоба. Большой нос еще резче выдался вперед, щеки ввалились, глаза стали огромными. Запавшие виски казались ямами. Тело напоминало скелет. Сюртук, тот же, что и пять лет назад, рваный, в пятнах, донельзя изношенный, болтался на нем, как с чужого плеча. Я долго смотрел на его руки с отросшими грязными ногтями; кожа да кости, — но большие и сильные, а я ведь совсем забыл, что они так красивы! Я смотрел на него, погруженного в игру, и думал о том, какая сила исходит от этого изголодавшегося человека. Я только не мог понять, почему теперь она больше бросалась в глаза.

Сделав ход, Стрикленд откинулся на стуле и вперил в пространство рассеянный взгляд. Противник — дородный бородатый француз — долго обдумывал положение, затем вдруг разразился беззлой бранью, смахнул фигуры с доски и швырнул их обратно в коробку. Изругав Стрикленда и, видимо, облегчив свою душу, он позвал кельнера, заплатил за абсент и ушел. Стрѐв придвинул свой стул поближе к столику.

— Ну, теперь мы можем и поговорить, — сказал он.

Глаза Стрикленда были устремлены на него с каким-то злорадным выражением. Я ясно чувствовал, что он ищет повода поиздеваться над ним, ничего не находит и потому угрюмо молчит.

— Я привел старого друга повидаться с вами, — с сияющим лицом повторил Стрѐв.

Стрикленд, наверно, с минуту задумчиво смотрел на меня. Я молчал.

— В жизни его не видел, — объявил он наконец.

Не знаю, зачем он это сказал, от меня все равно не укрылся огонек в его глазах, — он, несомненно, узнал меня. Но теперь я не так легко конфузился, как несколько лет назад.

— Я на днях говорил с вашей женой и уверен, что вам интересно будет узнать о ней столь свежие новости. — В ответ послышался короткий смешок. Глаза Стрикленда блеснули.

— Мы тогда славно провели вечер, — сказал он. — Сколько лет назад это было?

— Пять.

Он спросил еще абсенту. Стрёв начал многословно объяснять, как мы с ним встретились и как в разговоре случайно выяснилось, что мы оба знаем Стрикленда. Не знаю, слушал ли его Стрикленд. Раза два он задумчиво взглянул на меня, но большей частью был погружен в собственные мысли, и, конечно, без болтовни Стрёва мне было бы нелегко поддерживать разговор. Минут через двадцать голландец поглядел на часы и объявил, что ему пора. Он спросил, пойду ли я с ним. Мне подумалось, что наедине я кое-что вытяну из Стрикленда, и я решил остаться.

После ухода толстяка я сказал:

— Дирк Стрёв считает вас великим художником.

— А почему, черт возьми, это должно интересовать меня?

— Вы позволите мне посмотреть ваши картины?

— Это еще зачем?

— Возможно, что мне захочется приобрести одну из них.

— Возможно, что мне не захочется ее продать.

— Надо думать, вы хорошо зарабатываете живописью? — с улыбкой спросил я.

Он фыркнул.

— Вы это заметили по моему виду?

— У вас вид вконец изголодавшегося человека.

— Так оно и есть.

— Тогда пойдемте обедать.

— Почему вы мне это предлагаете?

— Во всяком случае, не из жалости, — холодно отвечал я. — Ей-богу, мне наплевать, умрете вы с голоду или не умрете.

Глаза его снова зажглись.

— В таком случае пошли. — Он поднялся с места. — Неплохая штука — хороший обед.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Предоставив ему выбор ресторана, я по дороге купил газету. Когда мы заказали обед, я развернул ее, прислонил

к бутылке «сен-галмье» и углубился в чтение. Ели мы молча. Время от времени я чувствовал на себе взгляд Стрикленда, но сам не поднимал глаз. Мне хотелось во что бы то ни стало вызвать его на разговор.

— Есть что-нибудь интересное в газете? — спросил он под самый конец нашего молчаливого обеда.

В его тоне мне послышалось легкое раздражение.

— Я люблю читать фельетоны о театре, — отвечал я, складывая газету.

— Я с удовольствием пообедал, — заметил он.

— А не выпить ли нам здесь же кофе?

— Можно.

Мы взяли по сигарете. Я курил молча, но заметил, что в глазах его мелькал смех, когда он взглядывал на меня. Я терпеливо ждал.

— Что вы делали все эти годы? — спросил он наконец.

Что мог я рассказать о себе? Это была бы летопись тяжелого труда и малых дерзаний; попыток то в одном, то в другом направлении; постепенного познания книг и людей. Я, со своей стороны, остерегался расспрашивать Стрикленда о его делах и жизни, не выказывая ни малейшего интереса к его особе, и под конец был вознагражден. Он заговорил первый. Но, начисто лишенный дара красноречия, лишь отдельными вехами отметил пройденный путь, и мне пришлось заполнять пробелы с помощью собственного воображения. Это были танталовы муки — слушать, как скупыми намеками говорит о себе человек, так сильно меня интересовавший. Точно я читал неразборчивую, стертую рукопись. В общем, мне стало ясно, что жизнь его была непрестанной борьбой с разнообразнейшими трудностями. Но понял я и то, что многое предельно страшное для большинства людей его нисколько не страшило. Стрикленда резко отличало от его соплеменников полное пренебрежение к комфорту. Он с полнейшим равнодушием жил в убогой комнатке, у него не было потребности окружать себя красивыми вещами. Я убежден, что он даже не замечал, до какой степени грязны у него обои. Он не нуждался в креслах и предпочитал сидеть на кухонной табуретке. Он ел с жадностью, но что есть, ему было безразлично; пища была для него только средством заглушить сосущее чувство голода, а когда ее не находилось, ну что ж, он голодал. Я узнал, что в течение полугода его ежедневный рацион

состоял из ломтя хлеба и бутылки молока. Чувственный по природе, он оставался равнодушен ко всему, что возбуждает чувственность. Нужда его не тяготила, и он, как это ни парадоксально, всецело жил жизнью духа.

Когда подошла к концу скромная сумма, которую Стрикленд привез из Лондона, он не впал в отчаяние. Картины его не продавались, да он, по-моему, особенно и не старался продать их и предпочел пуститься на поиски какого-нибудь заработка. С мрачным юмором рассказывал он о временах, когда ему в качестве гида приходилось знакомить любопытных лондонцев с ночной жизнью Парижа; это занятие более или менее соответствовало его сардоническому нраву, и он каким-то образом умудрился досконально изучить самые «пропащие» кварталы Парижа. Много часов подряд шагал он по бульвару Мадлен, выискивая англичан, желательно подвыпивших и охочих до запрещенных законом зрелищ. Иной раз Стрикленду удавалось заработать кругленькую сумму, но под конец он так обносился, что его лохмотья отпугивали туристов и мало у кого хватало мужества довериться гиду-оборванцу. Затем ему снова повезло, он достал работу — переводил рекламы патентованных лекарств, которые посылались в Англию, а однажды, во время забастовки, работал маляром.

Однако он не забросил своего искусства, только перестал посещать студии и работал в одиночку. Деньги на холст и краски у него всегда находились, а больше ему ничего не было нужно. Насколько я понял, работал он очень трудно и, не желая ни от кого принимать помощи, тратил уйму времени на разрешение технических проблем, разрабатанных еще предшествующими поколениями. Он стремился к чему-то, к чему именно, я не знал, да навряд ли знал и он сам, и я опять еще яснее почувствовал, что передо мною одержимый. Право же, он производил впечатление человека не совсем нормального. Мне даже почудилось, что он не хочет показать мне свои картины, потому что они ему самому не интересны. Он жил в мечте, и реальность для него цены не имела. Должно быть, работая во всю свою могучую силу, он забывал обо всем на свете, кроме стремления воссоздать то, что стояло перед его внутренним взором, а затем, покончив даже не с картиной (мне почему-то казалось, что он редко завершал работу), но со сжигающей его страстью, утрачивал к ней всякий интерес. Никогда

не был он удовлетворен тем, что сделал; вышедшее из-под его кисти всегда казалось ему бледным и незначительным в сравнении с тем, что денно и ночью виделось его духовному взору.

— Почему вы не выставляете своих картин? — спросил я. — Неужто вам не хочется узнать, что думают о них люди?

— Я не любопытен.

Неописуемое презрение вложил он в эти слова.

— Разве вы не мечтаете о славе? Вряд ли хоть один художник остался к ней равнодушен.

— Ребячество! Как можно заботиться о мнении толпы, если в грош не ставишь мнение одного человека.

Я рассмеялся:

— Не все способны так рассуждать!

— Кто делает славу? Критики, писатели, биржевые маклеры, женщины.

— А, должно быть, приятно сознавать, что люди, которых ты и в глаза не видел, волнуются и трепещут, глядя на создание твоих рук! Власть — кто ее не любит? А есть ли власть прельстительнее той, что заставляет сердца людей биться в страхе или сострадании?

— Мелодрама.

— Но ведь и вам не все равно, пишете вы хорошо или плохо?

— Все равно. Мне важно только писать то, что я вижу.

— А я, например, сомневаюсь, мог ли бы я работать на необитаемом острове в уверенности, что никто, кроме меня, не увидит того, что я сделал.

Стрикленд долго молчал, но в глазах его светился странный огонек, словно они видели нечто, преисполнявшее восторгом его душу.

— Я иногда вижу остров, затерянный в бескрайнем морском просторе; там бы я мог мирно жить в укромной долине, среди неведомых мне деревьев. И там, мне думается, я бы нашел все, что ищу.

Он говорил не совсем так. Прилагательные подменял жестах и запинаясь. Я своими словами передал то, что он, как мне казалось, хотел выразить.

— Оглядываясь на эти последние годы, вы полагаете, что игра стоила свеч?

Он взглянул на меня, не понимая, что я имею в виду.

Я пояснил:

— Вы оставили уютный дом и жизнь такую, какую принято считать счастливой. Вы были состоятельным человеком, а здесь, а Париже, вам пришлось очень круто. Если бы жизнь можно было повернуть вспять, сделали бы вы то же самое?

— Конечно.

— А знаете, что вы даже не спросили меня о своей жене и детях? Неужели вы никогда о них не думаете?

— Нет.

— Честное слово, я бы предпочел, чтобы вы отвечали мне не так односложно. Но иногда-то ведь вы чувствуете угрызения совести за горе, которое причинили им?

Стрикленд широко улыбнулся и покачал головой.

— Мне кажется, что временами вы все же должны вспоминать о прошлом. Не о том, что было семь или восемь лет назад, а о далеком прошлом, когда вы впервые встретились с вашей женой, полюбили ее, женились. Неужто вы не вспоминаете радость, с которой вы впервые заключили ее в объятия?

— Я не думаю о прошлом. Значение имеет только вечное сегодня.

С минуту я раздумывал. Ответ был темен, и все же мне показалось, что я смутно прозреваю его смысл.

— Вы счастливы? — спросил я.

— Да.

Я молчал и задумчиво смотрел на него. Он выдержал мой взгляд, но потом сардонический огонек зажегся у него в глазах.

— Плохо мое дело, вы, кажется, осуждаете меня?

— Ерунда, — отрезал я, — нельзя осуждать боа констриктора; напротив, его психика несомненно возбуждает интерес.

— Значит, вы интересуетесь мною чисто профессионально?

— Да, чисто профессионально.

— Что ж, вам и нельзя меня осуждать. Сами не Бог весть что!

— Может быть, потому-то вы и чувствуете себя со мной непринужденно, — отпарировал я.

Он сухо улыбнулся, но ничего не сказал. Жаль, что я не умею описать его улыбку. Ее нельзя было назвать приятной, но она озарила его лицо, придала ему иное выражение,

не хмурое, как обычно, а лукаво-злорадное. Это была неторопливая улыбка, начинавшаяся, а может быть, и кончавшаяся, в уголках глаз; очень чувственная, не жестокая, но и не добрая, а какая-то нечеловеческая, словно это ухмылялся сатир. Эта улыбка и заставила меня спросить:

— И вы ни разу не были влюблены здесь, в Париже?

— У меня не было времени на такую чепуху. Жизнь — короткая штука, и на искусство и на любовь ее не хватит.

— Вы не похожи на анахорета.

— Все это мне противно.

— Плохо придуман человек.

— Почему вы смеетесь надо мной?

— Потому что я вам не верю.

— В таком случае вы осел.

Я молчал, испытующе глядя на него.

— Какой вам смысл меня дурачить? — сказал я наконец.

— Не понимаю.

Я улыбнулся.

— Сейчас объясню. Вот вы месяцами ни о чем таком не думаете и убеждаете себя, что с этим покончено раз и навсегда. Вы наслаждаетесь свободой и уверены, что теперь ваша душа принадлежит только вам. Вам кажется, что головой вы касаетесь звезд. А затем вы вдруг чувствуете, что больше вам не выдержать такой жизни, и замечаете, что ноги ваши все время топтались в грязи. И вас уже тянет вывалиться в ней. Вы встречаете женщину вульгарную, низкопробную, полуживотное, в которой воплощен весь ужас пола, и бросаетесь на нее, как дикий зверь. Вы упиваетесь ею, покуда ярость не ослепит вас.

Он смотрел на меня, и ни один мускул не дрогнул в его лице. Я не опускал глаз под его взглядом и говорил очень медленно.

— И вот еще что, как это ни странно, но когда все пройдет, вы вдруг чувствуете себя необычайно чистым, имматериальным. Вы как бестелесный дух, и кажется, вот-вот коснетесь красоты, словно красота осязаема. Вам чудится, что вы слились с ветерком, с деревьями, на которых набухли почки, с радужными водами реки. Вы как Бог. А можете вы объяснить — почему?

Он не сводил с меня глаз, покуда я не кончил, и тогда отвернулся. Странное выражение застыло на его лице. «Та-

кое лицо, — подумалось мне, — должно быть у человека, умершего под пытками». Стрикленд молчал. Я понял, что наша беседа окончена.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Обосновавшись в Париже, я начал писать пьесу. Жизнь я вел очень размеренную, по утрам работал, а днем бродил в Люксембургском саду или же шатался по улицам. Долгие часы я проводил в Лувре, приветливейшей из всех галерей на свете и всегда влекущей к раздумью, или же торчал у букинистов на набережных, перелистывая старые книги, которые не думал покупать. Я прочитывал страничку то тут, то там, затем шел дальше и таким образом просмотрел множество книг, с которыми мне и не хотелось знакомиться подробнее. По вечерам я навещал друзей. Частенько заходил к Стрёвам и, случалось, делил с ними их скромный ужин. Дирк Стрёв похвалялся своим искусством приготовления итальянские блюда, и надо сознаться, что его *spaghetti*¹ значительно превосходили его картины. Поистине то было королевское пиршество, когда в огромной миске он вносил макароны, щедро пропитанные томатом, и мы ели их с чудесным домашним хлебом, запивая красным вином. Я ближе узнал Бланш Стрёв, и, может быть, потому, что я англичанин, а она редко встречалась со своими соотечественниками, ее, видимо, всегда радовал мой приход. Она была приветлива, проста в обращении, хотя по большей части молчалива, и, не знаю почему, мне казалось, что на сердце у нее какая-то тайна. Впрочем, может быть, это была всего лишь врожденная сдержанность, подчеркнутая болтливой откровенностью мужа. Дирк ни о чем не умел молчать.

Самые интимные вопросы он обсуждал без малейшего стеснения. Жена его конфузилась, но только раз я заметил, что она вышла из себя, когда он пожелал во что бы то ни стало сообщить мне, что принял слабительное, и пустился в длинный и весьма натуралистический рассказ. Абсолютная серьезность, с которой он повествовал о своей беде, заставила меня покатываться со смеху, а миссис Стрёв окончательно смешалась.

¹ Макароны (*ит.*).

— Не понимаю, что за охота строить из себя дурачка! — воскликнула она.

Когда он увидел, что она сердится, его круглые глаза стали еще круглее, а брови взметнулись.

— Душенька моя, ты недовольна? Никогда больше не стану принимать слабительного. Это из-за разлития желчи. Сидячий образ жизни. Надо больше двигаться. Подумать только, что три дня у меня не было...

— Бога ради, придержи свой язык, — перебила она мужа со слезами досады на глазах.

Лицо его вытянулось, губы надулись, как у наказанного ребенка. Он бросил на меня умоляющий взгляд, взывая о помощи, но я, не в силах совладать с собой, корчился от смеха.

Однажды мы зашли к торговцу картинами, в лавке которого, по словам Стрёва, находились две или три вещи Стрикленда, но хозяин сообщил нам, что Стрикленд на днях забрал их. Почему — неизвестно.

— По правде сказать, я не очень-то огорчаюсь. Я взял их только из любезности, мсье Стрёв, и, конечно, пообещал продать, если удастся, хотя, ей-богу... — он пожал плечами, — я, конечно, стараюсь поддерживать молодых художников, но тут *voilà*¹, мсье Стрёв, вы сами знаете, таланта ни на грош.

— Даю вам честное слово, нет в наши дни более даровитого художника. Помяните мое слово, вы упускаете выгодное дело. Придет время, когда эти картины будут стоить дороже всех, что имеются у вас в лавке. Вспомните Моне, которому не удавалось сбыть свои вещи за сотню франков. А сколько они стоят теперь?

— Правильно, но десятки художников не хуже Моне не могли сбыть свои картины, которые и теперь ничего не стоят. Что тут можно знать? Разве успех дается по заслугам? Вздор. *Du reste*², надо еще доказать, что этот ваш приятель достоин успеха. Кроме вас, мсье Стрёв, никто этого не считает.

— А как вы в таком случае определяете, кто его достоин? — спросил Дирк, красный от гнева.

— Только одним способом — по успеху.

— Филистер! — крикнул Дирк.

¹ Право же (*фр.*).

² К тому же (*фр.*).

— А вы вспомните великих художников прошлого — Рафаэля, Микеланджело, Энгра, Делакруа — все они имели успех.

— Пойдем, — оборотился ко мне Стрёв, — или я убью этого человека.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Я встречал Стрикленда довольно часто и время от времени даже играл с ним в шахматы. Он был человек очень неровного характера. То молча сидел в углу, рассеянный и никого не замечающий, то вдруг, придя в хорошее расположение духа, начинал говорить, как всегда отрывисто и косноязычно. Я ни разу не слышал от него ничего особенно умного, но его жестокий сарказм порою был занимателен; и говорил Стрикленд только то, что думал. Ему ничего не стоило больно уязвить человека, и когда на него обижались, он только веселился. Дирку Стрёву, например, он наносил обиды столь горькие, что тот убегал, клянясь никогда больше не встречаться с ним. Но могучая натура Стрикленда неодолимо влекла к себе толстяка голландца, и он возвращался, виляя хвостом, точно провинившийся пес, хотя отлично знал, что его снова встретят пинком, которого он так боялся.

Не знаю почему, Стрикленд охотно водился со мной. Общшения у нас сложились своеобразные. Однажды он попросил меня дать ему займы пятьдесят франков.

— И не подумая, — отвечал я.

— Почему?

— А с какой радости я стану ссужать вас деньгами?

— Мне сейчас очень туго приходится.

— Не интересуюсь.

— Не интересуется, если я сдохну с голода?

— Мне-то что до этого? — в свою очередь спросил я.

Минуту-другую он смотрел на меня, теребя свою косматую бороду. Я улыбался.

— Что вас смешит, хотел бы я знать? — глаза его гневно блеснули.

— Неужели вы так наивны? Вы ведь никаких обязательств не признаете, следовательно, и вам никто ничем не обязан.

— А каково вам будет, если я сейчас пойду и повешусь; потому что мне нечем заплатить за комнату и меня выгонят на улицу?

— Мне наплевать, что с вами будет.

Он фыркнул.

— Хвастовство! Сделай я это, и вас совесть загрызет.

— Попробуйте, тогда увидим, — отвечал я.

Улыбка промелькнула у него в глазах, и он молча допил свой абсент.

— Не сыграть ли нам в шахматы? — предложил я.

— Пожалуй.

Когда мы расставили фигуры, он с довольным видом оглядел доску.

— Отрадно видеть, что твои солдаты готовы к бою.

— Вы вправду вообразили, что я дам вам денег? — спросил я.

— А почему бы вам и не дать?

— Вы меня удивляете и разочаровываете.

— Чем?

— Оказывается, в глубине души вы сентиментальны. Я бы предпочел, чтобы вы не взывали так наивно к моим чувствам.

— Я презирал бы вас, если бы вы расстроились, — отвечал он.

— Так-то оно лучше, — рассмеялся я.

Мы сделали первые ходы и оба углубились в игру. А когда кончили, я сказал:

— Вот что я вам предлагаю, если у вас дела так плохи, покажите мне ваши картины. Возможно, какая-нибудь из них мне понравится, и я ее куплю.

— Идите к черту, — отрезал он.

Он встал и уже шагнул было к двери. Я его остановил ехидным замечанием:

— Вы забыли заплатить за абсент!

Он обругал меня, швырнул на стол монету и ушел.

После этого я несколько дней его не видел. Но однажды вечером, когда я сидел в кафе и читал газету, он вошел и уселся рядом со мной.

— Как видно, вы все же не повесились, — заметил я.

— Нет, я получил заказ. За двести франков пишу портрет старого жестянщика¹.

¹ Эта картина ранее принадлежала богатому фабриканту в Милле, бежавшему при приближении немцев. Теперь она находится в Национальной галерее в Стокгольме. Шведы — мастера ловить рыбу в мутной воде. (Прим. авт.)

— Как это вам удалось?

— Меня рекомендовала булочница, у которой я покупаю хлеб. Он ей сказал, что ищет, кто бы мог написать его портрет. Пришлось дать ей двадцать франков за комиссию.

— А каков он собой?

— Великолепен. Красная рожа, жирная, как баранья нога, и на правой щеке громадная волосатая бородавка.

Стрикленд был в отличном расположении духа и, когда к нам подсел Дирк Стрёв, со свирепым добродушием обрушился на беднягу. С ловкостью, которой я даже не предполагал в нем, он отыскивал наиболее уязвимые места злополучного голландца. На сей раз Стрикленд донимал его не рапирой сарказма, но дубиной брани. Это была атака настолько неспровоцированная, что Стрёв, застигнутый врасплох, оказался полностью беззащитным и походил на вспугнутую овцу, бессмысленно тыкающуюся из стороны в сторону. Он был так поражен и озадачен, что в конце концов слезы потекли у него из глаз. Но самое печальное, что любой свидетель этой безобразной сцены, при всей ненависти к Стрикленду, не мог бы удержаться от смеха. Дирк Стрёв принадлежал к тем несчастным, чьи самые глубокие чувства поневоле смешат вас.

И все же приятнейшее мое воспоминание о той парижской зиме — Дирк Стрёв. Его скромный домашний очаг был проникнут очарованием. Вид этой уютной четы радовал душу, а наивная любовь Дирка к жене так и светилась заботливой нежностью. Бестолковая искренность его страсти невольно вызывала симпатию. Я понимал, какие чувства она должна была питать к нему, и радовался, видя ее теплую привязанность. Если у нее есть чувство юмора, думал я, она забавляется его преклонением, тем, что он вознес ее так высоко, но ведь и смеясь она не может не быть польщена и растрогана. Дирк — однолюб, и даже когда она постареет, утратит приятную округлость линий и миловидность, для него она все равно будет самой молодой и прекрасной на свете. Образ жизни этой четы отличался успокоительной размеренностью. Кроме мастерской, в их квартирке были только спальня и крохотная кухонька. Миссис Стрёв собственноручно делала всю домашнюю работу; покуда Дирк писал плохие картины, она ходила на рынок, стряпала, шила — словом, хлопотала, как муравей, а вечером, снова с шитьем в руках, сидела в мастерской и слушала, как Дирк играет на

рояле, хотя он любил серьезную музыку, вероятно, недоступную ее пониманию. Он играл со вкусом, но вкладывал в игру слишком много чувства, в игре звучала вся его честная, сентиментальная, любвеобильная душа.

Их жизнь была своего рода идиллией, но подлинно красивой идиллией. Комичность, печать которой ложилась решительно на все вокруг Дирка Стрёва, вносила в нее своеобразную нотку, некий диссонанс, делавший ее, однако, более современной и человеческой; подобно грубой шутке, вкрапленной в серьезную сцену, она только еще горше делала горечь, неизбежно заложенную в красоте.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Незадолго до Рождества Дирк Стрёв пришел просить меня встретить праздник вместе с ними. Сочельник неизменно вызывал в нем прилив сентиментальности, и он жаждал провести его среди друзей и со всеми подобающими церемониями. Оба мы не видели Стрикленда уже около месяца: я — потому, что занимался друзьями, приехавшими на некоторое время в Париж, Стрёв — потому, что разбился сильнее, чем обычно, и дал себе наконец слово никогда больше не искать его общества. Стрикленд — ужасный человек, и он отныне знать его не желает. Однако наступающие праздники вновь преисполнили его добрых чувств, и он содрогнулся при мысли, что Стрикленд проведет Рождество в полном одиночестве. Приписывая ему свои чувства, он не мог вынести, чтобы в день, когда друзья собираются за праздничным столом, бедняга пребывал наедине со своими мрачными мыслями. Дирк устроил елку в своей мастерской, и я подозревал, что самые неподходящие подарки для каждого из нас уже висят на ее разукрашенных ветвях. В глубине души он все-таки боялся встречи со Стриклендом, сознавая, что унижительно так легко прощать жестокую обиду, и потому непременно хотел, чтобы я был свидетелем сцены примирения.

Мы вместе отправились на улицу Клиши, но Стрикленда в кафе не оказалось. Сидеть на улице было холодно, и мы облюбовали себе кожаный диван в зале, не устранившись духоты и воздуха, сизого от сигарного дыма. Стрикленд не появлялся, но вскоре мы заметили художника-француза, с которым он иногда играл в шахматы. Я его окликнул, и

он подсел к нашему столику. Стрёв спросил, давно ли он видел Стрикленда.

— Стрикленд болен, — отвечал художник, — разве вы не знали?

— И серьезно?

— Очень, насколько мне известно.

Стрёв побелел.

— Почему он мне не написал? Какой я дурак, что поссорился с ним. Надо сейчас же к нему пойти. За ним, вероятно, и присмотреть некому. Где он живет?

— Понятия не имею, — отвечал француз.

Оказалось, что ни один из нас не знает, как найти Стрикленда. Дирк был в отчаянии.

— Он может умереть, и ни одна живая душа об этом не узнает! Ужас! Даже подумать страшно! Мы обязаны немедленно разыскать его.

Я попытался втолковать Стрёву, что наугад гоняться за человеком по Парижу — бессмыслица. Сначала надо составить план действий.

— Отлично! А он, может быть, лежит при смерти, и, когда мы его разыщем, будет уже поздно.

— Да замолчи ты, дай подумать! — прикрикнул я на него.

Мне был известен только один адрес — «Отель де Бельж», но Стрикленд давно оттуда выехал, и вряд ли там даже помнят его. А если еще принять во внимание его навязчивую идею скрывать свое местожительство, то не остается уже почти никакой надежды, что он сообщил портье свой адрес. Вдобавок это было пять с лишним лет назад. Но наверняка он жил где-то поблизости, раз продолжал ходить в то же кафе, что и в бытность свою постояльцем «Отель де Бельж».

И вдруг я вспомнил, что заказ на портрет достался ему через булочницу, у которой он покупал хлеб. Вот у кого узнаем мы, возможно, где он живет. Я спросил адресную книгу и стал выискивать булочные. Неподалеку отсюда их было пять, нам оставалось только все их обойти. Стрёв неохотно последовал за мной. У него был свой собственный план — заходить во все дома по улицам, расходящимся от улицы Клиши, и спрашивать, не здесь ли проживает Стрикленд. Моя несложная схема вполне себя оправдала, ибо уже во второй булочной женщина за прилавком сказа-

ла, что знает Стрикленда. Она только не была уверена, в каком из трех домов напротив он живет. Но удача нам сопутствовала, и первая же спрошенная нами консьержка сообщила, что комната Стрикленда находится на самом верху.

— Он, кажется, нездоров, — начал Дирк.

— Все может быть, — равнодушно отвечала консьержка. — En effet¹ я уже несколько дней его не видела.

Стрёв помчался по лестнице впереди меня, а когда и я наконец взобрался наверх, он уже разговаривал с каким-то рабочим в одной жилетке, открывшим на его стук. Рабочий велел нам стучать в соседнюю дверь. Тамошний жилец и вправду, кажется, художник. Но он не попадался ему на глаза уже целую неделю. Стрёв согнул было палец, чтобы постучать, но вдруг с отчаянным лицом обернулся ко мне.

— А что, если он умер?

— Кто-кто, а Стрикленд жив!

Я постучал. Ответа не было. Я нажал ручку, дверь оказалась незапертой, и мы вошли — я впереди, Стрёв за мной. В комнате было темно. Я с трудом разглядел, что это мансарда под стеклянной крышей; слабый свет с потолка лишь чуть-чуть рассеивал темноту.

— Стрикленд! — позвал я.

Ответа не было. Это уже и мне показалось странным, а Стрёв, стоявший позади меня, дрожал как в лихорадке.

Я не решался зажечь свет. В углу я смутно различил кровать, и мне стало жутко: а вдруг при свете мы увидим на ней мертвое тело?

— Что, у вас спичек, что ли, нет, дурачье?

Я вздрогнул, услышав из темноты жесткий голос Стрикленда.

— Господи Боже ты мой! — закричал Стрёв. — Я уж думал, вы умерли!

Я зажег спичку и, оглянувшись в поисках свечи, успел увидеть тесное помещение, одновременно служившее жильем и мастерской. Тут только и было что кровать, холсты на подрамниках, повернутые лицом к стене, мольберт, стол и стул. Ни ковра на полу, ни камина. На столе, заваленном красками, шпателями и всевозможным мусором, нашелся огарок свечи. Я зажег его. Стрикленд лежал в неудобной

¹ В самом деле (фр.).

позе, потому что кровать была коротка для него, навалив на себя всю имевшуюся у него одежду. С первого взгляда было ясно, что у него жестокий жар. Стрёв бросился к нему и срывающимся от волнения голосом забормотал:

— О бедный мой друг, что же это с вами? Я понятия не имел, что вы больны. Почему вы меня не известили? Вы же знаете, я все на свете сделал бы для вас. Не думайте о том, что я вам сказал тогда. Я был не прав. Глупо, что я обиделся...

— Убирайтесь к черту, — проговорил Стрикленд.

— Будьте же благоразумны. Позвольте мне устроить вас поудобнее. Неужели здесь никого нет, кто бы присмотрел за вами?

Он в полном смятении оглядел убогий чердак. Поправил одеяло и подушку. Стрикленд тяжело дышал и хранил злобное молчание. Потом сердито взглянул на меня. Я спокойно стоял и, в свою очередь, смотрел на него.

— Если хотите что-нибудь для меня сделать, принесите молока, — сказал он наконец. — Я два дня не выхожу из комнаты.

Возле кровати стояла пустая бутылка из-под молока, в кусок газеты были завернуты огрызки хлеба.

— Что вы ели это время? — спросил я.

— Ничего.

— С каких пор? — закричал Стрёв. — Неужели вы два дня провели без еды и питья? Это ужасно!

— Я пил воду.

Глаза его остановились на большой кружке, до которой можно было дотянуться с кровати.

— Сейчас я сбегаю за едой, — суетился Стрёв, — скажите, чего бы вам хотелось?

Я вмешался, сказав, что надо купить градусник, немного винограду и хлеба. Стрёв, радуясь, что может быть полезен кубарем скатился по лестнице.

— Чертов дуралей! — пробормотал Стрикленд.

Я пощупал его пульс. Он бился часто и чуть слышно. На мои вопросы Стрикленд ничего не ответил, а когда я настойчиво повторил их, со злостью отвернулся к стене. Мне оставалось только молча ждать. Минут через десять возвратился запыхавшийся Стрёв. Помимо всего прочего он принес свечи, бульон, спиртовку и, как расторопный хозяин, тотчас же принялся кипятить молоко. Я измерил

Стрикленду температуру. Градусник показал сорок и три десятых. Он был серьезно болен.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Вскоре мы его оставили. Дирку надо было домой обедать, а я сказал, что приведу к Стрикленду врача. Но едва мы оказались на улице, где дышалось особенно легко после спертого чердачного воздуха, как голландец стал умолять меня немедленно пойти вместе с ним в его мастерскую. У него есть одна идея, какая — он мне сейчас не скажет, но я непременно, непременно должен сопровождать его. Я не думал, чтобы врач в данный момент мог сделать больше, чем сделали мы, и поэтому согласился. Когда мы вошли, Бланш Стрёв накрывала на стол. Дирк прямо направился к ней и взял ее руки в свои.

— Милочка моя, я хочу кое о чем попросить тебя, — сказал он.

Она посмотрела на него тем серьезным и ясным взглядом, который был едва ли не главной ее прелестью. Красная физиономия Стрёва лоснилась от пота, вид у него был до смешного перебудораженный, но в его круглых, всегда удивленных глазах светилась решимость.

— Стрикленд очень болен. Возможно, при смерти. Он живет совсем один на грязном чердаке, где некому даже присмотреть за ним. Позволь мне перевезти его к нам.

Она быстро вырвала руки из его рук, я никогда еще не видел у нее такого стремительного движения; бледное лицо ее вспыхнуло.

— Ах, нет!

— Дорогая моя, не отказывай мне. Я не в силах оставить его там одного. Я глаз не сомкну, думая о нем.

— Пожалуйста, иди и ухаживай за ним, я ничего не имею против. — Голос ее звучал холодно и высокомерно.

— Но он умрет.

— Пусть.

Стрёв даже рот раскрыл, потом вытер пот с лица и обернулся ко мне, ища поддержки, но я не знал, что сказать.

— Он великий художник.

— Какое мне дело? Я его ненавижу.

— Дорогая, любимая моя, не говори так. Заклинаю тебя, позволь мне привести его. Мы его устроим здесь, может

быть, спасем ему жизнь. Он тебя не обременит. Я все буду делать сам. Я постелю ему в мастерской. Нельзя же, чтобы он подыхал, как собака. Это бесчеловечно.

— Почему его нельзя отправить в больницу?

— В больницу! Он нуждается в любовном, заботливом уходе.

Меня удивило, что Бланш так взволновалась. Она продолжала накрывать на стол, но руки у нее дрожали.

— Не выводи меня из терпения! Заболей ты, Стрикленд бы пальцем не пошевелинул для тебя!

— Ну и что с того? За мной ходила бы ты. Его помощь мне бы не понадобилась. А кроме того, я — дело другое, много ли я значу?

— Ты как неразумный щенок. Валяешься на земле и позволяешь людям топтать себя.

Стрёв хихикнул. Ему показалось, что он понял причину ее гнева.

— Деточка моя, ты все вспоминаешь, как он пришел сюда смотреть мои картины. Что за беда, если ему они показались скверными? С моей стороны было глупо показывать их. А кроме того, они ведь и вправду не очень-то хороши.

Он унылым взором окинул мастерскую. Незаконченная картина на мольберте изображала улыбающегося итальянского крестьянина; он держал гроздь винограда над головой темноглазой девушки.

— Даже если они ему не понравились, он обязан был соблюсти вежливость. Зачем он оскорбил тебя? Чтобы показать, что он тебя презирает? А ты готов ему руки лизать. О, я ненавижу его!

— Деточка моя, ведь он гений. Не думаешь же ты, что я себя считаю гениальным художником. Конечно, я бы хотел им быть. Но гения я вижу сразу и всем своим существом преклоняюсь перед ним. Удивительнее ничего нет на свете... Но это тяжкое бремя для того, кто им осенен. К гениальному человеку надо относиться терпимо и бережно.

Я стоял в сторонке, несколько смущенный этой семейной сценой, и удивлялся, почему Стрёв так настаивал на моем приходе. У его жены глаза уже были полны слез.

— Пойми, я умоляю тебя принять его не только потому, что он гений, но еще и потому, что он человек, больной и бедный человек!

— Я никогда не впущу его в свой дом! Никогда!

Стрёв обернулся ко мне:

— Объясни хоть ты ей, что речь идет о жизни и смерти. Нельзя же оставить его в этой проклятой дыре.

— Конечно, ухаживать за больным было бы проще здесь, — сказал я, — но, с другой стороны, это очень стеснит вас. Его ведь нельзя будет оставить одного ни днем, ни ночью.

— Любовь моя, не может быть, чтобы ты страшилась заботы и отказала в помощи больному человеку.

— Если он будет здесь, то я уйду! — вне себя воскликнула миссис Стрёв.

— Я тебя не узнаю. Ты всегда так добра и великодушна.

— Ради Бога, оставь меня в покое! Ты меня с ума сведешь!

Слезы наконец хлынули из ее глаз. Она упала в кресло и закрыла лицо руками. Плечи ее судорожно вздрагивали. Дирк в мгновение ока очутился у ее ног. Он обнимал ее, целовал ей руки, называл нежными именами, и слезы умиления катились по его щекам. Она высвободилась из его объятий и вытерла глаза.

—пусти меня, — сказала миссис Стрёв уже мягче и, сияясь улыбнуться, обратилась ко мне: — Что вы теперь обо мне думаете?

Стрёв хотел что-то сказать, но не решался и смотрел на нее отчаянным взглядом. Лоб его сморщился, красные губы оттопырились. Он почему-то напомнил мне испуганную морскую свинку.

— Значит, все-таки «нет», родная?

Она уже изнемогла и лишь устало махнула рукой.

— Мастерская твоя. Все здесь твое. Если хочешь привезти его сюда, как я могу этому препятствовать?

Улыбка внезапно озарила его круглое лицо.

— Ты согласна? Я так и знал! Родная моя!

Она вдруг овладела собой и бросила на него взгляд, полный муки. Потом прижала обе руки к сердцу, словно стараясь утишить его биение.

— О Дирк, за всю мою жизнь я никогда ни о чем не просила тебя!

— Ты же знаешь, нет ничего на свете, чего бы я для тебя не сделал.

— Умоляю тебя, не приводи сюда Стрикленда. Кого хочешь, только не его. Приведи вора, пропойцу, первого

попавшегося бродягу с улицы, и я обещаю тебе с радостью ходить за ним. Только не Стрикленда, заклинаю тебя, Дирк.

— Но почему?

— Я боюсь его. Он приводит меня в ужас. Он причинит нам страшное зло. Я это знаю. Чувствую. Если ты приведешь его, это добром не кончится.

— Что за безумие!

— Нет, нет! Я знаю, что говорю. Что-то ужасное случится с нами.

— Из-за того, что мы сделаем доброе дело?

Она прерывисто дышала, ужас искажил ее лицо. Я не знал, какие мысли проносились у нее в голове, но чувствовал, что какой-то безликий страх заставил ее потерять самообладание. А ведь обычно она была так спокойна и сдержанна; ее смятение было непостижимо. Стрѐв некоторое время смотрел на нее, оцепенев от изумления.

— Ты моя жена, и ты мне дороже всех на свете. Ни один человек не переступит этого порога без твоего согласия.

Миссис Стрѐв на минуту закрыла глаза. Мне показалось, что она теряет сознание. Я не знал, что она такая невропатка, и чувствовал глухое раздражение. Затем опять слышался голос Стрѐва, как-то странно прорезавший тишину:

— Разве ты не была в великой беде, когда тебе протянули руку помощи? И ты еще помнишь, как много это значит. Неужели ты не хотела бы, если тебе представляется случай, вызволить из беды другого человека?

Это были самые обыкновенные слова, правда, на мой слух они звучали несколько назидательно, так что я едва сдержал улыбку. Действие их поразило меня. Бланш Стрѐв вздрогнула и долгим взглядом в упор посмотрела на мужа. Он уставился в пол и, как мне показалось, смешался. Щеки ее слегка заалели, но тут же страшная мертвенная бледность проступила на лице; казалось, вся кровь застыла в ее жилах, даже руки у нее побледнели. Она задрожала. Тишина в мастерской стала плотной, почти осязаемой. Я был окончательно сбит с толку.

— Привези Стрикленда, Дирк. Я сделаю для него все, что в моих силах.

— Родная моя, — улынулся он и протянул к ней руки, но она отстранилась.

— Я не люблю нежностей на людях, Дирк. Это глупо. Она опять была прежней Бланш, и никто не сказал бы, что минуту назад ее потрясло такое страшное волнение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

На следующий день мы перевезли Стрикленда. Понадобилось немало настойчивости и еще больше терпения, чтобы побудить его к этому, но он действительно был очень болен и не имел сил сопротивляться мольбам Стрёва и моей решительности. Мы одели его, причем он все время слабым голосом чертыхался, свели с лестницы, усадили в кеб и доставили в мастерскую Стрёва. Стрикленд так изнемог от всех этих перипетий, что без возражений позволил уложить себя в постель. Он прохворал месяца полтора. Бывали дни, когда нам казалось, что он не проживет и нескольких часов, и я убежден, что выкарабкался он только благодаря необычному упорству Стрёва.

Я в жизни не видывал более трудного пациента. Он не был ни требователен, ни капризен, напротив — никогда не жаловался, ничего не спрашивал и почти все время молчал; но его как будто злили наши заботливые попечения. На вопрос, как он себя чувствует и не нужно ли ему чего-нибудь, он отвечал насмешками или бранью. Я его просто возненавидел и, как только он оказался вне опасности, напрямик ему об этом заявил.

— Убирайтесь к черту, — был его ответ. Вот и все.

Дирк Стрёв окончательно забросил работу и ходил за Стриклендом как преданная нянька. Он удивительно ловко оправлял ему постель и с хитростью, какой я никогда бы не заподозрил в нем, заставлял принимать лекарства. Никакие труды и хлопоты его не останавливали. Хотя средств у него хватало на безбедную жизнь вдвоем с женой, но никаких излишеств он себе, конечно, позволить не мог; теперь же он сумасбродно расточал деньги на всевозможные деликатесы, которые могли бы возбудить капризный аппетит Стрикленда. Никогда я не забуду, с какой терпеливой деликатностью уговаривал он его побольше есть. Грубости, которые тот говорил ему в ответ, никогда не выводили Дирка из себя; угрюмой злобы он старался не замечать; если его задирали, только посмеивался. Когда Стрикленд начал поправляться, его хорошее настроение выра-

жалось в насмешках над Стрёвом, и тот нарочно дурачился, чтобы повеселить его, украдкой бросая на меня радостные взгляды: вот, мол, дело пошло на поправку! Стрёв был великолепен.

Но еще больше меня удивляла Бланш. Она себя зарекомендовала не только способной, но и преданной сиделкой. Трудно было поверить, что она так яростно противилась желанию мужа водворить больного Стрикленда в их мастерскую. Она пожелала ухаживать за больным наравне с Дирком.

Устроила постель так, чтобы менять простыни, не тревожа Стрикленда. Умывала его. Когда я подивился ее сноровке, она улыбнулась своей милой, тихой улыбкой и сказала, что ей пришлось одно время работать в больнице. Ни словом, ни жестом не выказала она своей отчаянной ненависти к Стрикленду. Она мало говорила с ним, но угадывала все его желания. В течение двух недель его даже ночью нельзя было оставлять одного, и она дежурила возле его постели по очереди с мужем. О чем она думала, часами сидя около него в темноте? На Стрикленда было страшно смотреть: он лежал, уставившись воспаленными глазами в пустоту; еще более худой, чем обычно, с всклокоченной рыжей бородой; от болезни его неестественно блестящие глаза казались еще огромнее.

— Говорит он когда-нибудь с вами по ночам? — спросил я однажды.

— Никогда.

— Вы по-прежнему его не терпите?

— Больше, чем когда-либо.

Она взглянула на меня своими ясными глазами. Лицо ее было безмятежно, и как-то не верилось, что эта женщина способна на бурный взрыв ненависти, свидетелем которого я был.

— А поблагодарил он вас хоть однажды за все, что вы для него сделали?

— Нет, — улыбнулась она.

— Страшный человек!

— И отвратительный.

Стрёв, конечно, был в восторге и не знал, как благодарить жену за ту чистосердечную готовность, с которой она приняла на свои плечи это бремя. Его смущало лишь то, как относились друг к другу Стрикленд и Бланш.

— Ты понимаешь, они часами не обмениваются ни единым словом.

Как-то раз — Стрикленду было уже настолько лучше, что через денек-другой он собирался встать с постели, — мы все сидели в мастерской. Дирк что-то рассказывал мне, миссис Стрѐв шила; мне показалось, что она чинит рубашку Стрикленда. Стрикленд лежал на спине и ни слова не говорил. Случайно я подметил, что его глаза с насмешкой и любопытством устремлены на Бланш Стрѐв. Почувствовав его взгляд, она, в свою очередь, подняла на него глаза, и несколько секунд они в упор смотрели друг на друга. Мне было не совсем ясно, что выражал ее взор. В нем была странная растерянность и, Бог весть почему, смятение. Но тут Стрикленд отвел глаза и снова праздно уставился в потолок, она же все продолжала смотреть на него с непонятными загадочным выражением.

Через несколько дней Стрикленд начал ходить по комнате. От него остались только кожа да кости, одежда болталась на нем как на вешалке. Взлохмаченная рыжая борода, отросшие волосы, необычно крупные черты лица, заострившиеся от болезни, придавали ему странный вид — странный настолько, что он уже не был отталкивающим. В самой несуразности этого человека проглядывало какое-то монументальное величие. Я не знаю, как точно передать впечатление, которое он на меня производил. Не то чтобы его насквозь проникала духовность, хотя телесная оболочка и казалась прозрачной, — слишком уж была в глаза чувственность, написанная на его лице; быть может, то, что я сейчас скажу, смешно, но это была одухотворенная чувственность. От Стрикленда веяло первобытностью, точно и в нем была заложена частица тех темных сил, которые греки воплощали в образах получеловека-полуживотного — сатира, фавна. Мне пришел на ум Марсий, поплатившийся своей кожей за дерзостную попытку состязаться в пении с Аполлоном. Стрикленд вынашивал в своем сердце причудливые гармонии, невиданные образы, и я предвидел, что его ждет конец в муках и отчаянии. «Он одержим дьяволом, — снова думал я, — но этот дьявол не дух зла, ибо он — первобытная сила, существовавшая прежде добра и зла».

Стрикленд был еще слишком слаб, чтобы писать, и молча сидел в мастерской, предаваясь Бог весть каким гре-

зам, или читал. Я видел у него книги самые неожиданные: стихи Малларме — он читал их, как читают дети, беззвучно шевеля губами, и я недоумевал, какие чувства порождают в нем эти изысканные каденции и темные строки; в другой раз я застал его углубившимся в детективный роман Габорио. Меня забавляла мысль, что в выборе книг сказываются противоречивые свойства его необыкновенной натуры. Интересно было и то, что, даже ослабев телом, он ни в чем себе не потакал. Стрёв любил комфорт, и в мастерской стояли два мягких глубоких кресла и большой диван. Стрикленд к ним даже не подходил, и не из показного стоицизма — как-то раз я застал его там совсем одного, сидящего на трехногом стуле, — а просто потому, что он не нуждался в удобстве и любому креслу предпочитал кухонный табурет. Меня это раздражало, я никогда не видел человека более равнодушного к окружающей обстановке.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Прошло две или три недели. Однажды утром, когда моя работа вдруг застопорилась, я решил дать себе отдых и отправился в Лувр. Бродя по залам, я разглядывал хорошо знакомые картины и тешил свою фантазию чувствами, которые они во мне пробуждали. В одном из переходов я вдруг увидел Стрёва. Я улыбнулся, ибо его кругленькая особа неизменно вызывала улыбку, но, подойдя ближе, заметил, что вид у него, против обыкновения, понурый. Чем-то очень удрученный, Стрёв тем не менее был смешон, как человек, неожиданно упавший в воду: только что спасенный от смерти, он насквозь промок, еще не оправился от испуга, но понимает свое дурацкое положение. Его круглые голубые глаза тревожно блеснули за очками.

— Стрёв, — окликнул я его.

Он вздрогнул, затем улыбнулся, но какой-то горестной улыбкой.

— Что это вы, сэр, вдруг вздумали бездельничать? — весело осведомился я.

— Я давно не был в Лувре. И вот решил посмотреть, нет ли чего-нибудь нового.

— Но ведь ты говорил, что должен на этой неделе закончить картину?

— Стрикленд работает в моей мастерской.

— Ну и что с того?

— Я сам ему предложил. Он еще слишком слаб, чтобы вернуться домой. Я думал, мы будем работать вдвоем. В Латинском квартале многие так работают. Мне казалось, что это очень славно получится. Я всегда думал: как хорошо перемолвиться словом с товарищем, когда устанешь от работы.

Он говорил медленно, с запинками, глядя на меня своими добрыми, глуповатыми глазами. Они были полны слез.

— Я тебя что-то не понимаю.

— Стрикленд не может работать, когда в мастерской еще кто-то есть.

— А тебе какое дело, черт возьми! Ведь это же твоя мастерская!

Стрѐв бросил на меня жалобный взгляд. Губы его дрожали.

— В чем дело, объясни, — потребовал я.

Он молчал, весь красный. Потом с несчастным видом уставился на какую-то картину.

— Он не позволил мне писать. Сказал, чтобы я убирался.

— Да почему ты-то не сказал ему, чтобы он убирался ко всем чертям?

— Он меня выгнал. Не драться же мне с ним. Швырнул мне вслед мою шляпу и заперся.

Я готов был убить Стрикленда, но злился и на себя, так как, глядя на беднягу Стрѐва, едва удерживался от смеха.

— А что на это сказала твоя жена?

— Она ушла за покупками.

— А ее-то он впустит?

— Не знаю.

Я оторопело уставился на Дирка. Он стоял, точно провинившийся школьник перед учителем.

— Хочешь, я сейчас пойду и выгоню Стрикленда?

Он слегка вздрогнул, и его лоснящееся красное лицо стало еще краснее.

— Нет. Ты лучше не вмешивайся.

Он кивнул мне и ушел. Я понял, что почему-то он не хочет обсуждать эту историю, но почему — мне было не ясно.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Неделю спустя все выяснилось. На скорую руку пообедав в ресторане, я вернулся домой и сел читать в своей

маленькой гостиной. Часов около десяти вечера в передней раздался надтреснутый звон колокольчика. Я открыл дверь. Передо мной стоял Стрёв.

— Можно к тебе?

На полутемной лестнице я толком не разглядел его, но в голосе его было что-то странное. Не знаю я, что он трезвенник, я бы подумал, что он пьян. Я провел его в гостиную и усадил в кресло.

— Слава Богу, наконец-то я тебя застал! — воскликнул он.

— А в чем дело? — спросил я, удивленный такой горячностью.

Только сейчас я его разглядел. Всегда очень тщательно одетый, Дирк выглядел растерзанными даже неопрятным. Я улыбнулся, решив, что он выпил лишнего, и уже хотел над ним подшутить!

— Я не знал куда деваться, — выпалил он. — Я уже приходил сюда, но тебя не было дома.

— Я сегодня поздно обедал.

Теперь я понял, что не хмель привел Дирка в такое состояние. Лицо его, обычно такое розовое, пошло багровыми пятнами. Руки тряслись.

— Что с тобой? — спросил я.

— От меня ушла жена.

Он с трудом выговорил эти слова, задохнулся, и слезы потекли по его круглым щекам. Я не знал, что сказать. Первая моя мысль была, что ее терпение лопнуло, и, возмущенная циническим поведением Стрикленда, она потребовала, чтобы Дирк выгнал его. Я знал, на какие вспышки она способна, несмотря на свое внешнее спокойствие. И если Стрёв не согласился на ее требование, она могла выбежать из мастерской, клянясь никогда больше не возвращаться. Впрочем, бедняга был в таком отчаянии, что я даже не улыбнулся.

— Да не убивайся ты так, дружище. Она вернется. Нельзя же всерьез принимать слова, которые женщина говорит в запальчивости.

— Ты не понимаешь... Она влюбилась в Стрикленда.

— Что-о?! — Я был ошеломлен, но едва смысл его слов дошел до меня, как я понял, что это вздор. — Какую чепуху ты несешь! Уж не приревновал ли ты ее к Стрикленду? — Я готов был рассмеяться. — Ты знаешь не хуже меня, что она его не выносит.

— Ничего ты не понимаешь, — простонал он.

— Ты истеричный осел, — нетерпеливо крикнул я. — Пойдем-ка, я напою тебя виски с содовой, и у тебя легче станет на душе.

Мне подумалось, что по той или иной причине — а ведь один Бог знает, как изобретателен человек по части самоистязания, — Дирк забрал себе в голову, что его же не нравится Стрикленд, и, со своей удивительной способностью высказываться не к месту, он оскорбил ее, а она, чтобы ему отплатить, притворилась, будто его подозрения основательны.

— Вот что, — сказал я, — пойдем сейчас к тебе. Раз уж ты заварил кашу, так ты ее и расхлебывай. Твоя жена, по-моему, женщина незлопамятная.

— Но как же я туда пойду? — устало отозвался Дирк. — Ведь они там. Я им оставил мастерскую.

— Значит, не жена ушла от тебя, а ты ушел от жены?

— Ради Бога, не говори так!

Я все еще не принимал его слова всерьез, ни на минуту не веря тому, что он сказал. Однако Дирк был вне себя от горя.

— Ты ведь пришел поделиться со мной, так расскажи все по порядку.

— Сегодня я почувствовал, что больше не выдержу. Я сказал Стрикленду, что, по-моему, он уже вполне здоров и может возвратиться домой. Мастерская нужна мне самому.

— Кроме Стрикленда, на свете, верно, нет человека, которому нужно было бы это говорить, — заметил я. — Ну и что же он?

— Он усмехнулся. Ты же знаешь его манеру усмехаться так, что другой чувствует себя набитым дураком. И сказал, что уйдет немедленно. Он начал собирать свои вещи — помнишь, я взял из его комнаты все, что могло ему понадобиться. Потом спросил у Бланш бумаги и веревку.

Стрёв запнулся, он прерывисто дышал и, казалось, был близок к обмороку. Признаться, я не это ожидал от него услышать.

— Бланш, очень бледная, все ему принесла. Он не сказал ни слова. Стал что-то насвистывать и увязал вещи. На нас не обращал никакого внимания. А глаза — насмешливые. Ты не можешь себе представить, как у меня было тяжело на сердце. Мне казалось, сейчас случится что-то страшное,

и я жалел, что заговорил с ним. Он оглянулся, стал искать шляпу. Тут она сказала: «Дирк, я ухожу со Стриклендом. Я не могу больше жить с тобой». Я хотел заговорить, но слова не шли у меня с языка. Стрикленд молчал. Только нахвистывал, словно все это его не касалось.

Стрѐв опять запнулся и вытер пот с лица. Я молчал. Теперь я уже верил ему и был потрясен, но все равно ничего не понимал.

Затем он рассказал мне — голос у него при этом срывался и по щекам текли слезы, — как он бросился к жене, хотел обнять ее, но она отшатнулась, умоляя не прикасаться к ней. Он заклинал ее не уходить. Говорил, как страстно ее любит, старался воскресить в ее памяти счастливые дни и то обожание, которым он окружал ее, твердил, что не сердится на нее и ни в чем ее не упрекает.

— Пожалуйста, Дирк, дай мне спокойно уйти, — сказала она наконец. — Разве ты не понимаешь, что я люблю Стрикленда? Я пойду за ним куда угодно.

— Но ведь ты никогда не будешь счастлива с ним! Останься ради своего же блага. Ты не знаешь, что тебя ждет.

— Это твоя вина. Ты настоял на том, чтобы привести его сюда.

Тогда он бросился к Стрикленду.

— Сжальтесь над ней, — умолял он. — Не допускайте ее до этого безумия.

— Она вольна поступать как ей заблагорассудится, — отвечал Стрикленд. — Я не принуждаю ее идти со мной.

— Мой выбор сделан, — глухим голосом сказала Бланш.

Оскорбительное спокойствие Стрикленда отняло у Дирка последнее самообладание. В слепой ярости, уже не понимая, что делает, он бросился на Стрикленда. Стрикленд, захваченный врасплох, покачнулся, но он был очень силен, даже после болезни, и Дирк в мгновение ока — как это случилось, он не понял, — очутился на полу.

— Смешной вы человечиска, — сказал Стрикленд.

Стрѐв поднялся. Жена его все это время оставалась спокойной, и его унижение стало еще нестерпимее оттого, что он оказался смешным в ее глазах. Очки соскочили у него во время борьбы, и он беспомощно озирался вокруг. Она подняла их и молча подала ему. Внезапно он почувствовал всю глубину своего несчастья и, сознавая, как он смешон и жалок, все же заплакал в голос. Он закрыл лицо

руками. Те двое молча смотрели на него и не двигались с места.

— Любимая моя, — простонал он наконец, — как ты можешь быть такой жестокой!

— Я ничего не могу с собой поделать, Дирк, — отвечала она.

— Я боготворил тебя, как никто никогда не боготворил женщину. Если я в чем-нибудь провинился перед тобой, почему ты не сказала, я бы загладил свою вину. Я делал для тебя все, что мог.

Она не отвечала, лицо у нее стало каменное, он видел, что только докучает ей. Она надела пальто, шляпу и двинулась к двери. Дирк понял: еще мгновение — и она уйдет. Он ринулся к ней, схватил ее руки, упал перед нею на колени; чувство собственного достоинства окончательно его оставило.

— Не уходи, моя родная. Я не могу жить без тебя! Я покончу с собой! Если я чем-нибудь тебя обидел, умоляю тебя, прости! Дай мне возможность заслужить прощение. Я сделаю все, все, чтобы ты была счастлива!

— Встань, Дирк! Не строй из себя шута.

Шатаясь, он поднялся, но все не имел сил отпустить ее.

— Куда ты пойдешь! — торопливо заговорил он. — Ты не представляешь себе, как живет Стрикленд. Ты не можешь там жить! Это было бы ужасно!

— Если мне это все равно, то чего же тебе волноваться?

— Подожди минуту. Я должен сказать... Ты не можешь мне запретить...

— Зачем? Я решила. Что бы ты ни сказал, я не переменяю своего решения.

Он всхлипнул и, словно унимая боль, схватился рукою за сердце.

— Я не прошу тебя перерешать, но только выслушай меня. Это моя последняя просьба. Не отказывай мне.

Она остановилась и посмотрела на него своим задумчивым взглядом, теперь таким отчужденным и холодным, отошла от двери и встала у шкафа.

— Я тебя слушаю.

Стрѐв сделал неимоверное усилие, чтобы взять себя в руки.

— Будь же хоть немного благоразумной. Ты не можешь жить воздухом. У Стрикленда гроша нет за душой.

— Я знаю.
— Ты будешь терпеть страшные лишения. Знаешь, почему он так долго не поправлялся? Он ведь голодал невесть сколько времени.

— Я буду зарабатывать для него.

— Чем?

— Не знаю. Что-нибудь придумаю.

Страшная мысль промелькнула в голове у бедняги, он вздрогнул.

— Ты, наверно, с ума сошла. Что с тобою делается?

Она пожалала плечами.

— Мне можно теперь идти?

— Погоди еще секунду.

Он обвел взглядом мастерскую. Он любил ее, потому что присутствие Бланш делало все вокруг приветливым и уютным; на мгновение закрыл глаза, снова открыл их и посмотрел на жену так, словно хотел навеки запечатлеть в душе ее облик. Потом взялся за шляпу.

— Оставайся. Уйду я.

— Ты?

Она опешила и ничего не понимала.

— Я не могу допустить, чтобы ты жила на этом грязном чердаке. В конце концов этот дом так же твой, как и мой. Тебе здесь будет лучше. Хоть от самых страшных лишений ты будешь избавлена.

Он открыл шкаф и достал небольшую пачку денег.

— Я дам тебе половину того, что у меня есть.

Дирк положил деньги на стол. Стрикленд и Бланш молчали.

— Я попрошу тебя уложить мои вещи и передать их консьержке. Завтра я приду за ними. — Он сделал попытку улыбнуться. — Прощай, моя дорогая. Спасибо тебе за все счастье, которое ты дала мне.

Он вышел и прикрыл за собою дверь. Мне вдруг ясно представилось, как после его ухода Стрикленд бросил на стол свою шляпу, сел и закурил папиросу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Я довольно долго молчал, размышляя о том, что рассказал мне Стрѐв. Нелегко мне было снести такое мало-душье, и он это заметил.

— Ты не хуже меня знаешь, как живет Стрикленд, — сказал он дрожащим голосом. — Я не мог допустить, чтобы и она жила в таких условиях... просто не мог.

— Это твое дело, — отвечал я.

— Как бы ты поступил на моем месте?

— Она знала, на что идет. Если бы ей пришлось страдать от известных неудобств, ее воля.

— Да, но ты не любишь ее.

— А ты все еще ее любишь?

— О, больше прежнего! Стрикленд не из тех людей, что могут сделать женщину счастливой. Долго это не продлится. Пусть она знает, что я никогда не покину ее.

— Как понимать твои слова? Ты готов взять ее обратно?

— Я бы ни на секунду не задумался. Да и я буду ей тогда всего нужнее. Страшно подумать — она останется одна, униженная, сломленная, и вдруг ей некуда будет деваться!

Он даже не чувствовал себя оскорбленным. А я, естественно, возмущался его малодушием. Вероятно, он догадался, о чем я думаю, так как сказал:

— Я и не мог надеяться, что она будет любить меня так же, как я ее. Я шут. Женщины таких не любят. Я всегда это знал. Не вправе я обвинять ее за то, что она полюбила Стрикленда.

— Ты начисто лишен самолюбия, это редчайшее свойство.

— Я люблю ее куда больше, чем самого себя. Мне кажется, самолюбие примешивается к любви, только когда ты больше любишь самого себя. Ведь женатые мужчины сплошь и рядом увлекаются другими женщинами; а потом все проходит, они возвращаются в семью, и люди считают это вполне естественным. Почему с женщинами должно быть по-другому?

— Рассуждение довольно логичное, — рассмеялся я, — но большинство мужчин иначе устроено, они не могут простить, и этим все сказано.

Я говорил и в то же время ломал себе голову над внезапностью случившегося. Неужели Стрѐв ничего не подозревал?

Мне вспомнилось странное выражение, однажды промелькнувшее в глазах Бланш Стрѐв. Может быть, она уже смутно понимала тогда, что роковое чувство зарождается в ее сердце.

— Ну, а до сегодняшнего дня ты не замечал, что между ними что-то есть? — спросил я.

Стрёв не ответил. Он взял со стола карандаш и машинально рисовал на промокательной бумаге какую-то женскую головку.

— Скажи прямо, если тебе неприятны мои вопросы.

— Нет, мне легче говорить... Ох, если бы ты знал, какие страшные муки терзали меня. — Он отшвырнул карандаш. — Да, я знал об этом уже две недели. Знал раньше, чем узнала она.

— Почему же, скажи на милость, ты не выставил Стрикленда за дверь?

— Я не верил. Мне это казалось неправдоподобным. Она его терпеть не могла. Более того — невероятным. Я считал, что это просто ревность. Понимаешь ли, я всегда был ревнив, но приучил себя не подавать виду! Я ревновал ее ко всем нашим знакомым мужчинам, ревновал и к тебе. Я знал, что она не любит меня так, как я люблю ее. Иначе и быть не могло. Но она позволяла мне любить себя, и этого мне было довольно для счастья. Я заставлял себя на долгие часы уходить из дому, чтобы оставить их одних; так я себя наказывал за недостойные подозрения, а когда я возвращался, я видел, что им это неприятно... вернее, ей. Стрикленду было все равно, дома я или нет. Бланш содрогалась, когда я подходил поцеловать ее. Когда я наконец убедился, я не знал, что делать. Устроить сцену? Да они бы только посмеялись надо мной. И вот мне подумалось: может быть, если держать язык за зубами и делать вид, что ничего не замечаешь, то все как-нибудь образуется. А его я решил выжить спокойно, без всяких ссор. Ох, если бы ты знал, как я мучился!

Затем Дирк повторил свой рассказ о том, как он просил Стрикленда уехать. Он выбрал подходящую минуту и постарался высказать эту просьбу как бы между прочим; да только не совладал со своим голосом и сам почувствовал, что в слова, которые должны были звучать легко и дружелюбно, вкралась горечь ревности. Он никак не ожидал, что Стрикленд тотчас же начнет собираться, и, уж конечно, не думал, что Бланш решит уйти вместе с ним. Я видел, как он жалеет теперь, что не сдержался и заговорил со Стриклендом.

Мучения ревности он предпочитал мучениям разлуки.

— Я хотел убить его и только разыграл из себя шута.

Он долго сидел молча, прежде чем произнести то, что я ожидал от него услышать.

— Если бы я не поторопился, может, все и обошлось бы. Нельзя быть таким нетерпеливым. О, бедная моя девочка, до чего я ее довел!

Я только пожал плечами. Бланш Стрёв была мне не симпатична, но сказать то, что я о ней думаю, значило бы причинить ему новую боль.

Он дошел до той степени возбуждения, когда человек говорит и уже не может остановиться. Без конца возвращался он к пресловутой сцене. То вспоминал что-то, чего еще не успел мне сообщить, то пускался в рассуждения о том, что ему следовало бы ей сказать, и затем опять принимался жаловаться на свою слепоту. Сожалел, что поступил так, а не этак. Между тем давно уже спустилась ночь, и а устал не меньше его самого.

— Что ж ты намерен делать дальше? — спросил я наконец.

— Что делать? Буду дожидаться, покуда она не придет за мной.

— Почему тебе не уехать, хотя бы ненадолго?

— Нет, нет, я могу понадобится ей и должен быть под рукой.

Это был совсем потерянный человек. Он не в силах был собраться с мыслями. Когда я сказал, что пора ему лечь в постель, он возразил, что все равно не уснет. Он хотел уйти и до рассвета бродить по улицам. Его, безусловно, нельзя было оставлять одного. Наконец мне удалось уговорить его переночевать у меня, и я уложил его в свою кровать. В гостиной у меня стоял диван, на котором я отлично мог выспаться. Дирк был уже вконец измучен и не имел сил мне противиться. Чтобы заставить его забыться хоть на несколько часов, я дал ему изрядную дозу веронала. И лучшей услуги, пожалуй, нельзя было оказать бедняге.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Мой диван оказался не слишком удобным ложем, и я не столько спал, сколько думал о Стрёве. Поступок Бланш меня не очень-то озадачил: я считал, что это не что иное, как зов плоти. Она, вероятно, никогда по-настоящему не

любила Дирка, и то, что я принял за любовь, было лишь чисто женским откликом на заботу и ласку, который женщины нередко принимают за любовь. Это пассивное чувство, оно способно обратиться на любой объект, как виноградная лоза способна обвить любое дерево. Людская мудрость воздаёт должное этой способности, ибо как иначе объяснить, что девушку насильно выдают замуж за человека, который захотел ее, считая, что любовь придет сама собой. Такого рода чувство составляется из приятного ощущения благополучия, гордости собственницы, из удовольствия сознавать себя желанной, из радости домоводства. И «духовным» женщины называют его только из тщеславия. Это чувство беззащитно против страсти. Я подозревал, что к неистовой ненависти Бланш Стрёв к Стрикленду с первых же дней примешивался некий элемент полового влечения. Но кто я, чтобы тшиться разгадать запутанные тайны пола? Возможно, что страсть Дирка возбуждала ее, не давая удовлетворения, и она возненавидела Стрикленда, почувствовав, что он может дать ей то, чего она алчет. Наверное, она с полной искренностью восставала против желания мужа привезти его к ним; Стрикленд пугал ее, а почему, она и сама не знала, но предчувствовала несчастье. Ее ужас перед Стриклендом, так ее волновавшим, вероятно, был ужасом перед самой собою. Внешность у Стрикленда была странная и грубая, его глаза смотрели равнодушно, а рот свидетельствовал о чувственности. Он был рослым, сильным мужчиной, вероятно необузданным в страсти, и не исключено, что и она почуяла в нем темную стихию, натолкнувшую меня на мысль о диких доисторических существах, которые хоть и не утратили еще первобытной связи с землей, но уже обладали и собственным разумом. Если он взволновал ее, она неизбежно должна была полюбить его или возненавидеть. Она возненавидела.

Да и ежедневное близкое общение с ним, когда он был болен, тоже, должно быть, странно ее возбуждало. Она кормила его, поддерживая его голову, а потом заботливо вытирала его чувственные губы и огненную бороду. Она мыла его руки, поросшие жесткой щетиной, и, вытирая их, чувствовала, что, несмотря на болезнь, они сильны и мускулисты. У него были длинные пальцы, чуткие, создающие пальцы художника, и они пробуждали в ее мозгу тревожные мысли. Он спал очень спокойно, не двигаясь,

точно мертвый, и был похож на дикого зверя, отдыхающего после долгой охоты, а она сидела подле него, гадая, какие видения посещают его во сне. Может быть, ему снилась нимфа, мчашаяся по лесам Греции, и сатир, неотступно преследующий ее? Она неслась, быстроногая, испуганная, но расстояние между ними все сокращалось, его горячее дыхание уже обжигало ей шею, и все-таки она молча стремилась вперед, и сатир также молча преследовал ее, а когда он наконец ее настиг, кто знает, в ужасе или в упоении забилось ее сердце?

Жестокий голод снесдал Бланш Стрѐв. Может быть, она еще ненавидела Стрикленда, но только он один мог утолить этот голод, и все, что было до этих дней, больше не имело для нее значения. Она уже не была женщиной со сложным характером, доброй и вспыльчивой, деликатной и бездумной.

Она была менадой. Она была вся — желание.

Но, может быть, это лишь поэтические домыслы, может быть, ей просто наскучил муж и она сошлась со Стриклендом из бессердечного любопытства? Даже не питая к нему горячей любви, уступила его желанию, потому что была праздною и похотливой, а потом уже запуталась в сетях собственного коварства? Откуда мне знать, какие мысли и чувства таились за холодным взглядом этих серых глаз, под чистым безмятежным лбом?

Человек — существо, столь переменчивое, что о нем ничего наверное знать нельзя, и все же поступку Бланш Стрѐв нетрудно было подыскать правдоподобное объяснение. Что же касается Стрикленда, то тут, сколько я ни ломал себе голову, я все равно ничего не понимал. То, что он сделал, прямо противоречило моему представлению о нем. Мне не казалось странным, что он так жестоко обманул доверие друга и, не задумываясь, причинил страшное горе человеку, только бы удовлетворить свою прихоть. Такова была его натура. О благодарности он не имел ни малейшего понятия. Он не знал сострадания. Чувства, обычные для каждого из нас, ему были не свойственны, и винить его за это было так же нелепо, как винить тигра за свирепую жестокость. Но самая прихоть — вот что было непостижимо.

Я не мог поверить, что Стрикленд влюбился в Бланш Стрѐв. И не верил, что он вообще способен любить. Любовь — это забота и нежность, а Стрикленд не знал нежности ни к себе, ни к другим; в любви есть милосердие, же-

ление защитить любимое существо, стремление сделать добро, обрадовать, — если это и не самоотречение, то, во всяком случае, удивительно хорошо замаскированный эгоизм, — но есть в ней и некоторая робость. Нет, в Стрикленде ничего этого не было. Любовь — всепоглощающее чувство. Она отрешает человека от самого себя, и даже завязтый ясновидец хоть и знает, что так оно будет, но реально не в состоянии себе представить, что его любовь пройдет. Любовь облекает в плоть и кровь иллюзию, и человек, отдавая себе отчет в том, что это иллюзия, все же любит ее больше действительности. Она делает его больше, чем он есть, и в то же время меньше. Он перестает быть самим собою. Он уже не личность, а предмет, орудие для достижения цели, чуждой его «я». Любви всегда присуща доля сентиментальности, но Стрикленд меньше, чем кто-либо, был подвержен этому недугу. Я не верил, что Стрикленд может подчиниться чьей-то воле, никакого ига он бы не потерпел. Я знал, что он вырвет из сердца, может быть, со страшной мукой, которая обессилит и обескровит его, все, что станет между ним и тем непонятным влечением, которое не давало ему покоя ни днем, ни ночью. Если мне удалось воссоздать образ Стрикленда во всей его сложности, то я возьму на себя смелость сказать еще и это: Стрикленд, казалось мне, слишком велик для любви и в то же время ее не стоит.

Впрочем, представление о страсти у каждого складывается на основе его собственных симпатий и антипатий и, следовательно, у всех разное. Такой человек, как, Стрикленд, должен был любить на свой лад. И потому копаться в его чувствах бессмысленно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На следующий день, несмотря на все мои уговоры, Стрѐв ушел от меня. Я предложил сходить за его чемоданом в мастерскую, но он хотел во что бы то ни стало идти сам. По-моему, он надеялся, что они позабыли собрать его вещи и ему представится случай еще раз повидать жену и, кто знает, может быть, убедить ее к нему вернуться. Но он нашел все свои пожитки внизу, в комнате консьержки, которая сказала ему, что Бланш нет дома. Вероятно, он не устоял перед соблазном поделиться с нею своим горем. Он

рассказывал о нем всем встречным и поперечным; он ждал сочувствия, но над ним только подсмеивались.

Дирк вел себя из рук вон глупо. Зная, в какое время его жена ходит за покупками, и не имея сил так долго не видаться с нею, он однажды подстерег ее на улице. Она не хотела говорить с ним, но он настаивал, чтобы она хоть выслушала его. Он бормотал какие-то непонятные извинения за все, чем мог когда-либо огорчить ее, говорил, как преданно ее любит, умолял вернуться к нему. Она не отвечала и шла, не оглядываясь, все быстрее и быстрее. Я словно видел, как он едва поспевает за ней на своих толстеньких ножках. Задышавшись от быстрой ходьбы, он говорил о том, как он несчастен, заклинал ее сжалиться над ним, обещал делать все, что она пожелает, лишь бы она его простила. Он умолял ее уехать с ним куда-нибудь далеко, предостерегал, что она скоро наскучит Стрикленду. Когда он рассказал мне об этой безобразной сцене, я вышел из себя. До такой степени утратить рассудок и чувство собственного достоинства! Он сделал решительно все, чтобы добиться презрения жены, ибо нет жестокости более страшной, чем жестокость женщины к мужчине, который любит ее, но которого она не любит; в ней не остается больше ни доброты ни терпимости, одно только безумное раздражение. Бланш Стрёв внезапно остановилась и наотмашь ударила мужа по лицу. Затем, пользуясь его растерянностью, убежала наверх, в мастерскую. И все это молча, без единого слова.

Рассказывая об этом, Стрёв схватился за щеку, словно еще чувствуя боль от удара; при этом в глазах его стояла душераздирающая тоска и забавное недоумение. Он был похож на побитого школьника, и я, от души жалея его, едва удерживался от смеха.

Затем он стал ежедневно бродить возле лавок, в которых она делала покупки, и, стоя за углом или на другой стороне улицы, смотрел, как она проходит мимо. Заговаривать с нею он больше не отваживался, но старался вложить во взгляд своих круглых глаз всю мольбу, переполнявшую его сердце. Он, кажется, надеялся, что вид его страданий смягчит ее.

Она его попросту не замечала. Даже не потрудилась поискать другую дорогу или изменить время своего хождения по лавкам. В ее равнодушии была немалая доля же-

стокости; может быть, ей даже нравилось мучить его. Я не понимал, за что она его возненавидела.

Я упрашивал Стрёва образумиться. Нельзя же быть такой тряпкой!

— Все это тебя до добра не доведет, — говорил я. — Лучше бы ты хорошенько отколотил ее. Тогда бы она перестала тебя презирать.

Я советовал ему уехать на время домой. Он часто рассказывал мне о тихом городке на севере Голландии, где и сейчас жили его родители, люди очень скромные. Отец его был плотник. Их опрятный старый домишко из красного кирпича стоял на берегу заброшенного канала. Улицы там были широкие и безлюдные. Уже двести лет городок умирал, но дома еще сохраняли величавую простоту доброго старого времени. В них некогда жили в покое и довольстве богатые купцы, посылавшие свои товары в далекую Индию, и обветшалые здания, казалось, были еще проникнуты ароматом тех счастливых дней. Берегом канала можно было выйти в зеленеющие поля, где там и сям стояли ветряные мельницы и белые с черным коровы лениво пощипывали траву. Мне казалось, что в этих краях, полных воспоминаний детства, Дирк Стрёв сумеет позабыть о своем несчастье. Но он не хотел уезжать.

— Я должен быть здесь на случай, если понадобится ей, — твердил он. — Вдруг случится что-нибудь ужасное, а меня здесь не будет.

— А что, по-твоему, должно случиться?

— Не знаю, но мне страшно.

Я пожал плечами.

Несмотря на все свое горе, Дирк Стрёв оставался комической фигурой. Если бы он хоть немножко похудел и осунулся, он, наверно, возбуждал бы жалость. Но ничего подобного с ним не случилось. Он был по-прежнему кругл, как шар, и его налитые красные щеки блестели, точно спелые яблоки. Своей щеголеватой опрятности Дирк тоже не утратил и ходил, как обычно, в изящном черном костюме и в котелке, который был ему маловат и потому сидел на голове как-то лихо и весело. Дирк уже успел обзавестись брюшком, которое ничуть не уменьшалось от всех его горестей. Он теперь больше чем когда-либо походил на преуспевающего коммивояжера. Очень печально, когда внешность человека находится в таком несоответствии

с его душой. В данном случае страсть Ромео пылала в теле сэра Тоби Белча. У Дирка было нежное, великодушное сердце и повадки шута, безошибочное чувство красоты и умение писать только пошлые картинки, удивительная душевная деликатность и вульгарные манеры. Он проявлял немало такта в чужих делах, но в своих собственных отличался удивительной бестактностью. Да, жестокую шутку сыграла старуха природа, когда соединила в одном человеке столь противоречивые качества и столкнула его лицом к лицу с беспощадной и равнодушной вселенной.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

Я не видел Стрикленда уже больше месяца. Он был мне отвратителен, и при случае я с удовольствием высказал бы ему свое о нем мнение: однако разыскивать его с этой целью мне казалось излишним. Я всегда побаивался выступать в качестве поборника нравственности, ибо в этой роли обязательно становишься самодовольным, а человеку, не лишенному чувства юмора, это не совсем приятно. Если я уж рискую выставить себя в смешном виде, то лишь из-за чего-то очень мне дорогого. А Стрикленду была свойственна язвительная прямота, которая заставляла меня избегать всего хотя бы чуть-чуть похожего на позу. Но однажды вечером, идя по улице Клиши мимо излюбленного Стриклендом кафе, куда я теперь не заглядывал, я нос к носу столкнулся с ним. Стрикленд был не один, а с Бланш Стрёв, и они направлялись к столику в углу, где он обычно сидел.

— Где вы, черт вас возьми, пропадали столько времени? Я уж думал, вы уехали.

Судя по сердечному тону, Стрикленд догадывался о моем нежелании с ним разговаривать. Впрочем, с ним особых церемоний разводить не приходилось.

— Нет, — сухо возразил я, — никуда я не уезжал.

— Почему же вы сюда не заглядывали?

— В Париже много кафе, где можно посидеть от скуки.

Бланш подала мне руку и пожелала доброго вечера. Я почему-то был убежден, что она очень изменилась; но на ней было то же изящное и скромное серое платье, в котором я привык видеть ее, и лоб у нее был такой же чистый, и глаза такие же безмятежные, как в ту пору, когда она хлопотала по хозяйству в доме Стрёва.

— Пойдемте сыграем партию в шахматы, — предложил Стрикленд.

Не знаю почему, но я не сумел отказаться и угрюмо пошел за ним к его постоянному столику. Стрикленд велел принести доску и фигуры. Они оба вели себя так, словно ничего не произошло, и я почувствовал, что было бы глупо мне держаться по-другому. Миссис Стрѐв невозмутимо наблюдала за нашей игрой. Она молчала, но она и всегда была молчалива. Я взглянул на ее губы. Может быть, по ним мне удастся прочесть, что она чувствует? Я следил, не промелькнет ли в ее глазах тень страха или горечи, смотрел на ее лоб: может быть, хоть одна мимолетная черточка будет свидетельствовать о скрытом волнении. Ее лицо было ничего не говорящей маской. Мирно сложенные руки покоились на коленях. Я уже знал, что она женщина больших страстей, а судя по тому страшному удару, который она нанесла Дирку, так беззаветно ей преданному, способна и на стремительный порыв, и на отчаянную жестокость. Она ушла из-под надежного крова от доброго мужа, поставила крест на обеспеченной жизни, всем рискнула для преходящего — этого она не могла не знать — сердечного приключения. Если же вспомнить, что она была рачительной хозяйкой и примерно вела свой дом, тем замечательней покажется ее безрассудство, готовность жить в нужде и лишениях. Видимо, у этой женщины была очень сложная натура, едва ли не трагически противоречившая ее повадкам смиренницы.

Эта встреча взбудоражила меня, и мое воображение лихорадочно работало, покуда я старался сосредоточиться на игре. Я всегда очень старался победить Стрикленда, так как он был из тех игроков, что презирают побежденного противника; от его нескрываемого торжества поражение становилось еще неприятнее. Но надо отдать ему справедливость — собственный проигрыш он сносил вполне добродушно. Препротивный победитель, он был симпатичным побежденным. Те, кто считает, что характер человека всего отчетливее проступает в игре, могут сделать отсюда довольно тонкие выводы.

По окончании игры я подозвал кельнера, заплатил за выпитое и откланялся. Наша встреча прошла совсем неинтересно. Ни одно слово не дало пищи моей фантазии, и какие бы предположения я ни строил, ничто их не под-

тверждало. Я терялся в догадках. Как складывается их жизнь? Много бы я дал, чтобы бесплотным духом проникнуть в стены мастерской и послушать, о чем говорят эти двое. Но моему воображению не за что было зацепиться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Дня через два ко мне явился Дирк Стрёв.

— Говорят, ты видел Бланш, — выпалил он.

— С чего ты взял?

— Мне говорил один человек, он видел тебя с ними в кафе. Почему ты мне ничего не сказал?

— Не хотел тебя расстраивать.

— Пустое. Ты же знаешь, я хочу все, все знать о ней, каждую мелочь.

Я приготовился отвечать на его вопросы.

— Как она выглядит?

— Ничуть не изменилась.

— По-твоему, она счастлива?

Я пожал плечами.

— Что я могу тебе сказать? Мы сидели в кафе, играли в шахматы. Я с нею и словом не перемолвился.

— Да разве по лицу не видно?

Я покачал головой. Мне оставалось только повторить, что ни словом, ни жестом она не выдала своих чувств. Ему, Дирку, лучше меня известно ее удивительное самообладание.

Он стиснул руки.

— О-о, я так боюсь! Я уверен, случится что-то страшное, и я не в силах этому помешать.

— Но что именно? — осведомился я.

— Не знаю, — простонал он, сжимая голову руками. — Я предвижу ужасную катастрофу.

Стрёв и всегда-то легко приходил в волнение, но сейчас он был положительно вне себя и никаких резонов не слушал. Я думал, что Бланш скоро станет невтерпёж со Стриклендом.

Неправду говорят, будто что посеешь, то и пожнешь. Люди часто делают все от них зависящее, чтобы навлечь на себя беду, но потом каким-то образом умудряются избежать последствий своего безумия. Поссорившись со Стриклендом, Бланш, конечно, оставит его и вернется к мужу, ко-

торый в своем смирении только и ждет возможности все простить и забыть. Признаться, ни симпатии, ни сострадания она мне не внушала.

— Да, но ты не любишь ее, — повторял Стрёв.

— А почему надо полагать, что она несчастна? Насколько мне известно, эта парочка премило устроилась.

Стрёв посмотрел на меня скорбными глазами.

— Тебе все это, разумеется, безразлично, а для меня это важно, бесконечно важно.

Мне сделалось совестно за свою легкомысленную резкость.

— Можешь ты исполнить одну мою просьбу? — сказал Дирк.

— Охотно.

— Напиши Бланш от моего имени.

— А почему ты сам не можешь написать?

— Я уже не раз писал ей. Но ответа мне ждать не приходится. Она, видно, даже не читает моих писем.

— Ты забываешь о женском любопытстве. Неужели ты думаешь, она устоит против соблазна?

— Да, поскольку он исходил от меня.

Я взглянул на него. Он опустил глаза. Его ответ показался мне до боли унижительным. Дирк знал, что он настолько ей безразличен, что она даже не вскрывает его писем.

— И ты веришь, что она со временем к тебе вернется? — спросил я.

— Пусть она знает, что, если ей станет уж совсем плохо, она может смело на меня рассчитывать.

Я взял листок бумаги.

— Скажи точнее, что я должен писать?

И я написал:

«Дорогая миссис Стрёв.

Дирк просит меня сказать, что в любое время, когда бы он вам ни понадобился, он будет счастлив возможностью быть вам полезным. Он не питает к вам недобрых чувств из-за того, что случилось. Его любовь неизменна. Вы всегда застанете его по нижеследующему адресу...»

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Хотя я не хуже Стрёва знал, что связь Стрикленда и Бланш добром не кончится, я все же не предвидел столь

трагической развязки. Настало лето, душное и знойное, даже ночь не приносила отдыха перенапряженным нервам. Раскаленные солнцем улицы, казалось, отдавали назад весь дневной жар, и пешеходы еле волочили ноги. Я очень давно не видел Стрикленда. Занятый другим, я вовсе перестал о нем думать. Дирк наскучил мне своими тщетными lamentациями, и я избегал его. Нехорошая это была история, и я больше не собирался забивать ею себе голову.

Как-то утром я сидел в пижаме и работал. Мысли мои блуждали далеко, я думал о солнечных заливах Бретани, о свежем морском ветре. На столе возле меня стоял кофейник, в котором консьержка принесла мне традиционное *café au lait*¹, и остатки недоеденного печенья. Я слышал, как за стеной консьержка спускает воду после моей утренней ванны. Зазвенел звонок. Она открыла дверь, и раздался голос Стрёва, спрашивающий, дома ли я. Не вставая с места, я крикнул ему: «Входи». Он ворвался в комнату и бросился ко мне.

— Она покончила с собой, — хрипло проговорил он.

— Что ты хочешь сказать? — крикнул я, пораженный.

Стрёв шевелил губами, но ни один звук больше не слетал с них. Затем он стал что-то лопотать, как помешанный. Сердце у меня заколотилось, и, сам не зная почему, я вдруг обозлился.

— Да возьми же себя в руки! Что ты такое несешь?

Он делал отчаянные жесты, но слова у него по-прежнему не выговаривались. Он точно лишился языка. Не знаю, что на меня нашло, но я схватил его за плечи и встряхнул. Вспоминая об этом, я, конечно, досаую на себя, но последние бессонные ночи, видимо, расшатали мои нервы сильнее, чем я думал.

— Дай мне сесть, — задыхаясь, проговорил он наконец.

Я налил стакан вина и хотел подать ему, но мне пришлось поить его, как ребенка, держа стакан у самых его губ. Он с трудом сделал первый глоток, и несколько капель пролилось на его манишку.

— Кто покончил с собой?

Не знаю, почему я задал этот вопрос, мне ведь и так было понятно, о ком он говорит.

Он сделал усилие, чтобы овладеть собой.

¹ Кофе с молоком (фр.).

— Вчера вечером они поссорились. Он ушел от нее.
— Она умерла?
— Нет, ее увезли в больницу.
— Так что ж ты мне толкуешь? — крикнул я. — Почему ты говоришь, что она покончила с собой?

— Не сердись на меня... Я ничего не могу сказать, когда ты со мною так...

Я крепко сжал руки, сиюсь сдержать себя, и даже попытался улыбнуться.

— Извини. Я тебя не тороплю. Успокойся и расскажи все по порядку.

Круглые голубые глаза Дирка были полны ужаса, стекла очков делали их взгляд еще страшнее.

— Сегодня утром консьержка поднялась наверх, чтобы передать письмо, ей не открыли на звонок. Изнутри слышались стоны. Дверь оказалась незапертой, и она вошла. Бланш лежала на кровати, а на столе стояла бутылка с щавелевой кислотой.

Стрёв закрыл лицо руками и, всхлипывая, раскачивался взад и вперед.

— Она была в сознании?

— Да. Ох, если бы ты знал, как она мучилась! Я этого не вынесу! Не вынесу!

Он кричал в голос.

— Черт тебя возьми, тебе и выносить-то нечего. Это ей надо вынести.

— Как ты жесток!

— Что же дальше?

— Они послали за доктором и за мной, дали знать в полицию. Я давно уже сунул консьержке двадцать франков и просил послать за мной, если что случится.

Он перевел дыхание, и я понял, как трудно ему продолжать.

— Когда я пришел, она не хотела говорить со мной. Велела им меня прогнать. Я клялся, что все простил ей, но она не слушала. Она пыталась биться головой о стену. Доктор сказал, что мне нельзя оставаться с нею. Она все твердила: «Уведите его!» Я вышел из спальни и стал ждать в мастерской. Когда приехала карета и они уложили ее на носилки, мне велели уйти в кухню, чтобы она не знала, что я здесь.

Покуда я одевался — Стрёв хотел, чтобы я немедленно отправился с ним в больницу, — он говорил, что ему уда-

лось устроить для Бланш отдельную палату и таким образом хотя бы оградить ее от больничной суеты. По дороге он объяснил мне, зачем я ему нужен. Если она опять не пожелает впустить его, то, может быть, пустит меня. Он умолял меня снова сказать ей, что он любит ее по-прежнему, не станет ни в чем упрекать ее и хочет только одного — помочь ей. Он ничего не требует и никогда не станет принуждать ее к нему вернуться. Она будет совершенно свободна.

Но когда мы пришли в больницу — это было мрачное, угрюмое здание, от одного вида которого делалось скверно на душе, — и после бесконечных расспросов и хождений по лестницам и коридорам добрались наконец до лечащего врача, он объявил нам, что больная слишком слаба и сегодня никого принять не может. Для врача, маленького, бородатого человека в белом халате и с грубоватыми манерами, случай с Бланш был самым обыкновенным, а взволнованные родственники — докучливыми просителями, с которыми надо обходиться покруче. Да и что тут могло показаться ему из ряда вон выходящим? Истерическая женщина, поссорившись с любовником, приняла яд: это бывает нередко. Сначала он подумал, что Дирк — виновник несчастья, и был с ним незаслуженно груб. Когда я объяснил, что он муж, готовый все простить, врач посмотрел на него любопытным, испытующим взглядом. Мне показалось, что в этом взгляде промелькнула еще и насмешка. Дирк являл собою классический тип обманутого мужа. Врач слегка пожал плечами.

— В настоящую минуту опасности нет, — ответил он на наши расспросы. — Но мы не знаем, сколько она выпила кислоты. Не исключено, что она отделается испугом. Женщины часто пытаются покончить с собой из-за любви, но обычно так, чтобы в этом не преуспеть. Как правило, это жест, которым они хотят испугать или разжалобить любовника.

В тоне его слышалось нескрываемое презрение. Бланш Стрёв явно была для него только единицей, которую предстояло внести в число лиц, покушавшихся на самоубийство в текущем году в городе Париже. На долгие разговоры с нами у него не было времени, и он назначил нам час, когда прийти завтра: если больной станет лучше, он разрешит мужу повидать ее.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

Не знаю, как мы прожили этот день. Стрѐв ни на минуту не мог остаться один, и я из кожи лез, пытаюсь развлечь его. Я потащил его в Лувр, и он делал вид, что смотрит картины, но я знал, что мысленно он там, у жены. Я заставлял его есть и после завтрака насильно уложил в постель, но он не мог уснуть. Он охотно согласился пожить несколько дней у меня. Я совал ему книги, но, пробежав глазами страницу-другую, он бессмысленно уставлялся в пространство. Вечером мы сыграли неисчислимое множество партий в пикет, и он, чтобы мои старания не пропали зря, храбро притворялся заинтересованным. Кончилось тем, что я дал ему снотворного, и он впал в тревожное забытие.

На следующий день в больнице к нам вышла сиделка, ухаживавшая за Бланш, и сказала, что больной немного лучше; по нашей просьбе сиделка пошла узнать, не хочет ли она видеть мужа. Мы слышали голоса за дверью. Наконец сиделка вернулась и объявила, что больная отказывается принять кого бы то ни было. Мы сказали, что если она не хочет видеть Дирка, то, может быть, согласится принять меня, но и на это последовал отказ. Губы Дирка дрожали.

— Я не вправе настаивать, — сказала сиделка. — Больная слишком слаба. Возможно, что через день-два она передумает.

— Может быть, она все-таки хочет кого-нибудь видеть? — тихо, почти шепотом спросил Дирк.

— Она говорит, что у нее только одно желание — пусть ее оставят в покое.

Руки Дирка как-то странно дергались, словно они ничего общего не имели с его телом.

— Пожалуйста, скажите ей, что если она хочет видеть одного человека, то я приведу его. Я хочу только, чтобы она была счастлива.

Сиделка взглянула на него своими спокойными, добрыми глазами, которые видели всю земную боль и горечь, но оставались безмятежными, ибо перед ними стояло видение иного, безгрешного мира.

— Я скажу это ей, когда она немного успокоится.

Дирк, изнемогая от сострадания, умолял ее спросить Бланш сейчас же.

— Может быть, от этого ей станет лучше. Заклинаю вас, спросите ее.

По лицу сиделки пробежала слабая, жалостливая улыбка; она повернулась и пошла к Бланш. Я слышал ее приглушенный голос, и потом другой, незнакомый мне голос ответил:

— Нет. Нет. Нет!

Выйдя к нам, сиделка покачала головой.

— Неужели это она говорила? — спросил я. Я не узнал ее голоса.

— Голосовые связки больной, видимо, сильно обожжены.

Дирк чуть слышно вскрикнул в отчаянии. Я велел ему выйти и подождать меня внизу, мне хотелось остаться с глазу на глаз с сиделкой. Он не спросил, зачем мне это нужно, и покорно вышел. Он утратил остатки воли и стал похож на послушного ребенка.

— Объяснила она вам, почему она это сделала? — спросил я.

— Нет. Она не хочет говорить. Она лежит на спине, не шевелясь иногда целыми часами. И плачет. Ее подушка все время мокрая. Она слишком слаба, чтобы пользоваться платком, и слезы льются у нее по щекам.

Меня словно кольнуло в сердце. В ту минуту я готов был убить Стрикленда, и, помнится, голос у меня дрожал, когда я прошался с сиделкой.

Дирк Стрёв ждал меня на лестнице. Он, казалось, ничего вокруг не видел и не заметил моего приближения, покуда я не тронул его за рукав. По улице мы шли молча. Я старался представить себе, что могло толкнуть бедняжку на этот страшный шаг? Я полагал, что Стрикленду все уже известно. К нему, наверно, приходили из полиции снимать допрос. Где он сейчас? Возможно, вернулся на старый чердак, служивший ему мастерской. Странно, что она не пожелала видеть его. Или она боялась послать за ним, зная, что он откажется прийти? В какую же бездну жестокости заглянула она, если после этого отказывалась жить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Следующая неделя была ужасна. Стрёв дважды в день ходил в больницу справляться о жене, которая по-прежнему

не желала его видеть. Первое время он приходил отсюда довольный и воспрянувший духом, так как дело, видимо, шло на поправку, а затем в отчаянии, так как осложнение, которого врач все время опасался, отняло надежду на благополучный исход. Сиделка сочувствовала его горю, но ей нечего было сказать ему в утешение. Бедная женщина лежала неподвижно и отказывалась говорить; глаза ее, устремленные в одну точку, казалось, уже видели смерть. Теперь это был вопрос двух-трех дней, не более. И когда Стрѐв пришел ко мне поздно вечером, я понял, что она умерла. Он был совершенно бессилён. От его обычной говорливости не осталось и следа. Он молча опустил на диван. Я оставил его в покое, так как знал, что здесь слова утешения бесполезны. Боясь, что он сочтет меня бессердечным, я не решался читать и с трубкой в зубах сидел у окна, покуда он не нашел в себе силы заговорить со мной.

— Ты был так добр ко мне, — сказал он наконец. — Все были так добры...

— Глупости, — отвечал я не без смущения.

— В больнице мне сказали, чтобы я подождал. Дали мне стул, и я сел в коридоре у ее дверей. Когда она была уже без памяти, они меня впустили. У нее рот и подбородок были обожжены. Ужасно, ее прелестный подбородок — весь израненный. Она умерла совсем спокойно, я даже не знал, что она мертва, покуда сиделка не сказала мне.

Он был слишком утомлен, чтобы плакать. В полной прострации он лежал на спине, точно в теле его не осталось уже ни капли сил, и вскоре я заметил, что он уснул. Впервые по-настоящему уснул за целую неделю. Природа, временами столь жестокая, иногда бывает милосердна. Я накрыл его пледом и потушил свет. Утром, когда я проснулся, он все еще спал. Он даже не переменял положения, и очки в золотой оправе по-прежнему сидели у него на носу.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Бланш Стрѐв умерла при таких обстоятельствах, что нам пришлось пройти через множество отвратительных формальностей, прежде чем мы получили разрешение ее похоронить. Дирк и я вдвоем тащились за гробом в карете, но обратно ехали быстрее, так как возница на дрогах, покачивавшийся впереди нас, нахлестывал лошадей, казалось,

спеша стряхнуть с себя даже самое воспоминание о покойнице. Страшное и незабываемое зрелище!

Я тоже чувствовал неодолимое желание выбросить из головы всю эту мрачную историю. Меня уже тяготила трагедия, собственно говоря, непосредственно меня не касавшаяся, и, делая вид перед самим собой, что я стараюсь для Дирка, я с облегчением заговорил о другом.

— Не думаешь ли ты на время уехать? — сказал я. — Право же, тебе сейчас лучше побывать вдали от Парижа.

Он не отвечал, но я безжалостно настаивал.

— Есть у тебя какие-нибудь планы на ближайшее будущее?

— Нет.

— Ты должен вернуться к жизни. Почему бы тебе не поехать в Италию и не начать снова работать?

Он опять промолчал, но мне на выручку пришел наш возница. На мгновение придержав лошадей, он перегнулся с козел и что-то сказал — что именно, я не разобрал — и высунулся из окошка кареты, чтобы расслышать: он спрашивал, куда нас везти.

— Погодите минутку, — отвечал я. — Я бы хотел, чтобы мы вместе позавтракали, — обратился я к Дирку. — Я велю ему свезти нас на площадь Пигаль.

— Нет, я пойду в мастерскую.

— Хочешь, я пойду с тобой?

— Нет, я лучше пойду один.

— Хорошо.

Я крикнул кучеру адрес, и мы опять продолжали свой путь в молчании. Дирк не был у себя в мастерской с того несчастного утра, когда Бланш отвезли в больницу. Я был рад, что он хочет остаться один, и, проводив его до дверей, с чувством облегчения с ним распрощался. Я снова наслаждался парижскими улицами и радовался, глядя на снующую взад и вперед толпу. День выдался ясный, солнечный, и радость жизни бурлила во мне. Я ничего не мог с собой поделать. Стрёв и его беда вылетели у меня из головы. Я хотел радоваться.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Я не видел его почти целую неделю. Но наконец под вечер, часов около семи, он зашел за мною и потащил

меня обедать. Он был в глубоком трауре, котелок его обвивала черная лента, и даже носовой платок был оторочен черной каймой. Глядя на этот скорбный наряд, можно было подумать, что внезапная катастрофа разом унесла всех его родных и даже какого-нибудь двоюродного дядюшки у него не осталось на свете. Его кругленькая фигурка и толстые красные щеки смешно контрастировали с траурной одеждой. Жестокая участь — даже на беспредельное горе Дирка ложился налет шутовства!

Он объявил мне, что решил уехать, только не в Италию, как я советовал, а в Голландию.

— Завтра я уезжаю. Скорей всего мы никогда больше не увидимся.

Я попытался что-то возразить, но он слабо улыбнулся.

— Я пять лет не был дома. Мне казалось, что все это отошло далеко-далеко. Я так оторвался от родных краев, что меня пугала мысль съездить туда даже на время, а теперь я вижу, что это единственное мое пристанище.

Он был измучен, подавлен и мыслями то и дело возвращался к своей нежной, любящей матери. Годами он терпеливо сносил свою смехотворность, но теперь она, казалось, придавливала его к земле. Последний удар, нанесенный изменою Бланш, отнял у него ту живость нрава, которая ему помогала весело с этим мириться. Больше он уже не мог смеяться заодно с теми, что смеялись над ним. Он стал парией. Он рассказывал мне о своем детстве в чистеньком кирпичном домике и о страсти матери к опрятности и порядку. Кухня ее была истинным чудом белизны и блеска. Нигде ни пылинки, и все на своем месте. Аккуратность ее переходила в манию. Я как живую видел эту румяную хлопотливую старушку, что всю жизнь с утра и до поздней ночи пеклась о том, чтобы домик ее сиял чистотой и нарядностью. Отец Дирка, рослый, сухошавый старик с руками, заскорузлыми от неустанного труда, скупой на слова, по вечерам читал вслух газеты, а его жена и дочь (теперь она была замужем за капитаном рыболовецкой шхуны), чтобы не терять времени даром, шили. Ничего никогда не случилось в этом городке, отброшенном назад цивилизацией, и год сменялся годом, покуда не приходила смерть, как друг, несущий отдых тем, что усердно потрудились.

— Мой отец хотел, чтобы я тоже стал плотником. В пяти поколениях переходило у нас это ремесло от отца к сыну.

Может быть в этом мудрость жизни: идти по стопам отца, не оглядываясь ни направо, ни налево. Маленьким мальчиком я говорил, что женюсь на дочке соседа-шорника. У девочки были голубые глаза и косички, белые, как лен. При ней все в моем доме блестело бы, как стеклышко, и наш сын перенял бы мое ремесло.

Стрёв вздохнул и умолк. Мысли его унеслись к тому, что могло бы быть, и благополучие этой жизни, которым он некогда пренебрег, исполнило тоской его сердце.

— Жизнь груба и жестока. Никто не знает, зачем мы здесь и куда мы уйдем. Смирение подобает нам. Мы должны ценить красоту покоя. Должны идти по жизни смиренно и тихо, чтобы судьба не заметила нас. И любви мы должны искать у простых, немудрящих людей. Их неведение лучше, чем все наше знание. Нам надо жить тихо, довольствоваться скромным своим уголком, быть кроткими и добрыми, как они. Вот и вся мудрость жизни.

Я считал, что это говорит в нем его сломленный дух, и восстал против такого самоуничижения. Но вслух сказал другое:

— А как ты попал на мысль сделаться художником?

Он пожал плечами.

— У меня обнаружили способности к рисованию. В школе я получал награды за этот предмет. Бедная матушка очень гордилась моим талантом и однажды подарила мне ящик с акварельными красками. Она носила мои наброски к пастору, к доктору и судье. Они-то и послали меня в Амстердам экзаменоваться в школу живописи. Я выдержал экзамен. Бедняжка, как она была горда! Сердце у нее разрывалось при мысли о разлуке со мной, но она силилась не показать своего горя. Она так радовалась, что ее сын будет художником. Отец с матерью берегли каждый грош и прикопили довольно денег, чтобы мне прожить в Амстердаме, а когда была выставлена моя первая картина, они все приехали, — отец, мать и сестра: мать смотрела на нее и плакала. — Его добрые глаза увлажнились. — И теперь нет такой стены в нашем домишке, на которой не висела бы моя картина в красивой золотой раме.

Лицо Дирка на мгновение засветилось тихой радостью. Я вспомнил его холодные жанровые сценки — живописных крестьян под кипарисами или оливами. Как странно они должны выглядеть в своих аляповатых рамах на стене крестьянского домика.

— Добрая душа, она думала, что невеста как облагодетельствовала сына, сделав из него художника, но, может, лучше бы я покорился воле отца и был бы теперь просто-напросто честным плотником.

— Ну, а сейчас, когда ты знаешь, что дает человеку искусство, ты бы мог пойти по другой дороге? Мог бы отказать от того упоения, которое испытывал благодаря ему?

— Выше искусства ничего нет на свете, — помолчав, ответил Дирк.

Он долго в задумчивости смотрел на меня, наконец сказал:

— Ты знаешь, я виделся со Стриклендом.

— Ты?

Я был поражен. Мне казалось, что Стрёву невыносимо будет его видеть. Он слабо улыбнулся:

— Ты же сам говорил, что я лишен чувства гордости.

— Что ты имеешь в виду?

И он рассказал мне удивительную историю.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Когда мы расстались после похорон бедной Бланш, Стрёв с тяжелым сердцем вошел в дом. Смутное стремление к самомучительству гнало его в мастерскую, хотя он и содрогался при мысли о страданиях, которые его ждут. Он едва втащился по лестнице, ноги отказывались ему служить, и, прежде чем войти, долго стоял у дверей, собираясь с силами. Ему было дурно. Он едва не бросился за мною, чтобы умолить меня вернуться; ему все казалось, что в мастерской кто-то есть. Он вспомнил, как часто стоял перед дверью мастерской, чтобы отдышаться после подъема на крутую лестницу, и как от нетерпеливого желания поскорее увидеть Бланш у него снова захватывало дух. Видеть ее — это было счастье, никогда не утихавшее, и, даже выходя из дому на какие-нибудь полчаса, он рвался к встрече так, словно они не виделись целый месяц. Вдруг ему стало казаться, что она не умерла. Все, что случилось, только сон, страшный сон, сейчас он повернет ключ, войдет и увидит ее склоненной над столом в грациозной позе женщины с *Benedicite* Шардена, всегда представлявшейся ему образцом прелести. Он быстро вынул из кармана ключ, отпер дверь и вошел.

Мастерская не имела запущенного вида. Аккуратность была одной из тех черт, которые так пленяли его в жене; он с молоком матери впитал любовь к той радости, которую дают чистота и порядок, и когда заметил, что Бланш инстинктивно кладет каждый предмет на отведенное ему место, то теплое и благодарное чувство поднялось в его сердце. В спальне все было так, словно она только что вышла оттуда: на туалетном столике лежали две щетки и между ними изящная гребенка; кто-то застелил постель, на которой Бланш провела свою последнюю ночь дома, и на подушке, в вышитом конверте, лежала ее ночная сорочка. Невозможно было поверить, что она уже никогда не войдет в эту комнату.

У Дирка пересохло в горле, и он пошел в кухню напиться воды. Здесь тоже все было в полном порядке. Над плитой на полке стояли тщательно вымытые тарелки, из которых она и Стрикленд ели в последний вечер перед ссорой. Ножи и вилки были убраны в стол. Под колпаком лежали остатки сыра, в жестяной коробке — горбушка хлеба. Она покупала продукты ежедневно и ровно столько, сколько нужно, так что со дня на день у нее в хозяйстве ничего не оставалось. Из протокола, составленного полицией, Стрёв знал, что Стрикленд ушел из дому тотчас после обеда, и дрожь охватила его при мысли, что Бланш достало силы все вымыть и убрать, как обычно. Эта методичность лишней раз доказывала, как обдуманно она действовала. Ее самообладание было страшно. Острая боль внезапно пронзила его, ноги у него подкосились. Он доплелся до спальни, бросился на постель и стал звать: «Бланш! Бланш!»

Мысль о ее страданиях была ему нестерпима. Он вдруг ясно увидел, как она стоит в кухне — кухня у них была крошечная, — моет тарелки, стаканы, вилки, ложки, до блеска чистит ножи, затем все расставляет по местам, моет раковину и, встряхнув полотенце, вешает его сушиться — оно все еще висит здесь, истрепанный серый лоскут, — и оглядывается кругом, все ли в порядке. Он видел, как она спускает засученные рукава, снимает фартук — вот он на гвозде за дверью, — достает пузырек со щавелевой кислотой и идет в спальню.

Не в силах терпеть эту муку, он вскочил с кровати и бросился вон из спальни. Вошел в мастерскую. Там было темно, так как кто-то задернул занавески на огромном окне.

Стрёв торопливо раздвинул их, и рыдания сдавили ему горло при первом же взгляде на комнату, в которой он был так счастлив. И здесь тоже все осталось без перемен. Стрикленд был равнодушен к тому, что его окружало, и жил в чужой мастерской, ровно ничего не меняя в ней.

Обстановка у Стрёва была продуманно артистичной, в соответствии с его представлением о том, как должен жить художник. На стенах там и сям старинная парча, на рояле — кусок дивного поблекшего шелка. В одном углу копия Венеры Милосской, в другом — Венеры Медицейской. Две итальянские горки с дельфтским фаянсом, несколько барельефов. Была здесь в прекрасной золоченой раме и копия с Веласкесова «Иннокентия X», сделанная Стрёвом в Риме, и множество его собственных картин, повешенных так, чтобы производить наибольший эффект, тоже в великолепных рамах. Стрёв всегда очень гордился своим вкусом. Он страстно любил романтическую атмосферу мастерской художника, и хотя сейчас вид всех этих вещей был ему как нож в сердце, он машинально чуть-чуть передвинул столик Louis XV, принадлежавший к лучшим его сокровищам.

Вдруг он заметил холст, повернутый лицом к стене и по размерам больший, чем те холсты, которыми он обычно пользовался. Дирк подошел и повернул его. На холсте была изображена нагая женщина. Сердце его учащенно забилося, он мигом понял, что это работа Стрикленда. Он отшвырнул картину — какого черта Стрикленд ее здесь оставил? — но от его резкого движения она упала на пол лицом вниз. Неважно, чья это работа. Дирк все равно не мог оставить ее валяться в пыли и поднял, но тут его одолело любопытство. Чтобы получше рассмотреть картину, он поставил ее на мольберт и отошел на несколько шагов.

У него сперло дыхание. Картина изображала женщину, лежавшую на диване; одна рука ее была закинута за голову, другая спокойно лежала вдоль тела; одно колено чуть согнуто, другая нога вытянута. Классическая поза. Все поплыло перед глазами Стрёва. Это была Бланш. Отчаяние, ревность и ярость душили его, он стал громко кричать что-то нечленораздельное; сжимал кулаки и грозил невидимому врагу. Потом опять кричал не своим голосом. Он был вне себя. Это было уж слишком, этого он снести не мог. Он стал оглядываться по сторонам, ища, чем бы искромсать, изрезать картину, уничтожить ее сию же минуту, но ничего

подходящего ему роду руку не попадалось; он рылся в своих инструментах, и тоже тщетно, он сходил с ума. Наконец он нашел то, что искал, большой шпатель, и с ликующим криком схватил его. Размахивая им, словно кинжалом, он ринулся к картине.

Рассказывая, Стрёв снова пришел в неописуемое волнение и, схватив подвернувшийся под руку столовый нож, взмахнул им. Потом занес руку, как для удара, но тотчас разжал ее, и нож со стуком упал на пол. Стрёв посмотрел на меня с виноватой улыбкой и замолчал.

— Продолжай, — сказал я.

— Не знаю, что на меня нашло. Я уже совсем собирался продырявить картину, как вдруг я увидел ее.

— Кого ее?

— Картину. Это было подлинное произведение искусства. Я не мог к ней прикоснуться. Я испугался.

Он опять замолчал и смотрел на меня с открытым ртом, его голубые глаза, казалось, вот-вот вылезут из орбит.

— Это была удивительная, дивная картина. Меня охватил благоговейный трепет. Еще секунда — и я бы совершил ужаснейшее преступление. Я хотел получше разглядеть ее и споткнулся о шпатель. Ужасно!

В какой-то мере я заразился волнением Стрёва. Странное действие произвел на меня его рассказ. Мне вдруг почудилось, что я перенесся в мир, где смещены все ценности, и я стоял, недоумевая, словно чужеземец, в стране, где люди совсем по-иному, совсем непривычно реагируют на самые простые явления. Стрёв пытался рассказывать мне о картине, но речь его была бессвязна, и мне приходилось догадываться, что он имеет в виду. Стрикленд разорвал путы, связывавшие его. Он нашел не себя, как принято говорить, но свою новую душу, насыщенную силами, о которых никто не подозревал. Это было не только дерзкое упрощение линий, которое так полно и неповторимо выявляло личность художника, не только живопись, хотя тело было написано с такой проникновенной чувственностью, которая уже граничила с чудом; это было не только торжество плоти, хотя вы реально ощущали вес этого распостертого тела; нет, Стриклендова картина была пронизана духовностью, по-новому понятым трагизмом, который вел воображение по неведомым тропам в пустынные просторы, где прорезают мглу только вечные звезды и где душа,

сбросив все покровы, трепетно приступает к разгадкам новых тайн.

Я впал в риторику, потому что и Стрѐв был риторичен. (Кто не знает, что в волнении человек выражается, словно герой романа.) Он пытался выразить чувства, ранее ему незнакомые, не смог втиснуть их в будничные слова и уподобился мистику, который тшится описать несказанное. Одно только стало мне ясно из его речей: люди говорят о красоте беззаботно, они употребляют это слово так небрежно, что оно теряет свою силу, и предмет, который оно должно осмыслить, деля свое имя с тысячью пошлых понятий, оказывается лишенным своего величия. Словом «прекрасное» люди обозначают платье, собаку, проповедь, а очутившись лицом к лицу с Прекрасным, не умеют его распознать. Они стараются фальшивым пафосом прикрыть свои ничтожные мысли, и это притупляет их восприимчивость. Подобно шарлатану, фальсифицирующему тот подъем духа, который он некогда чувствовал в себе, они злоупотребляют своими душевными силами и утрачивают их. Но Стрѐв, этот вечный шут с искренней и честной душой, также искренне и честно любил и понимал искусство. Для него искусство значило то же, что значит Бог для верующего, и когда он видел его, ему делалось страшно.

— Что ж ты сказал Стрикленду, когда встретился с ним?

— Предложил ему поехать со мною в Голландию.

Я опешил и с дурацким видом уставился на Стрѐва.

— Мы оба любили Бланш. В доме моей матери для него нашлась бы комнатка. Мне казалось, что соседство простых бедных людей принесет успокоение его душе. И еще я думал, что он научится у них многим полезным вещам.

— Что же он сказал?

— Улыбнулся и, кажется, подумал, что я дурак. А потом заявил, что «ерундить» ему неохота.

Я бы предпочел, чтоб Стрикленд сформулировал свой отказ в других выражениях.

— Он отдал мне портрет Бланш.

Я удивился, зачем Стрикленд это сделал, но не сказал ни слова. Мы оба довольно долго молчали.

— А как ты распорядился своими вещами? — спросил я наконец.

— Позвал еврея-скупщика, и он неплохо заплатил мне на круг. Картины я увезу с собой. Кроме них, у меня сейчас

ничего не осталось, разве что чемодан с одеждой да несколько книг.

— Хорошо, что ты едешь домой.

Я понимал, что единственное спасение для него — порвать с прошлым. Быть может, его горе, сейчас еще нестерпимое, со временем уляжется и благодатное забвение поможет ему сызнова взвалить на себя бремя жизни. Он молод и через несколько лет с грустью, не лишенной известной сладости, будет вспоминать о своем несчастье. Раньше или позже он женится на доброй голландке и будет счастлив. Я улыбнулся при мысли о бесчисленном множестве плохих картин, которые он успеет написать до конца своей жизни.

На следующий день я проводил его в Амстердам.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Занятый своими собственными делами, я целый месяц не встречал никого, кто бы мог напомнить мне об этой при-скорбной истории, и постепенно она выветрилась у меня из головы. Но в один прекрасный день, когда я спешил куда-то, на улице со мною поравнялся Стрикленд. Вид его напомнил мне об ужасе, который я так охотно забыл, и я внезапно почувствовал отвращение к виновнику всего этого. Кивнув ему — не поклониться было бы ребячеством, — я ускорил шаг, но через минуту почувствовал, что меня трогают за плечо.

— Вы очень торопитесь? — добродушно осведомился Стрикленд.

Характерная его черта: он сердечно обходился с теми, кто не желал с ним встречаться, а мой холодный кивок не оставлял в том ни малейшего сомнения.

— Да, — сухо ответил я.

— Я немного провожу вас, — сказал он.

— Зачем?

— Чтобы насладиться вашим обществом.

Я смолчал, и он тоже молча пошел рядом со мною. Так мы шли, наверное, с четверть мили. Положение становилось комическим. Но мы как раз оказались возле магазина канцелярских товаров, и я решил: может же мне понадобится бумага. Это был хороший предлог, чтобы отделаться от него.

— Мне сюда, — сказал я, — всего хорошего.

— Я вас подожду.

Я пожал плечами и вошел в магазин. Но тут же подумал, что французская бумага никуда не годится и что, раз уж моя хитрость не удалась, не стоит покупать ненужные вещи. Я спросил что-то, чего мне заведомо не могли дать, и вышел на улицу.

— Ну как, купили то, что хотели?

— Нет.

Мы опять молча зашагали вперед и вышли на площадь, в которую вливалось несколько улиц. Я остановился и спросил:

— Вам куда?

— Туда, куда и вам, — улыбнулся он.

— Я иду домой.

— Я зайду к вам выкурить трубку.

— По-моему, вам следовало бы подождать приглашения, — холодно отвечал я.

— Конечно, будь у меня надежда получить его.

— Видите вы вон ту стену? — спросил я.

— Вижу.

— В таком случае, я полагаю, вы должны видеть и то, что я не желаю вашего общества.

— Признаюсь, я уже подозревал это.

Я не выдержал и фыркнул. Беда моя в том, что я не умею ненавидеть людей, которые заставляют меня смеяться. Но я тут же взял себя в руки.

— Вы гнусный тип. Более мерзкой скотины я, по счастью, в жизни еще не встречал. Зачем вам нужен человек, который не терпит и презирает вас?

— А почему вы, голубчик мой, полагаете, что я интересуюсь вашим мнением обо мне?

— Черт возьми, — сказал я злобно, ибо у меня уже мелькнула мысль, что доводы, которые я привел, не делают мне чести, — я просто вас знать не желаю.

— Боитесь, как бы я вас не испортил?

Откровенно говоря, я почувствовал себя смешным. Он искося смотрел на меня с сардонической улыбкой, и мне под этим взглядом стало не по себе.

— Вам, видно, сейчас туго приходится, — нахально заметил я.

— Я был бы отъявленным болваном, если бы надеялся взять у вас займы.

— Видно, здорово вас скрутило, если уж вы начинаете лстить.

Он осклабился:

— А все равно я вам нравлюсь, потому что нет-нет да и даю вам повод соскочить.

Я закусил губу, чтобы не расхохотаться. Он высказал роковую истину. Мне нравятся люди пусть дурные, но которые за словом в карман не лезут. Я уже ясно почувствовал, что только усилием воли могу поддерживать в себе ненависть к Стрикленду. Я сокрушался о своей моральной неустойчивости, но знал, что мое порицание Стрикленда смахивает на позу, и уж если я это знал, то он, со своим безошибочным чутьем, знал и подавно. Конечно, он подсмеивался надо мной. Я не стал возражать ему и попытался спасти свое достоинство гробовым молчанием и пожатием плеч.

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Мы подошли к дому, в котором я жил. Я не просил его войти и стал молча подниматься по лестнице. Он шел за мной по пятам. Он был у меня в первый раз, но даже не взглянул на убранство комнаты, хотя я потратил немало труда на то, чтобы сделать ее приятной для глаз. На столе стояла коробка с табаком, он тотчас же набил свою трубку и сел не в одно из удобных кресел, а на единственный стул, да и то боком.

— Если вы уж решили устраиваться здесь как дома, почему бы вам не сесть в кресло? — раздраженно спросил я.

— А почему вы так заботитесь о моем удобстве?

— Не о вашем, а о своем. Когда кто-нибудь сидит на неудобном стуле, мне самому становится неудобно.

Он фыркнул, но не двинулся с места и молча продолжал курить, не замечая меня, и, видимо, погруженный в свои мысли. Я недоумевал, зачем он пришел сюда.

Писатель, покуда долголетняя привычка не притупит его чувствительности, сам робеет перед инстинктом, внушающим ему столь жгучий интерес к странностям человеческой натуры, что он не в состоянии осудить их и от них отвернуться. То артистическое удовольствие, которое он получает от созерцания зла, его самого немного пугает. Впрочем, честность заставляет его признать, что он не столько осуждает иные недостойные поступки, сколько жаждет доискаться их причин. Подлец, которого писатель создал и

наделил логически развитым и завершенным характером, влечет его наперекор требованиям законности и порядка. По-моему, Шекспир придумывал Яго с большим вкусом, нежели Дездемону, точно сотканную из лунного света. Возможно, что создавая образы мошенников и негодяев, писатель стремится удовлетворить инстинкты, заложенные в нем природой, но обычаями и законами цивилизованного мира оттесненные в таинственную область подсознательного. Облекая в плоть и кровь создания своей фантазии, он тем самым как бы дарует отдельную жизнь той части своего «я», которая иначе не может себя выразить. Его радость — это радость освобождения.

Писатель скорее призван знать, чем судить.

Стрикленд внушал мне неподдельный ужас и наряду с этим холодное любопытство. Он меня озадачивал, и в то же время я жаждал узнать мотивы его поступков, а также отношение к трагедии, которую он навязал людям, приютившим и пригревшим его. И я смело вонзил скальпель.

— Стрёв сказал мне, что картина, которую вы писали с его жены, — лучшая из всех ваших работ.

Стрикленд вынул трубку из рта, в глазах его промелькнула улыбка.

— Да, писать ее было забавно.

— Почему вы отдали ему картину?

— Я ее закончил, так на что она мне?

— Вы знаете, что Стрёв едва ее не загубил?

— Она мне не слишком удалась.

Он помолчал, затем вынул трубку из рта и усмехнулся.

— А вы знаете, что этот пузан приходил ко мне?

— Неужто вас не тронуло то, что он вам предложил?

— Нет. По-моему, это было глупо и сентиментально.

— Вы, видимо, забыли, что разрушили его жизнь, — сказал я.

Он в задумчивости теребил свою бороду.

— Он очень плохой художник.

— Но очень хороший человек.

— И к тому же отличный повар, — насмешливо присовокупил Стрикленд.

В его бездушии было что-то нечеловеческое, и я отнюдь не собирался деликатничать с ним.

— А скажите, я спрашиваю из чистого любопытства, чувствовали вы хоть малейшие угрызения совести после смерти Бланш?

Я внимательно следил за выражением его лица, но оно оставалось бесстрастным.

— Чего мне, собственно, угрызаться?

— Сейчас я приведу вам ряд фактов. Вы умирали, и Дирк Стрёв перевез вас к себе. Он ходил за вами, как родная мать. Принес вам в жертву свое время, удобства, деньги. Он вырвал вас из когтей смерти.

Стрикленд пожал плечами.

— Бедняга обожает делать что-нибудь для других. В этом его жизнь.

— Предположим, что вы не были обязаны ему благодарностью, но разве вы были обязаны уводить от него жену? До вашего появления они были счастливы. Почему вы не могли оставить их в покое?

— А почему вы думаете, что они были счастливы?

— Это было очевидно.

— До чего же у вас проницательный ум! По-вашему, она была в состоянии простить ему то, что он для нее сделал?

— Что вы хотите сказать?

— Известно вам, как он на ней женился?

Я покачал головой.

— Она была гувернанткой в семье какого-то римского князя, и сын хозяина совратил ее. Она думала, что он на ней женится, а ее выгнали на улицу. Она была беременна и пыталась покончить с собой. Стрёв ее подобрал и женился на ней.

— Вполне в его духе. Я в жизни не видывал человека с таким мягким сердцем.

Я нередко удивлялся, что могло соединить этих столь несхожих людей, но подобное объяснение мне никогда в голову не приходило. Так вот причина необычной любви Дирка к жене. В его отношении к ней было нечто большее, чем страсть. И, помнится, в ее сдержанности мне всегда чудилось что-то такое, чему я не мог подыскать определения; только сейчас я понял: это было не просто желание скрыть позорную тайну. Ее спокойствие напоминало затишье, воцарившееся на острове, над которым пронесся ураган. Ее веселость была веселостью отчаяния. Стрикленд вывел меня из задумчивости замечанием, поразительным по своему цинизму.

— Женщина может простить мужчине зло, которое он причинил ей, но жертв, которые он ей принес, она не прощает.

— Зато вам не грозит опасность остаться непрощенным. Чуть заметная улыбка тронула его губы.

— Вы всегда готовы пожертвовать своими принципами ради красного словца, — сказал он.

— Что же случилось с ребенком?

— Ребенок родился мертвым три или четыре месяца спустя после их женитьбы.

Тут я спросил о том, что всегда было для меня самым непонятным.

— А почему, скажите на милость, вы заинтересовались Бланш Стрёв?

Он не отвечал так долго, что я уже собирался повторить свой вопрос.

— Откуда я знаю? — проговорил он наконец. — Она меня терпеть не могла. Это было забавно.

— Понимаю.

Стрикленд вдруг разозлился.

— Черт подери, я ее хотел.

Но он тут же овладел собой и с улыбкой взглянул на меня.

— Сначала она была в ужасе.

— Вы ей сказали?

— Зачем? Она и так знала. Я ей слова не говорил. Она меня боялась. В конце концов я взял ее.

По тому, как он это сказал, я понял, до чего неистово было его желание. И невольно содрогнулся. Вся жизнь этого человека была беспощадным отрешением от материального, и, видимо, тело временами жестоко мстило духу. И в случае с Бланш сатир возобладал в нем, и, беспомощный в тисках инстинкта, могучего, как первобытные силы природы, он уже не мог противиться своему влечению, ибо в душе его не осталось места ни для благоразумия, ни для благодарности.

— Но зачем вам вздумалось уводить ее от мужа? — поинтересовался я.

— Я этого не хотел, — отвечал он, нахмурясь. — Когда она сказала, что уйдет со мной, я удивился не меньше Стрёва. Я ей сказал, что, когда она мне надоест, ей придется собирать свои манатки, и она ответила, что идет на это. — Он сделал паузу. — У нее было дивное тело, а мне хотелось писать обнаженную натуру. После того как я закончил портрет, она уже меня не интересовала.

— А ведь она всем сердцем любила вас.

Он вскочил и зашагал по комнате.

— Я в любви не нуждаюсь. У меня на нее нет времени. Любовь — это слабость. Но я мужчина и, случается, хочу женщину. Удовлетворив свою страсть, я уже думаю о другом. Я не могу побороть свое желание, но я его ненавижу: оно держит в оковах мой дух. Я мечтаю о времени, когда у меня не будет никаких желаний и я смогу целиком отдаться работе. Женщины ничего не умеют, только любить, любви они придают Бог знает какое значение. Им хочется уверить нас, что любовь — главное в жизни. Но любовь — это малость. Я знаю вожделение. Оно естественно и здорово, а любовь — это болезнь. Женщины существуют для моего удовольствия, но я не терплю их дурацких претензий быть помощниками, друзьями, товарищами.

Я никогда не слышал, чтобы Стрикленд подряд говорил так много и с таким страстным негодованием. Но, впрочем, я сейчас, как и раньше, не пытаюсь воспроизвести точные его слова; лексикон его был беден, дар красноречия у него начисто отсутствовал, так что его мысли приходилось конструировать из междометий, выражения лица, жестов и отрывочных восклицаний.

— Вам бы жить в эпоху, когда женщины были рабынями, а мужчины рабовладельцами, — сказал я.

— Да я просто нормальный мужчина.

Невозможно было не рассмеяться этому замечанию, сделанному с полной серьезностью; но он, шагая из угла в угол, точно зверь в клетке, все силился хоть относительно связно выразить то, что было у него на душе.

— Если женщина любит вас, она не уgomонится, пока не завладеет вашей душой. Она слаба и потому неистово жаждет полновластия. На меньшее она не согласна. Так как умишко у нее с куриный носок, то абстрактное для нее непостижимо, и она его ненавидит. Она занята житейскими мелочами, все идеальное вызывает ее ревность. Душа мужчины уносится в высочайшие сферы мироздания а она старается втиснуть ее в приходно-расходную книжку. Помните мою жену? Бланш очень скоро пустилась на те же штуки. С потрясающим терпением готовилась она заарканить и связать меня. Ей надо было низвести меня до своего уровня; она обо мне ничего знать не хотела, хотела только, чтобы я целиком принадлежал ей. И ведь готова была ис-

полнить любое мое желание, кроме одного — отвязаться от меня.

Я довольно долго молчал.

— А как, по-вашему, что она должна была сделать после того, как вы ее бросили?

— Она могла вернуться к Стрёву, — сердито отвечал он. — Стрёв готов был принять ее.

— Возмутительное рассуждение, — отвечал я. — Впрочем, толковать с вами о таких вещах — все равно что расписывать красоту заката слепорожденному.

Он остановился и посмотрел мне в лицо с презрительным недоумением.

— Неужто вам и вправду не все равно, жива или умерла Бланш Стрёв?

Я задумался, ибо во что бы то ни стало хотел честно ответить на этот вопрос.

— Наверное, я черствый человек, потому что ее смерть не слишком меня огорчает. Жизнь сулила ей много хорошего. И ужасно, что все это с такой бессмысленной жестокостью отнято у нее, что же касается меня, то, к стыду моему, ее трагедия оставляет меня сравнительно спокойным.

— Взгляды у вас смелые, а отстаивать их смелости не хватает. Жизнь не имеет цены. Бланш Стрёв покончила с собой не потому, что я бросил ее, а потому, что она была женщина вздорная и неуравновешенная. Но хватит говорить о ней, не такая уж она важная персона. Пойдемте, я покажу вам свои картины.

Он говорил со мной как с ребенком, внимание которого надо отвлечь. Я был зол, но больше на себя, чем на него. Мне все вспоминалась счастливая жизнь четы Стрёв в уютной мастерской на Монмартре, их отзывчивость, доброта и гостеприимство. Жестоко, что безжалостный случай все это разрушил. Но самое жестокое — что ничего не изменилось. Жизнь шла своим чередом, и мимолетное несчастье ни в чьем сердце не оставило следа. Я думал, что Дирк, человек скорее пылких, чем глубоких чувств, скоро позабудет свое горе, но Бланш... один Бог знает, какие радужные грезы посещали ее в юности, Бланш — зачем она жила на свете? Все это было так бессмысленно и глупо.

Стрикленд отыскал свою шляпу и стоял, выжидательно глядя на меня.

— Вы идете?

— Почему вы держитесь за знакомство со мною? — спросил я. — Вы же знаете, что я ненавижу и презираю вас. Он добродушно ухмыльнулся.

— Вы злитесь только из-за того, что мне наплевать, какого вы обо мне мнения.

Я почувствовал, как кровь прилила у меня к лицу от гнева. Нет, этот человек не в состоянии понять, что его безжалостный эгоизм вызывает ненависть. Я жаждал пробить броню этого полнейшего безразличия. Но, увы, зерно истины все-таки было в его словах. Ведь мы, скорей всего бессознательно, свою власть над другими измеряем тем, как они относятся к нашему мнению о них, и начинаем ненавидеть тех, которые не поддаются нашему влиянию. Для человеческой гордости нет обиды жесточе. Но я не хотел показать, что слова Стрикленда меня задели.

— Дозволено ли человеку полностью пренебрегать другими людьми? — спросил я не столько его, сколько самого себя. — Человек в каждой мелочи зависит от других. Попытка жить только собою и для себя заведомо обречена на неудачу. Рано или поздно старым, усталым и больным вы приползете обратно в стадо. И когда ваше сердце будет жаждать покоя и сочувствия, вам станет стыдно. Вы ищете невозможного. Повторяю, рано или поздно человек в вас затоскует по узам, связывающим его с человечеством.

— Пойдемте смотреть мои картины.

— Вы когда-нибудь думаете о смерти?

— Зачем? Она того не стоит.

Я смотрел на него в удивлении. Он стоял передо мной неподвижно, в глазах его мелькнула насмешка, и, несмотря на все это, я вдруг прозрел в нем пламенный, мученический дух, устремленный к цели более высокой, чем все то, что сковано плотью. На мгновение я стал свидетелем поисков неизреченного. Я смотрел на этого человека в общарпанном костюме, с большим носом, горящими глазами, с рыжей бородой и всклокоченными волосами и, странным образом, видел перед собою не эту оболочку, а бесплотный дух.

— Что ж, пойдем посмотрим ваши картины, — сказал я.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

Не знаю, почему Стрикленду вдруг вздумалось показать их мне. Но я очень обрадовался. Человек открывается в

своих трудах. В светском общении он показывает себя таким, каким хочет казаться, и правильно судить о нем вы можете лишь по мелким и бессознательным его поступкам да произвольно меняющемуся выражению лица. Привлекая к себе ту или иную маску, человек со временем так привыкает к ней, что и вправду становится тем, чем сначала хотел казаться. Но в своей книге или в своей картине он наг и беззащитен. Его претензии только подчеркивают его пустоту. Деревяшка и есть деревяшка. Никакими потугами на оригинальность не скрыть посредственности. Зоркий ценитель даже в эскизе усматривает сокровенные душевные глубины художника, его создавшего.

Не скрою, что я волновался, взбираясь по нескончаемой лестнице в мансарду Стрикленда. Мне чудилось, что я на пороге удивительного открытия. Войдя наконец в его комнату, я с любопытством огляделся. Она показалась мне меньше и голее, чем прежде. «Интересно, — подумал я, — что сказали бы о ней мои знакомые художники, работающие в огромных мастерских и убежденные, что они не могут творить, если окружающая обстановка им не по вкусу».

— Станьте вон там. — Стрикленд показал мне точку, с которой, как он считал, картины представляли в наиболее выгодном освещении.

— Вы, наверно, предпочитаете, чтобы я молчал? — осведомился я.

— Конечно, черт вас возьми, можете попридержать свой язык.

Он ставил картину на мольберт, давал мне посмотреть на нее минуты две, затем снимал и ставил другую. Он показал мне, наверно, холстов тридцать. Это были плоды его работы за шесть лет, то есть с тех пор, как он начал писать. Он не продал ни одной картины. Холсты были разной величины. Меньшие — натюрморты, покрупнее — пейзажи. Было у него штук шесть портретов.

— Вот и все, — объявил он наконец.

Мне бы очень хотелось сказать, что я сразу распознал их красоту и необычайное своеобразие. Теперь, когда я снова видел многие из них, а с другими ознакомился по репродукциям, я не могу не удивляться, что с первого взгляда испытал горькое разочарование. Нервная дрожь — воздействие подлинного искусства — не потрясла меня. Картины Стрикленда привели меня в замешательство, и я не могу

простить себе, что мне даже в голову не пришло купить хотя бы одну из них. Я упустил счастливый случай. Большинство их попало в музеи, остальные украшают коллекции богатых меценатов. Я стараюсь подыскать для себя оправдание. Мне все-таки кажется, что у меня хороший вкус, только ему недостает оригинальности. В живописи я мало что смыслю и всегда иду по дорожке, проложенной для меня другими. В ту пору я преклонялся перед импрессионистами. Я мечтал приобрести творения Сислея и Дега и приходил в восторг от Манэ. Его «Олимпия» казалась мне шедевром новейших времен, а «Завтрак на траве» трогал меня до глубины души. Я воображал, что эти произведения — последнее слово в живописи.

Не буду описывать картины, которые показывал мне Стрикленд. Такие описания всегда наводят скуку, а кроме того, его картины знакомы решительно всем, кто интересуется живописью. Теперь, после того как искусство Стрикленда оказало столь грандиозное воздействие на современную живопись и неведомая область, в которую он проник одним из первых, уже, так сказать, нанесена на карту, всякий, впервые видящий его картину, внутренне подготовлен к ней, я же никогда ничего подобного не видел. Прежде всего я был поражен тем, что мне показалось топорной техникой. Привыкнув к рисунку старых мастеров и убежденный, что Энгр был величайшим рисовальщиком нового времени, я решил, что Стрикленд рисует из рук вон плохо. О том, что упрощение — его цель, я не догадывался. Помню, как меня раздражало, что круглое блюдо в одном из натюрмортов было неправильной формы и на нем лежали кособокие апельсины. Лица на портретах он делал больше натуральной величины, и это производило отталкивающее впечатление. Я воспринимал их как карикатуры. Написаны они были в совершенно новой для меня манере. Пейзажи еще сильнее меня озадачили. Два или три из них изображали лес в Фонтенбло, остальные — улицы Парижа; на первый взгляд они казались нарисованными пьяным извозчиком. Я просто ошалел. Нестерпимо кричащие краски, и все в целом какой-то дурацкий, непонятный фарс. Вспоминая об этом, я еще больше поражаюсь чутью Стрёва. Он с первого взгляда понял, что здесь речь шла о революции в искусстве, и почти еще в зародыше признал гения, перед которым позднее преклонился весь мир.

Растерянный и сбитый с толку, я тем не менее был потрясен. Даже при моем колоссальном невежестве я почувствовал, что здесь тшится проявить себя великая сила.

Все мое существо пришло в волнение. Я ясно ощущал, что эти картины говорят мне о чем-то очень для меня важном, но о чем именно, я еще не знал. Они казались мне уродливыми, но в них была какая-то великая и нераскрытая тайна, что-то странно дразнящее и волнующее.

Чувства, которые они во мне возбуждали, я не умел проанализировать: слова тут были бессильны. Мне начинало казаться, что Стрикленд в материальных вещах смутно провидел какую-то духовную сущность, сущность до того необычную, что он мог лишь в неясных символах намекать о ней. Точно среди хаоса вселенной он отыскивал новую форму и в безмерной душевной тоске неумело пытался ее воссоздать. Я видел мученический дух, алчущий выразить себя и таким образом найти освобождение.

Я обернулся к Стрикленду.

— Мне кажется, вы избрали неправильный способ выражения.

— Что за околесицу вы несете?

— Вы, видимо, стараетесь что-то сказать — что именно, я не знаю, но сомневаюсь, можно ли это высказать средствами живописи.

Я ошибся, полагая, что картины Стрикленда дадут мне ключ к пониманию его странной личности. На деле они только заставили меня еще больше ему удивляться. Теперь я уже вовсе ничего не понимал. Единственное, что мне уяснилось, — но, может быть, и это была игра воображения, — что он жаждал освободиться от какой-то силы, завладевшей им. А какая это была сила и что значило освобождение от нее, оставалось туманным. Каждый из нас одинок в этом мире. Каждый заключен в медной башне и может общаться со своими братьями лишь через посредство знаков. Но знаки не одни для всех, а потому их смысл темен и неверен. Мы отчаянно стремимся поделиться с другими сокровищами нашего сердца, но они не знают, как принять их, и потому мы одиноко бредем по жизни, бок о бок со своими спутниками, но не заодно с ними, не понимая их и не понятые ими. Мы похожи на людей, что живут в чужой стране, почти не зная ее языка; им хочется высказать много прекрасных, глубоких мыслей, но они

обречены произносить лишь штампованные фразы из разговорника. В мозгу их бурлят идеи одна интересней другой, а сказать эти люди могут разве что: «Тетушка нашего садовника позабыла дома свой зонтик».

Итак, основное, что я вынес из картин Стрикленда, — неимоверное усилие выразить какое-то состояние души; в этом усилии, думал я, и следует искать объяснения тому, что так меня поразило. Краски и формы, несомненно, имели для Стрикленда значение, ему самому не вполне понятное. Он испытывал неодолимую потребность выразить то, что чувствовал, и единственно с этой целью создавал цвет и форму. Он, не колеблясь, упрощал, даже извращал и цвет, и форму, если это приближало его к тому неведомому, что он искал. Факты ничего не значили для него, ибо под грудой пустых случайностей он видел лишь то, что считал важным. Казалось, он познал душу вселенной и обязан был выразить ее. Пусть эти картины с первого взгляда смущали и озадачивали, но и волновали они до глубины души. И вот, сам не знаю отчего, я вдруг почувствовал, совсем уж неожиданно, жгучее сострадание к Стрикленду.

— Теперь я, кажется, знаю, почему вы поддались своему чувству к Бланш Стрѐв, — сказал я.

— Почему?

— Мужество покинуло вас. Ваша телесная слабость сообщила вашей душе. Я не знаю, какая тоска грызет вас, толкает вас на опасные одинокие поиски того, что должно изгнать демона, терзающего вашу душу. По-моему, вы вечный странник, стремящийся поклониться святыне, которой, возможно, и не существует. К какой непостижимой нирване вы стремитесь? Я не знаю. Да и вы, вероятно, не знаете. Может быть, вы ищете Правды и Свободы, и на мгновение вам почудилось, что любовь принесет вам вожаемое освобождение? Ваш утомленный дух искал, думается мне, покоя в объятиях женщины, но, не найдя его, вы эту женщину возненавидели. Вы были к ней беспощадны, потому что вы беспощадны к самому себе. Вы убили ее из страха, так как все еще дрожали перед опасностью, которой только что избегли.

Он холодно улыбнулся и потерял свою бороду.

— Ну и сентиментальны же вы, дружище.

Через неделю я случайно услышал, что Стрикленд отправился в Марсель. Больше я никогда его не видел.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ

То, что я написал о Стрикленде, конечно, никого удовлетворить не может, задним числом я вполне отдаю себе в этом отчет. Я пересказал кое-какие события, совершившиеся на моих глазах, но они остались темными, ибо я не знаю первопричин этих событий. Самое странное из случившегося — решение Стрикленда стать художником — в моем пересказе выглядит простой причудой; между тем он, разумеется, неспроста принял такое решение, хотя что именно его на это толкнуло, я не знаю. Из собственных его слов мне ничего не уяснилось. Если бы я писал роман, а не просто перечислял известные мне факты из жизни незаурядного человека, я бы придумал уйму всевозможных объяснений для этого душевного переворота. Наверно, я рассказал бы о неудержимом влечении Стрикленда к живописи, в детстве подавленном волей отца или же принесянном в жертву необходимости зарабатывать свой хлеб; я бы изобразил, как гневно он относился к требованиям жизни; обрисовав борьбу между его страстью к искусству и профессией биржевого маклера, я бы мог даже привлечь на его сторону симпатии читателя. Я сделал бы из него весьма внушительную фигуру. Возможно, что кто-нибудь даже увидел бы в нем нового Прометея, и оказалось бы, что я создал современную версию о герое во имя блага человечества, обрекшего себя всем мукам прометеева проклятия. А это неизменно захватывающий сюжет.

С таким же успехом я мог бы сыскать мотивы его поступка в семейной жизни. Тут к моим услугам имелся бы добрый десяток вариантов. Например, скрытый дар пробивается наружу благодаря знакомству с писателями и художниками, в обществе которых вращается его жена; или: неудовлетворенный семейным кругом, он углубляется в себя; и еще: любовная история раздувает в пламя маленький огонек, который, в моем изображении сначала бы едва-едва тлел в его душе. В таком случае миссис Стрикленд мне, вероятно, пришлось бы обрисовать совсем по-другому. Не церемонясь с фактами, я бы сделал ее брюзгливой, надоедливой женщиной или ханжой, не понимающей духовных запросов мужа. Брак их я бы изобразил как нескончаемую цепь мучений, разорвать которую можно только бегством. Я бы, наверно, расписал яркими красками его терпеливое отношение

к душевно чуждой ему жене и жалость, которая долго не позволяла ему сбросить тяжелое ярмо. О детях, пожалуй, упоминать бы и вовсе не следовало.

Не менее эффектно было бы свести Стрикленда со стариком художником, которого либо нужда, либо жажда наживы некогда заставили отказаться от своего призвания. Видя в Стрикленде возможности, им самим некогда упущенные, старик уговаривает его покончить с прежней жизнью и всецело предаться священной тирании искусства. Этот старый человек, добившийся богатства и высокого положения в свете, который пытается в другом пережить все, на что у него самого не достало мужества, хотя он и сознавал, что искусство — это лучшая доля, должен быть дан слегка иронически.

Факты куда менее значительны. Стрикленд прямо со школьной скамьи поступил в контору биржевого маклера, не испытывая при этом никаких моральных терзаний. До женитьбы он жил, как все молодые люди его круга; по-немножку играл на бирже во время Дерби или Оксфордских и Кембриджских игр, случалось, терял два-три соверена. В свободное время он занимался боксом, а на камине у него стояла фотография миссис Лангтри и Мери Андерсон. Он читал «Панч» и «Спортингтаймс». Ходил на танцы в Гемпстед.

То, что я потерял Стрикленда из виду на довольно долгий срок, особого значения не имеет. Годы, которые он провел в борьбе за овладение трудным искусством кисти, были достаточно однообразны, а то, чем ему приходилось заниматься, чтобы заработать себе на жизнь, вряд ли представляло хоть какой-нибудь интерес. Рассказывать об этом — значило бы рассказывать о событиях в жизни других людей. Да к тому же эти события не наложили отпечатка на характер Стрикленда. Он видел много сцен, которые могли бы послужить великолепным материалом для плутовского романа о современном Париже, но ничем этим не заинтересовался и, судя по его разговорам, не вынес ровно никаких впечатлений из своей парижской жизни. Возможно, что, приехав сюда, он был уже слишком стар и потому неподатлив колдовству большого города. Самое странное, что, вопреки всему этому, он казался мне не только практичным, но и сухо деловитым человеком. Жизнь его в те годы, несомненно, была полна романтики, но он не по-

дозревал об этом. Для того чтобы почувствовать романтику, надо, вероятно, быть немного актером и уметь, отрешившись от самого себя, наблюдать за своими действиями с глубокой заинтересованностью, но в то же время как бы и со стороны. Стрикленд был абсолютно не способен на такое раздвоение. Я в жизни не встречал человека, менее занятого собой. К несчастью, я не могу описать тот тернистый путь, идя по которому, он сумел покорить себе свое искусство. Если бы я показал, как неустрашимо он переносил неудачи, как мужественно не поддавался отчаянию, как упорно вел борьбу с сомнением — заклятым врагом художника, я вызвал бы симпатию к человеку, который — я это понимаю — покажется весьма несимпатичным. Но мне тут не за что зацепиться. Я никогда не видел Стрикленда за работой, как, вероятно, никто не видел. Тайны своей борьбы он хранил про себя. Если в полном одиночестве своей мастерской он и единоборствовал с Ангелом Господним, то ни одна живая душа не знала о его страданиях.

Теперь, когда речь пойдет о его связи с Бланш Стрёв, я с огорчением вижу, что в моем распоряжении нет ничего, кроме отрывочных, не связанных между собою фактов. Чтобы придать слитность своему рассказу, я должен был бы объяснить, как и почему их союз завершился трагедией, но я ничего не знаю об их жизни в течение этих трех месяцев. Не знаю, как они проводили время и о чем разговаривали. В сутках двадцать четыре часа, а вершины своей чувство достигает лишь в редкие минуты. Я могу только воображать, что они делали все остальные часы. Покуда было светло и Бланш еще не выбивалась из сил, он, вероятно, писал ее, а она сердилась, видя, как он углублен в работу. Она существовала для него только как модель, а не как любовница. Но затем оставались еще долгие часы, и они жили бок о бок в полном молчании. Ее это, наверно, пугало. Говоря, что своим уходом к нему Бланш как бы мстила Дирку Стрёву, пришедшему ей на помощь в трагическую минуту жизни, Стрикленд давал повод ко многим страшным догадкам. Но я надеюсь, что он ошибся. Иначе это было бы слишком печально. Хотя кто может разобраться во всех мельчайших движениях человеческого сердца? Разумеется, не тот, кто ждет от него только благопристойных и нормальных чувств. Когда Бланш поняла, что, несмотря на мгновения

страсти, Стрикленд остается чужим ей, она, должно быть, впала в отчаяние, и тут, когда ей уяснилось, что она для него не личность, а только орудие наслаждения, она стала делать жалкие усилия, чтобы привязать его к себе. Она окружала его комфортом, не замечая, что комфорт ничего не значит для этого человека. Она изошрялась, готовя ему лакомые кушанья, и не замечала, что он совершенно равнодушен к еде. Она боялась оставить его одного, преследовала его своим вниманием и, когда его страсть утихала, старалась снова возбудить ее, ибо только в эти мгновения могла питать иллюзию, что он принадлежит ей. Возможно, она умом и понимала, что цепи, которыми она его опутывала, будили в нем только инстинкт разрушения — так, когда видишь зеркальное стекло в окне, руки чешутся запустить в него камнем, — но ее сердце не внимало голосу разума, и она все шла по пути, который — тут она не заблуждалась — был для нее роковым. Должно быть, она была очень несчастна. Но слепая любовь заставила ее верить в то, во что ей хотелось верить, да и обожала она Стрикленда так, что ей казалось невозможным, чтобы он не платил ей любовью.

Беда в том, что мой рассказ о Стрикленде грешит большими недостатками, чем неполное знание фактов из его жизни. Я много написал о его отношениях с женщинами, потому что эти отношения очень бросались в глаза, а между тем им принадлежало весьма скромное место в его жизни. И право же, издевка судьбы, что для женщин, приближавшихся к нему, они оборачивались трагедией. По-настоящему его жизнь состояла из мечты и титанического труда.

Тут-то и начинается литературная неправда. Любовь, как правило, — только один из эпизодов в жизни человека, в романах же ей отводится первое место, и это не соответствует жизненной правде. Мало найдется мужчин, для которых любовь — самое важное на свете, и это по большей части неинтересные мужчины; их презирают даже женщины, для которых любовь превыше всего. Преклонение льстит женщинам, волнует их, и все же они не могут отделаться от чувства, что мужчины, все на свете забывающие из-за любви — убогие создания. Даже в краткие периоды, когда мужчина страстно любит, он занят еще и другими делами, отвлекающими его от любимой. Внимание одного сосре-

доточено на работе, которая дает ему средства к жизни; другой увлекается спортом или искусством. Большинство мужчин развивает свою деятельность в различных областях; они способны всецело сосредоточиваться на том, что их в данную минуту занимает, и досадуют, если одно перебивает другое. В любви разница между мужчиной и женщиной в том, что женщина любит весь день напролет, а мужчины — только урывками.

В жизни Стрикленда желание занимало очень мало места. Для него оно было чем-то второстепенным и докучным. Душа его рвалась в иные пределы. Он знал буйную страсть, и желание временами терзало его плоть, требуя неистовых оргий чувственности, но он ненавидел этот инстинкт, отнимающий у него власть над самим собою. Мне кажется, Стрикленд ненавидел и ту, что должна была делить с ним вакханалию страсти. Овладев собою, он испытывал отвращение к женщине, которой только что наслаждался. Мысли его уносились в горние страны, и женщина внушала ему ужас, какой может внушить пестрокрылому мотыльку, порхающему с цветка на цветок, неприглядная куколка, из которой он, торжествуя, возник. Мне думается, искусство — это проявление полового инстинкта. Одно и то же чувство заставляет усиленно биться человеческое сердце при виде красивой женщины, Неаполитанского залива в лунном свете и Тицианова «Положения во гроб». Вполне возможно, что Стрикленд ненавидел нормальное проявление полового инстинкта, оно казалось ему низменным по сравнению со счастьем художественного творчества. Мне самому странно, что, описав человека жестокого, эгоистичного, грубого и чувственного, я в конце концов прихожу к выводу, что он был подлинным идеалистом. Но факты — упрямая вещь.

Он жил беднее любого батрака. И работал тяжелее, нисколько не интересуясь тем, что большинство людей считают украшением жизни. К деньгам он был равнодушен, к славе тоже. Но не стоит воздавать ему хвалу за то, что он противостоял искушению и не шел ни на один из тех компромиссов с обществом, на которые мы все так охотно идем. Он не знал искушения. Ему ни разу даже не пришла на ум возможность компромисса. В Париже он жил более одиноко, чем отшельник в Фивейской пустыне. Он ничего не требовал от людей, разве чтобы они оставили его в покое.

Стремясь к одной лишь цели, он для ее достижения готов был пожертвовать не только собою — на это способны многие, — но и другими. Он был визионер и одержимый.

Да, Стрикленд был плохой человек, но и великий тоже.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ

Немалое значение имеют взгляды художника на искусство, и потому я считаю нужным сказать здесь несколько слов о том, как Стрикленд относился к великим мастерам прошлого. Многого я, конечно, не знаю. Стрикленд был не слишком словоохотлив и то, что ему хотелось сказать, не умел облечь в точные слова, запоминающиеся слушателю. Он не был остроумен. Юмор его, как видно из предыдущего — конечно, если мне хоть в какой-то мере удалось воспроизвести его манеру говорить, — носил сардонический характер. Острил он грубо. Он иногда заставлял собеседника смеяться над тем, что говорил правду, но этот вид юмора действителен только в силу своей необычности: если бы мы чаще слышали правду, никто бы не смеялся.

Стрикленд, я бы сказал, был от природы не слишком умен, и его взгляды на искусство не отличались оригинальностью. Я никогда не слышал, чтобы он говорил о художниках, работы которых были в известной мере родственны его работам, например о Сезанне или Ван-Гоге; я даже не уверен, что он когда-нибудь видел их произведения. Импрессионистами он особенно не интересовался. Технику их он признавал, но я склонен думать, что импрессионистическая манера казалась ему пошлой. Однажды, когда Стрёв на все лады прославлял Моне, он заметил: «Я предпочитаю Винтергальтера». Впрочем, он, вероятно, сказал это, чтобы позлить Стрёва, и, конечно, достиг цели.

Мне очень жаль, что я не могу привести какие-нибудь из ряда вон выдающиеся суждения Стрикленда о старых мастерах. В характере этого человека столько странностей, что возмутительные высказывания о старших собратях могли бы эффектно завершить его портрет. Мне бы очень хотелось навязать ему какие-нибудь фантастические теории относительно его предшественников, но, увы, я должен признаться, что его взгляды мало чем отличаются от общепринятых. Я подозреваю, что он не знал Эль Греко, но к Веласкесу относился с каким-то нетерпеливым восторгом.

Шарден его восхищал, а Рембрандт приводил в экстаз. Он говорил о впечатлении, которое на него производит Рембрандт, с такой откровенной грубостью, что я не решаюсь повторить его слова. Но вот что было уже совсем неожиданно, так это его живой интерес к Брейгелю-старшему. В то время я почти не знал этого художника, а Стрикленд не умел выражать свои мысли. Я запомнил то, что он говорил о нем, только потому, что это ровно ничего не объясняло.

— Этот настоящий, — заявил Стрикленд. — Бьюсь об заклад, что с него семь потов сходило, когда он писал.

Позднее, увидев в Вене картины Питера Брейгеля, я, кажется, понял, что в нем привлекло Стрикленда. Брейгелю тоже виделся какой-то особый мир, его самого удивлявший. Я тогда хотел написать о нем и сделал ряд заметок в своей записной книжке, но потом потерял ее, и в воспоминании у меня осталось только чувство, вызванное его картинами. Люди представлялись ему уродливыми и комичными, и он был зол на них за то, что они уродливы и комичны; жизнь — смешением комических и подлых поступков, достойных только смеха, но горько было ему над этим смеяться. Мне всегда казалось, что Брейгель средствами одного искусства тщится выразить то, что лучше поддалось бы выражению средствами другого; может быть, поэтому-то и смутно тянуло к нему Стрикленда. Видно, оба они хотели в живопись вложить идеи, бывшие более под стать литературе.

Стрикленду в то время было около сорока семи лет.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ

Выше я уже говорил, что, если бы не случайный мой приезд на Таити, я бы никогда не написал этой книги. Дело в том, что после долгих скитаний на Таити очутился Чарлз Стрикленд и там создал картины, на которых главным образом и зиждется его слава. Я думаю, что ни одному художнику не суждено полностью воплотить мечту, властвующую над ним, и Стрикленд, вконец измученный своей борьбой с техникой, сделал, быть может, меньше, чем другие, чтобы воплотить видение, вечно стоявшее перед его духовным взором, но на Таити обстоятельства ему благоприятствовали. В этом новом мирке он нашел много элементов,

необходимых для того, чтобы его вдохновение стало плодотворным. Последние картины Стрикленда уже дают некоторое представление о том, что он искал. Они являются какой-то новой и странной пищей для нашей фантазии. Словно в этом далеком краю дух его, до той поры бестелесно бродивший по свету в поисках приюта, обрел наконец плоть и кровь. Выражаясь тривиально, Стрикленд здесь нашел себя.

Казалось бы, что, приехав на этот отдаленный остров, я должен был немедленно вспомнить о Стрикленде, в свое время так сильно меня интересовавшем, но я весь ушел в работу, кроме нее ни о чем не думал и лишь несколько дней спустя вспомнил о том, что его имя связано с Таити. Впрочем, я видел его пятнадцать лет назад, и уже девять прошло с тех пор, как он умер. Кроме того, впечатления от Таити вытеснили из моей головы даже дела, я все еще не мог прийти в себя. Помнится, в первое утро я проснулся чуть свет и вышел на веранду отеля. Нигде ни живой души. Я отправился в кухню, но она была заперта, на скамейке возле двери спал мальчик-туземец. Надежду позавтракать пока что приходилось оставить, и я пошел вниз, к морю. Китайцы уже раскладывали товар в своих лавчонках. Предрассветное небо было бледно, и над лагуной стояла призрачная тишина. В десяти милях от берега высился остров Муреа, хранивший свою тайну, словно твердыня святого Грааля.

Я все еще не верил своим глазам. Дни, прошедшие со времени моего отплытия из Веллингтона, были так необычны, так непохожи на все другие дни. Веллингтон — чистенький, совсем английский городок, точь-в-точь такой, как все портовые городки Южной Англии. В море три дня бушевал шторм. Серые, рваные тучи тянулись по небу друг за дружкой. Затем ветер стих, море успокоилось, стало синим. Тихий океан пустыннее других морей, просторы его кажутся безграничными, а самое заурядное плавание по нему отдает приключением. Воздух, который мы вдыхаем, это эликсир, подготавливающий к неожиданному и неизведанному.

Лишь раз в жизни дано смертному испытать чувство, что он всплывает в золотое царство фантазии, — когда взору его открываются берега Таити. Вы видите еще и соседний остров Муреа, каменное диво, таинственно взды-

мающееся среди водной пустыни. Со своими зубчатыми очертаниями он точно Монсерат Тихого океана, и вам начинает казаться, что полинезийские рыцари свершают там диковинные обряды, охраняя недобрую тайну. Красота этого острова раскрывается по мере приближения к нему, когда становятся отчетливо видны восхитительные изломы его вершин, но он бережно хранит свою тайну и, стоит вам поравняться с ним, весь как бы съеживается, замыкается в скалистую, неприступную суровость. И если б он исчез, куда вы ищите проход между рифами, и перед вами простерлась бы лишь синяя пустыня океана, то и в этом, кажется, не было бы ничего удивительного.

Таити — высокий зеленый остров, с полосами более темной зелени, в которых вы угадываете молчаливые долины; в их темной таинственной глубине журчат и плещутся студёные потоки, и чувствуешь, что жизнь в этих тенистых долах с незапамятных времен шла по одним и тем же незапамятным путям. В таком чувстве есть печаль и страх. Но это мимолетное впечатление лишь обостряет радость минуты. Так на миг промелькнет печаль в глазах шутника, когда веселые сотрапезники до упаду смеются над его остроумиями, — рот его улыбается, шутки становятся веселее, но одиночество его еще нестерпимее. Таити улыбается, приветствуя вас; этот остров — как обворожительная женщина, что расточает свою прелесть и красоту, и нет на свете ничего милее гавани Папезте. Шхуны, стоящие на якоре у причала, сияют чистотой, городок, что тянется вдоль бухты, бел и наряден, а тамаринды, полыхающие под синью неба, яростны, словно крик страсти. Дух захватывает от того, как они чувственны в своем бесстыдном неистовстве. Встречать пароход на пристань высыпает веселая, жизнерадостная толпа; она шумит, радуется, жестикулирует. Это море коричневых лиц. Точно все цвета радуги волнуются и колыхнутся здесь под лазурным, блистающим небом. Суматоха все время отчаянная — при разгрузке багажа, при таможенном досмотре, и кажется, что все улыбаются вам. Солнце печет нестерпимо. Пестрота ослепляет.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ

В первые же дни моего пребывания на Таити я свел знакомство с капитаном Николсом. Однажды утром, когда

я завтракал на веранде, он вошел и представился мне. Прослышав, что я интересуюсь Чарлзом Стриклендом, капитан Николс явился поговорить со мной. На Таити судачат не хуже, чем в английской деревне, и слух о том, что я раза два или три спросил относительно картин Стрикленда, распространился с молниеносной быстротой. Я поинтересовался, завтракал ли капитан.

— Да, — отвечал он, — я рано пью кофе, но от глоточка виски не откажусь.

Я кликнул боя-китайца.

— А может, не стоит пить спозаранку? — сказал капитан.

— Ну, это уж вы спрашивайте вашу печень, — отвечал я.

— Собственно, я трезвенник, — заметил капитан, наливая себе добрых полстакана канадского виски.

Смеясь, он показывал желтые поломанные зубы. Капитан был очень худой человек, среднего роста, с седой шевелюрой и седыми топорщившимися усами. Он явно не брился уже два дня. Лицо его, коричневое от постоянного пребывания на солнце, было изборозждено морщинами, а голубые глазки смотрели удивительно плутовато. Они бегали быстро-быстро, следя за каждым моим движением, и придавали капитану изрядно жуликоватый вид, хотя в настоящую минуту он был, можно сказать, сама доброжелательность. Его костюм цвета хаки выглядел весьма неопрятным, а руки очень нуждались в воде и мыле.

— Я хорошо знал Стрикленда, — начал он, закулив сигару, которую я ему предложил, и поудобнее устраиваясь в кресле. — Благодаря мне он и попал на эти острова.

— Где вы с ним повстречались? — спросил я.

— В Марселе.

— Что вы там делали?

Он заискивающе улыбнулся.

— Гм, я там, собственно, сидел без работы.

Судя по виду моего нового приятеля, он и теперь находился не в лучшем положении; я уже приготовился поддерживать это приятное знакомство. Такие шалопаи, как правило, вознаграждают нас за мелкие моральные издержки, которые несешь, общаясь с ними. Они легко сблизжаются, разговорчивы. Заносчивость чужда им, а предложение выпить — вернейший путь к их сердцу. Вам нет нужды завоевывать их расположение, и за то, что вы будете внима-

тельно слушать их рассказы, они заплатят вам не только доверием, но и благодарностью.

Для них первейшее удовольствие в жизни — почесать язык и заодно щегольнуть своей образованностью, и надо признать, по большей части они превосходные рассказчики. Излишество их жизненного опыта приятно уравновешивается живостью воображения. Простаками их, конечно, не назовешь, но они уважают закон, когда он опирается на силу. Играть с ними в покер — рискованное занятие, но их сноровка придает дополнительную своеобразную прелесть этой лучшей в мире игре. Я хорошо узнал капитана Николса за время своего пребывания на Таити, и это знакомство, безусловно, обогатило меня. Сигары и виски, за которые я платил (от коктейля он, как заядлый трезвенник, раз и навсегда отказался), также как и те несколько долларов, которые капитан взял у меня взаймы с видом, ясно говорившим, что он делает мне величайшее одолжение, отнюдь не эквивалентны тому, что я от него получил: он развлекал меня. Я остался его должником и не вправе отделаться от него двумя словами.

Не знаю, почему капитану Николсу пришлось уехать из Англии. Он об этом старательно умалчивал, а задавать вопросы людям его склада — заведомая бестактность. Он намекал на какую-то беду, незаслуженно его постигшую, и вообще считал себя жертвой несправедливости. Я полагал, что речь идет о мошенничестве или о насилии, и охотно поддакивал ему: да, судейские чиновники в старой Англии — отчаянные формалисты. Зато как это хорошо, что, несмотря на все неприятности, испытанные им в родной стране, он остался пламенным патриотом. Он неоднократно заявлял, что Англия — лучшая страна в мире, и живо чувствовал свое превосходство над американцами и жителями колоний, итальяшками, голландцами и канаками.

Но счастливым капитан все-таки не был. Он страдал от дурного пищеварения и то и дело глотал таблетки пепсина; по утрам у него не было аппетита, что, впрочем, не ухудшало его настроения. У него имелись и другие основания роптать на жизнь. Восемь лет назад он опрометчиво женился. Есть люди, которым милосердное провидение предрекало холостяцкое житье, но они из своенравия или по случайному стечению обстоятельств нарушают его волю. Нет на свете ничего более жалкого, чем женатый холостяк.

А капитан Николс был женатым холостяком. Я знал его жену, ей было лет двадцать восемь — впрочем, она принадлежала к тому типу женщин, возраст которых не определишь; такой она была, вероятно, в двадцать лет и в сорок тоже едва ли выглядела старше. Мне казалось, что она вся как-то стянута. Ее плоское лицо с узкими губами было стянуто, кожа плотно обтягивала кости, рот кривился в натянутой улыбке, волосы были стянуты в тугий узел, платье сидело в обтяжку, а белое полотно, из которого оно было сшито, выглядело как черная бумазая. Я никак не мог понять, почему капитан Николс на ней женился, а женившись, почему от нее не удрал. Впрочем, кто знает, может быть, он не раз пытался это сделать: меланхолия же его именно тем и объяснялась, что все эти попытки терпели крушение. Как бы далеко он ни уходил, в какое бы укромное местечко ни забивался, миссис Николс, неумолимая, как судьба, и беспощадная, как совесть, немедленно настигала его. Он не мог избавиться от нее, как причина не может избавиться от следствия.

Мошенник, артист, а может быть, и джентльмен не принадлежит ни к какому классу. Его не проймешь нахальной бесцеремонностью бродяги и не смудишь чопорным этикетом королевского двора. Но миссис Николс принадлежала к сословию, так сказать, ниже среднего. Папаша ее был полисменом — и я уверен, весьма расторопным. Не знаю, чем она привязала к себе капитана, но не думаю, чтобы узами любви. Я от нее слова не слышал, но не исключено, что в домашней обстановке это была весьма говорливая особа. Так или иначе, но капитан Николс смертельно ее боялся. Иногда мы с ним сидели на террасе отеля, и он вдруг замечал, что она проходит по улице. Она его не окликала, ни словом, ни жестом не показывала, что видит его, а невозмутимо шагала туда и обратно. Странное беспокойство овладевало тогда капитаном: он начинал смотреть на часы и вздыхать.

— Ну, мне пора, — говорил он наконец.

И тут уже ничем нельзя было удержать его, даже стаканом виски. А ведь он неустрашимо встречал ураганы, тайфуны и, вооруженный одним только револьвером, не задумываясь, вступил бы в драку с десятком безоружных негров. Случалось, что миссис Николс посылала за ним свою дочь, бледную, сердитую девочку лет семи.

- Тебя мама зовет, — говорила она плаксивым голосом.
— Иду, иду, деточка, — отвечал капитан Николс.

Он вскакивал и шел за дочерью. Прекрасный пример торжества духа над материей, а, следовательно, в отступлении, которое я себе позволил, по крайней мере имеется мораль.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ

Я постарался придать некоторую слитность отрывочным рассказам капитана Николса о Стрикленде, которые и перескажу сейчас по возможности последовательно. Они познакомились зимой того же года, когда я в последний раз видел Стрикленда в Париже. Как он жил эти месяцы после нашей встречи, я не знаю, но, видно, ему пришлось очень круто, так как Николс встретился с ним в ночлежном доме. В Марселе в то время была всеобщая забастовка, и Стрикленд, оставшись без денег, не мог заработать даже те гроши, которые были ему необходимы, чтобы душа не рассталась с телом.

Монастырский ночлежный дом в Марселе — это большое, мрачное здание, где бедняки и безработные получали право одну неделю пользоваться койкой, если у них были в порядке документы и они могли доказать монахам, что не являются беспаспортными бродягами. Капитан Николс тотчас же заметил Стрикленда, выделявшегося своим ростом и оригинальной наружностью, в толпе возле дверей ночлежки; они ждали молча: кто шагал взад и вперед, кто стоял, прислонившись к стене; многие сидели на обочине дороги, спустив ноги в канаву. Когда их наконец впустили в контору, капитан услышал, что проверявший документы монах обратился к Стрикленду по-английски. Но капитану не удалось заговорить с ним: как только их впустили в общую комнату, туда тотчас же явился монах с громадной Библией и с кафедры, стоявшей в конце помещения, начал проповедь, которую эти несчастные должны были слушать в оплату за то, что их здесь приютили. Капитан и Стрикленд были назначены в разные спальни, а в пять часов утра, когда дюжий монах объявил подъем и капитан запрашивал свою койку и умывался, Стрикленд уже исчез. Капитан около часу пробродил по улицам, дрожа от холода, а потом отправился на площадь Виктора Желю, где обычно

собирались безработные матросы. Там он опять увидел Стрикленда, дремлющего у пьедестала памятника. Он разбудил его пинком.

— Пошли, браток, завтракать!

— Иди ко всем чертям, — отвечал Стрикленд.

Я узнал лаконичный стиль Стрикленда и решил, что свидетельству капитана Николса можно верить.

— Сидишь на мели? — спросил капитан.

— Проваливай, — сказал Стрикленд.

— Пойдем со мной, я тебе раздобуду завтрак

Поколебавшись секунду-другую, Стрикленд встал, и они пошли в столовую «Ломоть хлеба», где голодным и вправду давали по куску хлеба с условием, что он будет съеден на месте: «на вынос» хлеб не выдавался. Оттуда они двинулись в «Ложку супа», там в одиннадцать утра и в четыре дня бедняки получали по тарелке жидкой соленой похлебки.

Столовые эти находились в разных концах города, так что только вконец изголодавшийся человек мог соблазниться таким завтраком. С этого началась своеобразная дружба Чарлза Стрикленда и капитана Николса.

Они провели в Марселе друг с другом месяца четыре. Жизнь их текла без всяких приключений, если под приключением понимать неожиданные и яркие происшествия, ибо они с утра до вечера были заняты поисками заработка, которого хватило бы на оплату койки в ночлежном доме и на кусок хлеба, достаточный, чтобы заглушить муки голода. Мне бы очень хотелось воспроизвести здесь те характерные и красочные картины, которые разворачивались передо мною в передаче капитана Николса. Оба они такого навидались за время своей жизни «на дне» большого портового города, что из этого получилась бы преинтересная книжка, а разговоры действующих лиц в рассказе капитана Николса могли бы послужить отличным материалом для составления полного словаря блатного языка. Но, к сожалению, я могу привести здесь лишь отдельные эпизоды. Начнем с того, что это было примитивное, грубое, но не унылое существование. И Марсель, который я знал, Марсель оживленный и солнечный, с комфортабельными гостиницами и ресторанами, наполненными сытой толпой, стал казаться мне банальным и серым. Я завидовал людям, которые собственными глазами видели все то, что я только слышал из уст капитана Николса.

После того как двери ночлежного дома закрылись перед ними, они оба решили прибегнуть к гостеприимству некоего Строптивного Билла. Это был хозяин матросской харчевни, рыжий мулат с тяжелыми кулаками, который давал приют и пищу безработным матросам и сам же подыскивал им места. Стрикленд и Николс прожили у него, наверно, с месяц, спали на полу вместе с другими матросами — шведами, неграми, бразильцами — в двух совершенно пустых комнатах, отведенных хозяином для своих постояльцев, и каждый день отправлялись вместе с ним на площадь Виктора Желю, куда приходили капитаны пароходов в поисках рабочей силы. Строптивный Билл был женат на толстой, обрюзгшей американке, Бог весть каким образом дошедшей до такой степени падения, и его постояльцам вменялось в обязанность поочередно помогать ей по хозяйству. Капитан Николс считал, что Стрикленд ловко увильнул от этой работы, написав портрет Билла. Последний не только уплатил за холст, краски и кисти, но еще дал Стрикленду в придачу фунт контрабандного табаку. Полагаю, что эта картина и по сей день украшает гостиную полуразрушенногодомишки неподалеку от набережной и теперь наверняка стоит полторы тысячи фунтов. Стрикленд мечтал поступить на какое-нибудь судно, идущее к берегам Австралии или Новой Зеландии, и уже оттуда пробраться на Самоа или на Таити. Почему Стрикленда потянуло в Южные моря, не знаю, но, помнится, ему давно представлялся остров зеленый и солнечный, среди моря, более синего, чем моря северных широт. Он, наверно, и привязался к капитану Николсу потому, что тот знал эти дальние края. Мысль отправиться именно на Таити тоже исходила от Николса.

— Таити ведь принадлежит французам, — пояснил мне капитан, — а французы не такие чертовские формалисты, как англичане.

Я понял, что он имеет в виду.

У Стрикленда не было нужных бумаг, но подобные пустяки Билла не смущали, когда можно было хорошо подработать (он забирал у матросов, которых устраивал на корабль, жалованье за весь первый месяц). Итак, он снабдил Стрикленда документами одного английского кочегара, весьма кстати умершего у него в харчевне. Но оба они, и капитан Николс, и Стрикленд, рвались на восток, а работа, как назло, представлялась только на пароходах, идущих на

запад. Стрикленд дважды отказался от места на судах, отправляющихся в Соединенные Штаты, и в третий раз — на угольщике, идущем в Ньюкасл. Строптивый Билл не терпел упрямства, из-за которого мог остаться внакладе, и без всяких церемоний вышвырнул обоих из своего заведения. Они снова сели на мель.

Еда у Строптивного Билла не отличалась роскошеством, из-за стола его нахлебники вставали почти такими же голодными, как и садились за него, и все-таки Стрикленд и Николс в течение нескольких дней с нежностью вспоминали об этих обедах. «Ложка супа» и ночлежный дом были закрыты для них, и они поддерживали свое существование только тем, на что расщедривался «Ломоть хлеба». Спали они где придется, в товарных вагонах на запасных путях или под повозками у пакгауза, но холод стоял лютый, и, продремав часа два, они начинали бегать по улицам. Больше всего оба страдали без табаку, и капитан отправлялся «на охоту» к пивному заведению — подбирать окурки папирос и сигар, брошенные вечерними посетителями.

— Я Бог знает чем набивал свою трубку, — заметил капитан, меланхолически пожимая плечами, и взял из ящика, который я ему пододвинул, сразу две сигары: одну он сунул в рот, другую в карман.

Временами им удавалось зашибить немножко денег. Когда приходил почтовый пароход, они работали по его разгрузке, так как капитан Николс ухитрился завязать знакомство с боцманом. Иногда они хитростью проникали на бак английского парохода, и команда угощала земляков сытным завтраком. При этом они рисковали наткнуться на корабельное начальство и кубарем скатиться по трапу да еще получить пинок вдогонку.

— Ну, да пинок в зад — беда небольшая, если брюхо полно, — заметил капитан Николс, — и лично я на это дело не обижался. Начальству положено наблюдать за дисциплиной.

Я живо представил себе, как капитан Николс вверх тор-машками летит по узенькому трапу и, будучи истым англичанином, восхищается дисциплиной английского торгового флота.

Чаще всего они промышляли на рыбном рынке, а как-то раз получили по франку за погрузку на товарную платформу неисчислимого количества ящиков с апельсинами,

сваленных у причала. Однажды им сильно повезло: знакомый «хозяин» взял подряд на покраску судна, которое прибыло с Мадагаскара, обогнув мыс Доброй Надежды, и они несколько дней кряду провисели в люльке, нанося слой краски на его заржавленные борта. Положение это, безусловно, должно было вызвать сардонические реплики Стрикленда. Я спросил Николса, как вел себя Стрикленд во время всех этих испытаний.

— Ни разу не слыхал, чтобы он хоть выругался, — отвечал капитан. — Иногда он, конечно, хмурился, но, если у нас с утра до вечера маковой росинки во рту не бывало и нечем было заплатить китаезе за ночлег, он только поспеивался.

Меня это не удивило. Стрикленд никогда не падал духом от неблагоприятных обстоятельств, но было ли то следствием невозмутимости характера или гордости, судить не берусь.

«Головой китаезы» портовый сброд прозвал грязный притон на улице Бутери; его содержал одноглазый китаец, и там за шесть су можно было получить койку, а за три выпасться на полу. Здесь оба они завели себе друзей среди таких же горемык и, когда у них не было ни гроша, а на дворе стояла стужа, не стесняясь, брали у них взаймы несколько су из случайно заработанного франка, чтобы оплатить ночлег. Эти бродяги, не задумываясь, делились последним грошом с такими же, как они. В марсельский порт стекались люди со всего света, но различие национальностей не служило помехой доброй дружбе, все они чувствовали себя свободными гражданами единой страны — великой страны кокаина.

— Но зато рассвирепевший Стрикленд бывал страшен, — задумчиво процедил капитан Николс. — Как-то раз мы зашли в логово Строптивного Билла, и он спросил у Чарли документы, которыми когда-то ссудил его.

— А ну, возьми, попробуй! — сказал Чарли.

Строптивный Билл был рыжим детиной, но вид Чарли ему не понравился, и он стал на все лады честить его. А когда Билл ругался, его, право же, небезынтересно было послушать. Чарли терпел-терпел, а затем шагнул вперед и сказал: «Вон отсюда, скотина!» Тут важно не что он сказал, а как сказал! Билл ни слова ему не ответил, пожелтел весь и смотался так быстро, точно спешил на свидание.

В передаче капитана Николса Стрикленд обозвал Билла вовсе не «скотиной», но, поскольку эта книга предназначена для семейного чтения, я, в ущерб точности, решил вложить в уста Стрикленда слова, принятые в семейном кругу.

Но не таков был Строптивый Билл, чтобы стерпеть унижение от простого матроса. Его власть зависела от престижа, и прошел слух, что он поклялся прикончить Стрикленда.

Однажды вечером капитан Николс и Стрикленд сидели в кабачке на улице Бутери. Это узкая улица, застроенная одноэтажными домишками, — по одной комнате в каждом, похожими не то на ярмарочные балаганы, не то на клетки в зверинце. У каждой двери там стоят женщины. Одни, лениво прислонившись к косяку, мурлычут какую-то песенку, хриплыми голосами заывают прохожих, другие молча читают. Есть здесь француженки, итальянки, испанки, японки и темнокожие. Есть худые и толстые. Густой слой белил, подведенные брови, ярко-красные губы не скрывают следов, оставленных временем и развратом. Некоторые из этих женщин одеты в черные рубашки и телесного цвета чулки; на других короткие муслиновые платьица, как у девочек, а крашенные волосы завиты в мелкие кудряшки. Через открытую дверь виднеется пол, выложенный красными изразцами, широкая деревянная кровать, кувшин и таз на маленьком столике. Пестрая толпа слоняется по улице — индийцы-матросы, белокурые северяне со шведской шхуны, японцы с военного корабля, английские моряки, испанцы, шеголеватые молодые люди с французского крейсера, негры с американских торговых судов.

Днем улица Бутери грязна и убога, но по ночам, освещенная только лампами в окнах хибарок, она красива какой-то зловещей красотой.

Омерзительная похоть, пронизывающая воздух, гнетет и давит, и тем не менее есть что-то таинственное в этой картине, что-то тревожное и захватывающее. Все здесь насыщено первобытной силой; она внушает отвращение и в то же время очаровывает. Могучим потоком снесены условности цивилизации, и люди на этой улице стоят лицом к лицу с сумрачной действительностью. Атмосфера напряженная и трагическая.

В кабачке, где сидели Стрикленд и Николс, пианола громко отбарабанивала танцы. По стенам за столиками расселись пьяные в дым матросы и несколько человек солдат;

посредине, сбившись в кучу, танцевали пары. Бородатые загорелые моряки с большими мозолистыми руками крепко прижимали к себе девиц, на которых не было ничего, кроме рубашки. Случалось, что два матроса вставали из-за столика и шли танцевать в обнимку. Шум стоял оглушительный. Посетители пели, ругались, хохотали. Когда какой-нибудь мужчина долгим поцелуем впивался в сидящую у него на коленях девицу, английские матросы оглушительно мяукали. Воздух был тяжелый от пыли, поднимаемой сапогами мужчин, и сизый от табачного дыма. Жара стояла отчаянная. Женщина, сидевшая за стойкой, кормила грудью ребенка. Кельнер, низкорослый парень с прыщавым лицом, носился взад и вперед с подносом, уставленным кружками пива.

Вскоре туда явился Строптивый Билл в сопровождении двух дюжих негров; с первого взгляда можно было определить, что он уже основательно хлебнул. Он тотчас же стал напрашиваться на скандал. Толкнул столик, за которым сидело трое солдат, и опрокинул кружку пива. Началась свара, хозяин вышел и предложил Биллу убираться вон. Малый он был здоровенный, скандалов в своем заведении не терпел, и Билл заколебался. Связываться с кабатчиком не имело смысла, полиция всегда была на его стороне; итак, Билл крепко выругался и пошел к двери. Но тут ему на глаза попался Стрикленд. Ни слова не говоря, он ринулся к его столику и плюнул ему в лицо. Стрикленд швырнул в него пивной кружкой. Танцующие остановились. На мгновение воцарилась полная тишина, но когда Строптивый Билл бросился на Стрикленда, всех до одного охватила жажда драки, и началась свалка. Столы опрокидывались, осколки летели на пол. Шум поднялся адский. Женщины врассыпную бросились на улицу и за стойку. Прохожие вбегали и вmeshивались в потасовку.

Теперь уже слышались проклятия на всех языках, удары, вопли; посреди комнаты в яростный клубок сцепилось человек десять матросов. Откуда ни возьмись явилась полиция, и все, кто мог, постарались улизнуть. Когда зал был очищен, на полу без сознания остался лежать Строптивый Билл с глубокой раной на голове. Капитан Николс выволок на улицу Стрикленда, рука у него была ранена, лицо и изодранная одежда — в крови; Николсу разбили нос.

— Лучше тебе смотаться из Марсея, покуда Билл не вышел из больницы, — сказал он Стрикленду, когда они

уже добрались до «Головы китаезы» и по мере возможности приводили себя в порядок.

— Это, пожалуй, почище петушиного боя, — заметил Стрикленд.

При этих словах мне сразу представилась его сардоническая улыбка.

Капитан Николс был в тревоге. Он хорошо знал мстительность Строптивного Билла. Стрикленд дважды одолел мулату, а когда Билл трезв, с ним лучше не связываться.

Он теперь будет действовать исподтишка. Торопиться он не станет, но в одну прекрасную ночь Стрикленд получит удар ножом в спину, а через день-два тело неизвестного бродяги будет выловлено из грязной воды в гавани. На следующий день капитан отправился на разведку к дому Строптивного Билла. Он еще лежал в больнице, но жена, которая ходила его навещать, сказала, что он поклялся убить Стрикленда, как только вернется домой. Прошла целая неделя.

— Я всегда говорил, — задумчиво продолжал капитан Николс, — что если ты уж дал тумака, то пусть это будет основательный тумак. Тогда у тебя по крайней мере хватит времени поразмыслить о том, что делать дальше.

Но Стрикленду вдруг повезло. В бюро по найму матросов поступила заявка — на пароход, идущий в Австралию, срочно требовался кочегар, так как прежний в приступе белой горячки бросился в море возле Гибралтара.

— Беги скорей в гавань и подписывай контракт, — сказал капитан Николс. — Нужные бумаги у тебя, слава Богу, есть.

Стрикленд последовал его совету, и больше они не виделись. Пароход простоял в гавани всего шесть часов, и вечером, когда он уже рассекал студёные волны, капитан увидел на востоке исчезающий дымок.

Я старательно изложил все слышанное от капитана потому, что меня привлек контраст между этими событиями и той жизнью, которой при мне жил Стрикленд на Эшдигарден, занятый биржевыми операциями. Но, с другой стороны, я знаю, что капитан Николс — отъявленный враль и, возможно, в его рассказе нет ни слова правды. Я бы не удивился, узнав, что он никогда в жизни не видел Стрикленда и что все его описания Марселя вычитаны из иллюстрированных журналов.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ

На этом я предполагал закончить свою книгу. Сперва мне хотелось описать последние годы Стрикленда на Таити и его страшную кончину, а затем обратиться вспять и познакомить читателей с тем, что мне было известно о его первых шагах как художника. И не потому, что так мне заблагорассудилось, а потому, что я сознательно хотел расстаться со Стриклендом в пору, когда он с душою, полной смутных грез, покидал континент для неведомого острова, давно уже дразнившего его воображение. Мне нравилось, что этот человек в сорок семь лет, то есть в возрасте, когда другие живут налаженной, размеренной жизнью, пустился на поиски нового света. Я уже видел серое море, вспененное мистралем, и пароход; с борта его Стрикленд смотрит, как скрываются вдаль берега Франции, на которые ему не суждено вернуться; и я думал, что много все-таки бесстрашия было в его сердце. Я хотел, чтобы конец моей книги был оптимистическим. Как это подчеркнуло бы нестигаемую силу человеческой души! Но ничего у меня не вышло. Не знаю почему, повесть моя не желала строиться, и после нескольких неудачных попыток я отказался от этого замысла, начал, как положено, книгу с начала и решил рассказать читателю только то, что я знал о жизни Стрикленда, последовательно излагая факты.

Но в моем распоряжении были лишь самые отрывочные сведения. Я оказался в положении биолога, которому по одной кости предстоит не только восстановить внешний вид доисторического животного, но и его жизненный уклад. Стрикленд не произвел сильного впечатления на людей, которые соприкасались с ним на Таити. Для них он был просто бродяга без гроша за душой, отличавшийся от других бродяг разве тем, что он малевал какие-то чудные картины. И лишь через несколько лет после его смерти, когда на остров из Парижа и Берлина съехались агенты крупных торговцев картинами в надежде, что там еще можно будет разыскать кое-что из творений Стрикленда, они стали догадываться, что среди них жил человек весьма недюжинный. Тут их осенило, что они за медный грош могли купить полотна, которые стоили теперь огромных денег, и они очень сокрушались об упущенных возможностях. Среди жителей Папезте, знавших Стрикленда, был один француз-

ский еврей по имени Коэн, у которого случайно оказалась картина Стрикленда. Маленький старичок с добродушными глазками и приветливой улыбкой, наполовину торговец, наполовину моряк, он курсировал на собственной шхуне между Паумоту и Маркизскими островами, привозя туда всевозможные товары и взамен забирая копру, перламутр и жемчуг. Мне сказали, что он собирается недорого продать большую черную жемчужину, и я пошел к нему; когда же выяснилось, что жемчужина мне все равно не по карману, я заговорил с ним о Стрикленде. Старик хорошо знал его.

— Я, видите ли, интересовался им, потому что он был художник. У нас на островах художник — редкость, и я очень его жалел за то, что он так слаб в своем ремесле. Я первый дал ему работу. У меня есть плантация на полуострове, и туда требовался надсмотрщик. От туземцев ведь работы не добьешься, если над ними нет белого надсмотрщика. Я ему сказал: «У вас останется куча времени, чтобы писать картины, и денег немножко подработаете». Я знал, что он голодает, и предложил ему хорошее жалованье.

— Не думаю, чтобы он был хорошим надсмотрщиком, — улыбнулся я.

— Я смотрел на это сквозь пальцы, потому что всегда любил художников. Это ведь у нас в крови. Но он прослужил у меня всего два или три месяца и ушел, как только заработал денег на холст и краски. Он восхищался здешней природой, и его опять потянуло бродяжничать. Но я иногда продолжал с ним встречаться. Он изредка навещался в Папее и по нескольку дней жил там, а потом, если ему удавалось достать у кого-нибудь денег, опять исчезал. В один из таких наездов он пришел ко мне и попросил займы двести франков. Вид у него был такой, словно он не ел целую неделю, и у меня не хватило духу ему отказать. На этих деньгах я, конечно, поставил крест. И вдруг через год он является и приносит мне картину. Он словом не обмолвился о долге, а только сказал: «Вот вам вид вашей плантации, я его написал для вас». Я взглянул на нее и не знал, что сказать, но, конечно, поблагодарил, а когда он ушел, я показал ее жене.

— Что же это была за картина? — спросил я.

— Лучше не спрашивайте. Я в ней ровно ничего не понял, так как отродясь подобного не видывал. «Что нам с ней делать?» — сказал я жене. «О том, чтобы ее повесить,

нечего и думать, — отвечала она, — люди будут смеяться над нами». Она снесла картину на чердак, где у нас лежала пропасть всякого хлама, потому что моя жена не в состоянии выбросить ни одной вещи. Это ее мания. Можете себе представить мое изумление, когда перед самой войной брат написал мне из Парижа: «Не знаешь ли ты чего-нибудь об английском художнике, который жил на Таити? Оказалось, что он картины идут по очень высокой цене. Постарайся разыскать что-нибудь из его вещей и пришли мне. Можно хорошо заработать». Я спрашиваю жену, как насчет картины, которую мне подарил Стрикленд? Может, она все еще на чердаке? «Конечно, на чердаке, — говорит жена, — ты же знаешь, что я никогда ничего не выбрасываю, это моя мания». Мы с ней полезли на чердак и среди Бог знает какого хлама, накопившегося за тридцать лет нашей жизни в этом доме, разыскали картину. Я опять смотрю на нее и говорю: «Ну кто бы мог подумать, что надсмотрщик с моей плантации, которому я дал взаймы двести франков, окажется гением? Скажи на милость, что хорошего в этой картине?» — «Не знаю, — отвечала она, — на нашу плантацию это несколько не похоже, и кокосовых пальм с синими листьями я никогда не видала. Но они там все с ума посходили в Париже, и, может, твоему брату удастся продать ее за двести франков, которые тебе задолжал Стрикленд». Сказано-сделано. Мы запаковали и отправили картину. В скором времени пришло письмо от брата. И что же, вы думаете, он написал? «Получив твою картину, я сначала решил, что тебе вздумалось надо мной подшутить. Я бы лично не дал за нее и того, что стоила пересылка. Я даже боялся показать ее тому человеку, который надоумил меня послать тебе запрос. Можешь себе представить, как я был удивлен, когда он объявил, что это замечательное произведение искусства, и предложил мне тридцать тысяч франков. Он, может быть, дал бы больше, но я, откровенно говоря, совсем обалдел и согласился, не успев даже собраться с мыслями».

И затем мсье Коэн сказал нечто совершенно очаровательное:

— Как жаль, что бедняга Стрикленд не дожил до этого дня. Воображаю его удивление, когда я бы вручил ему за его картину двадцать девять тысяч восемьсот франков.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ

Я жил в отеле «Де ла Флёр», и хозяйка его, миссис Джонсон, поведала мне печальную историю о том, как она прозевала счастливый случай. После смерти Стрикленда часть его имущества продавалась с торгов на рынке в Папеэте. Миссис Джонсон отправилась на торги, потому что среди его вещей была американская печка, которую ей хотелось приобрести. В конце концов она ее и купила за двадцать семь франков.

— Там было еще штук десять картин, да только без рам, — рассказывала она, — и никто на них не лыстился. Некоторые пошли за десять франков, а большинство за пять или шесть. Подумать только, если бы я их купила, я бы теперь была богатой женщиной.

Нет, Тиаре Джонсон ни при каких обстоятельствах не стала бы богатой женщиной. Деньги текли у нее из рук. Она была дочерью туземки и английского капитана, обосновавшегося на Таити. Когда я с ней познакомился, ей было лет пятьдесят, но выглядела она старше — прежде всего из-за своих громадных размеров. Высокая и страшно толстая, она казалась бы величественной, если б ее лицо способно было выразить что-нибудь, кроме добродушия. Руки ее напоминали окорока, грудь — гигантские кочаны капусты; лицо миссис Джонсон, широкое и мясистое, почему-то казалось неприлично голым, а громадные подбородки переходили один в другой — сколько их было, сказать не берусь: они утопали в ее бюсте. Она с утра до вечера ходила в розовом капоте и широкополой соломенной шляпе. Но когда она распускала свои темные, длинные и выющиеся волосы, а делала она это нередко, потому что они составляли предмет ее гордости, то ими нельзя было не залюбоваться, и глаза у нее все еще оставались молодыми и задорными. Я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь смеялся заразительнее, чем она. Смех ее, начавшись с низких раскатов где-то в горле, становился все громче и громче, причем сотрясалось все ее огромное тело. Превыше всего на свете она ставила веселую шутку, стакан вина и красивого мужчину. Знакомство с нею было истинным удовольствием.

Лучшая повариха на острове, Тиаре обожала вкусно покусать. С утра до поздней ночи восседала она в кухне на низеньком стуле, вокруг нее суетились повар-китаец и три

девушки-туземки, а она отдавала приказания, весело болтала со всеми и пробовала пикантные кушанья собственного изобретения. Если ей хотелось почтить кого-нибудь из друзей, она собственноручно стряпала обед. Гостеприимство ее не знало границ, и не было человека на острове, который ушел бы без обеда из отеля «Де ла Флёр», пока в ее кладовой были хоть какие-нибудь припасы. Тиаре никогда не выгоняла своих постояльцев, не плативших по счетам, надеясь, что со временем дела их поправятся и они отдадут свой долг. Один из них попал в беду, и она в течение многих месяцев ничего с него не спрашивала за стол и квартиру, а когда в китайской прачечной отказались, бесплатно стирать ему, она стала отдавать в стирку его белье вместе со своим. «Нельзя же, чтоб бедный малый разгуливал в грязных рубашках», — говорила Тиаре, а поскольку он был мужчина — мужчины же должны курить, — то она ежедневно выдавала ему по франку на папиросы. При этом она была с ним ничуть не менее обходительна, чем с другими постояльцами.

Годы и тучность сделали ее неспособной к любви, но она с живейшим интересом вникала в любовные дела молодежи. Любовь, по ее убеждению, была естественнейшим занятием для мужчин и женщин, и в этой области она всегда охотно давала советы и указания на основе своего обширного опыта.

— Мне еще пятнадцати не было, когда отец узнал, что у меня есть возлюбленный, третий помощник капитана с «Тропической птицы». Настоящий красавчик. — Она вздохнула. Говорят, женщины всегда с нежностью вспоминают своего первого возлюбленного, — но всегда ли им удается вспомнить, кто был первым?

— Мой отец был умный человек.

— И что же он сделал? — полюбопытствовал я.

— Сначала избил меня до полусмерти, а потом выдал за капитана Джонсона. Я не противилась. Конечно, он был старше меня, но тоже красавец собою.

Тиаре — отец назвал ее по имени душистого белого цветка (таитяне говорят, что если человек хоть раз услышит его аромат, то непременно вернется на Таити, как бы далеко он ни уехал), — Тиаре хорошо помнила Стрикленда.

— Иногда он заглядывал к нам, а кроме того, я часто видела его на улицах Папезте. Я так его жалела — тощий, всегда без денег. Бывало, стоит мне услышать, что он в

городе, и я сейчас же посылала боя звать его обедать. Раз-другой я даже раздобыла для него работу, но он как-то ни к чему не мог прилепиться. Пройдет немного времени, его опять уже тянет в лес — и он исчезает.

Стрикленд добрался до Таити через полгода после того, как покинул Марсель. Проезд свой он заработал матросской службой на судне, совершавшем рейсы между Оклендом и Сан-Франциско, и высадился на берег с этюдником, мольбертом и дюжиной холстов. В кармане у него было несколько фунтов стерлингов, заработанных в Сиднее. Высадившись на Таити, он, видимо, сразу почувствовал себя дома. Стрикленд поселился у туземцев в маленьком домишке за городом.

По словам Тиаре, он как-то сказал ей:

— Я мыл палубу, и вдруг один матрос говорит мне: «Вот и пришли!» Я поднял глаза, увидел очертания острова и мигом понял — это то самое место, которое я искал всю жизнь. Когда мы подошли ближе, мне показалось, что я узнаю его. Мне и теперь случается видеть уголки, как будто давно знакомые. Я готов голову дать на отсечение, что когда-то уже жил здесь.

— Это случается, — заметила Тиаре, — я знавала людей, которые сходили на берег на несколько часов, покуда пароход грузится, и никогда не возвращались домой. А другие приезжали сюда служить на один год и всячески поносили Таити, потом они уезжали и клялись, что лучше повесятся, чем снова приедут сюда. А через несколько месяцев мы снова встречали их на пристани, и они говорили, что уже нигде больше не находят себе места.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ

Мне думается, что есть люди, которые родились не там, где им следовало родиться. Случайность забросила их в тот или иной край, но они всю жизнь мучаются тоской по неведомой отчизне. Они чужие в родных местах, и тенистые аллеи, знакомые им с детства, равно как и людные улицы, на которых они играли, остаются для них лишь станцией на пути. Чужаками живут они среди родичей; чужаками остаются в родных краях.

Может быть, эта отчужденность и толкает их вдаль, на поиски чего-то постоянного, чего-то, что сможет привязать

их к себе. Может быть, какой-то глубоко скрытый атавизм гонит этих вечных странников в края, оставленные их предками давно-давно, в доисторические времена. Случается, что человек вдруг ступает на ту землю, к которой он привязан таинственными узами. Вот наконец дом, который он искал, его тянет осесть среди природы, ранее им не виданной, среди людей, ранее не знаемых, с такой силой, точно это и есть его отчизна. Здесь, и только здесь, он находит покой.

Я рассказал Тиаре историю одного человека, с которым я познакомился в лондонской больнице Святого Фомы. Это был еврей по имени Абрагам, белокурый, плотный молодой человек, нрава робкого и скромного, но на редкость одаренный. Институт дал ему стипендию, и за пять лет учения он неизменно оставался лучшим студентом. После окончания медицинского факультета Абрагам был оставлен при больнице как хирург и терапевт. Блистательные его таланты признавались всеми. Вскоре он получил постоянную должность, будущее его было обеспечено. Если вообще можно что-нибудь с уверенностью предсказать человеку, то уж Абрагаму, конечно, можно было предсказать самую блестящую карьеру. Его ждали почет и богатство. Прежде чем приступить к своим новым обязанностям, он решил взять отпуск, а так как денег у него не было, то он поступил врачом на пароход, отправлявшийся в Ливан; там не очень-то нуждались в судовом враче, но один из главных хирургов больницы был знаком с директором пароходной линии — словом, все отлично устроилось.

Через месяц или полтора Абрагам прислал в дирекцию письмо, в котором сообщал, что никогда не вернется в больницу. Это вызвало величайшее удивление и множество самых странных слухов. Когда человек совершает какой-нибудь неожиданный поступок, таковой обычно приписывают недостойным мотивам. Но очень скоро нашелся врач, готовый занять место Абрагама, и об Абрагаме забыли. О нем не было ни слуху ни духу.

Лет примерно через десять, когда экскурсионный пароход, на котором я находился, вошел в гавань Александрии, мне вместе с другими пассажирами пришлось подвергнуться врачебному осмотру. Врач был толстый мужчина в потрепанном костюме; когда он снял шляпу, я заметил, что у него совершенно голый череп. Мне показалось, что я с ним где-то встречался. И вдруг меня осенило.

— Абрагам, — сказал я.

Он в недоумении оглянулся, узнал меня, горячо потряс мне руку. После взаимных возгласов удивления, узнав, что я собираюсь заночевать в Александрии, он пригласил меня обедать в Английский клуб. Вечером, когда мы встретились за столиком, я спросил, как он сюда попал. Должность он занимал весьма скромную и явно находился в стесненных обстоятельствах. Абрагам рассказал мне свою историю. Уходя в плавание по Средиземному морю, он был уверен, что вернется в Лондон и приступит к работе в больнице Святого Фомы. Но в одно прекрасное утро его пароход подошел к Александрии, и Абрагам с палубы увидел город, сияющий белизной, и толпу на пристани; увидел туземцев в лохмотьях, суданских негров, шумливых, жестикулирующих итальянцев и греков, важных турок в фесках, яркое солнце и синее небо. Тут что-то случилось с ним, что именно, он не мог объяснить. «Это было как удар грома, — сказал он и, не удовлетворенный таким определением, добавил: — Как откровение». Сердце его сжалось, затем возликовало — и сладостное чувство освобождения пронзило Абрагама. Ему казалось, что здесь его родина, и он тотчас же решил до конца дней своих остаться в Александрии. На судне ему особых препятствий не чинили, и через двадцать четыре часа он со всеми своими пожитками сошел на берег.

— Капитан, верно, принял вас за сумасшедшего, — смеясь, сказал я.

— Мне было все равно, что обо мне думают. Это действовал не я, а какая-то необоримая сила во мне. Я решил отправиться в скромный греческий отель и вдруг понял, что знаю, где он находится. И правда, я прямо вышел к нему и тотчас же его узнал.

— Вы бывали раньше в Александрии?

— Я до этого никогда не выезжал из Англии.

Он скоро поступил на государственную службу в Александрии, да так и остался на этой должности.

— Жалели вы когда-нибудь о своем поступке?

— Никогда, ни на одну минуту. Я зарабатываю достаточно, чтобы существовать, и я доволен. Я ничего больше не прошу у судьбы до самой смерти. И, умирая, скажу, что прекрасно прожил жизнь.

Я уехал из Александрии на следующий день и больше не думал об Абрагаме; но не так давно мне довелось обе-

дать с другим старым приятелем, тоже врачом, неким Алем Кармайклом, очень и очень преуспевающим в Англии. Я столкнулся с ним на улице и поспешил поздравить его с титулом баронета, который был ему пожалован за выдающиеся заслуги во время войны. В память прошлых дней мы сговорились пообедать и провести вечер вместе, причем он предложил никого больше не звать, чтобы всласть наговориться. У него был великолепный дом на улице Королевы Анны, обставленный с большим вкусом. На стенах столовой я увидел прелестного Белотто и две картины Зоффаниса, возбудившие во мне легкую зависть. Когда его жена, высокая красивая женщина в платье из золотой парчи, оставила нас вдвоем, я, смеясь, указал ему на перемены, происшедшие в его жизни с тех пор, как мы были студентами-медиками. В те времена мы считали непозволительной роскошью обед в захудалом итальянском ресторанчике на Вестминстер Бридж-роуд. Теперь Алек Кармайкл состоял в штате нескольких больниц и, надо думать, зарабатывал в год не менее десяти тысяч фунтов, а титул баронета был только первой из тех почетных наград, которые, несомненно, его ожидали.

— Да, мне жаловаться грех, — сказал он, — но самое странное, что всем этим я обязан счастливой случайности.

— Что ты имеешь в виду?

— Помнишь Абрагама? Вот перед кем открывалось блестящее будущее. В студенческие годы он во всем меня опережал. Ему доставались все награды и стипендии, на которые я метил. При нем я всегда играл вторую скрипку. Не уйди он из больницы, и он, а не я, занимал бы теперь это видное положение. Абрагам был гениальным хирургом. Никто не мог состязаться с ним. Когда его взяли в штат Святого Фомы, у меня не было никаких шансов остаться при больнице. Я бы сделался просто практикующим врачом без всякой надежды выбиться на дорогу. Но Абрагам ушел, и его место досталось мне. Это была первая удача.

— Да, ты, пожалуй, прав.

— Счастливый случай. Абрагам — чудак. Он совсем опустил, бедняга. Служит чем-то вроде санитарного врача в Александрии и зарабатывает гроши. Я слышал, что он живет с уродливой старой гречанкой, которая наплодила ему с полдюжины золотушных ребятишек. Да, ума и способностей еще недостаточно. Характер — вот самое важное. Абрагам был бесхарактерный человек.

Характер? А я-то думал, надо иметь очень сильный характер, чтобы после получасового размышления поставить крест на блестящей карьере только потому, что тебе открылся иной жизненный путь, более осмысленный и значительный. И какой же нужен характер, чтоб никогда не пожалеть об этом внезапном шаге! Но я не стал спорить, а мой приятель задумчиво продолжал:

— Конечно, с моей стороны было бы лицемерием делать вид, будто я жалею, что Абрагам так поступил. Я-то ведь на этом немало выиграл. — Он с удовольствием затянулся дорогой сигарой. — Но не будь у меня тут личной заинтересованности, я бы пожалел, что даром пропал такой талант. Черт знает что, и надо же так исковеркать себе жизнь!

Я усомнился в том, что Абрагам исковеркал себе жизнь. Разве делать то, к чему у тебя лежит душа, жить так, как ты хочешь жить, и не знать внутреннего разлада — значит исковеркать себе жизнь? И такое ли уж это счастье быть видным хирургом, зарабатывать десять тысяч фунтов в год и иметь красавицу жену? Мне думается, все определяется тем, чего ищешь в жизни, и еще тем, что ты спрашиваешь с себя и с других. Но я опять придержал язык, ибо кто я, чтобы спорить с баронетом?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ

Когда я рассказал эту историю Тиаре, она похвалила меня за сдержанность, и последующие несколько минут мы работали молча — лущили горох. Но затем ее взгляд, всегда бдительный в кухонных делах, отметил какое-то упущение повара-китайца, вызвавшее в ней бурю негодования. Она излила на него целый поток брани. Китаец не остался в долгу, и разгорелась отчаянная перепалка. Они кричали на туземном языке — я знал на нем не больше десятка слов, — и так, что казалось, вот-вот начнется светопреставление; но мир внезапно был восстановлен, и Тиаре протянула повару сигарету. Они оба спокойно закурили.

— А вы знаете, что это я нашла ему жену? — вдруг сказала Тиаре, и все ее необъятное лицо расплылось в улыбке.

— Повару?

— Нет, Стрикленду.

— Но он был женат.

— Он мне так и сказал, но я отвечала, что та жена в Англии, а Англия на другом конце света.

— Это верно, — согласился я.

— Он появлялся в Папеезе каждые два или три месяца — словом, когда ему нужны были краски, табак и деньги, и бродил по улицам, точно бездомный пес. Я очень его жалела. У меня здесь была горничная девушка, ее звали Ата, моя дальняя родственница; родители у нее умерли, и я взяла ее жить к себе. Стрикленд иногда к нам заходил — хорошенько пообедать или сыграть с боем в шахматы. Я заметила, что она на него поглядывает, и спросила, нравится ли он ей. Она сказала, что очень даже нравится. Вы же знаете этих девчонок, они всегда готовы пойти за белым человеком.

— Разве она была туземка? — спросил я.

— Да, чистокровная туземка. Так вот, после разговора с ней я послала за Стриклендом и сказала ему: «Пора тебе остепениться, Стрикленд. В твоём возрасте уже не пристало возиться с девчонками на набережной. Это дрянные девчонки, и ничего хорошего от них ждать не приходится. Денег у тебя нет, и ни на одной службе ты больше двух месяцев не продержался. Теперь тебя уже никто не возьмет на работу. Ты говоришь, что можешь просуществовать, живя в лесу то с одной, то с другой из местных женщин, благо они так охочи до белых мужчин, но это-то как раз белому мужчине и не подобает. А теперь слушай меня внимательно, Стрикленд...»

Тиаре мешала французские слова с английскими, ибо одинаково бегло говорила на обоих языках, хотя и с певучим акцентом, не лишенным приятности. Слушая Тиаре, я думал, что так, наверно, говорила бы птица, умея она говорить по-английски.

— Как ты насчет того, чтобы жениться на Ате? Она хорошая девочка, и ей всего семнадцать лет. Она привередница, не чета другим нашим девчонкам; капитан или первый помощник, ну это еще куда ни шло, но ни один туземец к ней не прикасался. Elle se respecte, vois-tu¹. Эконом с «Оаху», когда был здесь в последний раз, сказал, что не видел на островах девушки красивее Аты. Ей пора обзавестись семьей, а кроме того, капитаны и первые по-

¹ Она себя уважает (фр.).

мощники тоже ведь любят разнообразие. Я у себя долго девушек не держу. У Аты есть клочок земли возле Таравао, у самого въезда на мыс, и при нынешних ценах на копру вы вполне проживете. Там есть дом, и ты будешь писать картины сколько твоей душе угодно. Ну как? — Тиаре перевела дыхание.

— Вот тогда он мне и сказал про свою жену в Англии. «Бедный мой Стрикленд, — отвечала я, — у каждого мужчины где-нибудь есть жена, поэтому они и бегут к нам на острова. Ата — разумная девушка, и ей не нужны церемонии у мэра. Она протестантка, а протестанты, как тебе известно, смотрят на все это иначе, чем католики». Тут он сказал: «А что думает сама Ата?» — «Ата, по-моему, к тебе равнодушна, — заметила я. — За ней дело не станет. Позвать ее?» Он фыркнул как-то отрывисто и сердито, у него была такая манера, и я позвала Ату. Она знала, о чем я говорю с ним, плутовка; я краешком глаза видела, что она подслушивает, хотя она и делала вид, что гладит мою блузку. Ата подошла; она смеялась и немножко робела. Стрикленд, ни слова не говоря, смотрел на нее.

— Она была хорошенькая? — спросил я.

— Недурна. Да вы, наверно, видели ее на картинах. Стрикленд без конца ее писал, иногда в парео, а иногда и совсем голую. Да, она была очень недурна. И стряпать умела хорошо. Я сама ее выучила. Я вижу, что Стрикленд задумался, и говорю: «Ата получала у меня хорошее жалованье и принакопила денег, да еще капитаны и первые помощники иной раз давали ей, у нее теперь не одна сотня франков». Он потерел свою рыжую бороду и улыбнулся. «Ну как, Ата, — сказал он, — гожусь я тебе в мужа?» Она ничего не отвечала, только хихикнула. «Я же говорю, милый мой Стрикленд, что девочка к тебе равнодушна», — настаивала я. «Я буду бить тебя», — сказал Стрикленд, глядя на Ату. «А как иначе я узнаю, что ты меня любишь?» — ответила она.

Тиаре прервала свой рассказ, задумалась и потом сказала:

— Мой первый муж, капитан Джонсон, постоянно колотил меня. Он был настоящий мужчина. Красавец собой, высокий — шесть футов три дюйма, и пьяный никакого удержу не знал. В такие дни я ходила вся в синяках и кровоподтеках. Ох, как я плакала, когда он умер. Думала, что не переживу его. Но по-настоящему я узнала цену своей

потере, только выйдя замуж за Джорджа Рейни. Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть. В жизни у меня не было большего разочарования. Рейни тоже был видный мужчина. Ростом чуть пониже капитана Джонсона и с виду крепкий. Но только с виду. Спиртного он в рот не брал. Ни разу меня не ударил. Ему бы быть миссионером. Я крутила романы с офицерами всех судов, которые входили в нашу гавань, а Джордж Рейни ничего не замечал. Под конец мне стало невтерпеж, и я развелась с ним. Зачем нужен такой муж? Ужас, как некоторые мужчины обращаются с женщинами.

Я повздыхал вместе с Тиаре, прочувствованно заметил, что мужчины покои веков были обманщиками, и попросил продолжать рассказ о Стрикленде.

— «Ладно, — сказала я ему, — спешить некуда. Обдумай все хорошенько. У Аты чудная комнатка во флигеле. Поживи с ней хотя бы месяц и проверь, понравится ли она тебе. Столоваться можешь у меня. А через месяц, если решишь жениться на ней, прямо переезжайте в ее дом и устраивайтесь». Он согласился. Ата продолжала работать по дому, а он ел у меня, как я и обещала. Кроме того, я научила Ату готовить несколько блюд, которые он любил. Писал он в то время мало, больше бродил по горам и купался. Часто сидел на берегу, не сводя глаз с лагуны, а под вечер ходил смотреть на остров Муреа или ловил рыбу. Любил он еще шататься в гавани и болтать с туземцами. Да, Стрикленд был славный, тихий малый. Каждый вечер после обеда они с Атой уходили во флигель. Я видела, что его уже тянет в лес, и в конце месяца спросила, на что он решил. Он отвечал, что если Ата согласна, он готов уйти с ней. Я устроила им свадебный стол, своими руками приготовила гороховый суп, омара *á la portugaise*¹, кэрри и салат из кокосовых орехов, — кстати, вы, кажется, еще не пробовали у меня этого салата? Обязательно надо угостить вас, пока вы здесь, — и на сладкое я подала им мороженое. А сколько мы выпили шампанского и потом еще ликеров! Я уж решила устроить пир на славу. После обеда мы танцевали в гостиной. Я еще так не разжирела тогда и до смерти любила танцевать.

Роль гостиной в отеле «Де ла Флёр» выполняла небольшая комната со старым пианино и аккуратно расставленной

¹ По-португальски (*фр.*).

вдоль стен мебелью красного дерева, обитой тисненым бархатом. На круглых столиках лежали альбомы фотографий, а стены были украшены увеличенными фотографическими портретами Тиаре и ее первого мужа, капитана Джонсона. И хотя Тиаре была уже старая и толстая, мы как-то раз скатали брюссельский ковер, позвали девушек, кое-кого из друзей Тиаре и устроили танцы, правда, теперь под визгливые звуки граммофона. На веранде воздух был пропитан приятным ароматом Тиаре, и над нашими головами в безоблачном небе сиял Южный Крест.

Тиаре снисходительно улыбалась, вспоминая былое веселье.

— Мы танцевали до трех часов, — продолжала она свой рассказ, — и спать пошли еще очень нетрезвые. Я сказала молодым, чтоб они, пока есть дорога, ехали на моей двухколеске, дальше им надо было большой путь пройти пешком, Участок Аты находился далеко в горах, в ущелье. Они выехали на рассвете, и бой, которого я послала с ними, вернулся только на следующий день.

Да, так вот женился Стрикленд.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ

Следующие три года были, наверно, самыми счастливыми в жизни Стрикленда. Домик Аты стоял в восьми километрах от большой дороги, опоясывавшей остров, и добираться к нему надо было по извилистой тропинке, осененной кронами пышных тропических деревьев. В этом бунгало из некрашеного дерева было всего две комнатки, рядом под навесом была устроена кухня. Все убранство дома состояло из нескольких циновок, служивших постелями, да качалки на веранде. Банановые пальмы с огромными, растрепанными листьями, что похожи на изодранную одежду императрицы в изгнании, толпились вокруг. Было там еще и грушевое дерево, и множество кокосовых пальм: кокосовые орехи — главный доход этих краев. Отец Аты насадил вокруг своего участка кретоновые кусты, и они росли теперь в буйном изобилии, словно ограда из веселых праздничных огней. Перед домом высилось манговое дерево, а по краям рощисты багряные цветы двух сросшихся тамариндов спорили с золотом кокосовых орехов.

Здесь жил Стрикленд, кормясь тем, что давала земля, и лишь изредка наведывался в Папеете. Возле дома его и Аты

протекала речка, в которой он купался. Случалось, что в нее заходили косяки морской рыбы. Тогда туземцы сбегались на берег, вооруженные острогами, и с шумом и криком вонзали их в огромных испуганных рыб, беспорядочно стремившихся назад, в море. Иногда Стрикленд ходил на мыс; он возвращался оттуда с омаром или с полной корзиной пестроперых рыбок, которых Ата жарила в кокосовом масле. Она стряпала еще и лакомое кушанье из крупных земляных крабов, то и дело попадающих под ноги в тех краях. В горах росли дикie апельсины, и Ата время от времени отправлялась туда с несколькими женщинами из соседней деревушки и приходила домой, сгибаясь под тяжестью зеленых, сладких, пахучих плодов. Когда поспевали кокосовые орехи, родичи Аты (у нее, как и у всех туземцев, была пропасть родни) взбирались на деревья и сбрасывали вниз огромные зрелые плоды. Они вскрывали их и раскладывали на солнце сушиться. Затем вырезали копру и набивали ею мешки, женщины вваливали их на себя и несли к скупщику, в деревню у лагуны; в обмен они получали рис, мыло, мясные консервы и немножко денег. В деревне по случаю праздника изредка закалывали свинью, тогда гости и хозяева наедались до тошноты, плясали и распевали религиозные песнопения.

Но дом Аты стоял на отшибе, а таитяне ленивы. Они любят кататься, любят судачить, но ходить пешком — это не для них; Стрикленд и Ата месяцами жили в полном одиночестве. Он писал картины, читал, а когда становилось темно, они сидели на веранде, курили и вглядывались в ночь. Потом у Аты родился ребенок, и бабка, принимавшая его, осталась жить у них. Вскоре к бабке явилась ее внучка, а вслед за ней какой-то юнец — никто толком не знал, чей он и откуда, — но он тоже, не чинясь, поселился в доме. И все они зажили вместе.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ

— Tencz, voilà le Capitaine Brunot¹, — сказала однажды Тиаре, когда я пытался придать слитность тому, что она рассказала мне о Стрикленде. — Он хорошо знал Стрикленда и бывал у него в доме.

¹ А вот и капитан Брюно (*фр.*).

Передо мной стоял француз, уже в летах, с окладистой черной бородой, в которой виднелась проседь, с загорелым лицом и большими блестящими глазами. Одет он был в белоснежный полотняный костюм. Я обратил на него внимание еще за завтраком, и А-лин, китаец-бой, сказал мне, что он прибыл сегодня с пароходом из Паумоту. Тиаре познакомила нас, и он вручил мне визитную карточку, на которой стояло: «Рене Брюно» и пониже: «Капитан дальнего плавания». Мы сидели на маленькой веранде возле кухни, и Тиаре занималась кройкой платья для одной из горничных девушек. Капитан подсел к нам.

— Да, я был хорошо знаком со Стриклендом, — сказал он. — Я большой любитель шахмат, а Стрикленд всегда охотно играл. Я приезжал на Таити по делам раза три-четыре в год, и если мне удавалось застать его в Папее, мы приходили играть в отель «Де ла Флёр». Когда он женился, — капитан Брюно с улыбкой пожал плечами, — enfin¹, когда он стал жить с девушкой, которую ему подсунула Тиаре, он позвал меня к себе. Я был гостем у него на свадьбе. — Капитан взглянул на Тиаре, и они оба рассмеялись. — Приблизительно через год, зачем и почему уж не помню, я очутился в той части острова. Покончив с делами, я сказал себе: «Voyons, почему бы мне не навестить беднягу Стрикленда?» Я стал расспрашивать туземцев, не знают ли они чего о нем, и выяснил, что он живет в каких-нибудь пяти километрах от того места, где я был. Ну, я и отправился к нему. Никогда мне не забыть этого посещения. Я живу на атолле — это низкая полоска земли, которая окружает лагуну, и красота там значит — море и небо, изменчивые краски лагуны и стройность кокосовых пальм. Но место, где жил Стрикленд, — поистине то были райские кущи. Ах, если бы я мог описать всю прелесть этого уголка, спрятанного от мира, синее небо и пышно разросшиеся деревья! Это было какое-то пиршество красок. Воздух благоухающий и прохладный. Нет, словами нельзя описать этот рай. И там он жил, не думая о мире и миром забытый. На европейский глаз все это, наверно, выглядело убого. Дом полуразрушенный и не слишком чистый. Когда я пришел, на веранде валялись несколько туземцев. Вы же знаете, они народ общительный. Один малый лежал, вытянувшись во весь

¹ Здесь: то есть, словом (*фр.*).

рост, и курил, на нем не было ничего, кроме парео. (Парео — это длинный лоскут красного или синего ситца с белым узором. Туземцы обвязывают его вокруг бедер так, что впереди он спускается до колен.) Девушка лет пятнадцати плела шляпу из листьев пандануса. — продолжал капитан Брюно, — какая-то старуха, сидя на корточках, курила трубку. Затем я увидел Ату. Она кормила грудью новорожденного, другой ребенок, совершенно голый, играл у ее ног. Увидев меня, она крикнула Стрикленда, и он появился в дверях. На нем тоже не было ничего, кроме парео. Право же, мне не забыть эту фигуру: всклокоченные волосы, рыжая борода, широкая волосатая грудь. Ноги у него были сбитые, все в мозолях и царапинах: я понял, что он всегда ходит босиком. Он стал настоящим туземцем. Мне он, по-видимому, обрадовался и тотчас же велел Ате зарезать к обеду цыпленка. Затем он потащил меня в дом показывать картину, над которой сейчас работал. В углу комнаты была навалена куча циновок, посередине стоял мольберт и на нем холст. Мне было жалко Стрикленда, и я купил у него по дешевке несколько картин для себя и для своих друзей во Франции. И хотя покупал я эти картины просто из сострадания, но постепенно полюбил их. Честное слово, мне в них виделась какая-то странная красота. Все считали меня сумасшедшим, а вот вышло-то, что я был прав. Я был первым его поклонником на островах.

Он бросил злорадный взгляд на Тиаре, которая снова, охая и ахая, принялась рассказывать о том, как на распродаже Стриклендова имущества она не обратила внимания на картины, а купила американскую печку за двадцать семь франков.

— И эти картины еще у вас? — полюбопытствовал я.

— Да, я держу их, куда моя дочь не станет невестой. Тогда я их продам, а деньги пойдут ей в приданое.

Затем он продолжил рассказ о своем посещении Стрикленда.

— Никогда я не забуду этого вечера. Я думал пробить у него не больше часа, но он настойчиво просил меня остаться ночевать. Я колебался, мне, признаться, не очень-то нравился вид циновок, на которых мне предлагалось спать, но в конце концов согласился. Когда я строил себе дом на Паумоту, я месяцами спал на худшей постели, и над головой у меня были только ветки тропического кустарника;

что же касается насекомых, то кожа у меня толстая и укусов не боится. Мы пошли на реку купаться, покуда Ата стряпала обед, а пообедав, сидели на веранде. Курили и болтали. Туземный юнец играл на концертино песенки, певшиеся в мюзик-холлах лет десять назад. Странно они звучали среди тропической ночи, за тысячи миль от цивилизованного мира. Я спросил Стрикленда, не тяготит ли его жизнь в глуши, среди всего этого народа. Нет, сказал он; ему удобно иметь модели под рукой. Вскоре туземцы, громко зевая, ушли спать, а мы с ним остались одни. Не знаю, как описать непроницаемую тишину этой ночи. На моем острове никогда не бывает такой полной тишины. У моря там стоит шорох мириадов живых существ, и крабы, шуруша, копошатся в песке. По временам слышно, как где-то в лагуне прыгнула рыба или вдруг доносятся торопливые громкие всплески, — это рыбы спасаются бегством от акулы. И надо всем этим — извечный глухой шум прибора. Но здесь ничто, ничто не нарушало тишины, и воздух был напоен ароматом белых ночных цветов. Так дивно хороша была эта ночь, что душа, казалось, не могла больше оставаться в темнице тела. Вы ясно чувствовали: вот-вот она унесется в горние страны, и даже смерть принимала здесь обличье друга.

Тиаре вздохнула.

— Ах, если бы мне было пятнадцать лет!

Тут она увидела кошку, крадущуюся к блюду с креветками на кухонном столе, проворно запустила книжкой ей вдогонку да еще излила на негодницу целый поток брани.

— Я спросил его, счастлив ли он с Атой. «Ата не пристаёт ко мне, — отвечал Стрикленд. — Она готовит мне пищу и смотрит за своими детьми. Она делает все, что я ей велю. И дает мне то, что я спрашиваю с женщины». — «И вы никогда не жалеете о Европе? Не скучаете по огням парижских или лондонских улиц, по друзьям, по людям, вам равным, — *que sais-je*¹, — по театрам, газетам? Не хотите снова услышать, как omnibusы грохочут по булыжной мостовой?» Он долго молчал, потом ответил: «Я останусь здесь до самой смерти». — «Но неужто вам не бывает тоскливо, одиноко?» Он фыркнул: «*Mon pauvre ami*², вы, видно, не понимаете, что такое художник».

¹ Да мало ли (*фр.*).

² Мой бедный друг (*фр.*).

Капитан Брюно мягко улыбнулся, и в его темных, добрых глазах появилось странное выражение.

— Стрикленд был несправедлив ко мне: я знаю, что такое мечты. И мне являлись видения. По-своему, и я художник.

Мы умолкли, а Тиаре вытащила из своего объемистого кармана пачку папирос, дала нам по одной, и мы все трое закурили. Наконец Тиаре прервала молчание:

— Раз уж monsieur так интересуется Стриклендом, почему бы вам не свести его к доктору Кутра? Доктор мог бы рассказать кое-что о его болезни и смерти.

— Volontiers¹ — отвечал капитан, глядя на меня.

Я поблагодарил. Он вынул часы.

— Уже седьмой. Мы застанем его дома, если пойдем сейчас же.

Я встал без дальнейших церемоний, и мы двинулись по дороге к докторскому дому. Он жил в предместье, но так как и отель «Де ла Флёр» находился на окраине, то мы быстро вышли за город. Широкую дорогу осеняли перечные деревья, по обе ее стороны простирались плантации кокосовых пальм и ванили. Птицы-пираты чирикали среди пальмовых листьев. Проходя по каменному мосту, переброшенному через мелководную реку, мы остановились посмотреть на купающихся мальчишек. Они гонялись друг за дружкой, пронзительно крича и смеясь, их мокрые коричневые тела блестели на солнце.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ

Покуда мы шли, я думал о том, что в последнее время, когда я столько слышал о Стрикленде, невольно привлекло мое внимание. На этом далеком острове к нему, видимо, относились не с озлоблением, как в Англии, но, напротив, сочувственно и охотно мирились со всеми его выходками. Эти люди — туземцы и европейцы — считали его чудачком, но чудачки были им не внове. Они считали вполне естественным, что мир полон странных людей, которые совершают странные поступки. Они понимали, что человек не то, чем он хочет быть, но то, чем не может не быть. В Англии и во Франции Стрикленд был не к месту, а здесь

¹ С удовольствием (фр.).

находилось место для самых различных людей, не подходящих ни под какую мерку. Не то чтобы он на Таити стал добр, менее эгоистичен и груб, но оказался в условиях более благоприятных. Если бы он прожил здесь всю жизнь, то и считался бы не хуже людей. Здесь он получил то, чего не хотел, да и не ждал, от своих соотечественников, — доброжелательное отношение.

Я попытался объяснить капитану Брюно, почему все это удивляло меня, и он минуту-другую молчал.

— Ничего нет удивительного, — сказал он наконец, — что я доброжелательно относился к Стрикленду, ведь у нас, хотя мы, быть может, и не подозревали об этом, были общие стремления.

— Какое же, скажите на милость, могло быть общее стремление у столь различных людей, как вы и Стрикленд?

— Красота.

— Понятие довольно широкое, — пробормотал я.

— Вы ведь знаете, что люди, одержимые любовью, становятся слепы и глухи ко всему на свете, кроме своей любви. Они так же не принадлежат себе, как рабы, прикованные к скамьям на галере. Стриклендом владела страсть, которая его тиранила не меньше, чем любовь.

— Как странно, что вы это говорите! — воскликнул я. — Я давно думал, что Стрикленд был одержим бесом.

— Его страсть была — создать красоту. Она не давала ему покоя. Гнала из страны в страну. Демон в нем был беспощаден — и Стрикленд стал вечным странником, его терзала божественная ностальгия. Есть люди, которые жаждут правды, так страстно, что готовы расшатать устои мира, лишь бы добиться ее. Таков был и Стрикленд, только правду ему заменяла красота. Я чувствовал к нему лишь глубокое сострадание.

— И это тоже странно. Человек, которого Стрикленд жестоко оскорбил, однажды сказал мне, что чувствует к нему глубокую жалость. — Я немного помолчал. — Неужели вы и впрямь нашли объяснение человеку, который всегда казался мне непостижимым? Как вам пришло это в голову?

Он с улыбкой повернулся ко мне.

— Разве я вам не говорил, что и я, на свой лад, был художником? Меня снедало то же желание, что и Стрикленда. Но для него средством выражения была живопись, а для меня сама жизнь.

И капитан Брюно рассказал мне историю, которую я должен повторить на этих страницах, ибо она, хотя бы по контрасту, кое-что добавляет к моему представлению о Стрикленде. Для меня лично она имеет еще и собственную прелесть.

Капитан Брюно, бретонец по рождению, служил во французском флоте. Женившись, он вышел в отставку и поселился в своем имении, под Кампе, чтобы в тиши и покое прожить остаток своих дней, но из-за внезапного банкротства нотариуса, который вел его дела, остался без гроша. Ни капитан Брюно, ни его жена не пожелали жить нищими там, где недавно занимали видное положение в обществе. В свое время капитан плавал в Южных морях и теперь решил там искать счастья. Несколько месяцев он прожил в Папеезе, чтобы оглядеться и набраться опыта; затем на деньги, взятые займы у одного друга во Франции, купил островок из группы Паумоту. Это была узкая полоска земли вокруг глубокой лагуны, необитаемая и заросшая кустарником да дикой гуавой. Вместе с бесстрашной молодой женщиной, своею женой, и несколькими туземцами он высадился на этот островок и принялся за постройку дома и расчистку земли под плантацию кокосовых пальм. Это было двадцать лет назад, а теперь бесплодный остров стал цветущим садом.

— Раньше это был адский труд, и мы с женой выбивались из сил. Я вставал на заре и корчевал, строил, сажал, а ночью бросался на постель и засыпал как убитый. Моя жена работала наравне со мной. Потом у нас родились дети, сын и дочь. Мы с женой обучили их всему, что знали сами. Я написал пианино из Франции, и она стала учить их музыке и английскому языку, а я — латыни и математике. Мы все вместе читали книги по истории. Мои дети умеют управлять парусом. Плавают не хуже туземцев. Знают все о здешних краях. Деревья на моей плантации приносят щедрый урожай, и в лагуне есть перламутр. Сейчас я приехал на Таити покупать шхуну. Я могу добыть столько перламутра, что это не будет напрасным расходом, и кто знает, не удастся ли мне найти жемчуг. Там, где ничего не было, теперь все цветет. Я тоже создал красоту. Ах, вы не понимаете, что значит смотреть на высокие, крепкие деревья и думать: каждое посажено моими руками!

— Позвольте мне задать вам вопрос, который вы некогда задали Стрикленду. Неужели вы никогда не жалеете о Франции и своем старом доме в Бретани?

— Со временем, когда наша дочь выйдет замуж, а сын женится и сможет заменить меня на острове, мы с женой вернемся на родину и кончим свои дни в старом доме, где я родился.

— Вспоминая о счастливо прожитой жизни, — заметил я.

— Evidemment¹, на моем острове нет развлечений. Мы живем вдаль от мира, ведь нам нужно четыре дня, чтобы добраться даже до Таити, — но мы счастливы. Мало кому дано начать работу и завершить ее. Наша жизнь простая и чистая. Мы не знаем честолюбия и гордимся только одним: тем, что пожинаем плоды своих трудов. Ни злоба, ни зависть не мучают нас. Ах, mon cher monsieur², я часто слышал разговоры о благодати труда, обычно это только пустые фразы, но для меня они полны глубочайшего смысла. Я счастливый человек.

— И вы, безусловно, это заслужили, — улыбаясь, заметил я.

— Я хотел бы так думать. Но я и сам не знаю, чем я заслужил такую жену — друга, помощницу, прекрасную возлюбленную и прекрасную мать моих детей.

Я задумался над тем, что рассказал мне капитан Брюно.

— Для того чтобы вести такую суровую жизнь и добиться такого большого успеха, вам обоим надо было обладать сильной волей и решительным характером.

— Возможно, но к этому добавилось еще и другое, иначе мы бы ничего не достигли.

— Что же именно?

Он остановился и несколько театральным жестом вытянул руку.

— Вера в Бога. Без нее нам бы пропасть...

Мы как раз подошли к дому доктора Кутра.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ

Доктор Кутра был старый француз, огромного роста и очень толстый. Фигура его напоминала гигантское утиное яйцо, а глаза, пронзительные, голубые и добродушные, частенько с самодовольным выражением уставлялись на его громадное брюхо. Лицо у него было румяное, волосы

¹ Разумеется (*фр.*).

² Здесь: дорогой мой (*фр.*).

седые. Такие люди, как он, с первого взгляда внушают симпатию. Доктор Кутра принял нас в комнате, какую можно увидеть в любом доме провинциального французского городка; две-три полинезийские редкости странно выглядели в ней. Он потряс мою руку обеими руками — кстати сказать, огромными — и посмотрел на меня дружелюбным, хотя и очень хитрым взглядом. Здороваясь с капитаном Брюно, он учтиво осведомился о супруге и детках. Несколько минут они обменивались любезностями, затем немного посплетничали, обсудили виды на урожай копры и ванили и наконец перешли к цели моего визита.

Я перескажу своими словами то, что узнал от доктора Кутра, так как мне все равно не воссоздать его живого, образного рассказа. У доктора был низкий, звучный голос, вполне соответствовавший его мощному облику, и безусловный актерский талант. Слушать его было интереснее, чем сидеть в театре.

Как-то раз доктору Кутра пришлось поехать в Таравао к захворавшей правительнице племени; он живо описал, как эта тучная старуха возлежала на огромной кровати, куря папиросы, а вокруг нее суежилась толпа темнокожих приближенных. После того как он ее осмотрел, его пригласили в другую комнату и стали потчевать обедом: сырой рыбой, жареными бананами, цыплятами — *que sais-je!*¹, излюбленными кушаньями туземцев, — и за едой он заметил заплаканную молодую девушку, которую гнали прочь от двери. Он не обратил на это особого внимания, но, когда вышел садиться в свою двуколку, чтобы ехать домой, опять увидел ее; она стояла в сторонке, и слезы градом лились по ее щекам. Он спросил какого-то малого, почему она плачет, и в ответ услышал, что она пришла с гор звать его к белому человеку, который тяжело заболел. А ей сказали, что доктора нельзя беспокоить. Тогда он подозвал девушку и спросил, чего она хочет. Она ответила, что ее послала Ата, которая раньше служила в отеле «Де ла Флёр», и что Красный болен. Девушка сунула ему в руку измятый кусок газеты, в котором оказался стофранковый билет.

— Кто такой Красный? — спросил доктор у туземцев.

Ему объяснили, что так называют англичанина, художника, который живет с Атой в долине, километрах в семи

¹ Здесь: да мало ли чем еще (*фр.*).

отсюда. По описанию он узнал Стрикленда. Но в долину можно добраться только пешком, а доктору ходить пешком не подobaет, поэтому-то они и отгоняли от него девушку.

— Признаюсь, — сказал доктор Кутра, обернувшись ко мне, — что меня взяло сомнение. Отмахать четырнадцать километров по горной тропинке — не слишком большое удовольствие, да и ночевать домой уж не попадешь. Вдобавок Стрикленд был мне не по нутру. Тунеядец, который предпочитал жить с туземкой, чем зарабатывать свой хлеб, как все мы, грешные. Mon Dieu¹, ну откуда мне было знать, что со временем весь мир признает его гением? Я спросил девушку, неужто он так болен, что не сможет прийти ко мне. И еще спросил, что с ним такое. Она молчала. Я настаивал, пожалуй, сердито, она опустила глаза и опять расплакалась. Я пожал плечами: в конце концов мой долг идти, и я пошел за ней в прескверном настроении.

Настроение доктора, конечно, не улучшилось, когда он наконец добрался до них, весь в поту и умирая от жажды, Ата дожидалась его и пошла по тропинке ему навстречу.

— Первым делом дайте мне пить, — закричал я, — не то я сдохну от жажды. Pour l'amour de Dieu², дайте кокосовый орех.

Она кликнула какого-то мальчишку, он примчался, влез на дерево и сбросил спелый орех. Ата проткнула дырку в скорлупе, и доктор жадно припал к освежающей струйке. Затем он свернул папиросу и настроение его улучшилось.

— Ну, где же ваш Красный?

— Он в доме, рисует картину. Я не сказала ему, что вы придете. Пожалуйста, взгляните на него.

— А на что он жалуется? Если он в состоянии работать, то мог бы сам прийти в Таравао и избавить меня от этой проклятой беготни. Я полагаю, что мое время не менее дорого, чем его.

Ата промолчала и вместе с мальчиком пошла за доктором к дому. Девушка, которая привела его, уже сидела на веранде: здесь же, у стены, лежала какая-то старуха и крутила папиросы на туземный манер.

Ата указала ему дверь. Доктор, сердясь на то, что все они так странно себя ведут, вошел и увидел Стрикленда, заня-

¹ Господи (фр.).

² Ради всего святого (фр.).

того чистой палитры. Стрикленд в одном парео стоял спиной к двери возле мольберта с картиной. Он обернулся на шум шагов и бросил на доктора неприязненный взгляд. Он был удивлен и рассержен этим вторжением. Но у доктора перехватило дыхание, ноги его приросли к полу: он во все глаза смотрел на Стрикленда. Нет, этого он не ждал. Мороз пробежал у него по коже.

— Вы входите довольно бесцеремонно, — сказал Стрикленд. — Чем могу служить?

Доктор уже справился с собой, но голос не сразу вернулся к нему. Всю его злость как рукой сняло, и он почувствовал — *et bien, oui je ne le nie pas*¹, — как его захлестнула жалость.

— Я доктор Кутра. Я был в Таравао, у старой правительницы, и Ата послала туда за мной.

— Ата дура. У меня, правда, были какие-то боли в суставах и небольшая лихорадка, но это пустяки и скоро пройдет. Когда кто-нибудь пойдет в Папезте, я велю купить мне хины.

— Посмотрите на себя в зеркало.

Стрикленд взглянул на него, улыбнулся и подошел к дешевенькому зеркальцу в узкой деревянной рамке, висевшему на стене.

— Ну и что?

— Разве вы не замечаете перемены в вашем лице? Не замечаете, как утолстились ваши черты и стали походить... в книгах это называется львиный лик. *Mon raucage amі*, неужели мне надо сказать вам, какая у вас страшная болезнь?

— У меня?

— Посмотрите на себя еще раз, и вы увидите ее типичные признаки.

— Вы шутите, — сказал Стрикленд.

— Я был бы счастлив, если бы мог шутить.

— Вы хотите сказать, что у меня проказа?

— К несчастью, в этом нет сомнения.

Доктор Кутра многим объявлял смертный приговор, и все же не мог победить ужаса, который его при этом охватывал. Он всякий раз чувствовал, как яростно должен приговоренный ненавидеть его, доктора, цветущего, здорового, обладающего бесценным правом — жить. Стрикленд

¹ Что ж, я этого не отрицаю (*фр.*).

молча смотрел на него. Лицо его, уже обезображенное страшной болезнью, не выражало ни малейшего волнения.

— Они знают? — спросил он наконец, кивнув головою в сторону тех, что сидели на веранде в непривычном, странном молчании.

— Туземцы хорошо знают признаки этой болезни, — ответил доктор. — Они боялись сказать вам.

Стрикленд шагнул к двери и выглянул. Наверно, страшное у него было лицо, потому что на веранде все разом завопили и запричитали, а потом разразились плачем. Стрикленд молчал. Посмотрев на них несколько секунд, он вернулся в комнату.

— Как долго я, по-вашему, могу протянуть?

— Кто знает? Иногда болезнь длится двадцать лет. Это счастье, если она протекает быстро.

Стрикленд подошел к мольберту и задумчиво посмотрел на картину.

— Вы проделали нелегкий путь. По справедливости, тот, кто принес важные вести, должен быть вознагражден. Возьмите эту картину. Сейчас она ничего для вас не значит, но, возможно, когда-нибудь вы обрадуетесь, что она у вас есть.

Доктор Кутра протестовал. Ему не нужно никакой платы: стофранковый билет он уже успел вернуть Ате. Но Стрикленд настаивал. Затем они вместе вышли на веранду. Туземцы плакали в голос.

— Успокойся, женщина. Вытри слезы, — сказал Стрикленд Ате. — Тебе нечего бояться. Я очень скоро оставлю тебя.

— А тебя не отнимут у меня?

В те времена на островах еще не было закона об обязательной изоляции прокаженных; они могли оставаться на свободе.

— Я уйду в горы, — сказал Стрикленд.

Тогда Ата поднялась и посмотрела ему прямо в глаза.

— Пусть другие уходят, если хотят, я тебя не оставлю. Ты мой муж, а я твоя жена. Если ты уйдешь от меня, я повешусь вон на том дереве за домом. Богом клянусь тебе.

Она говорила грозно и властно. Это была уже не покорная робкая девушка-туземка, а женщина сильная и решительная. Она стала неузнаваемой.

— Зачем тебе оставаться со мной? Ты можешь вернуться в Папезте, там ты скоро найдешь себе другого белого мужчину. Старуха присмотрит за твоими детьми, а Тиаре охотно возьмет тебя обратно.

— Ты мой муж, а я твоя жена. Где будешь ты, там буду и я.

На мгновение силы изменили Стрикленду; слезы выступили у него на глазах и медленно покатались по щекам. Затем он опять улыбнулся обычной своей сардонической улыбкой.

— Удивительные существа эти женщины, — сказал он доктору. — Можно обращаться с ними хуже, чем с собакой, можно бить их, пока руки не заболят, а они все-таки любят вас. — Он пожал плечами. — Одна из нелепейших выдумок христианства — будто у них есть душа.

— Что ты говоришь доктору? — подозрительно спросила Ата, — Ты не уйдешь от меня?

— Если ты хочешь, я останусь с тобой, девочка.

Ата бросилась перед ним на колени, обхватила руками его ноги и поцеловала. Стрикленд смотрел на доктора Кутра со слабой улыбкой.

— В конце концов они покоряют вас, и вы беспомощны в их руках. Белые или коричневые, все они одинаковы.

Доктор Кутра знал, что глупо говорить слова соболезнования по поводу такого страшного несчастья, и молча отклонялся. Стрикленд велел Танэ, мальчику, проводить его до деревни.

Доктор помолчал и, обращаясь ко мне, прибавил:

— Я ведь вам уже говорил, что Стрикленд был мне не по нутру. Я его недолюбливал. Но, когда я медленно спускался в Таравао, я с невольным восхищением думал о мужестве этого человека: так стойчески перенести это страшнейшее несчастье! На прощание я сказал Танэ, что пришлю кое-какие лекарства, но я не очень надеялся, что Стрикленд будет принимать их, и еще меньше — что они принесут какую-нибудь пользу. Я также просил мальчика передать Ате, что приду, когда бы она за мной ни послала. Жизнь — жестокая штука, и природа иногда страшно грустит над своими детьми. С тяжелым сердцем вернулся я в свой уютный дом в Папезте.

Долгое время мы все молчали.

— Но Ата не присылала за мной, — снова начал доктор, — и как-то так получилось, что я долго не был в той части острова. О Стрикленде я ничего не знал. Раз два я, правда, слышал, что Ата приходила в Папезте покупать краски, но видеть ее мне не довелось. Прошло больше двух лет, прежде чем я снова попал в Таравао, все к той же старой правительнице. Там я спросил, не слышно ли чего о

Стрикленде. Теперь все уже знали, что у него проказа. Первым из дому ушел Танэ, а вскоре старуха и ее внучка. Стрикленд с Атой и детьми остались совершенно одни. Никто даже близко не подходил к их плантации, вы не можете себе представить, какой ужас здешние люди испытывают перед этой болезнью; в старину, если у человека обнаруживалась проказа, они просто убивали его. Только мальчишки из ближней деревни, забравшись далеко в горы, видели иногда белого человека с косматой рыжей бородой. Тогда они в страхе удирали. Случалось еще, что Ата ночью спускалась в деревню и будила лавочника, чтобы купить у него самое необходимое. Она знала, что на нее смотрят с не меньшим испугом и отвращением, чем на Стрикленда, и всячески старалась избегать встреч с людьми. Однажды женщины, случайно оказавшиеся вблизи плантации, увидели, что она стирала белье в речке, и забросали ее камнями. После этого лавочнику велено было передать ей, что если ее еще раз застанут на речке, мужчины из деревни подожгут ее дом.

— Звери, — сказал я.

— Mais non, mon cher monseigneur¹, люди — всегда люди. Страх толкает их на жестокость... Я решил навестить Стрикленда, и после осмотра больной попросил, чтобы мне дали кого-нибудь в проводники. Но никто не решался идти со мной, и я отправился один.

Когда доктор Кутра пришел на плантацию, щемящая тоска сдавила его сердце. Он дрожал, хотя и разгорячился от ходьбы. Что-то зловещее носилось в воздухе и мешало идти дальше. словно таинственные силы преграждали ему путь. Чьи-то невидимые руки тянули его назад. Никто не приходил сюда собирать кокосовые орехи, и они гнили на земле. Запустение царило повсюду. Кустарник буйно разросся, и девственный лес, казалось, готов был вновь захватить эту полоску земли, отнятую у него ценой такого тяжелого труда. «Это обитель страдания», — подумалось доктору. Когда он подошел к дому, нездешняя тишина поразила его; он решил, что дом покинут. Затем он увидел Ату. Она сидела на корточках под навесом, служившим им кухней, и что-то варила в котелке. Ребенок молча возился в грязи рядом с нею. Увидев доктора, она не улыбнулась.

— Я пришел взглянуть на Стрикленда, — сказал он.

¹ Вовсе нет, мой дорогой (фр.)

— Пойду скажу ему.

Она направилась к дому, взошла по ступенькам на веранду и отворила дверь. Доктор Кутра шел за нею, но помедлил, повинуясь ее знаку. Когда дверь приоткрылась, на него пахнуло тошнотворно сладким запахом, который делает нестерпимой близость прокаженного. Доктор услышал, как что-то сказала Ата, затем услышал ответ Стрикленда, но не узнал его голоса. Он звучал хрипло, слов было не разобрать. Доктор Кутра поднял брови, он понял: болезнь уже бросилась на голосовые связки. Ата опять вышла на веранду.

— Он не хочет вас видеть. Вам надо уйти.

Доктор настаивал, но Ата не впускала его. Тогда он пожал плечами и повернул обратно. Ата пошла за ним. Он чувствовал, что ей тоже хочется поскорей его спровадить.

— Значит, я ничего не могу сделать для вас? — спросил он.

— Вы можете прислать ему красок, больше он ничего не хочет.

— Он еще может работать?

— Он рисует на стенах дома.

— Какая страшная жизнь для вас, дитя мое.

Ата наконец улыбнулась, и сверхчеловеческая любовь засветилась в ее глазах. Доктор Кутра был потрясен. Благоговейное чувство охватило его. Он не нашелся, что сказать.

— Он мой муж, — сказала Ата.

— Где ваш второй ребенок? — спросил он. — Прошлый раз я видел двоих.

— Он умер. Мы похоронили его под манговым деревом.

Ата прошла с ним еще немного и сказала, что ей пора возвращаться. Доктор Кутра понял, что она боится встретить кого-нибудь из деревни. Он повторил, что, если понадобится ей, пусть она придет за ним, он придет тотчас же.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ

Прошло еще года два, может быть, и три, ибо время на Таити течет незаметно, и нелегко вести ему счет, когда доктору Кутра пришла весть, что Стрикленд умирает, Ата остановила почтовую повозку на дороге в Папезте и умолила возницу заехать к доктору. Но доктора не оказалось дома, и печальная весть дошла до него только вечером. Ехать в такой поздний час было немыслимо, и доктор пустился в дорогу следующим утром на рассвете. Он доехал до Таравао и в

последний раз прошел пешком семь километров до дома Аты. Тропинка заросла, по ней явно никто не ходил в последние годы. Идти было трудно. Он то шел, спотыкаясь, по высохшему руслу ручья, то продирался сквозь заросли колючего кустарника, чтобы обойти осиные гнезда, свисавшие с деревьев над его головой, ему приходилось карабкаться на скалы. Вокруг стояла мертвая тишина.

У доктора вырвался вздох облегчения, когда он наконец увидел маленький некрашенный домишко, теперь обветшавший и грязный; но и возле дома царила та же нестерпимая тишина. Он подошел поближе, и маленький мальчик, беспечно игравший на солнцепеке, испуганно шарахнулся от него, — здесь любой незнакомец был враг. Доктору показалось, однако, что ребенок следит за ним из-за ствола пальмы. Дверь на веранду стояла настежь. Он крикнул — никто не отозвался. Он вошел. Постучался, но и на этот раз ответа не было. Он нажал ручку второй двери и открыл ее. От зловония, которым пахнуло на него, ему сделалось дурно. Он прижал платок к носу и заставил себя войти в комнату. Она тонула в полумраке, и после яркого солнечного света он в первую минуту ничего не видел. Потом он вздрогнул. Он не понимал, где находится. Какой-то сказочный мир окружал его. Ему смутно чудился девственный лес, в котором обнаженные люди расхаживали под деревьями. Потом он понял, что это так расписаны стены.

— Mon Dieu, неужто у меня солнечный удар, — пробормотал доктор.

Легкое движение в комнате привлекло его внимание, и он увидел Ату. Она лежала на полу и тихо плакала.

— Ата, — позвал он, — Ата!

Она не подняла головы. Его опять затошнило от омерзительного запаха, и он закурил сигару. Глаза его привыкли к темноте, и страшное волнение овладело им, когда он всмотрелся в расписанные стены. Он ничего не понимал в живописи, но здесь было что-то такое, что потрясло его. От пола до потолка стены покрывала странная и сложная по композиции живопись. Она была неопишимо чудесна и таинственна. У доктора захватило дух. Чувства, поднявшиеся в его сердце, не поддавались ни пониманию, ни анализу. Благоговейный восторг наполнил его душу, восторг человека, видящего сотворение мира. Это было нечто великое, чувственное и страстное; и в то же время это было страшно,

он даже испугался. Казалось, это сделано руками человека, который проник в скрытые глубины природы и там открыл тайны — прекрасные и пугающие. Руками человека, познавшего то, что человеку познать не дозволено. Это было нечто первобытное и ужасное. Более того — нечеловеческое. Доктор невольно подумал о черной магии. Это было прекрасно и бесстыдно.

— Бог мой, он гений!

Эти слова вырвались у доктора помимо его воли. Затем его взгляд упал на груды циновок в углу, он приблизился и увидел то страшное, изувеченное, безобразное, что когда-то было Стриклендом. Стрикленд был мертв. Доктор Кутра взял себя в руки и склонился над изуродованным трупом. Но тут же вздрогнул, сердце его на миг перестало биться от ужаса: кто-то стоял за ним! Это была Ата. Он не слышал, как она подошла. Она стояла рядом и смотрела на то же, на что смотрел он.

— Господи ты Боже мой, мои нервы никуда не годятся. Вы меня до смерти напугали. — Он еще раз бросил взгляд на жалкие останки того, что было человеком, и вдруг отшатнулся.

— Он был слеп?

— Да, он ослеп уже год назад.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ

Но тут наш разговор был прерван появлением мадам Кутра. Она делала визиты и теперь вернулась домой. Мадам Кутра всплыла, как корабль на всех парусах; весьма представительная дама, высокая, дородная, с пышным бюстом, с телесами, скованными устрашающе тугим корсетом. У нее был крупный нос крючком и тройной подбородок. Держалась она очень прямо. Она ни на мгновение не поддавалась расслабляющему очарованию тропиков; напротив, была даже более деятельной, более светской и энергичной, чем можно представить себе даму в умеренном климате. Неистощимая говорунья, она тотчас же излила на нас поток новостей и сенсаций. С ее приходом разговор, который мы только что вели, стал казаться далеким и нереальным.

Наконец доктор Кутра прервал ее.

— У меня в кабинете все еще висит картина Стрикленда. Хотите взглянуть?

— С удовольствием.

Мы поднялись, и он повел меня на веранду, вернее на галерею, окружавшую дом. Там мы постояли, любуясь буйной яркостью цветов в его саду.

— Я долго не мог отделаться от воспоминания о дивном мире на стенах стриклендова дома, — задумчиво проговорил он.

Я думал о том же. Мне казалось, что Стрикленд наконец-то полностью выразил то, что бродило в нем. Работая в тиши, зная, что это последняя возможность, он, верно, сказал все, что думал о жизни, все, что разгадал в ней. И, кто знает, может быть, в этом он все-таки обрел умиротворение. Демон, владевший им, был наконец изгнан, и вместе с завершением работы, изнурительной подготовкой к которой была вся его жизнь, покой снизошел на его страдавшуюся, мятежную душу. Он был готов к смерти, ибо выполнил свое предназначение.

— А что изображала эта роспись?

— Трудно сказать. Все было так странно и фантастично. Точно он видел начало света, райские куши, Адама и Еву — *que sais-je?*¹ — это был гимн красоте человеческого тела, мужского и женского, славословие природе, величавой, равнодушной, прельстительной и жестокой. Дух захватывало от ощущения бесконечности пространства и нескончаемости времени. Стрикленд написал деревья, которые я видел каждый день, кокосовые пальмы, бананы, тамаринды, груши-аллигатор, — и с тех пор я вижу их совсем иными, словно есть в них живой дух и тайна, которую я всякую минуту готов постичь и которая все-таки от меня ускользает. Краски тоже были хорошо знакомые мне, и в то же время другие. В них было собственное, им одним присущее значение. А эти нагие люди, мужчины и женщины! Земные и, однако, чуждые земному. В них словно бы чувствовалась глина, из которой они были сотворены, но была в них и искра божества. Перед вами был человек во всей наготе своих первобытных инстинктов, и мороз продирает вас по коже, потому что это были вы сами.

Доктор Кутра пожал плечами и усмехнулся.

— Вы будете смеяться надо мной. Я материалист и вдобавок грузный, толстый мужчина — Фальстаф, что ли?

¹ Как вам объяснить? (*фр.*).

Лирика мне не к лицу. Я выставляю себя на посмешище. Но даю вам слово, никогда в жизни искусство не производило на меня никакого впечатления. Tenez¹, то же самое чувство я испытал в Сикстинской капелле. Я благоговел перед человеком, расписавшим этот потолок. Это было гениально и грандиозно. Я чувствовал себя ничтожным червем. Но к величию Микеланджело мы подготовлены. Нельзя было быть подготовленным к тому чуду, которое явилось мне в туземной хижине, вдали от цивилизованного мира, в горном ущелье над Таравао. Микеланджело здоров и нормален. В его творениях — спокойствие величия, но здесь что-то смушало душу. Не знаю, что именно. Но мне было не по себе. Как вам объяснить это чувство? Точно сидишь у дверей комнаты, наверняка зная, что в ней никого нет, и в то же время с ужасом сознаешь, что в ней все-таки кто-то есть. В таких случаях бранишь себя; ведь это пустое, нервы... и тем не менее... Минута-другая — и ты уже не можешь бороться со страхом, непостижимый ужас душит тебя. Да, скажу по правде, я не был особенно огорчен, когда узнал, что эти странные шедевры уничтожены.

— Уничтожены! — воскликнул я.

— Mais oui², разве вы не знали?

— Откуда мне знать? Я никогда раньше не слыхал об этих вещах, но, слушая вас, надеялся, что они попали в руки какого-нибудь любителя-коллекционера. Ведь полного списка стриклендовых работ еще и поныне не существует.

— Когда он ослеп, он часами сидел в этих двух расписанных им комнатухах, незрячими глазами смотрел на свои творения и видел, может быть, больше, чем прежде, больше, чем за всю свою жизнь. Ата говорила мне, что он никогда не жаловался на судьбу, никогда не терял мужества. До самого конца дух его оставался ясным и добрым. Но он взял с нее слово, что когда она похоронит его — я, кажется, не сказал вам, что своими руками вырыл для него могилу, так как никто из туземцев не решался подойти к зараженному дому, мы с ней завернули его тело в три парео, сшитых вместе, и похоронили под манговым деревом, — так вот, он взял с нее слово, что она подожжет дом и не уйдет, откуда он не сгорит дотла.

¹ Право (*фр.*).

² Ну да (*фр.*).

Я довольно долго молчал и думал, потом сказал:

— Значит, он до конца остался таким, как был.

— Вы полагаете? А я считал своим долгом отговорить Ату от этого безумия.

— Даже после того, что вы мне рассказали?

— Да, я ведь уже понял, что это создание гения, и думал, что мы не вправе отнять его у человечества. Но Ата меня и слушать не хотела. Она дала слово. Я ушел, не мог я, чтобы это варварское деяние совершилось на моих глазах, и уже позднее узнал, что она исполнила его волю. Облила парафином пол, панданусовые циновки и подожгла. Через полчаса от дома остались только тлеющие угольки, великого произведения искусства более не существовало.

— По-моему, Стрикленд знал, что это шедевр. Он достиг того, чего хотел. Его жизнь была завершена. Он сотворил мир и увидел, что он прекрасен. Затем из гордости и высокомерия он уничтожил его.

— Ну, да пора уже показать вам картину, — сказал доктор Кутра и пошел к двери.

— А что случилось с Атой и ее ребенком?

— Они уехали на Маркизские острова. У нее там родственники. Я слышал, что ее сын служит на какой-то шхуне. Говорят, он очень похож на отца.

У самой двери в кабинет доктор остановился.

— Это натюрморт с фруктами, — улыбаясь, сказал он. — Вы скажете, сюжет не слишком подходящий для кабинета врача, но моя жена не желает терпеть эту картину в гостиной. По ее мнению, она слишком непристойна.

— Непристойна! Но ведь это натюрморт! — в изумлении воскликнул я. Мы вошли в кабинет, и картина сразу бросилась мне в глаза. Я долго смотрел на нее. Это была груда бананов, манго, апельсинов и еще каких-то плодов; на первый взгляд вполне невинный натюрморт. На выставке постимпрессионистов беззаботный посетитель принял бы его за типичный, хотя и не из лучших, образец работы этой школы, но позднее эта картина всплыла бы в его памяти, он с удивлением думал бы: почему, собственно? Но запомнил бы ее уже навек.

Краски были так необычны, что словами не передашь тревожного чувства, которое они вызывали. Темно-синие, непрозрачные тона, как на изящном резном кубке из ляпис-лазури, но в дрожащем их блеске ощущался таинст-

венный трепет жизни. Тона багряные, страшные, как сырое разложившееся мясо, они пылали чувственной страстью, воскрешавшей в памяти смутные видения Римской империи Гелиогабала; тона красные, яркие, точно ягоды остролиста, так что воображению рисовалось рождество в Англии, снег, доброе веселье и радостные возгласы детей, — но они смягчались в какой-то волшебной гамме и становились нежнее, чем пух на груди голубки. С ними соседствовали густо-желтые; в противоестественной страсти сливались они с зеленою, благоуханной, как весна, и прозрачной, как искристая вода горного источника. Какая болезненная фантазия создала эти плоды? Они выросли в полинезийском саду Гесперид. Было в них что-то странно живое, казалось, что они возникли в ту темную пору истории Земли, когда вещи еще не затвердели в неизменности форм. Они были избыточно роскошны. Тяжелы от напитавшего их аромата тропиков. Они дышали мрачной страстью. Это были заколдованные плоды, отведать их — значило бы прикоснуться Бог весть к каким тайнам человеческой души, проникнуть в неприступные воздушные замки. Они набухли неожиданными опасностями, и того, кто надкусил бы их, могли обратить в зверя или в Бога. Все здоровое и естественное, все приверженное добру и простым радостям простых людей должно было в страхе отшатнуться от этих плодов, — и все же была в них необоримо притягательная сила: подобно плоду от древа познания добра и зла, они были чреватые всеми возможностями Неведомого. Я не выдержал и отвел глаза. Теперь я знал, что Стрикленд унес свою тайну в могилу.

— *Voyons René, mon ami*¹, — послышался громкий бодрый голос мадам Кутра. — Что вы там делаете так долго? Вас ждут аперитивы. Спроси мсье, не хочет ли он рюмочку хинной Дюбоннэ.

— *Volontiers, мадам*, — ответил я, выходя на веранду. Чары были разрушены.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ

Пришло время моего отъезда с Таити. Согласно гостеприимному обычаю острова, все, с кем я здесь встречался,

¹ Послушай, Рене, друг мой (*фр.*).

преподнесли мне подарки: корзиночки, сплетенные из листьев кокосовых пальм, циновки из пандануса, веера.

Тиара подарила мне три маленьких жемчужины и три банки желе из гуавы, сваренного ее собственными пухлыми руками. Когда почтовый пароход, по пути из Веллингтона в Сан-Франциско на сутки заходивший в Таити, дал последний гудок, призывая пассажиров на борт, Тиаре прижала меня к своей могучей груди — я точно погрузился в зыблющиеся волны, — и крепко поцеловала в губы. На глазах у нее блеснули слезы. И когда мы медленно выбирались из лагуны, осторожно лавируя между рифами, и наконец вышли в открытое море, на душе у меня было печально. Бриз все еще доносил до нас чарующие ароматы острова. Таити — дальний край, и я знал, что больше никогда не увижу его. Еще одна глава моей жизни закончилась, и я почувствовал себя ближе к неизбежной смерти.

Через месяц я был уже в Лондоне; устроив свои наиболее неотложные дела, я написал миссис Стрикленд, полагая, что ей интересно будет послушать мой рассказ о последних годах ее мужа. В последний раз я виделся с нею задолго до войны, и теперь мне пришлось разыскивать ее адрес по телефонной книге. Она назначила мне день, и я пришел в ее новый нарядный домик на Кэмпден-хилл. Ей, должно быть, было уже под шестьдесят, но она легко несла бремя своих лет, и больше пятидесяти никто бы ей не дал. Лицо ее, худое и не слишком морщинистое, принадлежало к тому типу лиц, что в старости становятся особенно благообразными. По теперешнему виду миссис Стрикленд можно было предположить, что в молодости она была очень хороша собою, чего на самом деле никогда не было. Волосы, не седые, но с проседью, она причесывала очень элегантно, и ее черное платье было сшито по последней моде. Кто-то мне говорил, и теперь я это вспомнил, что ее сестра, миссис Мак-Эндрю, пережившая мужа всего на два года, оставила ей свое состояние; судя по дому и нарядной горничной, которая открыла мне дверь, это была сумма, вполне достаточная для пристойного существования вдовы.

В гостиной я застал еще одного гостя и, узнав, кто он, понял, что меня не без умысла пригласили именно на этот час. Миссис Стрикленд представила меня мистеру ван Буш-Тэйлору с такой очаровательной улыбкой, что казалось,

она извиняется за меня перед этим почтенным американцем.

— Мы, англичане, так ужасно невежественны. Вы уж простите меня за вынужденное объяснение. — С этими словами она обернулась ко мне. — Мистер ван Буш-Тэйлор — выдающийся американский критик. Если вы не читали его книги, это большой пробел в вашем образовании, и вам следует немедленно его восполнить. Сейчас мистер Тэйлор пишет о нашем дорогом Чарли и приехал ко мне с просьбой кое в чем помочь ему.

Мистер ван Буш-Тэйлор был весьма сухопарый мужчина с большим лысым черепом, отчего его желтое лицо, изборозженное глубокими морщинами, казалось совсем маленьким. Он говорил с американским акцентом и был необыкновенно учтив и сдержан. Глядя на его ледяное спокойствие, я невольно спрашивал себя, какого черта он заинтересовался Чарлзом Стриклендом. Меня позабавила нежность, с которой миссис Стрикленд упомянула о своем муже, и покуда они оба разговаривали, я рассмотрел комнату. Миссис Стрикленд не отстала от времени. Шпалеры Морриса и строгий кретон исчезли бесследно, равно как и гравюры Эренделя, некогда украшавшие ее гостиную на Эшли-гарден. Теперь здесь сверкали яркие краски, и я задавался вопросом, знает ли миссис Стрикленд, что эти фантастические тона, предписанные модой, обязаны своим возникновением мечтам бедного художника на далеком острове в Южных морях? Она сама ответила мне на этот вопрос.

— Какие у вас изумительные подушки, — сказал мистер ван Буш-Тэйлор.

— Вам они нравятся? — улыбаясь, спросила она. — Это Бакст.

А на стенах висели цветные репродукции с лучших картин Стрикленда, выпущенные в свет неким берлинским издателем.

— Вы смотрите на мои картины, — сказала миссис Стрикленд, проследив за моим взглядом. — Оригиналы, конечно, мне недоступны, но я рада и этим копиям. Мне прислал их издатель. Это большое утешение для меня.

— Должно быть, очень приятно жить среди этих картин, — заметил мистер ван Буш-Тэйлор.

— Да, они так декоративны.

— Мое глубочайшее убеждение, — сказал мистер ван Буш-Тэйлор, — что подлинное искусство всегда декоративно.

Глаза его и миссис Стрикленд остановились на обнаженной женщине, кормящей грудью ребенка. Рядом с ней молодая девушка, стоя на коленях, протягивала цветок не видящему ее младенцу. На них смотрела старая морщинистая ведьма. Это была стриклендова версия святого семейства. Я подозревал, что моделями для этих фигур служили его таитянские домочадцы, а женщина и ребенок были Ата и ее первенец. «Но знает ли что-нибудь об этом миссис Стрикленд?» — спрашивал я себя.

Разговор продолжался, и мне оставалось только дивиться такту, с которым мистер ван Буш-Тэйлор обходил все, что могло бы смутить хозяйку, и ловкости миссис Стрикленд: не говоря ни слова лжи, она давала ему понять, что с мужем у нее всегда были наилучшие отношения. Наконец мистер ван Буш-Тэйлор поднялся и стал прощаться. Держа руку миссис Стрикленд, он рассыпался в изящнейших и изысканнейших благодарностях.

— Надеюсь, он не очень наскучил вам, — сказала она, едва только за ним закрылась дверь. — Конечно, это утомительное занятие, но я считаю себя обязанной рассказать людям о Чарли все, что могу рассказать. Быть женою гения — немалая ответственность.

Она посмотрела на меня открытым и ясным взглядом, таким же, как двадцать с лишним лет назад. «Уж не смеется ли она надо мной?» — подумал я.

— Вы, конечно, закрыли свое дело? — спросил я.

— О да, — небрежно отвечала миссис Стрикленд. — Я ведь тогда занялась этим больше от скуки, чем еще по каким-нибудь причинам, и дети уговорили меня продать контору. Они считали, что я переутомляюсь.

Миссис Стрикленд явно позабыла, что в свое время ей пришлось «унизиться» до того, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Безошибочный инстинкт красивой женщины говорил ей, что жить прилично только на чужой счет.

— Мои дети сейчас здесь, — сказала она. — Я подумала, что им интересно будет послушать об отце. Вы помните Роберта? Могу похвалиться. Он представлен к военному кресту.

Она открыла дверь и позвала детей. В комнату вошел высокий мужчина в хаки, но с пасторским воротником,

Несколько тяжеловатый, красивый, все с теми же правильными глазами, которые были у него в детстве. Следом шла его сестра. Ей, верно, было столько же лет, сколько ее матери, когда я с ней познакомился, и она очень на нее походила. По ее виду тоже казалось, что в детстве она была очень хорошенькой, хотя на самом деле это было не так.

— Вы их, конечно, не узнаете, — горделиво улыбаясь, заметила миссис Стрикленд. — Моя дочь теперь миссис Роналдсон. Ее муж майор артиллерии.

— Он у меня настоящий солдат, — весело сказала миссис Роналдсон. — Потому он и не пошел дальше майора.

Мне вспомнилось, как я почему-то был уверен, что она выйдет замуж за военного. Это было неизбежно. У нее все повадки «военной» дамы. Очень любезная и скромная, миссис Роналдсон не могла скрыть своего убеждения, что она не такая, как все. У Роберта манеры были непринужденные.

— Как это удачно, что я оказался в Лондоне к вашему возвращению, — сказал он. — У меня отпуск всего на три дня.

— Он всей душой рвется назад, в свою часть, — заметила его мать.

— Не скрою, что я там отлично провожу время. У меня завелось много приятелей. Это настоящая жизнь. Война, конечно, ужасная штука и так далее и тому подобное, но она выявляет в человеке все лучшее, это несомненно.

Я рассказал им все, что слышал о жизни Чарлза Стрикленда на Таити. Говорить об Ате и ее сыне я счел излишним, но во всем остальном был, по мере возможности, точен. Кончил я рассказом о страшной его смерти. Минуту-другую в комнате царило молчание. Затем Роберт Стрикленд чиркнул спичкой и закурил.

— Жернова Господни мелют хоть и медленно, но верно, — внушительно сказал он.

Миссис Стрикленд и миссис Роналдсон благочестиво опустили глаза долу, они явно сочли эти слова цитатой из Священного писания. Мне показалось, что Роберт Стрикленд разделяет это заблуждение. Сам не знаю почему, я вдруг подумал о сыне Стрикленда и Аты. Мне говорили на Таити, что он веселый, приветливый юноша. Я словно воочию увидел его на шхуне, полуголым, только в коротких штанах. День у него проходит в труде, а ночью, когда шхуна легко скользит по волнам, подгоняемая попутным

ветерком, матросы собираются на верхней палубе; покуда капитан с помощниками отдыхают в шезлонгах, попыхивая трубками, он неистово пляшет с другим юношей под визгливые звуки концертино. Над ним густая синева небес, звезды и, сколько глаз хватает, пустыня Тихого океана.

Цитата из Библии вертелась у меня на языке, но я попридержал его, зная, что духовные лица считают кощунством, если простые смертные забираются в их владения. Мой дядя Генри, двадцать семь лет бывший викарием в Уитстебле, в таких случаях говаривал, что дьявол всегда сумеет подыскать и обернуть в свою пользу цитату из Библии. Он еще помнил те времена, когда за шиллинг можно было купить даже не дюжину лучших устриц, а целых тринадцать штук.

СОДЕРЖАНИЕ

Маг. <i>Перевод Н. Кролик, Г. Герасимова</i>	5
Луна и грош. <i>Перевод Н. Ман</i>	185

СОМЕРСЕТ МОЭМ

*Собрание сочинений
в 9 томах*

Том 3

Редактор *А. Шустов*

Художественный редактор *И. Марев*

Технический редактор *Т. Фатюхина*

ЛР № 071673 от 01.06.98 г. Изд. № 0101169.

Подписано в печать 24.05.99 г.

Гарнитура Таймс. Формат 84×108¹/₃₂.

Печать высокая. Усл. печ. л. 20,16.

Уч.-изд. л. 21,37. Заказ № 688.

ТЕРРА—Книжный клуб.

113093, Москва, ул. Щипок, 2.

Оригинал-макет подготовлен ООО «Галатей».

Отпечатано в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат».

150049, Ярославль, ул. Свободы, 97.

**Книжный клуб «Терра»
выпустил в свет:**

Лот № 2489

Чарльз Диккенс

Собрание сочинений в двадцати томах

Чарльз Диккенс (1812–1870) — английский писатель, завоевавший мировую славу и необычайно популярный в России. Сложные сюжетные переплетения и глубокая эмоциональность присущи созданным Диккенсом произведениям.

Собрание сочинений включает в себя наиболее известные произведения: «Посмертные записки Пиквикского клуба», «Лавка древностей», «Домби и сын», «Большие надежды», «Жизнь и приключения Николаса Никльби» и др.

*Книги можно заказать по адресу:
113093, Москва, ул. Щипок, д. 2.*

В открытке не забудьте указать название книги,
количество экземпляров и ваш адрес
(обязательно с почтовым индексом).

**Книжный клуб «Терра»
выпускает в свет:**

Лот № 2602

Рафаэль Сабатини

Собрание сочинений в десяти томах

Рафаэль Сабатини — пользующийся мировой славой мастер исторического жанра. В Собрание сочинений войдут его знаменитые романы и хроники, поставившие писателя в один ряд с такими классиками, как А. Дюма, В. Скотт, Р. Стивенсон. В изображении Р. Сабатини история предстает не набором омертвевших фактов, а одной гигантской невыдуманной драмой, одним масштабным и цельным художественным полотном.

*Книги можно заказать по адресу:
113093, Москва, ул. Щипок, д. 2.*

**В открытке не забудьте указать название книги,
количество экземпляров и ваш адрес
(обязательно с почтовым индексом).**

Лот № 2600

Уильям Фолкнер

Собрание сочинений в девяти томах

Самобытное творчество Уильяма Фолкнера (1897–1962), высокий гуманизм и истинное мастерство его прозы выводят писателя на авансцену не только американской, но и мировой литературы. В настоящем Собрании сочинений представлены основные произведения, характеризующие все периоды творчества У. Фолкнера, — романы «йокнапатофской саги», включая трилогию о Сноупсах, рассказы, объединенные в сборники «Эти тринадцать», «Доктор Марино», «Сойди, Моисей» и «Ход конем».

Книги можно заказать по адресу:

113093, Москва, ул. Щипок, д. 2.

В открытке не забудьте указать название книги, количество экземпляров и ваш адрес (обязательно с почтовым индексом).

*Книги издательств и книжного клуба
Холдинговой компании «ТЕРРА»
вы можете купить в филиалах
Книжного клуба «ТЕРРА»:*

Москва, ул. Мартеновская, 9/13.
Тел. (095) 304-57-98, 304-61-13

Москва, б-р Дмитрия Донского,
д. 2, к. 1.
Тел. (095) 712-34-54

Москва, ул. Красная Пресня, 29.
Тел. (095) 252-03-50

Москва, пр. Мира, 79, стр. 1.
Тел. (095) 281-81-01

Москва, ул. Шипок, 2.
Тел. (095) 737-04-78

Ярославль, ул. Свободы, 97.
Тел. (0852) 21-92-72

Воронеж, ул. Кольцовская, 23.
Тел. (0732) 52-43-47

Новосибирск, ул. Танковая, 47.
Тел. (3832) 76-00-57

Екатеринбург, ул. Викулова, 35/2.
Тел. (3432) 42-91-26

Челябинск, ул. Красная, 69.
Тел. (3512) 33-07-88

Омск, ул. Бударина, 3(б).
Тел. (3812) 23-24-31

Архангельск, пл. Ленина, 3.
Тел. (38182) 65-38-79

Ростов-на-Дону, ул., Б. Садовая,
84.
Тел. (8632) 66-63-84

Дубна, ул. Энтузиастов, 3.
Тел. (221) 3-03-83

Саратов, ул. Вольская, 81.
Тел. (8452) 24-38-63

Псков, Октябрьский просп., 22.
Тел. (81122) 16-27-49

или заказать по адресу:

113093, Москва, ул. Шипок, д. 2

*Дополнительную информацию можно получить
в Интернете по адресу:*

<http://www.kkterra.ru>

